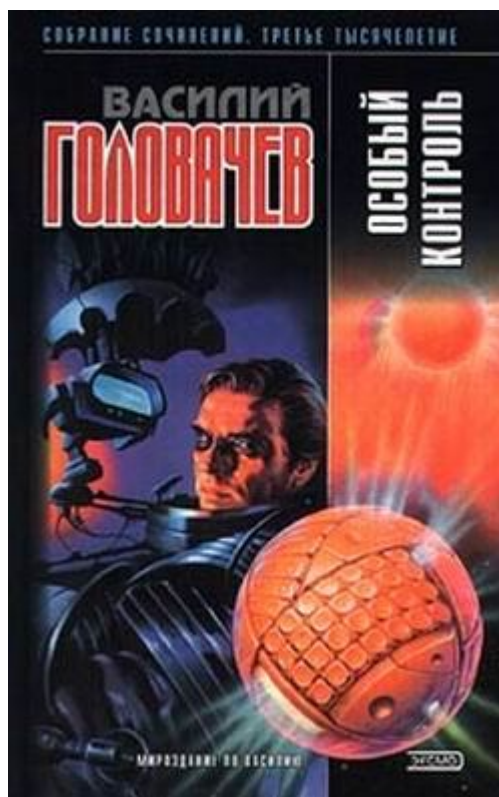

Василий Головачёв Особый контроль

Цикл о династии Ромашиных – 1

Когда человечество освоило мгновенную транспортировку материи на любые расстояния — «тайм-флаг», освоение Вселенной стало лишь вопросом времени. Именно тогда на Земле и других планетах начали происходить загадочные катастрофы, стали появляться непонятные артефакты, наличие которых нарушало все законы природы. Ведь могущество человеческого разума и неистощимая жажда познания порой ставят под вопрос само существование нашей Вселенной.

Глава 1 ИГРА

В мягкой фиолетовой полутьме ее лицо словно светилось изнутри розовым светом, и необычным казался его овал в черной волне ощутимо тяжелых волос. Станным было лицо, безжизненным, одно выражение застыло на нем — безнадежность. Может быть, темнота ее глаз скрывала и боль, и слезы, но слова были резкими, жесткими и беспощадно чужими. Жестокие слова, от которых замерло движение в воздухе и повеяло холодом... И Филипп сказал почти равнодушно, чтобы прервать этот разговор, чтобы ей было легче — он еще не понимал до конца, не хотел понимать, что она уходит, — чтобы тяжесть вины — да и была ли она виновата? — легла на двоих:

— Хорошо, не будем больше об этом.

Аларика облегченно вздохнула, вскинула голову и снова опустила, теперь уже виновато. И было в этом движении то, чего больше всего не понимал Филипп, — неуверенность. Непонятный получался разговор: говорила она прямо и энергично, но неуверенными выглядели жесты, неуверенность звучала в ее отрывочной речи.

Молчание заполнило комнату: она не знала, что делать дальше, он пытался понять,

почему оказался в таком положении. Почему? Десять лет детской дружбы, множество ссор и примирений с помощью друзей — оба упрямы и горды — и любовь... Любовь ли? Может, не было любви?

— Прости, — сказал он, с трудом шевеля губами. — Я, наверное, от природы инфантилен и не могу понять, что происходит. Объясни мне наконец, это что, так серьезно?

Аларика судорожно кивнула. На слова не хватало сил, а еще она боялась, что решимость ее угаснет совсем и эта агония их любви, которой он не хочет замечать, продлится еще долго, долго...

— Я тебя всегда понимал с трудом, — продолжал Филипп, все еще на что-то надеясь. — Наверное, я слишком медленно взрослею. И все же... вот ведь парадокс — я тебе не верю!

Он подождал несколько секунд, всматриваясь в ее лицо, ставшее вдруг чужим и далеким, и рывком выбросил свое сильное тело из кресла.

— Что ж, прощай. Что еще говорят в таких случаях? Желаю удачи и счастья.

Прошагал до двери, оглянулся, ничего не увидев, и вышел. И только за сомкнувшейся дверью ощутил странную сосущую пустоту, холодную, как ледяной грот, и понял, что это действительно серьезно, серьезней не бывает, и ему до боли в груди захотелось броситься назад, стать на колени и пусть даже не видеть ее, только чувствовать рядом, ощущать ее тепло, дыхание... Но вернуться было уже невозможно, там выросла стена, толстая стена из двух слов: «Люблю другого... Люблю другого! Люблю другого!!» Когда она успела? И кто он, покоровший доселе независимый ее характер? Или это всего-навсего слова, проверка чувства?.. Нет, не может быть! Так жестоко шутить она не способна. Значит, на самом деле существует этот третий, замкнувший тривиальный треугольник! И не поможет никто. Никто! Потому что это, наверное, единственный случай, не подвластный даже аварийно-спасательной службе, когда — человек, помоги себе сам!

Кто-то прошел по коридору. Филипп открыл глаза...

Филипп открыл глаза и виновато улыбнулся, все еще пребывая во власти воспоминаний. Рядом с пультом вычислителя стоял Травицкий и смотрел на развернутый объем мыслепроектора, постукивая по груди пухленькими пальчиками. Метровый куб проектора был заткан цветами, и в его глубине, в раствор стационарной ТФ¹ — антенны, было вписано лицо Аларики.

— Извините, — пробормотал Филипп, стирая изображение. — Задумался...

Травицкий грустно покивал.

— Я не удивляюсь. Привык. У тебя, кажется, завтра ответственный матч?

— Финал Кубка континентов, — сказал Филипп, не поднимая глаз.

«Зачем я только пришел сюда сегодня, — подумал он, — все равно от меня толку, что от козла молока. У Травицкого и без меня забот хватает. Надо же, размечтался с эмканом на голове! Аларику нарисовал... Почему я вспомнил о ней? Согласно всем нормам психомodelистов я должен сейчас думать об игре. Или перегорел? Нет, просто запретил себе думать об игре. А на Аларику, выходит, запрета не хватает. Слаб ты еще, Филипп Ромашин, конструктор, спортсмен и так далее...»

— Иди отдыхай, — посоветовал Травицкий. — Эту конструкцию, — он кивнул на пустой объем мыслепроектора, — списываю только за счет твоего волнения. На твоём месте я слетал бы куда-нибудь один, например, в Музей истории. Кстати, у меня к тебе один не совсем обычный вопрос: не замечал ли ты каких-нибудь поразивших тебя явлений?

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил Филипп.

— Ну... что-нибудь странное, экстраординарное, выходящее за рамки обыденности, ранее не встречающееся...

¹ ТФ — тайм-фаг — система мгновенной транспортировки материи. (Здесь и далее примеч. авт.)

— По-моему, нет, не встречал. А может, не обращал внимания?

— Так обрати. — Травицкий кивнул, погрузнев еще больше, пожелал удачи и вышел. Маленький, круглый, грустный. Начальник конструкторского бюро, лучший специалист Института ТФ-связи.

Филипп снял с головы корону мыслеуправления, называемую в быту эмканом, постоял у пульта, размышляя о своих отношениях с людьми, которые понимали его больше, чем он сам. Начальник бюро Кирилл Травицкий... человек, сделавший из него конструктора-функционала, никогда не высказывающий недовольства его постоянными увлечениями, капризами... волейболом, наконец. Хотя волейбол не увлечение и не каприз, это жизненно важная потребность, без которой нет смысла в слове «спорт». Как их совместить — работу в институте, требующую постоянных занятий, и большой спорт, требующий полной самоотдачи? Как совместить несовместимое?

— Проблема! — пробормотал Филипп, пряча эмкан в нишу под пультом. — Что хотел сказать Кирилл? Что он подозревал под словами «необычные явления»? Что-то конкретное или это просто очередной тест на внимательность? Странно... А я сегодня и в самом деле заторможен, не сказалось бы это на игре. Надо встряхнуться... как тогда, пять лет назад...

...Шаги смолкли. Филипп открыл глаза, сделал шаг, другой, все быстрее и быстрее пошел прочь от проклятой двери. Идти было мучительно больно, как босиком по битому стеклу, но он прошагал пустым коридором до метро² медцентра Дальнего Востока, где Аларика работала врачом-универсалистом «Скорой помощи», мельком увидел свое отражение в зеркальной плоскости входа, подождал, пока отпустит, и — всем корпусом в дверь!

На станции задерживаться не стал. Прямая линия сообщения с Москвой была занята, и он перенесся на Марс, так велико оказалось желание сбежать из этого вдруг опостылевшего места! Но на второй станции метро Марса Филипп задержался почти на сутки: решение было импульсивным и поэтому бесповоротным. Прямо со станции он ушел в горы, в один из наименее исследованных уголков Страны Огига. Боль сердца требовала выхода, каких-нибудь отчаянных действий, и он в бешеной удали пошел вверх, на гребень уступа Огига, через дикие скалы и каменные стены, над пропастями и обрывами, ухитряясь проходить там, где спасовали бы и более опытные скалолазы, привыкшие опираться на здравый смысл. Невесомый, как тень, он переносился по едва заметным полкам и карнизам над километровыми каньонами и ущельями горной страны... И — грудью о камни! пальцы в кровь! — беззвучный крик всего тела, всю мощь, и ловкость, и реакцию в едином порыве — на борьбу с камнем, на борьбу с самим собой...

А на совершенно лысой макушке одной из гор Огига он вдруг упал на колени и закричал:

— Аларика-а!..

Воздух Марса, воздух, созданный предками столетие назад, отозвался гулким вздохом и долго шумел, как океанский прибой, пока не смолкло эхо... солнце ушло за изломанную черту горизонта, и пришел смарагдовый закат... Назад Филипп спускался шесть часов...

Он очнулся, прошелся по комнате, легонько притрагиваясь пальцами к шершавым голубым стенам, гладким поверхностям аппаратуры, соседних конструкторских комбайнов — сотрудники лаборатории давно закончили работу, и комбайны на время осиротели.

Память... память — единственный мостик, связывающий прошлое с настоящим и будущим. Хрупкий, нематериальный мостик, по которому можно идти только в одну сторону — от прошедшего. Может быть, это и необходимо? Недаром кто-то в древности говорил: «Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе». И все же иногда до смертной тоски хочется вернуться назад, со всем своим приобретенным опытом и умением,

² Метро — «мгновенный транспорт», возврат термина одного из самых массовых видов транспорта в XX–XXI вв.

сделать все по-другому, иначе, лучше и правильной...

Филипп вздохнул, выключил автоматику конструкторского комплекса и обесточил аппаратуру лаборатории. Но не успел он выйти из комнаты, как между ним и дверью сформировалась из воздуха полупрозрачная плоскость, похожая на жидкое стекло. Постояла секунду, подернутая рябью, и скачком превратилась в зеркало. На Филиппа смотрел он сам, оторопевший от неожиданности. Нога затекла, Филипп, опомнившись, отступил на шаг. Его отражение в зеркале послушно повторило жест.

«Шутки Угловского, — подумал Филипп, внезапно успокаиваясь. Леня любит розыгрыши. Это или видеопризрак „динго“,³ или наведенная галлюцинация, и в том, и в другом случае я ничем не рискую. Ну погоди, шутник!»

Конструктор смело двинулся прямо на прямоугольник «зеркала», пробил телом неощутимую поверхность (точно, «динго»). Но вышел не к двери, а... в противоположную сторону, к пульту! «Зеркало» странным образом повернуло его обратно! Что за чертовщина!

Филипп еще раз шагнул в зеркальную плоскость... и снова вышел в глубь комнаты! Интересное «динго» получается, с пространственными вывертами. Не на это ли намекал Травицкий?.. Но как он мог предвидеть? Или это его рук дело?.. Чепуха! Кирилл не способен шутить так примитивно...

Упрямство не являлось семейной чертой характера Филиппа, но его разобрало любопытство, и он еще раз шесть настойчиво проверял возможности «зеркала» по «выворачиванию наизнанку». Неощутимая, гладкая на вид поверхность, не имевшая толщины — если посмотреть сбоку, — невозмутимо разворачивала входящего в него на сто восемьдесят градусов. Пробовал Филипп зайти и с другой стороны — с тем же результатом, «перевертыш» действовал одинаково как с фронта, так и с тыла. А когда Филипп собрался начать поиски «шутника», «зеркало» внезапно свернулось в нить, нить собралась в точку — и та исчезла.

Конструктор разочарованно потоптался на месте, потерял интерес к явлению, привел себя в порядок, собрался выходить из комнаты, и вдруг что-то заставило его остановиться. Он посмотрел на окно-стену, за которым сгущались сумерки. Вечер. Часов девять, десятый... Вечер?! Филипп не поверил глазам. Его наручный видео показывал десять минут пятого, в окно только что лился полуденный солнечный свет! Не мог же он так увлечься игрой с «зеркалом», чтобы не заметить, как пролетело пять часов! В таком случае был бы неисправен видео, а он работает нормально. Что произошло?

Филипп торопливо запросил службу времени, и женский голос сообщил ему точное время: двадцать один час двенадцать минут сорок секунд!

— Чушь какая-то! — вслух сказал Филипп и подумал: «Если только „зеркало“ не обладает свойствами замедлять течение времени... Неужели научились создавать такие „динго“?»

С этой мыслью Филипп наконец-то выбрался из рабочей комнаты, пообещав себе разобраться с этим делом позже.

Вечером следующего дня Филипп, начисто забыв свою встречу с «зеркалом», посадил пинасс⁴ в парке у Центрального спортивного комплекса «Россия», почти в центре Москвы. Многие мировые чемпионаты Земли и встречи сборных команд Солнечной системы по игровым видам спорта проходили в залах и на площадках этого комплекса...

Филипп бегом направился по аллее к служебному входу величественного здания, узнал у автоинформатора шифр помещения, где тренировалась сборная Русских равнин по волейболу, и через три минуты появился в просторной комнате психомассажа.

³ «Динго» — динамическая голография — генератор голографических изображений, способных двигаться.

⁴ Здесь и далее названия транспортных средств соответствуют названиям морских судов XV–XVIII вв.

Потолок комнаты отсутствовал — такой достоверной была иллюзия голубого неба, пол напоминал скользкую поверхность ледяного поля. Низкие, бесформенные с виду кресла походили на клубы облаков.

Его встретили хором шутливых замечаний и упреков. Филипп быстро огляделся, забрался в свободное кресло и вдруг почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы тела и участилось дыхание. Впрочем, обычная «предсмертная лихорадка», или, как испокон веков говорили спортсмены всех рангов, мандраж.

— Точен, как бог времени, — похвалил его Ивар Гладышев, показывая большой палец. — Я поспорил, что ты будешь последним, и выиграл.

— Что наша жизнь — игра! — с притворной смиренностью вздохнул проигравший пари Павлов. — Опаздывает тот, кто не боится вылететь из команды. Поэтому я всегда прихожу раньше на три часа...

Они смеялись, перебрасывались шутками, Филипп тоже смеялся со всеми, что-то рассказывал, но он-то знал, видел, что за всеми этими разговорами и пикировкой у ребят одна мысль — впереди игра! И каждый исподволь готовил себя к главному — к выходу на игровую площадку, и не важно, где ты был до этого, что делал, чем недоволен или, наоборот, от чего счастлив. Все мысли и движения уже подчинялись властному ритму игры, уже отчетливо в ушах становился слышен тугий удар по мячу, уже сердце готовилось работать в великом темпе силовой отдачи... а до начала игры оставалось почти полтора часа.

Солинд появился незаметно. Он стоял и хмуро смотрел на резвящихся спортсменов, покусывая травинку, ждал, пока все уймется. Потом сказал негромко:

— Сейчас там встречаются японцы и сборная Европы. Счет по партиям два — один.

— Японцы? — осведомился Павлов.

— Что японцы? — поинтересовался Солинд.

Все засмеялись.

— Ну, выигрывают?

— Нет.

Наступила тишина. Павлов присвистнул:

— Это как же понимать?

— А вот так. — Солинд вырастил «бутона» кресла и сел к ним лицом. — Европейцы в ударе. Зденек Рослонец простреливает блок чуть ли не под любым углом. Японцы ничего не могут с ним поделать. И хотя вы у Европы выиграли, сегодня вам пришлось бы туго, друзья мои.

— Почему? — удивился круглолицый Павлов, наивный, как пятилетний карапуз, в перерывах между играми; хитрый и мудрый, как змей Кецалькоатль, во время игры. — Разве мы играли плохо?

Солинд в задумчивости подергал себя за мочку уха.

— Вы играли хорошо, но слишком уверенно. Сегодня так играть вам не дадут. Поняли меня? Ну хорошо. Готовы? Сейчас массаж, потом разминка в полсилы. В стартовой шестерке пойдут Ивар, Виталий, Сергей, Филипп...

Зал был полон, несмотря на то что встречи розыгрыша Кубка континентов по волейболу транслировало Центральное интервидение Земли по всей Системе. У Филиппа вдруг вспотели ладони, и он машинально потер их о майку. Оглядывая передние ряды болельщиков, он неожиданно встретил взгляд девушки, с интересом разглядывающей площадку и игроков. Девушка многим напоминала Аларика... впрочем, это же она сама! Здесь?! В зале?!

Сердце прыгнуло вниз, волна горячей крови ударила в лицо... Какими судьбами Аларика, всегда относившаяся к волейболу, к спорту вообще с предубеждением, оказалась в зале на соревнованиях? Аларика... тот же нежный овал смуглого тонкого лица, изгиб бровей, четкий рисунок губ...

Филипп смотрел на нее всего несколько мгновений, но этого было достаточно, чтобы воскресить в памяти прошлые встречи. Оказывается, он и в самом деле не властен над

резцом сердца, вырубившим на каменной скале памяти образ Аларики...

— Идите сюда, — позвал Солинд, подходя к краю площадки. — Что оглядываешься, Ромашин? Учтите, прошлая жизнь осталась вот за этой чертой. И не спасут вас от поражения ни рост, ни реакция, ни прочие совершенства, если вы не способны отключаться, уразумели?

Филипп покосился на Аларiku, разминая кисти рук, словно это было главным делом жизни, подумал: «Кто же это с ней? Муж? И где, слева или справа? Белобрысого я никогда не видел, а второй как будто знаком... Впрочем, какое мне дело до нее и ее внезапного интереса к волейболу?»

— Играете первый вариант, — продолжал тренер, вглядываясь в спокойные и уверенные лица. Он знал своих игроков, наверное, больше, чем они сами; знал их бойцовские качества, физические, психологические и человеческие, знал давно и верил, что для победы они сделают все. Но для этого их надо чуть-чуть разозлить, вернее, расшевелить: самолюбие у классных игроков тоже много значит.

— Помните, что будущие неудачи... — Солинд помолчал и будто нехотя добавил: — не уравниваются прошлыми успехами.

Филипп с любопытством посмотрел на тренера. Тот как будто нарочно делал вид, что сомневается в успехе, и в то же время можно было понять, что он вызывает их на спор, поддразнивает. А может быть... может, он и в самом деле сомневается?

Запела сирена, команды построились у лицевых линий площадок.

— Финальная встреча по волейболу на Кубок континентов! — прозвучал в зале голос судьи-информатора. — Встречаются сборные команды Северной Америки и Русских равнин.

— Ну, орлы! — пробормотал Гладышев, когда команды обменялись приветствиями и была разыграна подача. — Наша площадка. Остаемся?

— Остаемся, — быстро сказал Филипп. Аларика сидела напротив площадки.

— В четвертом номере у них Кристо, — заметил Павлов. — Ему нужен как минимум двойной блок и аут-контроль.

— В третьей зоне я возьму его в аут-контроле, — сказал Филипп. — А Паша пусть следит за Иваром в блоке. Первая же передача со второго темпа — на «антенну», полупрострел.

— Не спеши срывать аплодисменты, — сказал мрачноватый Панченко. — Кристо — не Паша, его одним блоком не возьмешь. Во втором номере у них согласующий Рамиро Менендес, вдвоем с Кристо они тебя съедят с майкой.

— Я, конечно, не Кристо, — обиделся Павлов, — но подстрахую в блоке не хуже Рамиро.

Филипп ободряюще хлопнул его по спине и несколько раз высоко подпрыгнул на месте, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Автомат уже включил игровое поле: все игры команд высших классов проходили при силе тяжести, равной ноль девяносто двум сотым земной. Северо Пальме дель Кристо, уроженец Кубы, а также капитан ее сборной команды, играющей в высшей лиге Северной Америки, тоже сделал несколько прыжков и приседаний на своей половине площадки и приветственно помахал рукой. Он выглядел спокойным и улыбчивым, но Филипп отлично знал: в игре Кристо становился неистовым и страстным, как черный ураган. Справиться с ним в блоке было действительно нелегко.

Раздался свисток. Разминка — три минуты. Затем первый сет.

И с первых же секунд у игроков сборной Русских равнин «не пошла» игра. Сначала Павлов, то ли расстроившийся от неосторожной шутки Панченко, то ли по другой причине, неудачно принял мяч, потом Сергей Никитин не довел его до Филиппа, и тот тоже с трудом перебросил мяч через сетку. Американцы — Рамиро, Кристо и Джон Констебл — тут же разыграли комбинацию «рапира», и Кристо со взлета на первом темпе пробил мяч под руки не успевшего с блоком Гладышева.

Один — ноль.

Второй мяч они снова проиграли. И третий. И хотя Филипп в этом виноват не был, он почувствовал смутное недовольство собой, хорошее настроение ушло. С точки зрения

организации матча все было проделано безукоризненно: мягкое, рассеянное освещение площадок поляризованным солнечным светом, почти не дающим теней, не раздражало глаз; рельефная сетка ни на миллиметр не была выше стандартных двух метров семидесяти восьми сантиметров, растянутая между невидимыми силовыми столбиками; тугой белый мяч олицетворял мечту любого волейболиста; упругий кситановый пол мгновенно впитывал любую пролитую жидкость... Но все же что-то было не так, какая-то мелочь, регистрируемая пока только подсознанием. Может быть, мешают фасеточные «глаза» киберсудей? Он никогда не замечал их раньше... Что же тогда?

— За спиной со второго! — бросил Филипп согласующему и... пробил в блок.

Солинд, с виду рассеянный и равнодушный, покусывая вечную травинку, подумывал — не взять ли минутный перерыв. Игра у ребят явно не заладилась. А у американцев получалась почти любая комбинация, любой удар. Что же, бывает, но «минуту» брать рано, прежде надо понять, чего им не хватает. Главное, понять самому, ребятам в игре сделать это трудней.

Первый сет они проиграли со счетом пятнадцать — одиннадцать.

Зал шумел. Филипп искоса посмотрел на трибуну. Аларика смеялась, говорила что-то соседу справа, плотному, молчаливому, с лицом длинным и узким, с жестким, в общем-то, лицом, сильным. Лет сорок пять — пятьдесят, прикинул Филипп и вдруг понял, что он все еще думает об Аларике, отвлекается, а ее присутствие и есть та заноза, которая мешает играть так, как он может.

Начало второго сета почти ничем не отличалось от первого.

Здесь Солинд, боясь, что игроки потеряют уверенность окончательно, взял первый перерыв.

— Вы что?! — негромко, но резко спросил он обступивших игроков, потных, разгоряченных и злых. — Сетка высоковата? Или судьи необъективны? Встряхнитесь! Паша, поменяй темп, возьми свою игру, стандарт, ничего не выдумывай. Филипп, ты сядь отдохни, вместо тебя поиграет Игорь. Ивар, только первый вариант, как договаривались, понял? Предложите свою игру, самую простую, ничего больше.

— Замена в команде Русских равнин, — гулко объявил судья-информатор. — Вместо номера четыре, Филиппа Ромашина, в игру вступает номер девять, Игорь Сосновский.

Филипп сел рядом с Солиндом, прополоскал рот и сделал глоток сока. Тренер, присмотревшись к нему, добродушно улыбнулся.

— Что нос повесил? Потенциально ты на голову выше всех в игре, но не играешь в полную силу. Почему?

Филипп иронически покачал головой.

— Ну и способ ты нашел для подбадривания! Выше всех... Кристо, кстати, игрок сборной Земли. И Рамиро, и Сережа Никитин...

— Ну и что? Слушай, что говорят, и отвечай на вопросы. Где твой прыжок? Это первое. Где точность, чутье паса? Это второе. И третье: ты о чем, собственно, думаешь?

Филипп порозовел, исподлобья оглядел ряды зрителей. Аларика смотрела на него, как ему показалось, с веселым презрением, он вспыхнул до корней волос и разозлился. «Черт возьми! Неужто я и в самом деле так „сел“?»

— Валентин, сделай обратную замену.

— Рано, посиди немного.

— Ну я прошу!

Солинд прищуренными глазами ощупал лицо Филиппа.

— Ты мне это брось! Выйдешь в третьем сете. Все!

Солинд выпустил его, злого и жаждущего борьбы, как и обещал, только в начале третьей партии.

Филипп поднял руку и перебежал на площадку, подбадриваемый хлопками игроков по ладони. На трибуны зала он уже не смотрел. Сердце забило сильно и ровно, исчезла скованность, пришло ощущение сказочной удачи, тело стало невесомым и легко

управляемым. Он сразу стал видеть игру, мгновения полета мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал подготовиться к приему, найти партнера, принять мяч и дать пас кому следует. Сначала он, играя в защите на второй линии, достал «мертвый мяч», посланный Кристо обманным ударом в угол площадки. Зал ответил аплодисментами, но Филипп их не слышал.

— Второй вариант, — сказал он в спину Гладышева. — Второй, Ивар!

Тот отмахнулся было, потом оглянулся на товарища, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

— Попробуем второй, ребята.

Павлов сразу же выдал Филиппу пас на сетку, рассчитанный по второму варианту. Это был невероятно трудный по исполнению нападающий удар, получивший название «удар Солинда» — по имени первого его исполнителя: Филипп взвился в воздух из-за спины согласующего игрока, перевернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе, тем обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в трехметровую зону у сетки.

Зал зашумел и смолк. И молчал до конца игры, словно болельщики боялись нарушить волшебство игры...

Филипп нападал с любого номера, с задней линии, с центра — согласно смене темпов. Он перепрыгивал блок чуть ли не на локоть, забивая мячи почти вертикально в первую линию площадки американцев, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аут-контроля — ловящим блоком, угадывая направление удара в четырех случаях из пяти.

Это была игра на вдохновении, она зажгла остальных игроков команды, и те творили чудеса под стать Филиппу, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, словно на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то именно такая игра, четкая, слаженная, когда партнеры понимают друг друга по жесту, по взгляду, когда все их движения подчиняются неслышному ритму и кажется, что на площадке находится всего один игрок, чье многорукое тело перекрыло ее, и мяч каждый раз с завидным постоянством натывается на руки, отскакивая с удивительной точностью в одну и ту же точку над сеткой — согласующему игроку. Только такая игра может дать положительный результат. И они, проиграв первые две партии, выиграли остальные три.

Зал еще несколько мгновений немо дивился на освещенные квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Русских равнин, и потом словно шторм обрушился на Дворец спорта.

Филипп пожал горячую ладонь Гладышева, ответил на объятия друзей, потом его дружно оторвали от пола и несколько раз подкинули в воздух. А он, оглушенный поздравлениями, чувствуя в теле приятную тяжесть, посмотрел на второй ряд трибуны, поискал глазами Аларику, не нашел, и радость и удовлетворение его вдруг померкли, уступив место тоскливому ожесточению.

«Расклеился от одного взгляда совершенно посторонней женщины! Чего ради я так разнервничался? Неужели остался какой-то след? И под слоем пепла дремлют угли догоревшего костра, как говорил поэт? Старая сказка... Я отрезал Аларику раз и навсегда, у нас две разные жизни. Что я знаю о ней? Она не одна, вот и все. И все! Хватит об этом... Я играл, кажется, неплохо. До стрессовой отдачи, до сих пор ноги ватные...»

В коридоре Филиппа догнал Солинд, несколько шагов прошел рядом молча, потом сказал с неожиданной грустью:

— Ты играл сильно, Филипп! Я не знаю второго такого игрока ни в одной сборной Системы. А ведь ты способен на большее, я-то вижу.

Филипп сжал зубы.

— Но?.. Я отчетливо слышу «но».

Солинд остановился.

— Никакого «но» нет, просто... не забывай, что победы делают нас счастливее, а

поражения — человеческое. Древний тезис, но он и сейчас не устарел. — Тренер легонько подтолкнул Филиппа в спину. — Ты поймешь это позже. Ну, иди, потом поговорим.

Филипп не разобрался до конца в смысле намеков тренера, лишь гораздо позже он вспомнил это странное напутствие и понял его настоящий смысл. Теперь же он только кивнул и свернул в раздевалку. А у дверей все еще улыбающийся Гладышев подвел к нему троих.

— Это к тебе.

Рослый длиннолицый мужчина в куртке «ночь» и черных брюках блеснул цепкими глазами, бросил коротко:

— Простите, — и протянул сильную руку. — Май Ребров.

Филипп только теперь узнал его — это был тренер сборной Земли по волейболу. И рядом — Аларика! Неужели он — ее муж?! Или мужем является второй ее спутник?

Ошеломление прошло не сразу, и Филипп еще раз пережил мгновенное чувство утраты и зависти к незнакомым людям, знавшим Аларику, вероятно, ближе, и ему снова показалось, что не было между ними пяти лет времени и пространства, а был только странный сон, и стоит лишь тряхнуть головой — и Аларика засмеется и протянет руки...

Он уловил насмешливые искры в ее глазах, очнулся и назвал себя.

— Аларика, — подала руку девушка, тонко уловив его колебания. Молодой спутник Реброва, на голову ниже его, только слегка наклонил светловолосую голову:

— Леон.

Ребров взял Филиппа под локоть и отвел в сторону.

— Много говорить не буду, вы, наверное, уже догадываетесь, по какому поводу я пришел. Я знаю вас уже два года... да-да, не удивляйтесь, два года. Солинд мой друг, и потому я знаю все об игроках сборной Русских равнин. Начинали вы...

— В «Буревестнике».

— Да, в «Буревестнике», потом вторая молодежная сборная континента, потом первая... Вы спортсмен настроения. Это плохо, это большой недостаток для спортсмена экстра-класса, каковым вы, несомненно, являетесь. И несмотря на этот недостаток, я приглашаю вас в сборную Земли. Во-первых, потому что, когда пик формы совпадает у вас с пиком настроения, вы способны на великолепную отдачу. Во-вторых, верю — вдвоем мы сможем устранить ваш недостаток. Конечно, мое мнение еще не есть решение Земного спорткомитета, но и оно достаточно веско. У вас будет неделя отдыха, во вторник следующей недели прошу на тренировку.

— Но Валентин... — начал Филипп.

Ребров усмехнулся.

— Солинду беру на себя. Он вырастил не одного выдающегося спортсмена, и это во всех отношениях были люди с большой буквы. Я верю в вас, иначе не было бы этого разговора. От вас зависит превратить мою веру в уверенность. Ну, до связи.

Ребров дружески стиснул плечо Филиппа, подмигнул и широким шагом вынес свое крепкое тело из теснины коридора. Филипп, опустив голову, постоял с минуту в задумчивости и не заметил, что Аларика оглянулась на повороте и окинула его не менее задумчивым взглядом.

Сзади слышались голоса, шаги — возвращались игроки, и он поспешил к своим.

— Я рад, что «прошел» Реброва, — сказал Гладышев, искоса поглядывая на задумчивое лицо Филиппа.

Они стояли на верхней смотровой площадке спортивного комплекса, шпиль которого возносился на шестьсот метров над уровнем зеленого океана — над панорамой Москвы двадцать третьего века. Зеленые волны рощ, парков и заповедников не могли скрыть белых шатров, плоскостей и полированного пластика зданий, но с высоты бросалась в глаза сочная рассыпчатая зелень лесного массива. И лишь потом в этой зелени начинали сверкать жемчужины зданий.

«С решением проблемы транспорта исчезла и проблема городов», — вспомнил Филипп

чью-то фразу, не слушая товарища. Посмотрел на недалекий тонкий силуэт Останкинской башни — Музея телевидения двадцать первого века — и повернулся к Ивару.

— Мне почему-то жаль Солинда. Конечно, мы не уходим от него навсегда, но все же словно теряется что-то в душе...

— Ребров очень похож на Валентина.

— Разве? По-моему, они совсем разные. Солинд сухой, жесткий и шершавый, как ветер пустыни, а Ребров холоден и тверд, как северный камень.

— О, заговорил, как поэт. Они разнятся только внешне. У обоих одна общая черта, которая сближает их больше, чем сблизили бы родственные узы. Это их твердая уверенность в том, что доминанта человека — доброта. Именно поэтому они так требовательны к себе и другим.

У Гладышева пискнул зуммер личного видео. Он повернул руку браслетом вверх, из прозрачно-фиолетового глаза на черном квадратике приемника изображений возник тонкий лучик света, развернулся в плоскость и приобрел цвет и глубину. На друзей смотрело лицо жены Ивара.

— Я уже давно освободилась, Ив, — сказала она сердито. — Игру твою не видела, можешь хвастаться как тебе вздумается, но дома!

Гладышев виновато покосился на товарища.

— Я с Филиппом, Кира, буду через полчаса... ты к нам, Филипп?

— Нет, — покачал головой Филипп. — Я к себе, надо кое-что обдумать до завтра.

— Надумаешь — будем рады, — сказала Кира, шутливо погрозила мужу пальцем. Изображение растаяло.

— Я пошел? — сказал Гладышев. — Счастливо. Прилетай, если захочешь, мы ждем гостей, а ты был у нас всего два раза, это мало.

Он улыбнулся своей обычной доброй улыбкой и стал спускаться к лифту. Филипп остался стоять, рассеянно вертя в руках браслет своего видео. Потом вдруг сорвался с места:

— Ивар, подожди.

Они снова сошлись.

— Забыл спросить... Ты знаком с... ну, в общем, с Аларикой?

— Я знаком с двумя Алариками.

— С той, что была с Ребровым.

— А-а-а. — Гладышев лукаво прищурился. — Аларика Консолата. Это жена брата Реброва. Кстати, я удивлен ее присутствием на матче, насколько я знаю, она терпеть не может волейбола.

«Я тоже знаю», — подумал Филипп, но промолчал.

— Ее телекса я не знаю, — продолжал Гладышев, — но его знает, должно быть, Ребров. Дать тебе его телекс?

— Какой ты догадливый, — пробормотал Филипп. — А почему у нее фамилия другая, не Реброва?

— Сергей Ребров погиб два года назад при ликвидации аварии на подводной ферме. Консолата — девичья фамилия, она ее не меняла.

Филипп непонимающе уставился на Гладышева.

— Погиб?! Ребров погиб? Муж Аларики... Значит, сейчас она одна?

— Ну, этого я не знаю. Что, задело? Позвони ей. — Ивар засмеялся и помахал рукой. — Могу при случае познакомить. Ладно, до связи. Да, телекс Реброва: три единицы сорок семь тринадцать эс-бэ. Он живет где-то на Курилах, точного адреса, увы, не скажу.

Филипп постоял с минуту, шурясь на солнце, вздохнул глубоко, записал телекс на видео и тоже поспешил к лифту.

Поздним вечером он выключил в комнате освещение, походил из угла в угол в полной темноте, потом убрал стену и стал смотреть на бархатное одеяло неба, вспоминая однажды прочитанные строки:

В ночи небесную стреху
Термиты тьмы проели.
И видно звездную труху,
Что сыплется сквозь щели.⁵

Вспомнился вдруг разговор с тренером, тогда он был еще во второй сборной Русских равнин.

«Ты прекрасный конструктор, я слышал это от Травицкого, — сказал Солинд. — Но ты еще более способный волейболист. Я далек от того, чтобы считать волейбол венцом спорта, как и Кирилл Травицкий от того, чтобы считать работу конструктора ТФ-аппаратуры вершиной творческой работы, но когда-нибудь тебе придется выбирать...»

— Выбирать, — вслух повторил Филипп.

Он не хотел выбирать. Хотел быть и конструктором, и игроком, спортсменом высшего класса, и не видел причин бросать то или другое занятие. Да, современный волейбол требовал таких нагрузок и отбирал столько времени, что многие из игроков могли заниматься только спортом, и ничем иным; творческим, ищущим, но спортом. А Филиппа брала тоска, если он три дня кряду не надевал на голову эмкан и не «бросался» очертя голову в глубину очередной проблемы, испытывая при этом необъяснимое удовлетворение, снимающее любую физическую усталость и боль.

Выбирать... нет, это время еще не пришло, и дай Бог, чтобы оно не пришло совсем. С другой стороны, Филипп понимал, что будь Травицкий или Солинд понастойчивей, то выбор мог бы уже состояться, причем не в пользу предлагающего.

Филипп некоторое время любовался небом, вспоминал «самостоятельный» визит «зеркала» (чья же это все-таки шутка? Кажется, в глубоком детстве он уже встречал такую шутку, но тогда она не казалась таинственной — зеркало и есть зеркало, что в нем необычного для ребенка?), потом сел перед панелью домашнего координатора. Над фиолетовым глазом виома встала световая нить, развернулась в плоскость и приобрела глубину. Напротив возникла другая комната, почти такая же, как и у Филиппа: одна стена в ячеях кристаллобиблиотеки, у второй — стол, два кресла, из третьей выросла кровать, четвертая — сплошное окно в начинающееся утро.

Прямо перед Филиппом сидел Май Ребров и выжидательно смотрел на него, ничем не выражая своего удивления или нетерпения. Филипп почувствовал, что краснеет.

— Доброе утро.

— Добрый вечер.

— Извините, что беспокою... я, собственно...

— Хотите поделиться мыслями о прошедшем первенстве?

— Да... н-нет! Дайте мне, пожалуйста, телекс Аларики, — бухнул Филипп напрямик.

Ребров продиктовал номер и снова посмотрел на молодого человека, все такой же ровный и спокойный, с плавными и точными движениями игрока в волейбол.

— Все?

Филипп кивнул, и тотчас же виом стал белым как молоко, Ребров выключил канал связи со своей стороны.

— Ф-фу! — выдохнул Филипп и с облегчением засмеялся. — Кремень, а не человек! Ничем его не удивишь. Но и я нахал! Для чего мне ее телекс? Что я ей скажу? Рика, привет, как дела? Не забыла, как мы с тобой?.. Тьфу! Что бы она ответила на мой вопрос? Пять лет — и ни голоса ее, ни изображения, только все реже, и реже, и злее — вскрики воспоминаний в сумбурных снах под утро, когда явь путается с бредом и тянет душу не заживший в подсознании шрам на памяти... Как отрезал! И уже два года она без мужа!.. Черт! Мне-то что за дело? Все было выяснено пять лет назад, срок достаточный, чтобы излечить любого.

⁵ Мурари (перев. с санскрита).

Но отчего вдруг барометр настроения повернул стрелку на деление «Ожидание»? Отчего так нестерпимо хочется увидеть ее, поговорить?..

Филипп поскреб щеку и набрал телекс Станислава Томаха. Это был единственный человек, с которым он мог позволить себе быть таким, какой он есть в собственных глазах, с которым можно было поделиться горем, радостью, сомнениями или тревогой.

Глава 2

СЕЗОН «ЗЕРКАЛЬНЫХ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ»

В три часа ночи Богданов встал из-за пульта вычислителя, снял с головы эмкан и кивнул Станиславу Томаху, сидевшему рядом в одних шортах.

— Порядок. Причина ошибки во втором ряду комплексного переменного. Рагимантас надеялся на свой гений математика, и... даже автомат не успел бы пройти все этапы решения задачи за то время, что оставалось у него до взрыва.

— Я рад и не рад, — хрипло ответил Станислав, вставая и потягиваясь мускулистым атлетическим торсом. — Жаль, что так случилось, и хорошо, что бремя вины не ложится на работников управления. Скверно, если аварии случаются вопреки всем принятым мерам, но уж совсем плохо, когда они случаются по вине спасателя. Может быть, поспим здесь? Все равно до утра времени кот наплакал...

— Нет. — Богданов накинул рубашку. — Жена будет волноваться. Я обещал, что буду сегодня... то есть вчера вечером уже.

— Тогда и я пойду.

Станислав запросил диспетчера вычислительного центра, сообщил, что машина освободилась, и не успел выключить виом, как изображение в нем сменилось: открылась темная комната, внутри которой угадывалась раскрытая постель, а в светлом конусе передачи стоял хорошо сложенный молодой человек. Лицо у него было открытое, слегка скуластое, глаза дерзкие, карие, губы большие, но твердые. Портила это лицо только нерешительная полуулыбка.

— Простите, что так поздно, — быстро сказал молодой человек: это был Филипп. — Не помешал? Я искал Станислава, и мне дали этот телекс.

— Знакомьтесь, — повернулся Томах к Богданову. — Это Филипп Ромашин — конструктор ТФ-аппаратуры. Я говорил тебе о нем.

— Никита, — назвался Богданов, разглядывая Филиппа, подумал: красивый юноша, однако чего-то ему недостает... уверенности, что ли? — Собственно, я удаляюсь, — продолжал он, надевая куртку и собираясь уходить, — а вы поговорите. В восемь ко мне, Слава.

— Если проснусь, — отозвался Томах. — Ну, что нового, Филипп? Что-то в последнее время я тебя редко вижу. Где пропадаешь? Ты, кажется, должен был играть за Континентальный кубок? Прости, не смог тебе позвонить...

Дальнейшего разговора Богданов не слышал. Выйдя из вычислительного центра, он вызвал пинасс и, чувствуя усталость во всем теле, сделал несколько упражнений дыхательного йога-тренинга. Усталость отступила.

Свет в парке был выключен, громада центра едва угадывалась на фоне ночного неба, но Богданов знал, как обманчива эта наружная спокойная неподвижность огромного здания, постоянно включенного в непрестанное тревожное бдение аварийно-спасательной службы, связанного неизмеримой сетью с десятками станций, баз и патрулей УАСС,⁶ с отделами одной из обширнейших — увы, но это так — служб человечества. Тем не менее миллиарды людей спокойны в своих поисках, стремлениях, экспериментах, рискованных действиях именно потому, что УАСС — действенная, оперативная и всюду успевающая служба, работа

⁶ УАСС — Управление аварийно-спасательной службы.

которой видна не всегда и не всем, но результативность не требует доказательств. Сколько же их, всматривающихся в черноту эмканов, глубь виомов, зелень индикаторов на пультах, мчащихся в патрульных машинах над Землей, в пространстве, у всех освоенных планет? Сколько их, близких по мысли и сердцу людей?

Богданов запрокинул голову, окидывая взглядом серебристую вуаль Млечного Пути, пробормотал:

— Легион!..

Подошел пинасс, мигнул зрачком индикатора, открывая колпак. Богданов сел, тут же запищал зуммер видео на руке. Над браслетом встало облачко света и превратилось в тяжелую голову Керри Йоса, начальника отдела безопасности Управления аварийно-спасательной службы. Богданов машинально отметил время — без десяти три ночи, перевел его на среднесолнечное. Получилось без десяти пять по ССВ. Не одному Станиславу звонят посреди ночи, мелькнула мысль.

— Не спишь? — осведомился Йос скрипучим голосом. — Что-то я тебя плохо вижу. Где ты?

— Только что закончил со Славой цикл расчетов по аварии на сто третьем спутнике. Ты был прав — Рагимантас сделал ошибку, не дав сигнал на СПАС.⁷ Ближайший оперативный когг мог успеть, но...

— Я говорил.

— А мы проверили. Я сейчас выбрался из ВЦ,⁸ в парке нет света. Что случилось?

— Жми в управление, сколько тебе надо времени?

— Минут двадцать пять, если срочно.

— У нас не бывает не срочно. Даю тебе сорок минут. Кстати, у тебя нет знакомого специалиста по ТФ-связи?

— Нет... впрочем, погоди. — Богданов вспомнил недавнее знакомство с Филиппом Ромашиным. — Есть один специалист, конструктор ТФ-аппаратуры.

— Годится. Хватай его, где бы он ни был, и тащи в управление. Все.

Виом погас. Богданов немного посидел, чувствуя холодок тревоги, заползающий в сердце, потом вызвал сто семнадцатую комнату вычислительного центра, откуда только что вышел. К счастью, Станислав еще был там.

— Слава, тут такое дело: вызывает Керри, а что случилось, не говорит. Вероятно, что-то серьезное, иначе он не стал бы нас тревожить ночью. Еще ему нужен специалист по ТФ-связи. Твой Филипп хороший инженер?

— Он инженер-синектор.⁹

Богданов уважительно прищелкнул языком.

— Неплохо! Охарактеризуй его вкратце.

— Тридцать один год, мастер спорта по волейболу, холост. Родители погибли во время первой разведывательно-контактерской экспедиции на Орилоух. Вот и все, если коротко. Могу добавить, что я его знаю с детства, жили в одном доме.

— Неплохо, — повторил Богданов. — Вызывай его немедленно, только не пугай. Где он живет?

— Живет-то он недалеко, в Басове, восьмой круг Москвы, минут десять лета до

⁷ СПАС — станция приема аварийных сигналов.

⁸ ВЦ — вычислительный центр.

⁹ Синектор — специалист, владеющий «механизмами творчества». От слова «синектика» — сложение разнородных элементов в творчестве. Синекторы используют четыре вида аналогий: прямые аналогии типа «паутина — мост»; функциональные — «кабель — лазерный луч»; фантастические типа «принцип работы — передача устройств потоком информации»; личностные аналогии, эмпатии.

ближайшего метро, но неужели Керри не нашел специалистов в техническом секторе?

— Не знаю, значит, не нашел. Дай координаты управления твоему Филиппу и добираться туда сам, сроку у тебя сорок минут, а я на минуту заскочу домой, предупрежу жену. Чует мое сердце, что освобожусь не скоро.

Богданов закрыл колпак, вскрыл запломбированную крышку спидометра ключом, имеющимся только у работников аварийно-спасательной службы, и отключил ограничитель скорости. Пинасс задрал нос и со свистом пошел в небо. А в следующее мгновение Богданов увидел летящий навстречу, прямо ему в лоб, такой же каплевидный аппарат с алой мигалкой. Он успел врубить экстренное торможение (Какого лешего?! Ненормальный он, что ли, встречный киб-водитель?!) и растопырился в кресле, упираясь ногами в переднюю стенку, ожидая страшного лобового удара. Но ничего не произошло! Шедшая навстречу машина врезалась в пинасс неощутимо, как призрак, и растаяла, будто ее и не было. Зато богдановский пинасс оказался почему-то развернутым носом к парку.

— Что это было? — спросил Богданов у киб-водителя, вытирая вспотевший лоб. — Почему ты не затормозил?

— Не было приказа.

— А движущийся навстречу аппарат — не приказ?!

— Пространство впереди было свободно на глубину радарной видимости.

— Как это свободно?! А этот... «призрак»?

— Мы пересекли слой воздуха, отражающий все предметы, как зеркало. Шедший на нас аппарат был моим отражением.

Богданов посидел с минуту, растирая ушибленное колено, и скомандовал поворот. «Чертовщина какая-то, — подумал он уже спокойно. — Или я плохо знаю физику атмосферы? Что-то не припомню, чтобы кто-то описывал явления „зеркального воздушного слоя“. Придется запросить информаций физиков, некомпетентность для безопасника недопустима...»

Богданов еще больше бы удивился, если бы узнал, что его часы с этого момента стали отставать от эталонов точного времени на пятьдесят минут.

Сопровождаемый Томахом, продолжая недоумевать по поводу неожиданного вызова, Филипп шагнул в дверь и остановился. Кабинет начальника отдела безопасности УАСС представлял собой в данную минуту поляну в глубине тропического леса. Сложно и сильно пахло зеленью, тиной, цветами и еще чем-то терпким и незнакомым, но дышалось легко и свободно, совсем не так, как в настоящем тропическом лесу.

Томах смело двинулся через всю «поляну» к группе людей, обступивших какой-то прозрачно-хрустальный шар. Филипп не решился идти за ним, хотя все это тропическое величие было иллюзией, созданной аппаратурой видеопласта.

Один из стоящих у шара обернулся, тотчас же лес вокруг исчез, а за ним и половина людей, из которых остались трое; появилась обстановка кабинета: гнутые янтарные стены, с искрами в глубине, висящий над черной бездной пола пульт видеоселектора, прозрачный шар с роем золотых пчел внутри, семь кресел у стола.

— Проходите, — сказал хозяин кабинета, на виске которого иногда словно сам собой шевелился розоватый, едва заметный косой шрам.

Филипп, испытывая неловкость, прошел вслед за Томахом и сел рядом. Пока Керри Йос разговаривал с кем-то по виому, он исподволь осмотрел кабинет, шар, гадая, что это за устройство, и, осваиваясь со своим новым положением, стал изучать руководителя одного из самых легендарных отделов Управления аварийно-спасательной службы.

Керри Йос среди других ничем особым не выделялся — таково было первое впечатление. Невысокий, с плечами разной высоты; лицо тяжелое, с массивным подбородком, близко посаженными не то серыми, не то карими глазами; нос картошкой, прямые губы. «Красавцем его не назовешь, и кого-то он мне напоминает...» — подумал Филипп.

Станислав, очевидно, понял его состояние, хмыкнул, наклонился к уху соседа, которого Филипп видел впервые. Тот еле заметно улыбнулся и неожиданно подмигнул Филиппу, отчего конструктор снова почувствовал себя не в своей тарелке: как-никак в отдел безопасности его приглашали в первый раз.

Керри Йос закончил разговор и выжидательно посмотрел на присутствующих.

— А где Никита? Слава, разве он был не с тобой?

— Он ушел раньше, потом позвонил из кабины такси. Собирался на минуту заскочить домой...

— Понятно, подождем минуту. А пока давайте знакомиться. Меня зовут Керри, я начальник отдела безопасности.

— Это Филипп Ромашин, — представил Филиппа Томах. — С ним мы знакомы давно, практически с детства.

— Тектуманидзе, — представился улыбчивый сосед Томаха, судя по загару и чертам лица — грузин.

— Бассард, — коротко представился четвертый незнакомец.

— Филипп — конструктор ТФ-аппаратуры и мастер спорта по волейболу планетарного класса, — добавил Томах.

— Неплохо, — с уважением сказал Керри Йос, — весьма неплохо. У нас будет время познакомиться поближе. Где же все-таки Никита? — Он наклонился к столу и вытащил из него «бутон» микрофона. — Андр, созвонись с Богдановым...

— Не надо, — раздался с порога голос заместителя начальника отдела. — Товарищи, со мной произошла любопытная история. — Никита прошел к столу.

Теперь Филипп мог разглядеть его лучше, чем давеча во время знакомства. Замначальника отдела был худощав, среднего роста, с неторопливыми движениями, полной уравновешенностью мимики и жестов и с пронзительными глазами ясновидца. И голос у него был глубокий и хорошо поставленный.

Богданов закончил рассказ о «столкновении» с «зеркалом», и Филипп тут же вспомнил свое недавнее приключение. Но рассказать об этом постеснялся.

— Все ясно, — сказал Керри Йос, — и не такое бывает с безопасниками ночью. Но я не понял, почему ты задержался.

— Как задержался? — удивился Богданов. — Я был в пути всего двадцать минут, причем включая крюк домой.

— Да? — в свою очередь удивился начальник отдела. — А где ты был еще пятьдесят минут?

— Пятьдесят минут? — Никита поднял руку с браслетом видео, вызвал отсчет времени и показал присутствующим. — Путаете вы что-то, друзья, вот, пожалуйста, двенадцать минут четвертого.

Керри Йос включил командный отсчет, киб-секретарь сообщил:

— Поясное время четыре часа две минуты сорок секунд.

Богданов побледнел.

— Чепуха какая-то!

— И я так думаю, — сухо сказал Йос. — Если это неизвестное науке явление, то его назовут твоим именем. Найдешь причину задержки — доложишь. Это действительно странно. Но к делу. Вызывал я вас вот по какой причине: три дня назад к системе звезды Садальмелек был послан транспорт с грузом. На финише транспорт не появился.

В комнате стало совсем тихо.

— Второй случай, — тихо обронил взявший себя в руки Богданов.

— Верно, второй, но главное — оба произошли в диаметрально противоположных точках пространства. Вы помните первый случай — не прошел ТФ-посыл к гамме Суинберна. Средний радиус стационарной ТФ-связи пятьдесят парсеков. До Садальмелека — сто десять. Первая и вторая промежуточные станции просигнализировали, что груз прошел нормально, но на финише не появился. То же было и в случае посылы к системе

Суинберна: до гаммы Суинберна сто восемьдесят парсеков, все три промежуточных передатчика дали «добро» и... груз к месту назначения не прибыл!

— Может быть, транспортники сорвались с трассы? — спросил Бассард, шевеля косматыми бровями. — Ведь был случай лет пять назад...

— Нет, — покачал головой Филипп. — В результате срыва летят и сами ретрансляторы — взрываются генераторы поля. Здесь же у вас станции отработали нормально... — Он прервал речь и недоверчиво посмотрел на Керри. — Но это же нонсенс! Для приема ТФ-передачи нужен как минимум ТФ-приемник. Иного просто не может быть!

— Да? — холодно бросил Йос. — Тогда где-то существуют ТФ-приемники, установленные... — он помолчал, — установленные не людьми.

Наступила тишина. Ее через минуту нарушил Богданов:

— Накладок нет?

Керри Йос, чуть прищурясь, покосился на него.

— Технический сектор в отличие от нашего ошибается редко. Эксперты перерыли все ТФ-станции в контролируемой нами области космоса — грузы исчезли бесследно. Но если верить словам Ромашина... — Начальник отдела запнулся. — Простите, Филипп, я оговорился, просто неудачный оборот речи. Я хотел сказать, исходя из вашей информации, следует сделать вывод, что грузы ушли к чужим станциям.

— Теперь понятно. — Богданов переглянулся с Томахом. — Значит, мы вышли на передовые посты чужой цивилизации, так?

— Это вам и предстоит выяснить, — сказал Керри Йос, и было в обыденности его тона нечто такое, от чего Филипп ощутил в душе тревогу и неуверенность. До него только теперь дошел смысл слов «чужая цивилизация».

— Мы пригласили вас, Филипп, вот почему, — продолжал начальник отдела. — Эксперты сектора сейчас все в разъездах, а вы опытный специалист по ТФ-связи. Не могли бы вы помочь нам? Придется, конечно, на некоторое время покинуть Землю.

Филипп не удивился вопросу, он ждал его, и все же ответить сразу было трудно, мысли разбежались.

— Вы знаете... в общем-то, специалист я... вот если начальник бюро Травицкий...

— К сожалению, времени на переговоры у нас нет, да и немолод Кирилл Травицкий, такие беспокойные путешествия ему не по плечу. У вас есть иные причины для отказа?

— Да... н-нет, причин, собственно... тренировки в сборной, разве что, — забормотал Филипп, ненавидя себя за растерянность. — Я приглашен в сборную Земли, и тренер будет недоволен... если это надолго.

— Тренера я беру на себя, — сказал Томах. — Из формы ты не выйдешь, ручаюсь. Кстати, а насколько действительно рассчитана командировка?

— На неделю, — подумав, сказал жизнерадостный Тектуманидзе. — Может быть, на две, максимум на три.

— Вполне определенно, — усмехнулся Томах. — Плюс-минус год.

— Согласны? — Керри Йос остался серьезным и спокойным, и Филипп вдруг понял, кого он напоминает, вернее, откуда в нем иногда мелькают знакомые черты: сдержанность, спокойствие, готовность к действию, быстрота оценки собеседника, внутренняя убежденность и сила. Эти черты были присущи и Томаху, и Богданову, и, наверное, всем работникам аварийно-спасательной службы, и отражали они не случайное явление, а доминанту характера, состояние души и тела.

— Согласен, — сказал Филипп хрипло.

— Спасибо. Тогда — завтрак, сборы, и в дорогу. Слава, побеспокойся обо всем необходимом. Старт «Гиртханкара» через три с половиной часа.

— Пошли, — будничным тоном сказал Томах и встал. Ему было не привыкать.

Они вышли, зажмурились от смены освещения: коридор был залит ярким солнечным светом.

— Слава, — сказал Филипп, — а зачем такая спешка? Подождали бы экспертов из

технического сектора и спокойно занялись проверкой этих ваших ТФ-ретрансляторов.

— А чужая цивилизация? — напомнил Томах. — Мы открыли пока всего одну цивилизацию, исследовав двести сорок звезд, цивилизацию Орилоуха, да и та оказалась негуманоидной, отказывающейся от исследования космоса. А здесь, похоже, она, по крайней мере, не уступает нашей в темпах освоения Галактики! Понял? Нам нельзя не спешить.

— Да-а, работа у тебя — не позавидуешь! Добровольцы — шаг вперед! Так? А кто такой Бассард?

— Что, не понравился?

— Как тебе сказать... угрюмый он какой-то, непропорциональный и недоброжелательный.

— В наблюдательности тебе не откажешь. Генри Бассард — начальник второго сектора УАСС, того самого, который отвечает за безопасность системы Садальмелека и всего созвездия Водолея; я имею в виду — безопасность исследователей. Ну, Бог с ним, со вторым сектором, тебе еще представится случай познакомиться с Бассардом поближе. Я заметил твою мину, когда ты оценивал нашего Керри. Как он-то тебе показался?

Они вышли под прозрачный купол центрального метро управления, где располагалось более двухсот кабин мгновенного масс-транспорта.

Станислав нашел свободную и посторонился:

— Входи. Ну так как? — повторил он вопрос.

— Вполне нормальный... я хотел сказать, обыкновенный. — Филипп вошел в светлую, с белыми «мраморными» стенами кабину. Станислав с некоторым трудом втиснулся следом: оба были широкоплечие, мускулистые, хотя Филипп весь — порыв, движение, а Станислав — невозмутимое «хищное» ожидание.

— Нормальный! — фыркнул Томах. — Обыкновенный! Он просидел на Орилоухе почти три года после той злополучной разведывательно-контактерской экспедиции, во время которой погибли твои родители. Именно после этого случая и организовали в УАСС отдел «слепого контакта», страхующий работу специалистов Института внеземных культур. Керри был первым начальником ОСК.

Станислав рассказывал что-то еще, но Филипп его не слышал. Он вспомнил, как домой к ним пришла целая делегация работников управления и Комиссии по контактам, чтобы сообщить о гибели отца и матери, и как он не поверил, и что потом, в кошмаре пустых комнат... Грозный Орилоух, планета, физически почти тождественная Венере: океанов нет, плотность атмосферы «на дне» равна половине плотности воды, температура — плюс пятьсот градусов по Цельсию. И странная небиологическая «цивилизация жидких кристаллоподобных форм», разум, отказывающийся от любых контактов с другими разумными существами и без всяких объяснений уничтожающий гостей... первая открытая вне Земли цивилизация... А Керри Йос провел в этом аду три года!..

— Да-а, — занемевшими губами произнес Филипп. — Три года на Орилоухе — это много!.. Куда теперь?

Томах пожалел, что затеял разговор об Орилоухе.

— В кафе, знаю одно приятное местечко. Я, например, голоден. После завтрака будет время попрощаться. Тебе есть с кем?

— Не знаю, — пробормотал Филипп, вспоминая вдруг улыбку Аларики. — Разве что с Травицким?

Станислав набрал код выхода, ткнул пальцем в квадрат пуска, и их швырнуло в солнечный свет.

Керри Йос подвел Богданова к хрустальному шару, что-то щелкнуло, и внутренность шара наполнилась светом и жизнью. Это была объемная и почти масштабная модель второй спирали Галактики, так называемый Рукав Стрельца, в который входила и звезда-карлик Солнце.

— Есть еще одна проблема, — сказал Йос. — Более тревожная, чем остальные.

Система Золотоволосой, планета Рыцарь...

— Орилоух на радиоязыке аборигенов, — уточнил Бассард.

— Да, Орилоух, мы тоже все чаще употребляем это название. Над планетой вращаются две наши орбитальные станции, одна обитаемая, вторая резервная, законсервированная. Вчера оттуда пришел сигнал: резервная станция вскрыта, кто-то ее посетил.

— Ого! — сказал Тектуманидзе. — Интересно. Неужели орилоуны?

— Исключено.

— Тогда кто-то из персонала рабочей станции.

— Также исключено. Раз в полгода на станцию отправляется смена техников для проведения профилактических работ, эта смена и обнаружила следы чьего-то присутствия. Защита станции не пробита, продолжает работать, но следы тем не менее есть.

— Насколько я помню, у этих станций многослойная изоляция плюс ТФ-экран.

Керри молча нашел звезду, о которой они говорили, тронул в этом месте прозрачный шар кончиком щупа: шар отозвался тихим звоном.

— Но сквозь ТФ-экран не может проникнуть ни одно материальное тело!

— Мы не можем! — мрачно, с нажимом сказал Керри Йос. — Мы. А они, значит, могут.

— Кто они? Не орилоуны же в самом деле.

— Все эти сообщения нуждаются в проверке, — веско сказал Бассард. — Лично я сомневаюсь в их истинности. Наследить на станции могли и сами техники еще в прошлое посещение.

— Сто сорок три парсека, — пробормотал Керри Йос. — До Садальмелека сто десять, до гаммы Суинберна сто сорок три. И все три звезды в разных секторах, и все три — на границе исследованной нами зоны. О чем это говорит?

— Не знаю, — помолчав, сказал Богданов.

— И я пока не знаю. А если не знает отдел безопасности...

— Значит, надо объявлять «Шторм» по управлению?

— Ну, «Шторм» не «Шторм», а хотя бы степень АА: готовность службам наблюдения за пространством, усиление патрульного обеспечения, косморазведке перейти на формы «Экстра».

— Не рано ли? — Бассард скептически поджал губы. — Вы представляете последствия тревоги?

Они посмотрели друг на друга, четыре специалиста, знающие цену неожиданностям.

— Ну, Керри, что ты, право... — позволил себе улыбнуться Тектуманидзе. — Нас же двадцать миллиардов!

— Успокойл, — грустно усмехнулся начальник отдела. — Действительно, нас двадцать миллиардов, из них восемнадцать на Земле и в Системе, остальные у других звезд. И я подумал: а не много ли это для других звезд?

Бассард задвигал своими бровями Карабаса Барабаса из детской сказки.

— Что ты этим хочешь сказать?

Керри посмотрел на браслет видео, в квадратике которого проступили цифры времени, и медленно проговорил:

— Sapienti sat...¹⁰

«Тиртханкар», дежурный спейсер УАСС — километровый цилиндр, увенчанный чудовищной гребенкой генераторов разгона, — вышел из собственного ТФ-коридора в мегаметре от дрейфующей в свободном пространстве ретрансляционной ТФ-станции. До ближайшей звезды было немногим меньше семи парсеков, мизерность плотности космического звездного поля ощущалась здесь с особенной остротой, поэтому казалось, что

¹⁰ Умный поймет (лат.).

станция давным-давно заброшена и не функционирует — уж очень неэффективно выглядела она на фоне звездной пыли Батыевой дороги, как звали Млечный Путь древние монголы. Именно с этой станции и ушел в неизвестном направлении транспорт с грузом, перед тем как спохватившиеся диспетчеры из Истории, второй планеты Сададьмелека, куда направился груз, растерянно докладывали Земле, что к Сададьмелеку пришло только волновое эхо передачи, а сам груз исчез в неизвестности.

Станция была автоматической, точно такой же, как и все промежуточные ретрансляторы, усиливающие стационарный ТФ-туннель между станциями метро Солнечной системы и планет у других звезд. Обслуживающий персонал появлялся здесь раз в два года для профилактических осмотров силовых агрегатов и настройки дубль-систем. Но сейчас на ней не было ни одной живой души. Состояла она из двухкилометрового диаметра колец, соединенных тремя спицами изоляторов и создающих между собой приемно-передающий объем. Кольца были сделаны из металла и опутаны спиралями эмиттеров, окутанных в свою очередь «шубой» нежного голубоватого сияния.

Прибывших в первую очередь интересовали не силовые конструкции, а отсеки управления, прилепившиеся к кольцам и напоминающие драгоценные камни на перстнях.

Филиппу как специалисту было интересно бродить в лабиринтах энергоголовушек и антенн, запрятанных в телах колец, сравнивать инженерные решения конструкторов Земли почти двадцатилетней давности с современными. Вместе с ним бродил по станции и Богданов, задавая иногда такие дельные вопросы, что Филипп только диву давался и однажды даже спросил, не работал ли инспектор когда-нибудь в Институте ТФ-связи.

— Не пришлось, — с улыбкой, смягчавшей пронзительный огонь в глазах, ответил Богданов. — Но я всегда интересовался ТФ-теорией и ее воплощением в действительность. Потому что от ТФ-транспорта — один шаг до перемещения в пространстве усилием мысли, а это моя мечта.

— Почему? — удивился Филипп.

— Тогда сама собой отомрет спасательная служба, каждый из нас сможет прийти на помощь другому, как бы далеко тот ни находился. Правда, тут возникает еще одна проблема — проблема мысленного общения, парасвязи. Причем проблема не физическая, а морально-этическая. Мысленный контроль над мгновенным перемещением в пространстве установить можно, а воспринимать чужую боль, страх, беду мы пока не научились.

— Для этого надо все время ощущать людей рядом, мысленно ощущать, эмоционально видеть их пси-сферу, желания и стремления. По-моему, это уже иные качества, другая энергетика тела, физические характеристики. Останется ли тогда от человека что-нибудь человеческое?

— Останется, — развеселился Богданов. — Доброта и стремление к совершенству. Разве не так?

На осмотр станции ушло два условных дня, хотя Филиппу помогала бригада инженеров спейсера под началом Станислава Томаха. К концу этого срока Филипп проникся к Богданову симпатией и уважением, малоразговорчивый и противоречиво-спокойный — по оценке Филиппа — заместитель начальника отдела безопасности оказался не только знающим делом специалистом и остроумным собеседником, но и тактичным и сдержанным человеком, в чем сказалась двойственность его натуры. По виду, мгновенной реакции на любой жест и беспокойному блеску глаз он должен был быть очень подвижным, нервным, суетливым человеком, на самом же деле богдановская выдержка даже вошла в поговорку, такого самообладания не было у «железного» Томаха, и это изумляло Филиппа и заставляло самого относиться к себе жестче, требовательней.

Отсек управления «левым» кольцом ретранслятора, как назвал его Томах, или «входом резонатора», как он назывался в паспорте, прятался под прозрачным куполом, способным выдержать ядерный взрыв, три одинаковых помещения с тремя совершенно одинаковыми компьютерами, координирующими работу оборудования станции. Два из них были дублирующими, но включенными постоянно в параллель с основным во избежание срыва

канала.

При первом осмотре аппаратуры Филипп вдруг обратил внимание на панель терминала обратной связи, установленную специально для профилактического контроля работы компьютера, в рабочем режиме терминал был без надобности. Прямо над сенсором включения пульсировала необычайно красивая звезда, изменяющая со временем спектр излучения: три вспышки рубинового света, три оранжевого, три желтого, потом зеленого, голубого, фиолетового, и снова вся серия с начала... Озадаченный Филипп любовался чистыми переливами света и включил информ эксплуатации, однако в описании аппаратуры отсека не нашлось упоминания об индикаторе со сменой спектра. Судя по ответу информа, такая индикация не применялась на ретрансляторах вообще. Но «звезда» продолжала отсчитывать вспышки как ни в чем не бывало, а главное, источником света, как выяснилось, был просто участок панели, не имеющий подвода питания!

Филипп облазил весь терминал, сделал анализ материала панели и вынужден был сдаться: все параметры компьютера были в пределах нормы, а материал светящегося участка ничем не отличался от соседних. «Звезда» словно смеялась над ним, совершенно безобидная на вид, преобразившая панель в деталь сказочной декорации.

Может быть, это новейшая доработка оборудования? Но доработчики обязаны были оставить запись о реконструкции. Забыли? Маловероятно, хотя и не исключено. Что же это такое?

Ничего не придумав, Филипп поделился открытием с Богдановым, который отреагировал совершенно спокойно.

— Ну и что? — сказал он. — Вернемся и спросим у obsługi ретранслятора, не копались ли здесь доработчики. Нам важнее другое: узнать причину срыва груза.

На самом деле Богданов был очень и очень встревожен, но поделился своей тревогой только с Тектуманидзе.

Вечером второго дня, возвращаясь из очередной вылазки с Богдановым на станцию, Филипп, повинувшись больше инстинкту, чем сознательному решению, завернул вдруг в небольшой зал отдыха спейсера, откуда в коридор просачивались звуки музыки. Кто-то, вероятно, забыл закрыть дверь, и Филипп, прежде чем войти, с минуту размышлял, что привело его сюда.

В зале царил красноватый полумрак, и был он пуст, лишь в дальнем углу, где мерцал созданный видеопластом костер, кто-то сидел за столиком, уронив голову на скрещенные пальцы рук.

Музыка стихла. Сидевший поднял руку, пошевелил пальцами — зазвучала новая мелодия, Филипп вздрогнул. Это была старинная мелодия «Знак беды», напоминавшая о горечи утрат. Она всегда вызывала у Филиппа лирически-грустное настроение, а что такое настроение, как не климат сердца? И климат сердца у Филиппа после разрыва с Аларикой долго носил дождливый характер.

Откуда же здесь эта мелодия?..

Душу защемило так, что Филипп прикусил губу, бездумно глядя на трепет оранжевых языков пламени. Музыка продолжала свое нежное, тающее журчание.

Человек за столом встал и растворился во мраке. Но Филипп вдруг с суеверным страхом понял — женщина! Он не верил ни в совпадения, ни в мистику, ни в предчувствия, но в этот раз ощутил в себе такой властный зов сердца, что не раздумывая шагнул в зал.

Женщина стояла у громадного черного провала в стене — один из внешних виомов был включен в направлении Южного галактического полюса, — стояла, будто падая в абсолютную черноту пространства; взгляд невольно начинал искать искры света в этой темноте и не находил.

Филипп подошел, мучимый сомнениями, остановился, глядя на абрис женской фигуры. Женщина повернула голову... Он не ошибся, это была Аларика.

— Это ты, — сказала она низким спокойным голосом, будто они расстались час назад, будто не разделял их океан времени глубиной в пять лет, и неизвестности, и почти угасшей

боли потери. Почти?... — Не думала, что встречу тебя среди безопасников.

— Я всего лишь эксперт по ТФ-аппаратуре, и то временно. — Голос у него оказался таким же спокойным, и он усмехнулся про себя: в глубинах памяти шевельнулась надежда, но это была такая эфемерная ее тень, что здравый смысл легко расправился с нею. И все же... не умерла в душе память рук, память губ, память тела... Память голоса, движения, мысли... и память сердца... «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной...» — всплыли вдруг строки. Чьи? Впрочем, какая разница? Случайные встречи только подчеркивают закономерность разлуки... — Я тоже не ожидал встретить тебя на спейсере.

— Я по-прежнему врач-универсалист «Скорой помощи» УАСС, хотя работаю в этом амбулатории мало, практически один раз в месяц, дежурным врачом. Так получилось, что это мое дежурство совпало с экспедицией «Тиртханкара».

— Почему же я не видел тебя со времени старта?

— Была занята и... хотя вру. Просто не хотела, чтобы ты меня видел.

— Что же изменилось сегодня? На спейсере этого типа можно прожить год и не встретиться.

Аларика отвернулась к виому. Танцующее, немигающее пламя искусственного костра делало ее профиль загадочным, как изваяние древней богини.

— Мне рассказал о тебе друг моего мужа Никита Богданов. А я хотела проверить.

— Богданов? Друг мужа? — Вопрос прозвучал недостаточно естественно и спокойно. Он приказал себе быть посдержанней, но в грудь снова плеснуло волной грусти, и Филипп вдруг представил Аларику в объятиях мужа — абстрактной фигуры, смахивающей на Мая Реброва. Это отрезвило.

— Да, некоторое время они работали вместе. — Аларика осталась спокойной и ровной. — Он ведь тоже был спасателем, хотя и не безопасником. А ты все там же?

Темнота скрыла запыхавшие щеки Филиппа. Вопрос прозвучал как незаслуженная пощечина. Грусть окончательно прошла, появилась злость.

— Все там же, — подтвердил он почти весело. — И по-прежнему играю в волейбол, как ты сама могла убедиться. Я спортсмен настроения, как отметил Ребров, я обидчив и самлюбив и не осуждаю себя за это. Каждый из нас пять лет назад решил по-своему: в силу эмоций — я, в силу неведомого мне расчета — ты...

— Я... — повторила она задумчиво. — Тебе не кажется, что ты довольно часто употребляешь местоимение «я»?

— Может быть, но мы не об этом. Ты мне тогда ясно сказала, что спорт — это несерьезно, это на год, на два, пока ты молод, и неопытен, и на вершине успеха... Неверно! Моя вершина еще впереди, и с высоты пяти лет, пока мы не виделись, я могу только повторить свои слова: волейбол, спорт — это на всю жизнь! Потому что большой спорт всегда приносил радость людям, и тем, кто им занимался, и тем, кто просто «болел». Потому что в каждом из нас живет дух соревнования, а для меня волейбол — не просто игра для себя и для зрителей, это в первую очередь школа жизни, где есть все: радость победы и горечь поражения, ярость атаки, и гнев ошибки, и напряжение мысли, и действие, в котором ты выкладываешься весь до конца! — Филипп выдохся и остановился. — Впрочем, прости, я, как всегда, увлекаюсь, в этом я не изменился.

Она молчала, вспоминая, как впервые встретила Сергея Реброва.

В тот вечер Филипп, на свою беду, пригласил ее на встречу с друзьями — был праздник Отмены Границ, он обещал познакомить ее с легендарными безопасниками, асами аварийно-спасательной службы. Торжество было в разгаре, после фейерверка они заполнили с веселым шумом один из старинных банкетных залов Москвы, Филипп на минуту оставил ее одну — заметил кого-то из знакомых, и в это время в зал вошел Ребров.

Среди этих сильных парней он не был ни особенно широкоплечим, ни особенно красивым, ни особенно значительным, и все же она мгновенно выделила его из толпы, так и не поняв в тот момент, чем же он заставил обратить на себя внимание. Лишь потом, через несколько дней, после двух встреч с ним — он тогда тоже заметил ее сразу, — она поняла:

Сергей Ребров был целеустремленным и уравновешенным во всех отношениях. Такого самообладания, как у него, твердых убеждений, принципов и уверенности в себе Аларика не встречала ни у кого из своих прежних знакомых, и это решило ее судьбу, а заодно и судьбу Филиппа...

— Прощай, — сказал Филипп, делая шаг к двери. — Спокойной ночи.

— Постой. — Она подошла к столику, костер погас, вспыхнул белый свет. Щурясь от смены освещения, они разглядывали друг друга. Конечно же, пять лет наложили отпечаток, он стал мужественнее, сильнее, хотя губы все еще хранили тень нерешительности или безволия, она — чуть полнее, женственнее... красивее, что ли? Как это выразить словами? Мы четко знаем, что такое уродство, а что такое красота?.. В памяти всплыли строки, прочитанные когда-то Станиславом на дне рождения Аларики:

А если так, то что есть красота?
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?¹¹

Слава умеет выбрать четверостишие, выражающее душу поэта, подумал Филипп. Стихи стары как мир, а воспринимаются как откровение...

— До свидания, — уже свободней произнес он. — Ты мне очень помогла сегодня, спасибо. Ты еще что-то хочешь сказать?

— Хорошо, если я ошибаюсь. — В глазах Аларики мелькнули упрямые огоньки. — Но и ты в одном ошибся. Пять лет назад я решила не в силу расчета, а в силу любви. Я любила Сергея.

Филипп несколько мгновений смотрел ей в глаза, поклонился и вышел, унося в душе все то, что она высказала взглядом, породившее смятение и бурю эмоций. Ему очень хотелось остаться, но прежде надо было разобраться в себе, в своих желаниях, иначе можно наломать дров... В том, что Аларика любила своего мужа, сомневаться не приходилось. И эта ее сожалеющая усмешка: «Ты все там же?» Филипп снова почувствовал прилив обидной горечи, но ему, как ни странно, стало легче. Аларика изменилась, но изменился и он...

На третий день Филипп наконец систематизировал свои соображения и решил доложить их руководству экспедиции.

Экспедиционный зал спейсера был небольшой, но благодаря видеопласту создавалась иллюзия громадного ледяного грота, со стен которого брызгали снопы разноцветных лучей.

— Не люблю экзотики, — проворчал Томах, по молчаливому согласию Богданова выключая видеопласт. Грот исчез, одна за другой видеостены открывались в пространство, пока освещенный квадрат пола с креслами, столом, пультом селектора не оказался висящим в пустоте.

Серебристый шлейф Млечного Пути искрился мириадами алмазных игл, глубина космоса раскрылась так, что казалось — ты падаешь, падаешь в засасывающую бездну, где ожидает тебя приглушенное бормотание Дороги Душ, неторопливое, но вечное течение Серебряной Реки¹² и бесконечность...

Филипп с усилием оторвал взгляд от пристального ока какой-то далекой зеленой звезды и повернулся к спасателям.

— Автоматика станции в полном порядке, — начал он, ощущая необычную робость и волнение: в качестве эксперта ему еще не приходилось выступать, да и обстрел пяти пар

¹¹ Н. Заболоцкий.

¹² Названия, которые давали астрономы древности Млечному Пути.

глаз, принадлежавших суровым и требовательным людям, был непривычен. — Это, наверное, и не подлежало сомнению, надежность ретрансляторов подобного типа практически равна единице. Чтобы изменить параметры хотя бы одной цепи, необходимо взорвать всю станцию, а это далеко не просто. Станция работает нормально, во всяком случае, наши депеши Земля получает, как и мы ответы оттуда. Необходим эксперимент с передачей груза на Садальмелек, только тогда можно будет с уверенностью сказать об эффективности линии. Вот, пожалуй, и все у меня.

— Вывод ясен, — сказал начальник экспедиции Шалва Тектуманидзе. Одетый в просторную белую рубашу со шнуровкой — компенсационный костюм спасателя он почему-то не любил, хотя тот был удобен и рассчитан на все случаи жизни, — сухой, жилистый, прокаленный солнцем, черноусый и чернобровый, он выглядел гостем, странником, гусяром, случайно забредшим в хижину, но оказавшимся в технически совершенном дворце. Филипп мысленно повесил ему через плечо холщовую суму и гусли, дал в руки посох и усмехнулся про себя — так великолепно начальник экспедиции вписывался в образ гусяра.

— Но позвольте вопрос, — продолжал Тектуманидзе, — можно ли запеленговать приемную станцию, если при передаче груз снова сорвется с трассы Садальмелека?

— Нет, — подумав, ответил Филипп. — Во время возбуждения ТФ-поля при передаче любого сообщения или груза в пространстве образуется волновое эхо, но тут мы сталкиваемся сразу с двумя нерешенными проблемами. Первая — принцип неопределенности: чем длиннее и качественнее передача, тем слабее эхо и больше ошибок в определении координат передатчика. Вторая — аппаратуры для точной пеленгации ТФ-передач не существует, до сих пор она была не нужна. Обычный ТФ-приемник, как и корабельные трассеры, не годится. Дело в том, что ТФ-поле — это не физическое поле в нашем понимании, а свойство пространства, отражающее топологические особенности вакуума...

Филипп замолчал, интуитивно поняв, что объяснения его излишни: хотя его продолжали слушать, по едва уловимым признакам можно было понять — людей интересовало другое.

— Еще вопрос, — вмешался Томах. — Безопасен ли эксперимент для работников конечных станций на Земле и на Истории?

— Гарантии дать, конечно, трудно, но конструкторы давно ушли от техники безопасности к созданию безопасной техники. При малейшей угрозе жизни людей сработают автоматы защиты.

— Сказано неплохо, — проворчал кто-то из команды спейсера, — но тем не менее случаются аварии и с безопасной техникой.

Филипп пожал плечами и промолчал.

Совещание закончилось.

Через несколько часов провели экспериментальный запуск груза с Земли на Историю. Груз — генераторы кислорода — прошел спокойно, без всяких эксцессов. Несколько часов подряд Филипп с помощью бортинженеров спейсера «гонял» трассу между Землей и станцией: канал ТФ-передачи в обе стороны работал безукоризненно, как и между станцией и Историей.

— Отсутствие результата — тоже результат, — утешил Томах Богданова, когда усталые они вернулись на корабль.

— Но первый груз исчез, — произнес тот отсутствующим тоном. — Куда? Кто его принял?

— Кто-нибудь принял. Надо просто обследовать все звезды этой области в радиусе пятидесяти парсеков — это предел для прямой ТФ-связи на тех частотах, которые мы используем.

— Гениально! В радиусе пятидесяти парсеков тысячи звезд!

— Ну что ж, — не сдавался Станислав, — тогда мы пошлем сообщение по всей

Галактике — верните, мол, наши грузы!

Богданов невольно улыбнулся.

— Разве что.

— Я пошутил.

— А я нет. Идея неплохая. Кстати, от всего нашего копания на станции у меня осталось нехорошее чувство, будто мы что-то упустили из виду.

— Не из-за тайны ли «звезды Ромашина»? Ведь мы так и не установили, что это такое и по какой причине возникло. Знаем только, что доработчики здесь ни при чем.

— Может быть, есть смысл еще раз измерить параметры среды в этой точке? Но будет ли результат?

Томах пожал плечами.

— Филипп замерял, я, ты тоже. Конечно, придется проверить еще раз, что нам остается? Твое мнение о Филиппе?

— Хороший парень. Правда, выдержки маловато, да и вяловатый он не по возрасту, но это дело поправимое, со временем из него мог бы получиться...

— Ну-ну, договаривай.

— Что договаривать? Я ведь тебя знаю, неспроста ты заостряешь на нем внимание так?

— Да. — Томах остался серьезным. — Выдержка — это наживное, и вялость жизненной позиции — дело поправимое. По моему мнению, он находка для Службы, только не знает об этом. Что скажешь?

— Поживем — увидим. Прежде всего надо получить его согласие, а я вижу, что он не хочет бросать свою работу в бюро Травицкого.

Спустя двое суток «Тиртханкар» подходил ко второму ТФ-ретранслятору, с которого не прошел груз к планетам звезды гамма Суинберна. Но и там людей ждало разочарование: станция работала в пределах нормы, никаких следов вмешательства посторонних сил в ее работу не нашлось. Кроме одного: «звезда Ромашина» сияла и там, не связанная ни с одним источником энергии, никоим образом не действующая на приборы, не проявляющая никаких других свойств, кроме ритмичной пульсации спектра излучения.

Передав на Землю неутешительную информацию, Тектуманидзе неожиданно получил приказ следовать к Кохабу — бете Малой Медведицы, возле которой на планете Шемали начала недавно работать первая, «квартирьерская», как их называли, экспедиция.

Двести девяносто парсеков — сто восемьдесят от Солнца и сто десять от Солнца к Кохабу — «Тиртханкар» преодолел за трое суток.

Еще через сутки карантина Филипп ступил на почву Шемали, слегка оглушенный избытком впечатлений и астрономическими расстояниями, которые преодолел вопреки своим желаниям. Его уже перестала удивлять «безумная» щедрость Земли в отношении снабжения спейсеров аварийно-спасательной службы энергией, ибо он понял — делается все это ради той же Земли, ради ее повелителей, покинувших колыбель и углубившихся в безмерное поле тьмы космоса.

Вокруг Шемали вращалась одна базовая орбитальная станция, на которой недавно вступила в строй стационарная линия метро. С включением ее в рабочий режим вопрос доставки научных материалов на Землю превращался в совсем простую операцию, несмотря на колоссальные расстояния в десятки парсеков.

За время карантина Филипп познакомился с настройщиками, такими же, как и он, выпускниками Рязанского института ТФ-связи, и помог им в калибровке главной антенны, за что получил благодарность руководителя группы.

Спуск на планету происходил стандартно, как и возвращение на Землю с ее орбитальных лабораторий, оранжерей и космодромов — по каналу орбитального лифта, соединяющего станцию с пунктом приема на планете. Единственное, что отличало здесь операцию спуска, — одевание компенсационного костюма.

Филиппа пригласили в цилиндрический бокс, на минуту подключили к блоку медико-биологической изотермии для замера физических и физиологических параметров

тела, всунули в рот мундштук, надели на глаза телескопические очки, а на уши аудиофоны и впихнули голого в странную черную массу, заполняющую бак без крышки. Из бака Филипп вылез в черном «трико», облегающем тело от макушки до пят. В таком наряде спасателям предстояло пребывать на планете неопределенное время, отведенное для решения новой задачи — какой, об этом знал пока один Тектуманидзе.

Филипп с любопытством опробовал странную одежду. К его удивлению, она ничуть не стесняла движения, была легкой и вызывала удивительное чувство силы. Томах, похожий на черта, как и остальные, отсмеявшись, пояснил:

— Костюм служит одновременно и экзоскелетом, увеличивающим любое мускульное усилие.

По словам инспектора, костюм выдерживал выстрел из «универсала», температуру до тысячи градусов, служил кондиционером и одновременно удалял все отходы метаболизма тела.

— Здорово! — сказал искренне Филипп. — А из чего он сделан? Что за материал?

Они уже входили на галерею станции, откуда начинался трехсоткилометровый туннель к поверхности планеты, кажущийся прозрачной голубоватой трубой. Труба упиралась в слой змеящихся облаков и пропадала в их зеленовато-серой мути.

— Материал? — переспросил Станислав. — Да самый что ни на есть простой — колония микроорганизмов, запрограммированная определенным образом. Не отставай, пойдем парой, остальные уже внизу.

Ошеломленный Филипп ощущал на себе «колонию микроорганизмов».

— Вот так костюм! А почему он черного цвета? Не могли покрасить в разные цвета?

— Во-первых, потому, что микроорганизмы поглощают солнечный свет и почти все виды радиации, а во-вторых, любое красящее вещество для них — продукт питания.

— Теперь понятно. Одно только неясно — зачем они нам вообще? Ведь Шемали — планета земного типа, как мне сказали.

— Земного, да не совсем. Что ты привязался ко мне со своим мундиром? Не нравится, попроси легкий скафандр, а в «гражданском» тебя вниз никто не пустит, планета еще не проиндексирована по шкале безопасности.

Они молча продолжали путь по галерее, сопровождаемые стрелкой путеуказателя, плывущей по стене, потом Филипп спросил:

— А как это — в «гражданском»? Ты говорил, не пустят в «гражданском»...

Томах не выдержал и засмеялся.

— Ох и дотошный ты мужик, Ромашин! В «гражданском» — это словарный запас почти трехсотлетней давности, тогда почти половина населения Земли ходила в военном обмундировании, а остальные соответственно в гражданском. Ты часом не издеваешься? Историю-то в школе проходил, как и все.

В конце галереи они надели вакуум-маски, вошли в белый конус кабины лифта с цифрой «десять» на дверце, автомат-лифтер отсчитал десять секунд в обратном порядке, и мягкая, но властная лапа швырнула кабину с начинкой в туннель, в невообразимой дали сходящийся в точку.

Полет продолжался ровно шесть минут. Видимо, чтобы не травмировать путешественников эффектом падения в бездну планеты, стены кабины не становились прозрачными во время полета, и Филипп не увидел Шемали с разных высот.

Прозвучал предупреждающий сигнал автомата, та же мягкая лапа без усилий поймала кабину и почти нежно внесла в приемный зал лифта. Дверца отошла вверх, спасатели вышли из здания лифта в шемалианский день.

Филипп остановился, пораженный открывшимся пейзажем.

На первый взгляд на Шемали царили два цвета: черный и желтый! Черный — почва, пологие склоны гор, полуразрушенные временем скалы, желтый — мутное небо с яркими прожилками, лес и группа каких-то построек явно земного происхождения. Со временем Филипп разобрался в оттенках шемалианского ландшафта, но в первый момент своеобразие

контраста — черное с золотым — буквально потрясло его.

Догнав ушедшего вперед Томаха, он подумал: «А все же костюмы делают нас чересчур похожими на участников маскарада, разве что хвостов не хватает. Действие первое: черти спускаются в потухший ад! Вопрос — зачем?»

— Слава, мне толком никто и не объяснил, почему мы здесь.

— Мне тоже, — отозвался Томах. — Потерпи, эксперт. Кстати, эксперту УАСС необходимо быть выдержанным, уверенным и многозначительно молчаливым. Хотя, с другой стороны, спасатели тоже люди и могут...

— Ошибаться? — подхватил Филипп.

Томах с недоумением оглянулся.

— Нет, эксперт, сомневаться. Только не ошибаться.

Они вошли в самый большой из желтых куполов жилого комплекса экспедиции и, миновав тамбур, очутились в круглом помещении, просторном, уютном, с «настоящим» солнечным светом, льющимся с «небес», — весь потолок служил фоном видеопласта, отчего казалось, будто крыша купола отсутствует и внутрь заглядывает веселое земное солнце.

Купол, вероятно, был кают-компанией и одновременно командным пунктом экспедиции, за полупрозрачной перегородкой, делившей помещение на две почти равные части, виднелись силуэты каких-то аппаратов, низких пультов с виомами и мигающими индикаторами. Оставшаяся половина площади помещения была заставлена изящными столиками и всевозможной формы креслами, а у стены стояли рядом автобар и кухонный универсальный автомат, модель «Комфорт-91» на пятьдесят персон.

Кают-компания была почти пуста: за двумя сдвинутыми столиками расположились гости с «Тиртханкара» и хозяева, хотя кто из них кто — понять было трудно, одеты они были в такие же черные костюмы. Филипп, приглядевшись, опознал только Богданова и Тектуманидзе — по глазам. Остальные «черти» были незнакомы. Один из них, широкий, громоздкий, встал из-за стола и пошел навстречу вновь прибывшим.

— Заходите, гости дорогие, заходите смелее. Давайте знакомиться, Тарас Вернигора.

— Ну, меня ты мог бы и узнать ради приличия, — сказал Томах, подавая руку. — Год назад вместе посещали секцию тайбо.

— Вай, как нехорошо! — огорчился Вернигора. — Прости, дружище. Как же это я не узнал соперника по ковру, мавшего мне бока в течение трех лет?

— Ромашин, — представился Филипп, протягивая руку, и словно попал в капкан.

— Филипп — наш новый эксперт, — сказал Тектуманидзе, хотя это было не совсем верно.

— А я начальник экспедиции, — сказал Вернигора. — Эксперт, вы случайно не спортсмен? Мне кажется, я вас уже где-то видел. Да и рука у вас крепкая, тренированная.

— Не случайно, — сказал Филипп, чувствуя себя неловко из-за того, что все внимание оказалось прикованным к нему. «Интересно, откуда видно, что я спортсмен? — подумал он. — По глазам, что ли? Или он меня действительно видел где-нибудь на соревнованиях?»

— Извини, Тарас, давай о деле, — вмешался Тектуманидзе. — Повтори еще раз те данные.

— Да, о деле, — согласился Вернигора, отпуская руку Филиппа и возвращаясь к столу. — А дело состоит вот в чем. Экспедиция у нас квартирнерская, исследовательская группа немногочисленна, в ее составе всего двадцать восемь человек, а строительный отряд почти в девять раз больше. Вы, наверное, видели с воздуха некоторые наши сооружения, имеется в виду — законченные, остальные только начинают строиться. План застройки большой, экспедиция нуждается и в людях, и в технике, особенно в технике. И тут на тебе — груз с Земли не приходит!

— Не понял? — удивился Томах.

— Пока мы исследовали причины исчезновения грузов на Истории, точно такой же случай произошел здесь, — пояснил Богданов. — Четверо суток назад. Они решили дать пробный пуск линии, на Земле старт-камера освободилась, а финиш-камера здесь, у Шемали,

даже не мякнула.

— Вот оно в чем дело. И Шалва знал об этом, но не сказал ни слова?

— Не стриги мне усы на ходу, — проворчал осуждающе Тектуманидзе, хотел по привычке погладить усы, но наткнулся на гладкую черную поверхность костюма.

— Но это еще не все, — продолжал Вернигора. — До исчезновения груза, вернее, до того как с Земли нам передали, что груз к нам ушел, мы заметили «зеркала» не совсем простые, но об этом я рассказывать не буду, пощупайте их сами. Ну а вслед за открытием произошел срыв транспорта с грузом.

— В таком случае нам надо проверить ретрансляционные станции, а у вас нам делать нечего.

— Кто знает... — загадочно сказал Вернигора. — Именно после появления «зеркальных перевертышей» и случилась эта история с грузом. Так что вполне вероятно, что они каким-то образом связаны.

— погоди, ты же сначала говорил о «зеркала». А «перевертыши» что такое?

— Это одно и то же.

— О «зеркала» мы узнали уже от вас, — сказал Тектуманидзе. — С Земли на спейсер пришла ТФ-депеша об исчезновении груза на Шемали, и вот мы здесь. Кстати, какого характера груз должен был к вам прийти?

— В основном оборудование терраформистов: комбайны для грунтовых и горных проходок, плазменные резак, аппаратура объемного взрыва и так далее.

— Весьма любопытно.

Вернигора помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Мы разбили лагерь на Шемали два месяца назад. Сейчас, конечно, здесь почти никого нет, исследователи разбрелись по всем материкам планеты, строители и терраформисты успели построить себе стационарный поселок, и база, по существу, превратилась в пункт обслуживания отрядов, тем более что лифт от орбитального метро тоже опущен сюда. И все было бы хорошо, если бы не инцидент с грузом. Ну, и «зеркальные перевертыши» — тоже интересная штучка. — Начальник экспедиции подождал вопросов, не дождался, кхекнул и продолжал: — Представьте, что на скале, возле которой проходили раньше десятки раз, вдруг начинает отражать свет одна из плоских граней! Как самое настоящее зеркало. Это тем более впечатляет, что цвет скал здесь, сами видели, черный или темно-коричневый. Естественно, мы заинтересовались явлением, обнаружили еще несколько «зеркал» в разных местах; стали изучать и... давайте я вас провожу к одному из них. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Самое интересное, что «зеркала» способны перемещаться. То есть видеть их в момент перемещения никто не видел, но стоит группе сменить место базирования или работы, как на новом месте вскоре обязательно возникает «перевертыш». А на старом исчезает.

— Не очень-то это впечатляет, — проговорил Томах. — Похоже, вы открыли новое физическое явление — и только. С чем и поздравляем. Разве разведчики не предупреждали вас о подобных явлениях?

— В том-то и дело!

— Это не аргумент. Я все равно не вижу причины, из-за которой нас погнали за тридевять земель.

— Слава, ты просто плохо информирован, — вмешался Богданов. — Дело в том, что и на Истории, вращающейся вокруг Садамельека, обнаружены какие-то «зеркала». И у меня смутное предчувствие, что я нечто подобное... — Он замолчал.

Томах подождал продолжения.

— Вот как? Зачем же тогда мы не высадили десант на Садамельеке, а сразу двинули сюда?

— Те «зеркала» на Истории с исчезновением транспорта никто не связывал, — сказал Тектуманидзе. — Когда пришел приказ двигаться к Шемали, еще не было известно о здешних «зеркала». Но теперь понятно, что «зеркала» и пропажи действительно

взаимосвязаны, и нам придется заняться ими вплотную. Физические параметры «зеркал», я надеюсь, зафиксированы?

Вернигора встрепенулся.

— Конечно. Одно из них совсем рядом с базой, на Вепре — это скала такая. Не удивляйтесь, скалы на Шемали — одно из чудес света! Формы их столь разнообразны и удивительны, что ребята уже не раз докладывали мне о находках «развалин городов». Пойдемте, покажу вам «зеркало». Захватите антигравы, а то пешком ходить по местным буеракам не слишком приятно.

Спасатели вышли из помещения, окунувшись в мрачное «подземелье» шемалианского ландшафта, такие же угрюмо-черные в своих костюмах, как и окружающие долину скалы, словно они искони принадлежали этому миру и могли в нем раствориться без следа.

И тут Филипп понял причину своего недовольства: костюмы рождают мрачные ассоциации. Недаром крупные видеописатели современности обращали внимание на моральную сторону космической экспансии человечества, и в связи с этим Филипп даже вспомнил тему одной из видеоповестей: «Всегда ли человек несет с собой добро?» Факт — должен! Но вот несет ли? Слишком часто в поисках новых сырьевых и энергетических ресурсов он не заботится о побочных явлениях своего вмешательства в природу и в результате приходится восстанавливать экологическое равновесие чуть ли не в масштабах планеты, как это было век назад с Землей. Других примеров Филипп не знал и решил при случае расспросить об этом Томаха, не ведая, что своими расспросами даст толчок к решению завязавшейся глобальной проблемы, первые признаки которой — исчезновение грузов и появление «зеркал» — они только начали изучать.

Он оглянулся назад, по-новому всматриваясь в расположение базового лагеря экспедиции, и вдруг заметил над входом в соседнее здание огромную лучистую звезду, «играющую» цветовую гамму, от голубого до багрового, по три вспышки на каждой частоте. Филипп живо припомнил найденную им «звезду» на пульте управления ретранслятором.

— Что остановился? — окликнул его Богданов. — Не зевай, эксперт.

Один за другим люди поднялись в воздух, и Томах, стартовавший последним, весело прокричал:

Это в пору полнолуния
В ночь Иванову случилось —
Кавалькада чертовщины
Пронеслась тесниной духов.¹³

Лагерь остался позади, приблизилась цепь скал, и в самом деле напоминавших руины. Вернигора резко спикировал к одной из них и стал на толстый ковер мха коричнево-красного цвета. Остальные опустили рядом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Скала с «зеркалом» напоминала очертаниями диковинного зверя, сходство с вепрем она имела весьма отдаленное, но ощущение мрачной мощи, реальной угрозы от этого не уменьшалось.

«Зеркало» представляло собой трехметровую плоскость, отполированную до такой степени, что она отражала свет не хуже настоящего металлического зеркала. Фигуры людей в нем искажались самым причудливым образом, хотя поверхность «зеркала» на глаз казалась абсолютно ровной. Филипп поймал себя на мысли, что это «зеркало» весьма напоминает ему недавний розыгрыш с «динго» в рабочем кабинете института, розыгрыш, так и оставшийся неразгаданным.

— Вот такие пироги, — сказал Вернигора, разводя могучими руками; его двойник в «зеркале» тоже развел руками, но вывернутыми в локтях. — Из физических параметров,

¹³ Г. Гейне. «Райнеке-лис».

отличающих это место от других, следует отметить слабую магнитную аномалию да еще, пожалуй, микроволновый фон. Все материалы я вам выдам в лагере. Ну, посмотрели?

— А ведь отсюда открывается отличный вид на весь лагерь! — заявил вдруг Томах со странной интонацией. Он был единственным, кто не подошел сразу к «зеркалу», а сначала обошел площадку кругом.

— Может быть, — пожал плечами начальник экспедиции. — Никогда об этом не задумывался.

Он подошел к Станиславу, приставил руку козырьком ко лбу.

— Гм, действительно... ну и что?

Томах оглянулся на Богданова.

— Не знаю... ничего определенного, просто показалось странным. Филипп, я помогу тебе с контрольными замерами. Какая нам понадобится аппаратура?

— Вся, что есть, — резонно заметил Филипп, толком еще не зная, что именно придется замерять.

— Снабдим, — заверил спутник Вернигоры. — Хотя мы сами тут обнюхали все до камешка.

— Кстати. — Вернигора поднял с площадки угловатый черный обломок камня. — Это знаменитая шемалианская горная порода псевдоникс. Смотрите.

Он с размаху ударил камнем о выступ скалы, и камень рассыпался фонтаном осколков. Начальник экспедиции поднял несколько кусков и подал спасателям. В местах сколов обломки отливали фиолетовым и красным цветами, и каждый из них напоминал недоработанную скульптуру — удивительные фигурки людей, зверей, птиц, изделий рук человеческих.

— Что это? — спросил скептически Тектуманидзе, вертя в руках одну из фигур. — Как ты это делаешь? Фокус?

— Отнюдь. Это так называемая спонтанная асимметрия кристаллизации породы. Явление сверхредкое, если не единственное в своем роде. Но псевдоникс не последняя достопримечательность планеты, здесь много работы и для ксенобиологов, и ботаников, и зооморфологов. Нам повезло, что мы тут первые. Планета, как мне кажется, подпадает под статью эстетических ресурсов человечества, как зона отдыха, но я еще не все показал. Ждите.

Вернигора повернулся к «зеркалу» и с ходу вошел в него, как в открытую дверь.

Филипп ожидал стеклянного удара и фейерверка осколков, но поверхность «зеркала» чуть помутнела, а потом восстановила зеркальный блеск, отражая мир перед собой. Вернигора исчез!

Потрясенные гости переглянулись. Филипп открыл рот, собираясь рассказать Томаху о своей встрече с подобным зеркалом в своем институте, но передумал.

— И что дальше? — спросил Тектуманидзе спустя минуту.

— Подождем, — сказал один из старожилков. — Он появится минут через десять-пятнадцать. Максимальная задержка выхода из «перевертыша» тридцать три минуты, минимальная — восемь, мы замеряли. Чем объясняется разброс, неизвестно.

— А что там происходит с входящим?

— Да ничегошеньки. Не успеваешь сообразить, как уже выходишь! То есть для входящего проходит буквально мгновение, а выходит он через полчаса, причем не задом, а так, будто его незаметно повернули на сто восемьдесят градусов.

Спокойная гладь «зеркала» вдруг пошла рябью, затуманилась, из нее вынырнули нога и рука идущего человека, потом весь Вернигора.

— Ну как?

— Потрясающе! — сказал Тектуманидзе. — Дверь в параллельное измерение, не иначе. Я даже не уверен, что оттуда вышел именно ты. Вдруг вы обменялись?

— С кем? — опешил начальник шемалианской экспедиции.

— Со своим двойником из зеркального мира. Представляешь последствия? Придется

тебя подвергнуть изучению и обследованию, как и само «зеркало».

Вернигора рассмеялся.

— Шутишь.

— Ничуть, — жестко сказал Тектуманидзе. — Вероятность существования «зеркальных миров» после работ Баташова — Каэдо — Сайкса доказана наукой, так что смеяться рано. Ты мог бы и сам скумекать, где можно рисковать, а где нет. Я, конечно, не верю в подобный обмен, но я безопасник и обязан проверить любую возможность.

Вернигора посерьезнел.

— Пожалуй, ты прав, я не учел всех последствий. Но ведь и мы не лыком шиты и прежде, чем уходить в «другие измерения», проверили все дистанционно. Что ж, будем исследовать феномен со всех сторон, в том числе и со стороны медицины и биологии. Я готов.

Через полчаса, побродив по скалам, спасатели вернулись в лагерь, нагруженные ворохом впечатлений от «зеркальных перевертышей» и диких ландшафтов Шемали, размышляющие о ее поразительных особенностях. Филипп прикидывал, сообщить ли Томаху о встрече с «зеркалом» на Земле, но решил повременить, сначала изучив феномен «перевертыша», хотя его и поразила полная идентичность явлений. Он не придавал значения серьезности того, о чем предупредил Тектуманидзе, такая мера ответственности была ему пока не по плечу.

Филипп продиктовал дежурному бортинженеру «Тиртханкара» список необходимой аппаратуры, которой не оказалось у гостеприимных хозяев, и в ожидании ее прибытия решил еще немного побродить в окрестностях лагеря. Томах с Богдановым на антригравах отбыли на корабль, так что новоиспеченный эксперт остался в одиночестве, предоставленный самому себе.

У лагеря он, к своему удивлению, встретил Аларику. Разговора не получилось: она явно хотела остаться одна, а Филипп так остро чувствовал это ее желание, что вовремя остановил язык, готовый завести куда угодно. Во взгляде Аларики мелькнула благодарность, она оценила его сдержанность. Они разошлись в разные стороны, хотя Филиппу как никогда ранее хотелось многое поведать и многое услышать в ответ. Дразнящая женственная красота Аларики, которую не портил даже черный костюм, превративший ее в лукавую ведьму из старинных сказаний, разбередила душу, и, чтобы восстановить утраченное душевное равновесие, Филипп заставил тело работать физически — взобрался на вал древней морены, превращенный выветриванием в стену бастиона с башнями и бойницами. И обнаружил здесь еще одно «зеркало». Воровато оглянувшись, сунул руку в гладкую плоскость. Рука исчезла. Ни тепло, ни холодно. Филипп попытался выдернуть ее обратно — не тут-то было! Впечатление такое, что рука вмурована в монолит! Вперед — пожалуйста, а назад — легче отрезать. Потоптавшись у «зеркала», понимая, что выглядит со стороны смешно, он вынужден был пройти «перевертыш» и вышел обратно без всяких вторичных эффектов — кроме задержки во времени (на двадцать две минуты, как он узнал потом).

Вспомнив замечание Станислава, Филипп посмотрел на лагерь, и странное подозрение зародилось в мозгу — с этой точки лагерь также просматривался великолепно!

Эксперт оперся рукой о камень и невидяще уставился на какое-то тщедушное существо, уползавшее под защиту каменного козырька. Черт возьми! Развивая мысль Славы, «зеркала» можно представить как своеобразные следящие устройства! С туннельным пространственным эффектом. Но кому это нужно — следить за лагерем! Аборигенам? Чушь! Планета признана необитаемой... Тогда кому?

Филипп поморщился, а подозрение уже крепло, превращалось в уверенность: не чушь, не чушь! Недаром и Шалва связал события — грузы и «зеркальные перевертыши». И Земля тоже, случаи-то уже не единичные! Сначала на Истории, теперь на Шемали, да и дома, на Земле, хотя непонятно, за кем там следить? За ним, Филиппом? Невелика шишка... А может быть, совпадения? С чего это у него вдруг заиграло воображение? Как там говорил Слава: эксперт должен быть выдержанным и многозначительно немногословным... если нечего

сказать.

Он усмехнулся, сделал шаг и... шарахнулся в сторону: ползущее лохматое существо, похожее на шапку-ушанку, вдруг подпрыгнуло, плюнуло в его сторону чем-то желтым и издало такой дикий вопль, что с минуту со всех сторон доносилось каркающее эхо.

Существо как ни в чем не бывало опустилось на камни и поползло прочь, не сводя с замершего человека несколько пар глаз-бусинок.

— Однако! — пробормотал оглохший Филипп и вежливо приподнял несуществующую шляпу. — Простите, сэр, я вас, кажется, напугал? Но и вы в долгу не остались, так что дуэли не будет.

Засмеявшись, он повернул назад, прыгая с камня на камень, спустился к подножию «крепостной стены», еще раз посмотрелся в «зеркало», невозмутимо отражающее желтый пламень неба, и припустил к таким же чистым и желтым куполам лагеря.

Три дня провел Филипп возле таинственных «зеркальных перевертышей». Ему помогали инженеры «Тиртханкара», неразговорчивые парни, понимающие друг друга с полуслова, и Томах.

На исходе вторых суток при погружении в «зеркало» универсального всеволнового измерителя внезапно сработал один из малых ТФ-трассеров, несмотря на «малость», весивший на Шемали вместе с гравитационной антенной около трех тонн. ТФ-трассеры применялись на космолетах для определения координат выхода корабля из ТФ-канала, Филипп настоял взять два аппарата скорее из упрямства, чем по необходимости, все-таки тайм-фаговая аппаратура была его слабостью, и вот один из взятых с собой трассеров выкинул красный сигнал.

Филипп сначала даже не поверил глазам, узрев сигнал, но раздавшийся вслед за этим гудок заставил его подскочить к пирамиде трассера.

— Эхо! — растерянно сказал он, заметив вопросительный взгляд Томаха. — Трассер обнаружил волновое эхо в пространстве! Кто-то где-то рядом только что провел сеанс ТФ-связи!

— Точно, — подтвердил один из инженеров, подходя к трассеру и наклоняясь над плечом Филиппа. — Трассер обнаружил тайм-фаговый «след», еще тепленький.

— Ну и что? — сказал Томах. — «Тиртханкар» передал на Землю ТФ-депешу... или Вернигора разговаривал с Землей.

Филипп отрицательно мотнул головой.

— Частоты наших каналов ТФ-связи лежат далеко в стороне от принятого «эха». Да и мощность невелика... Кстати, почему-то не сработал второй трассер, странно...

— Ничего странного, — сказал инженер. — Диапазон частот второго на порядок меньше, вы же видите класс. Мы используем его только для определения фона и грубой ориентации в евклидовом пространстве.

Филипп вспомнил свои странные предположения, и сердце снова сжала холодная лапа тревоги. Он бегло просмотрел данные, полученные с помощью многочисленных датчиков, измерителей полей и другой аппаратуры, высвеченные на терминале компьютер-координатора исследовательского комплекса, и решил поговорить с Томахом. Но Станислав сам подошел к нему, удивительным образом уловив его смятение: лица людей скрывались под масками и мимику лица Филиппа он видеть не мог.

— Что-нибудь случилось? Ты какой-то растерянный.

Филипп невольно посмотрел на блистающее «зеркало».

— Отойдем, — решил Томах и отвел его в сторону. — Рассказывай. Что, встречал «зеркальные перевертыши» раньше? Я видел, как ты реагировал на эффектный вход Вернигоры в «зеркало».

— Мне кажется, точно такое же сначала появилось на Земле. — Филипп рассказал о своей встрече с «зеркалом», которое он принял за видеопризрак «динго».

— М-да. — Станислав по-новому взглянул на друга. — Интересный крен получается.

Сначала Никите на Земле повстречалось «зеркало», теперь, оказывается, и тебе тоже...

— Никите?! Когда?

— В тот вечер, когда нас собирал Керри. Его «прыгун» врезался в нечто напоминающее «зеркальную стену» и... оказался развернутым на сто восемьдесят градусов без всякого ущерба. Из-за этой встречи Никита и опоздал, помнишь? «Зеркало» держало его около пятидесяти минут.

— Вот так номер! Что же это означает?

— Только одно, мой друг, — за нами кто-то установил наблюдение. Ведь если я тебя правильно понял насчет «эха», «зеркало» только что передало сообщение, так?

— Примерно так. Никогда не думал, что такое возможно! В таком случае «зеркальные перевертыши» суть тайм-фаговые станции с негативным выходом и временной задержкой, иными словами — накопители-передатчики информации. Они явно не имеют своих энергопитающих систем и тем не менее не связаны со своими хозяевами все время ТФ-каналами, а выдают информацию только при облучении. Направленная ТФ-волна инициирует их и «снимает» запасенную информацию. Только в этом случае энергия им не нужна. Зато теперь мы можем попытаться запеленговать их ТФ-передатчик, надо только разработать и изготовить на основе трассеров пеленгационную аппаратуру в нужных диапазонах и с необходимой чувствительностью. Одно мне непонятно: зачем «зеркалам» такие экзотические свойства? Имею в виду «вывертывание наизнанку».

Станислав хмыкнул, оглянулся на «зеркало», равнодушное ко всему, как казалось недавно, вздохнул:

Драгоценное зеркало ждет,
Чтобы в нем отразился цветок,
Но об этом узнает лишь тот,
Жду кого я в назначенный срок!¹⁴

Филипп озадаченно посмотрел на спасателя.

Томах улыбнулся глазами.

— Учись удивляться спокойно, эксперт... хотя твои предположения несут больше вопросов, чем ответов. Да, «зеркала», вероятно, следящие устройства. Но чьи? На Шемали нет и не было разума, как и на Истории, кстати. — Томах задумался на мгновение. — Ты не обижайся, в твоей компетентности никто не сомневается, но... не ошибаешься ли ты?

Филипп улыбнулся, собираясь ответить, что обижаться тут не на что и надо будет, конечно, не раз проверить новые свойства «зеркал», но Томах угадал его мысли и благодарно сжал руку.

— А не напрасно мы тебя взяли, ей-Богу! Помог ты нам здорово! Но все-таки постарайся проверить свои выводы, а?

— Буду ждать следующего «эха», — сказал Филипп; ему, конечно, давно осточертели мрачные, подавляющие психику пейзажи Шемали, хотелось скорее очутиться на Земле, окунуться в привычную атмосферу забот, тренировок и творческого поиска в «мыслительном» центре ТФ-института, но вслух он этого не сказал.

«Тиртханкар» вернулся на Землю лишь спустя две недели после разгадки тайны «зеркальных перевертышей», относительно, разумеется: свойства «выворачивателя» остались неразгаданными. Повторные, более тонкие измерения полей вокруг них, а также вблизи «звезды Ромашина», бесстрастно продолжавшей высвечивать «нотную гамму», не подтвердили и не опровергли пассивные следящие системы, выдающие ответ при облучении их ТФ-полем. Кем они были установлены и с какой целью, осталось также неизвестным. Вернее, можно было догадаться, что целью неведомых любопытных, получивших

¹⁴ Вэнь Тинъюнь. «Мелодия Пусамань».

собирательное название Наблюдатель, является слежение за действиями исследовательских групп на Истории и Шемали («зеркала» на Истории изучали «настоящие» эксперты управления, об этом Филипп узнал от Томаха уже на Земле), но так ли это на самом деле, никто наверняка знать не мог. К сожалению, запеленговать передачи хозяев «зеркал» не удалось: во-первых, потому что чувствительность имеющейся в распоряжении людей аппаратуры была на два порядка ниже, чем следовало, во-вторых, работала она в узкой полосе спектра и, в-третьих, «зеркала» вскоре исчезли, сначала на Шемали, потом на Истории. Как они образовывались — то ли вырастали, как живые существа или растения, то ли передавались по ТФ-каналу с планет Наблюдателя — физики установить не могли.

Но отделу безопасности УАСС это обстоятельство не помешало пробить тревогу, и полетели во все концы контролируемого космоса, на периферию исследуемой зоны ТФ-депешей о странных явлениях в пограничных ее слоях, на переднем крае неизведанного, где появлялись пока только земные разведкорабли, и напряглась в настороженном молчании, чутко вслушиваясь и всматриваясь в поле тьмы непознанных пространств, гигантская защитная система человеческой цивилизации...

Глава 3 ФОРМУЛА

Под утро ему приснился сон, будто сдает он экзамен на сертификат работника аварийно-спасательной службы и принимают этот экзамен четверо: обстоятельный, деловой Керри Йос, сдержанный Никита Богданов, угрюмый Бассард и Аларика... Подробностей сна Филипп не запомнил, осталось ощущение стыда, неудачи и тревоги, но тело было легким, послушным, хотелось дышать, двигаться, есть и работать, одним словом, жить.

После возвращения с окраин освоенного космоса, куда закинул его неожиданный зигзаг судьбы, Филипп не вспахивал память плугом пережитых событий, но она сама давала о себе знать: то мигающей алой лампой над колпаком патрульного куттера, принадлежащего УАСС, то картиной видеопласта, включающегося по утрам и выдающего иногда пейзажи Шемали.

Филипп повернул голову. Дальняя стена комнаты отсутствовала, вместо нее уходила к горизонту холмистая, поросшая сосновым бором равнина, а над одним из холмов парила голубовато-белая пирамида, сверкающая тысячью поляроидных окон. Сегодня домашний координатор, повинаясь неосознанным командам мозга в последние минуты сна, выдал вид с высоты на здание Института ТФ-связи, и Филипп понял, что соскучился по работе, по своему уютному конструкторскому «аквариуму», по грустной физиономии Кирилла Травицкого. Конечно, было еще и желание выйти на площадку, но оно ушло на второй план — тело и так каждый день получало свою дозу упражнений, потому что без самотренировки любой спортсмен потерял бы форму в три дня. А мозг — мозг можно было тренировать только в привычных условиях, во всяком случае, Филипп не знал иного способа получить неограниченную власть над собственной мыслью, машинной памятью и быстротой операций, исследовать сразу несколько десятков вариантов, анализировать, отбирать самые перспективные из них и наконец найти один-единственный, дающий право называться конструктором-профессионалом и синектором.

Сорок минут Филипп уделил отработке суплеса, использовав общественный гимнастический зал, занимающий верхний этаж дома, постоял под ионизированным душем и долго рассматривал себя в зеркале, пытаясь угадать в себе те черты, которые, по его мнению, были присущи спасателям и особенно безопасникам. Не найдя таковых, он вернулся в спальню, включил сумматор моды, поставив регулятор в положение «рабочая одежда», и извлек из приемной камеры прямые светло-серые брюки, такую же рубашку с широкими рукавами и серые сандалии с серебристым узором, напоминающим стремительный росчерк молнии. Хмыкнув — мода общества не претерпела изменений за те три недели, что он отсутствовал, — Филипп натянул костюм, закрыл дверь квартиры и поднялся пешком до

ближайшей остановки метро. С крыши открывался вид на вольный простор подмосковных лесов, искристая лента Москвы-реки пересекала березово-хвойную их шкуру и пряталась за холмами, сверкали над вершинами сосен шпили, ажурные башни и ртутно-прозрачные колонны Басова, и весь этот зеленый, теплый, насыщенный дремотным покоем летний пейзаж охватывал со всех сторон чистый голубой купол неба, пронизанный над горизонтом раскаленным взглядом смеющегося, умытого росой солнца.

Уже в воздухе Филипп, спохватившись, вызвал по видео Томаха, но тот не отзывался: то ли спал, то ли, наоборот, работал, а может быть, его вообще не было в данный момент на Земле.

«Работает, наверное — подумал Филипп. — У них там теперь много проблем: „зеркальные перевертыши“, исчезновение грузов, Наблюдатель, странные мигающие „звезды“ на панелях аппаратуры... Не забыть бы подробнее рассказать о своей встрече с „зеркалом“... Хотя, возможно, это все-таки чья-то шутка с „динго“... Да, придется Славе попотеть с этим делом. И вообще у него просто оперативная работа — не позавидуешь! Это какое же надо иметь терпение, чтобы работать даже в моменты отдыха!.. Интересно, справился бы я с такой работой? Если бы можно было попробовать, а не получится — беззаботно махнуть рукой и спокойно заняться своим прежним делом... Наверное, Слава бы понял, но есть другие... Хотя, кроме прочих, есть свое собственное „я“, у которого наличествует гордость и прочие психологические кунштюки. За дело надо сразу браться всерьез или не браться совсем... Любопытно, удовлетворила ли моя помощь УАСС? Тектуманидзе как будто был доволен, а Керри Йос?.. И еще не забыть бы спросить у Славы, похожа ли эмблема квартиреров на след человека, или я снова видел „странное“...»

В третьей расчетной лаборатории отдела работали двое, мужчина и женщина, но его комбайн никто не занял.

«Прекрасно! Значит, Травицкий меня ждет. Где он, кстати? Надо бы узнать, не решил ли кто-нибудь вместо меня мою прежнюю проблему».

Автомат нашел ведущего конструктора в чьей-то пустой лаборатории возле работающего комбайна. Кирилл поднял голову от пульта вычислителя, и взгляд его потеплел.

— Вернулся? Все в порядке?

— У меня — да, у них — не знаю.

— У них — это в управлении спасателей?

— В отделе безопасности.

Травицкий знакомым нерешительным жестом потерел мочку уха, слабо и грустно улыбнулся.

— Ну, когда у них было все в порядке — не та служба... Я спрашивал про тебя, но ты, оказывается, был очень далеко. Если все хорошо, приступай к работе, темой твоей никто не занимался.

Филипп выдержал его пытливый и добрый взгляд, теплая волна странной стеснительной нежности вошла в него с этим взглядом и вызвала ответную нежность и резь в глазах — реакция на любовь со стороны этого маленького, терпеливого, всегда почему-то грустного человека. И Филипп вдруг с раскаянием подумал: почему он ничего, ну совсем ничего не знает о Травицком? Может, Кирилл пережил какое-то горе, мучившее его до сих пор? Может быть, у него что-то случилось в семье? Ведь и теперь, как и сто, и двести лет назад человек не застрахован от неурядиц в личной жизни. Да и вообще есть ли у него семья?.. Казалось бы — кто ему Филипп? Инженер-конструктор, подчиненный по общественному рангу, а значит, пока и по таланту, посторонний человек, приходящий на работу в зависимости от эмоционального состояния... Но нет! Почему же тогда нежность в глазах? И радость тоже? Почему?..

— Вызывай, если понадобится, я тут занимаюсь мелким ремонтом. — Травицкий погасил улыбку, кивнул и углубился в настройку комбайна.

Филипп включил виом, покосился на соседей — они полулежали в креслах с

закрытыми глазами, спрятав головы в сетках эмканов, в то время как эмканы мыслепроекторов перед ними то взрывались потоком схем, то потухали, чтобы вспыхнуть снова, и надел свой голубой эмкан.

Сначала пришло ощущение легкости тела — это включился контур стенэмоциатора, стимулирующий положительные эмоции. Потом тело вдруг выросло в объеме, возникло чувство колоссального знания — подключились блоки памяти вычислительной и информационной машин. Вычислитель и киб-информатор в институте был один на всех работающих, из-за чего его называли Умником; это был киб-интеллект, способный не только вычислять и выдавать информацию, но и быть умным собеседником, но работал он в режиме разделения времени, и каждый из включившихся в цепь считал машину безраздельно принадлежащей ему.

Последним сработал мыслерапид — ускоритель мышления, и для Филиппа минута превратилась в час. Он без труда вызвал в памяти конструкцию тайм-фага, сосредоточил внимание на антенне, закрепил ее изображение на эмкане и представил, что он — невидимый, неслышимый и неосязаемый сгусток ТФ-поля, возбужденный в антенне и готовый прыгнуть в пространство...

Решение зрело постепенно, от одного цикла расчетов к другому. Филипп, оторванный на время от привычного ритма и порядка, с жадностью ворвался в проблему и «крушил» физические и субъективные препятствия фантазией и натиском всей запасенной эмоциональной энергии, готовый отменить, если потребуется, любые законы природы. Наконец решение созрело окончательно, но оно оказалось неожиданным даже для самого конструктора.

Филипп просидел оглушенным несколько бесконечно длинных секунд, потом с яростью принялся за проверку основных положений расчета. Однако проделать анализ до конца не успел: мир вдруг сжался до размеров комнаты, пропало ощущение небывалой власти над временем, над запасами знаний, отданных ему машиной... Очнувшись, он увидел на пульте красное светящееся табло: «Предел психонагрузки!» — и понял, что сработал таймер и отключил его от машины.

Сразу навалилась усталость, в ушах зашумело, словно дождь по сухим листьям. Филипп откинулся в кресле, мельком заметив, что в лаборатории он один: соседи — Леонид Угловский и Лия Бексултанова, очевидно, отработали свои задачи и ушли, они всегда уходили вместе.

«Сколько же времени я работал?.. Хм, всего-то три часа с четвертью, а устал — как будто ворочал десятипудовые мешки! Или мое решение стоит того?»

В экранном объеме дисплея красовалось его творение — антенна тайм-фаговой связи, преодолевающей практически мгновенно межзвездные расстояния. Только теперь вместо двух параллельных колец она имела вид тонкой иглы с зонтикообразным ушком. Формула, выведенная Филиппом, утверждала, что такая антенна выигрывает в мощности около шестидесяти процентов против прежней и позволяет перебрасывать любые массы на любые расстояния без промежуточных станций! И это было еще не все: в формуле потенциально скрывалось решение, от которого буквально захватывало дух, но проанализировать его у Филиппа уже не хватило сил. Решением этим была возможность обходиться вообще без антенн, а это значит — и без тысяч передатчиков и приемников, то есть без тайм-фагов! Любой человек мог бы путешествовать через космос с помощью мыслеприказа; усиленного, конечно, соответствующей аппаратурой — без нее обойтись было еще невозможно. Управление ТФ-полем оказывалось энергетически несложным, потому что ТФ-поле — это не силовое физическое поле, а топологическое свойство...

«Стоп-стоп, — сказал сам себе Филипп, — где-то я уже говорил нечто подобное, а раз повторяюсь, следовательно, устал. Не будем спешить с выводами, позволим только один: иногда полезно пережить впечатления, на которые не рассчитывал, сменить ритм жизни и характер нагрузки. Банальная, древняя, но мудрая истина...»

Он записал формулу в память машины и стер изображение антенны на экране, потом

зажег стандартный сигнал: «Вычислитель свободен».

А собственная память все еще сопротивлялась выключению из работы, все еще перебирала этапы конструирования, и перед мысленным взором исследователя проплывали вереницы замысловатых конструкций, многоэтажные формулы различных состояний вакуума, пока наконец не осталось одно видение: летящий сквозь космос, подобно лучу света, человек в огненном комбинезоне с маленьким диском на поясе — это все, что осталось от громад ТФ-станций, вместившихся в несколько кубических сантиметров! ТФ-блок... Индивидуальный ТФ-блочок вместо ТФ-станции...

— Завтра, завтра, — пробормотал Филипп, вставая и выходя из лаборатории, — хорошего понемножку...

Он не заметил, что из соседней комнаты вышел Травицкий и проводил его долгим взглядом, в котором было больше тревоги, чем удивления.

Дома Филипп принял душ, сняв интеллектуальную усталость, и его потянуло в спортзал. Однако время только-только перешагнуло за полдень, да и была ли сегодня тренировка, он не знал. Пришлось набирать телекс спорткомитета и узнавать расписание тренировок сборной Земли. Оказалось, что тренировки проходят в спортзалах комплекса «Победа» в Петербурге через день, начиная с понедельника, а сегодня был четверг.

Филипп огорчился, потом решил обзвонить друзей и тем повысить тонус. Но и здесь его ждала неудача: Ивара Гладышева не было дома, как и его жены, и домашний координатор пообещал, как только они вернутся, сообщить Ивару о видеовизите. Солинда тоже найти не удалось, автомат объявил, что тренер улетел куда-то к внешним планетам и не оставил координат. Филипп слегка удивился — Солинд редко покидал пределы Земли, да и то лишь в случае межпланетных соревнований и первенств мира, как по традиции называлось первенство Солнечной системы.

Задумавшись, молодой человек выбрал в пенале музфона кристалл с записью и вставил в приемник. Комнату заполнил пульсирующий звенящий ритм, в который вплетался тонкий человеческий голос. Звук был объемным, мягким и отзывался во всем теле волнами удовольствия. Ритм в музыке всегда был основой положительных эмоций, а перуанская группа «Инки» в последние годы считалась непревзойденной исполнительницей ритмичных музыкальных произведений, центральным сюжетом которых были старинные национальные мелодии. Филиппу эти мелодии доставляли истинное наслаждение, но слушать их одному не хотелось. И вообще ничего не хотелось, и к людям особенно не тянуло, и проводить время в одиночестве не было желания.

И тут ему пришла в голову идея позвонить Аларике. Почему бы и нет? Что в этом особенного? Бывший эксперт УАСС звонит знакомой сотруднице медсектора УАСС узнать, как ее здоровье и вообще.

Филипп улыбнулся, но мысль уже заработала, а вместе с ней и сердце, и он в конце концов решил не звонить, а повидать Аларику наяву. Он быстро набрал телекс диспетчера информационного сектора УАСС, данный ему Станиславом, и спросил, где можно найти Аларику Консолата, дежурно-экспедиционного врача.

— Ваши координаты? — оживился диспетчер.

— Мои? — растерялся Филипп и понял. — А-а, вызов личный, не беспокойтесь, ничего у меня не случилось.

Диспетчер сделал строгое лицо (парню сравнялось от силы двадцать лет, видимо, стажер) и с минуту что-то искал на пульте селектора. Потом сухо продиктовал адрес Аларики и отключился.

— Институт видеопластики... — пробормотал сбитый с толку Филипп. — Причем тут видеопластика?

Но делать было нечего. Диспетчер не стал объяснять, что делает Аларика на Луне, в Геоградском институте видеопластики, а запрашивать его вторично не хотелось. Филипп бесцельно побродил по комнатам, прибрал на кухне и с грустью, задержавшись на пороге, подумал: «Правы мыслители прошлого, мы никогда не бываем у себя дома, мы всегда

пребываем где-то вовне. И все же дом для нас — частица нас самих, просто для одного он равен размерам комнаты, а для другого — всей Земли, а есть, наверное, и такие бродяги, для которых дом — космос... Странно, однако, меня почему-то тянет именно сюда, где я вырос, а не в другую географическую точку, где я имел бы такую же квартиру или по желанию две... Своего рода атавизм? Отомрет ли он когда-нибудь, или Земля для нас всех — дом космического масштаба, запрограммированный эволюцией для „конца света“?»

В комнате смолкла музыка, и Филипп тихо закрыл за собой дверь, впервые покидая дом как доброго и ласкового друга, которому предстояло провести время до ночи в одиночестве.

Решив испытать судьбу, Филипп наугад набрал код лунного метро и оказался на седьмой станции метро Луны, которая располагалась на западном побережье Моря Ясности. Поскольку Геоград вырос на востоке, в кратере Лемонье, Филиппу, пережившему мимолетное разочарование — он рассчитывал «по зову души» попасть в Геоград сразу, — пришлось брать на стоянке вакуумплотный, способный летать в безвоздушном пространстве куттер и в течение пятнадцати минут полета терпеть скучные «удобства» рейса. Но этот транспорт он выбрал сам, чтобы рассмотреть с высоты птичьего полета древний лик естественного спутника Земли.

За последние полстолетия не раз выдвигались проекты заселения Луны и снабжения ее атмосферой, как у Марса, однако идеальные условия наблюдений за космосом для астрономов и лечебной профилактики для медиков каждый раз брали верх над экономическим эффектом расчетов в проектах, и Луна до сих пор оставалась такой, какой была тысячи и миллионы лет назад: прокаленной солнцем, высушенной холодом пространства, безводной и безатмосферной. Но мертвой назвать ее было уже нельзя. Глаз то и дело выхватывал с высоты гигантские чаши и параболоиды антенн радиотелескопов, стеклополя надземных медцентров, домов отдыха и лабораторий всевозможного назначения, которым слабое лунное притяжение было более выгодно, чем земное.

Вскоре куттер, повинувшись командам общего для данного сектора Луны центра автоматического управления транспортом, плавно пошел вниз, и среди гигантских борозд Литтров и Шакорнак Филипп увидел пятидесятикилометровый кратер Лемонье, в середине которого блестел серебром широкий десятикилометровый конус Геограда. За ним вздымались сильно расчлененные и испещренные кратерами горы Тавр, но Филипп не успел разглядеть их как следует. Куттер нырнул к стремительно растущему конусу, звякнул предупреждающий звонок, на пульте мигнул красный огонек — аппарат миновал силовой приемник-окно в оболочке Геограда, мелькнули по сторонам какие-то конструкции, и почти без толчка аппарат остановился. Отскочил на замках колпак кабины, Филипп, оглядываясь по сторонам, вылез на круглую белую площадку причала и увидел в десятке метров на небольшом постаменте странную машину о восьми ажурных колесах, похожую на бак с откинутой крышкой. Заинтересовавшись, подошел и прочитал на боку машины: «Луноход-2, СССР, 16 января 1973 года».

Памятник, догадался он, памятник первопроходцам Луны. В Геограде, значит, установили памятник луноходу. В Радуге — насколько помнится, первой автоматической станции «Луна-9», в Орле — «Аполлону-11», в Сервейере... забыл! Надо же, забыл, кому там памятник поставили...

Филипп отметил время и заторопился к кабине монора.

Притяжение в Геограде с восьми часов «утра» до четырех часов «дня» устанавливалось равным земному — человеческий организм требовал привычную порцию тяготения, зато с четырех часов и до позднего вечера начиналось время отдыха, а помноженное на восхитительное чувство легкости оно давало полное отдохновение и радость человеку. Филипп не раз бывал на спутнике Земли, сам испытывал это чувство и давно понял, почему Высший координационный совет Земли (ВКС) не дает согласия на технизацию и экологическую перестройку планеты, она была нужна как база отдыха, и моральная сторона дела играла здесь главную роль.

Бесшумный мотор, совсем пустой — в Геограде, как и везде, на Луне и на Земле, любили ходить пешком, транспортом пользовались редко, лишь в тех случаях, когда кто-то куда-то спешил, как сейчас Филипп, — доставил его к Институту видеопластики, невысокому зданию, выстроенному в стиле «мангровый лес».

Киб-информатор сообщил ему местонахождение комнаты сто двенадцать, где в данный момент находилась Аларика Консолата, и через несколько минут, пройдя два ломаных, разного сечения коридора и никого в них не встретив, Филипп стоял перед белым прямоугольником двери с зеленым светящимся кругом номера и раздумывал — войти сразу или сначала позвонить. Ему очень захотелось сбежать отсюда, перспектива непрошеного гостя была не слишком блистательной, да и собственная выдумка с посещением перестала казаться счастливой находкой, однако решить самому Филиппу не дали: дверь внезапно и неслышно свернулась валиком влево, конструктору волей-неволей пришлось войти.

Казалось, он вышел на снежный склон одной из земных гор! Ослепительно сверкал язык ледника под солнцем, курились струйками облаков спины уходящих за горизонт гор, белое снежное поле падало в долину, упираясь в темно-зеленый гребень хвойного леса... Но не это остановило Филиппа: прямо перед ним врезалось в ледяную шею хребта глубокое черное окно пещеры, в окне текла звездная вуаль, и по этой вуали шагала женщина в сияющем белом платье... Это была Аларика!

Вдруг панорама заснеженных гор исчезла, появилась обстановка модельной видеомастерской, напоминающей убранством конструкторскую лабораторию: вделанные в стены экраны мыслепроекторов, кресла, опутанные ажурными конструкциями, аппаратные стойки, видеопроекторы, подставки для голографических скульптур, музыкальные устройства... Одно не исчезло — черное, как вход в преисподнюю, окно и женщина в белом платье, шагающая по звездам... Она смотрела на пришельца строго и испытующе, словно спрашивала, зачем он сюда явился.

Послышался тихий низкий смех.

Филипп оглянулся и увидел вторую Аларику, только одетую иначе — в голубую кофточку, такую же юбку с черной каймой.

Снова прозвучал низкий смех женщины.

— Что, нравится?

Филипп кивнул.

— Видеопласт?

— Конечно. Работа одного из наших дипломантов-дизайнеров на конкурс земного худсовета «Жизнь в космосе», он почему-то решил изобразить меня в качестве прототипа, и вот результат. Правда, он говорит — незавершенный.

Филипп кивнул снова, переживая вдруг приступ ревности, и позавидовал художнику — тот мог любоваться Аларикой каждый день.

— Ангел в поле тьмы, — пробормотал он.

Аларика, прищурясь, посмотрела на него.

— Стихи?

Филипп продекламировал:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел...

В глазах женщины мелькнуло удивление, она улыбнулась и закончила:

И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

— Лермонтов. Ты любишь Лермонтова?

Она подошла к пульта, провела рукой над датчиком программ, и объемная

видеокартина разбилась на огненные осколки.

— Я не знаю. Кстати, как ты меня нашел? Впрочем, наверное, через диспетчера, хотя не понимаю, почему он дал мои координаты постороннему человеку.

Это «постороннему» больно кольнуло Филиппа, и он даже сделал движение к двери, но Аларика опередила:

— Проходи, коль зашел, садись. Еще несколько минут, и ты меня не застал бы. Что стряслось?

Филипп сел напротив, стараясь не смотреть на спокойное красивое лицо женщины.

— Ничего не стряслось. Просто захотел тебя увидеть. Если ты торопишься, я могу уйти.

Она качнула головой, открыто рассматривая его.

— Не спешу. Просто на сегодня работа моя закончена.

Помолчали. Филипп перестал награждать себя в душе нелестными эпитетами, осмотрелся, потом начал рассматривать Аларику.

— Ты не женат? — наконец спросила она, удовлетворенная осмотром.

— Нет.

— И не был?

— Нет. — Он слегка улыбнулся. — Не из-за тебя...

— Верю.

Снова помолчали. Потом Филипп обвел глазами комнату.

— Почему ты здесь?

— Потому что я, кроме всего прочего, еще и художник-видеопластик. Год назад окончила ПИЭ — Петербургский институт эстетики.

— Я не знал.

— Ты многого не знал. Например...

— Что твой муж, Сергей Ребров, два года назад...

— Не надо об этом, я не то хотела сказать. Его смерть мало что меняет.

Филипп заставил себя промолчать. Аларика хотела казаться независимой и счастливой, но не следовало опускаться до словесных опровержений ее неправоты. Пять лет назад он слишком много говорил... И все-таки до чего же она красива! И недоступна!

— Устал от космических путешествий? Все же незапланированные мероприятия. Как тебе показалась работа спасателей-безопасников?

— По-моему, однообразна и утомительна.

Аларика снова засмеялась знакомым грудным смехом. Давно он не слышал этого смеха — вечность!

— Специфика работы безопасников весьма далека от молвы. Их работа не так заметна, как работа линейных спасательных отрядов. Надеюсь, из формы ты не вышел? Ты ведь всегда так пекся о своей форме...

Знакомые выпады, знакомые интонации... Все возвращается на круги своя... все ли?

— Из формы я, конечно, вышел, все-таки потерял уйму тренировок. Наверстаю.

— Не сомневаюсь. Май говорил, что ты пиккер...

— Кто-кто?

— Пиккер, это его собственное словотворчество, означает — спортсмен, зависящий от совпадения пиков формы: физической, психической, эмоциональной, интеллектуальной.

Филипп с интересом посмотрел на Аларику.

— Май — это Ребров? К сожалению, он мне сказал, что это отрицательное качество для спортсмена и от него надо избавиться.

— Разве ты сам думаешь иначе?

Теперь уже засмеялся он.

— Ого! Ты снисходишь до разговора о спорте! Это явный прогресс! Кстати, твое появление в зале во время игры было для меня настолько неожиданным, что я чуть не сошел с дистанции.

На мгновение лицо Аларики стало холодным, чужим. Только на мгновение. Она отвернулась и сказала своим низким контральто, совсем спокойно, как о пустяке:

— Просто Сергей думал о спорте так же, как и ты, хотя у него была иная цель в жизни.

— Интересно. — Филипп хмыкнул. — Ты знаешь мою цель? Какова же она?

Аларика встала и прошлась по комнате, касаясь рукой расставленной аппаратуры. Филипп невольно залюбовался ее фигурой и не успел отвести глаза — женщина в упор посмотрела на него:

— Твоя цель — просто жить! Не так ли? Не уверяй меня в обратном, не поверю, хотя я была бы рада... — Она смолкла и снова села напротив. — Я бы поняла тебя, если бы ты стремился стать великим спортсменом или великим конструктором, честолюбия нет только у дураков и мертвых, но просто жить... Извини, не понимаю.

Тягостное молчание погасило разговор, как дождь гасит угли костра.

Филипп думал над словами Аларики, причем без обиды, что удивляло его самого, и умирал интуицию, подсказывающую ему самые сказочные варианты дальнейших встреч с ней. Однако трезвый рассудок видел все в ином свете.

— Ты, наверное, права, — сказал он медленно через некоторое время. — Не во всем, конечно. Честолюбие у меня, к примеру, имеется. Говорят, я неплохой спортсмен и талантливый конструктор... Не знаю, как насчет таланта, но я действительно кое-чего стою. И все же это не то, по-твоему... Так? Дай мне подумать. Может быть, я тебя пойму...

— Подумай. — Аларика кивнула, в глазах ее снова мелькнуло удивление. Но Филипп слишком хорошо знал эти глаза, чтобы обмануться в выводах. И все же пять лет — не могли же они не изменить ее хотя бы в малом?..

— Что бы ты хотел посмотреть у нас? — Она взглянула на браслет видео, показавший лунное время.

— Если не возражаешь, запиши на мое видео ту картинку, где ты шагаешь по леднику.

— Ну, если ты хочешь...

Филипп снял браслет и отдал Аларике. Та вставила его в нишу копира, коснулась нескольких сенсоров, подкрутила лимб настройки.

— Вот и все, держи. Правда, не знаю, зачем он тебе.

— Отвечать, надеюсь, необязательно, — пробормотал Филипп, надевая браслет. — Спасибо. Когда-то много лет назад после изобретения фотографии говорили, что умрет искусство живописи. С изобретением голографии говорили, что умрет искусство скульптуры... Я не великий знаток искусства видеопластики, но этот твой портрет, по-моему, подлинный шедевр!

— Если бы твои слова слышал Григорий, творец портрета, он был бы польщен.

Разговор иссяк. Время ощутимо утекало сквозь пространство, разъединяющее их. Оно было густым и красным, как лава, текущая по склону вулкана. Филиппу стало жарко и неуютно, хотя ему казалось, что он давно научился не теряться в любых обстоятельствах.

— Над чем ты работаешь? — спросил он, чувствуя, как ускользает куда-то нить понимания, соединившая их несколько минут назад. — И как тебе удается совмещать работу дежурного врача и художника?

— А как ты совмещаешь спорт и работу конструктора?

— Не знаю, — улыбнулся Филипп. «Умница! — подумал он. — Как давно мы не разговаривали в таком ключе! К сожалению, пять лет назад я не углядел за ее внешностью серьезности думающей женщины... а сейчас, кажется, поздно!» — И все-таки? Не думал, что твои школьные, да и институтские, опыты с объемными картинками позволят тебе стать художником.

— Я тоже не думала, это все Сергей... — Она прикусила губу. — А занимаюсь я практически видеопластикой, а не тем, чем хотелось бы. Как сейчас говорят: эстетическим оформлением замкнутых пространств. Создаю интерьеры для рабочих кабинетов, комнат отдыха, кают-компаний на космолетах дальней разведки и так далее. Нельзя сказать, что рутина, однако... — Аларика махнула рукой и вдруг оживилась. — Зато в свободное время

мы занимаемся «свободным творчеством». В данный момент ребят интересуют две темы: одна — моделирование чувственного восприятия мира, описанного в древних художественных произведениях, вторая — сравнительный поиск хомо сине ира эт студио, человека среднего, жившего в разные эпохи. Я веду вторую тему, и уже удалось кое-что раскопать. Мы с Витторио, это наш инженер-видеомоделист, провели сравнительный анализ исторических хроник и сохранившихся художественных полотен великих мастеров прошлых веков, вплоть до семнадцатого. Увы, глубже опуститься пока не удалось, сведения о физическом облике наших предков становятся чересчур скудными. К тому же дело осложняется ярко выраженными национальными особенностями народов, разнообразием типов лиц и методов работы художников.

— В таком случае ваш «человек средний» — фикция, — произнес скептически настроенный Филипп. — Едва ли смешение типов даст нужное решение.

— К счастью, выход нашелся — женщина, — улыбнулась Аларика. — Женщина — мерило красоты и совершенства во все эпохи. Как говорят индийские тантры: «Женщина — пальцы природы и драгоценные камни мира». Отсюда и исходит наш метод.

— Но физический облик человека изменяется очень медленно, на протяжении сотен тысячелетий, а вы хотите увидеть изменения через сотни лет...

— Ты, безусловно, прав, изменения в строении человеческого тела почти незаметны за век, зато изменения в человеческой морали гораздо разительней, и наш метод определения «человека среднего» — это отношение к нему сообразно нормам морали каждого столетия.

— Теперь понятно. И что же получилось?

Аларика включила ряд темных экранов, похожих на стенные ниши, в них за клубилась мгла, исчезла, оставив «живые» фигуры людей.

— Это восемнадцатый век. Слева — «узаконенный» средний тип женщины евроидной группы, справа — отображение идеала великих художников этого века: Рафаэля, Рубенса, Ван-Дейка, Карреджо, Рейсдаля и других.

— М-да, — хмыкнул Филипп, рассмотрев обеих женщин в странных нарядах. — Я не скажу, что идеал в данном случае выглядит лучше «среднего»... Или у меня нет вкуса?

Аларика покачала головой.

— Твой вкус формировался нашим временем. Подожди, посмотрим дальше.

Виомы погасли, затем вспыхнули вновь.

— Это уже девятнадцатый век.

Филипп приподнял брови. В правом объеме видеопроектора он увидел знакомые черты «Девочки за столом» Жана Батиста Греза. Этот портрет он видел у Станислава Томаха дома, вернее, копию, выполненную женой Томаха.

Аларика заметила его удивление.

— Тебе знакома эта композиция?

— Жан Батист Грез, «Девочка за столом».

— Верно! — теперь уже удивилась Аларика, заинтересованная его познаниями в области искусства. — Хотя и не совсем. Мы совместили два прототипа, один — «Девочка за столом» Греза, второй — «Девушка с веером» Ренуара. Я не знала, что ты знаток живописи девятнадцатого века. И кого же ты знаешь из художников, необязательно девятнадцатого столетия?

— Джона Констебля, — подумав, ответил Филипп. — Я очень люблю пейзаж, хотя с удовольствием смотрю и портрет. Еще Шишкина, Шилова, Маулара Кенье... и много других, у меня нет ярко выраженного любимца. Ну а как дела обстоят в наш просвещенный век?

Аларика вдруг смутилась.

— Понимаешь, с нашим веком все просто и все сложно. Средний тип выбрать легче, тем более что человечество постепенно приближается к единой расе, а вот идеал...

Снова сменилось изображение в виомах.

Филипп не выдержал и засмеялся. Правый «идеальный» виом отображал Аларику,

левый — тоже был чем-то на нее похож.

— Извини, — сказал он, заметив, что женщина нахмурилась, и прервал смех. — Я смеюсь, потому что невольно ожидал увидеть тебя и справа, и слева.

— Шутка ребят, — пробормотала она, отворачиваясь, и украдкой посмотрела на часы. Филипп с грустью понял, что пора уходить.

— Ты кого-то ждешь? — Он встал.

— Да, — со вздохом призналась она, убирая аппаратуру в стены мастерской, выпрямилась. — Честно говоря, я хотела, чтобы ты позвонил. Теперь уходи, за мной сейчас придут.

«Кто?» — хотел спросить он, но вместо этого спросил:

— Мы еще увидимся?

— Это будет зависеть не только от тебя.

Филипп сдержал вздох и кивнул в ответ, словно не ожидал иного.

— Тогда до связи.

— До связи, конструктор, — сказала Аларика, подавая руку, хотела что-то добавить, но передумала.

В коридоре он наткнулся на бегущего человека, прошел несколько шагов, и только потом его озарило. Он оглянулся, но мужчина уже завернул за угол, слабо пискнул входной сигнал двери.

Дома он с полчаса слушал новости космоцентра, передаваемые по каналу всемирного информвидения. Попробовал вызвать Томаха, но бесстрастный голос домашнего координатора сообщил, что Станислав не появлялся. Киб-секретарь отдела, куда осмелился позвонить Филипп, ответил лишь, что инспектор Томах на задании, но какое задание, где его выполняет Станислав — секретарь не знал или не имел права сообщать.

Филипп снова загрустил, потом вспомнил совет Травицкого и решил навестить один из любимых уголков лесной природы, дабы развеять легкую меланхолию от дум. На этот раз он выбрал Центрально-лесной заповедник, расположенный в северо-западной части Среднерусской возвышенности, на водоразделе Волги и Западной Двины.

С тех пор как погибли отец и мать, уроженцы здешних мест, Филипп не посещал заповедник и «те места, куда нет-нет по зарастающему следу уводит память прежних лет», говоря словами древнерусского поэта Глинки.

Центрально-лесной заповедник — царство елей, берез, липы, клена, вяза и ясеня. Леса Подмосковья возле Басова в основном березовые и сосновые, заповедный же лес удивительно разнообразен.

Выключив пояс антиграва, Филипп с треском вломился в чашу рябинника и жимолости, оцарапался и пошел напрямик через гибкие кусты волчьего лыка и лещины.

Напившись из родника, он долго выбирался на знакомую поляну, чуть было не зашел в болото, расшитое по краям не созревшей еще клюквой, а когда выбрался-таки на поляну в кольце берез и ольхи, замер от неожиданности. В центре бело-розовой от клевера поляны, подмяв под себя метелки иван-чая и медуницы, лежала рысь и смотрела на человека прозрачно-желтым взглядом, поводя изредка кисточками ушей.

Филипп сделал шаг вперед, рысь встала, глядя на него внимательно и спокойно, без угрозы. Так они и стояли несколько минут, оценивая друг друга, потом Филипп решил отступить — не из боязни, просто не хотелось тревожить красивого зверя, — и в этот момент с противоположной стороны поляны, метрах в ста, из подлеска сверкнул бесшумный тоненький голубой язычок. Рысь, мяукнув, подпрыгнула, свалилась в траву и осталась лежать без движения.

Немой от изумления и гнева, Филипп смотрел, как из-за деревьев вышли на поляну двое в зеленых, почти полностью маскирующих их костюмах и направились к нему. Один был молод, белобрыс, но черен от загара, сверкал улыбкой, хотя Филипп не назвал бы ее в этот момент ни доброй, ни веселой. Второму наверняка перевалило за восемьдесят, если не

за все сто. Высокий, худой, он слегка сутулился, и лицо у него было не коричневое, а каменно-серое и застывшее, как ритуальная маска. В руках он держал бинокль. Молодой на ходу закидывал на плечо ремень электрокарабина.

— Вообще-то ходить одному тут небезопасно, — заметил молодой охотник вместо приветствия, подходя и осматривая рысь. — Охотничья зона. А хороший экземпляр, Влад, будет чем похвастаться. — Он разогнулся. — Как вы сюда попали?

— Разрешите посмотреть ваш карабин? — также вместо приветствия вежливо попросил Филипп.

Белобрысый удивленно посмотрел на спутника и с некоторым колебанием протянул карабин.

— Не приходилось видеть раньше?

— Приходилось, — сказал Филипп, примерился и одним ударом о землю отломал прозрачную трубу ствола.

— Да вы что?! — сделав движение к нему, с угрожающим изумлением воскликнул молодой незнакомец. — С ума сошли?!

Филипп швырнул разбитый карабин на землю, повернулся и молча пошел в лес. Белобрысый догнал его, схватил за плечо, неожиданно больно сдавил сухожилие. Филипп сбросил его руку.

— По какому праву вы это сделали? — прошипел охотник.

— Оставь его, Рон, — глуховатым голосом произнес старший. — Раз он так сделал, значит, считал, что имеет на то право.

Филипп почувствовал в его словах упрек и, повернувшись, угрюмо буркнул:

— Я же разговаривал с ней, неужели не поняли?! А ваш выстрел — это предательство в такой момент!.. Кто разрешил вам стрелять в заповедной зоне?

— Стрелять! — фыркнул молодой Рон. — Слышите, Влад? Да кто вы такой, чтобы судить наши действия?

— Кстати, насчет заповедной зоны. — Старший нагнулся, потрогал рысь за нос и выпрямился. — ВКС подписал вердикт от девятнадцатого июня, объявляющий заповедной зоной всю Землю. Так что преимуществ заповедника теперь не имеет ни один район земного шара, вернее, имеют одинаково все. А насчет стрельбы... рысь парализована, и только. И у нас есть охотничьи удостоверения. Вас устраивают мои объяснения?

— Это к делу не относится. — Молодой охотник уже успокоился и озабоченно осматривал карабин. — Надо же, отдохнули, поохотились! Нервы надо беречь, молодой человек! Излишняя впечатлительность — далеко не положительное качество. — По его тонким губам скользнула усмешка. — Знакомство с этой кошкой вплотную не прошло бы для вас даром, это только в сказках писали, что хищные звери способны стать ручными, на деле все гораздо проще и естественней. Кстати, все-таки кто вы такой?

— А вы? — в тон спросил Филипп, чувствуя на себе изучающий взгляд старика.

— Я Рональд Клитгорд, старший инспектор отдела общетранспортной инспекции, а мой друг — Владибор Дикушин, руководитель первого сектора УАСС. Член совета, кстати...

Филипп невольно взглянул на каменнолицего.

— Меня зовут Филипп Ромашин, конструктор Института ТФ-связи.

— И мастер спорта по волейболу планетарного класса, — добавил Дикушин без улыбки.

На молодого его спутника это не произвело никакого впечатления.

— Что ж, — сказал он, — не слишком приятное знакомство, но тут уж виноват случай.

— Взаимно, — сказал Филипп и холодно добавил: — Спасибо за доброту по отношению к кошке, как вы изволили выразиться, но она уже просыпается и, думаю, что вам лучше отойти от нее подальше. Рыси не любят тех, кто причиняет им боль.

Клитгорд и Дикушин озабоченно посмотрели на шевельнувшегося зверя, но не тронулись с места, и Филипп понял, что эти люди в чем-то превосходят его, хотя он и не чувствовал к ним расположения. Было ли это превосходство ума или превосходство знания,

он не знал, но это глубоко уязвило его и заставило задуматься.

Махнув на прощание рукой, он включил антиграв и пологой дугой поднялся в воздух, словно подхваченное ветром семя одуванчика. Через полчаса стремительного полета сквозь тугой, гудящий колоколом воздух к ближайшей станции метро он вдруг открыл, в чем было превосходство новых знакомых: в уверенности! Уверенности в том, что они правы, в сдержанности и, может быть, в великодушии.

«Ладно, — сказал он себе сквозь зубы. — Пусть я погорячился, но стрелять в животное, которое не может ответить охотнику тем же, — жестоко! Это все равно что стрелять в красоту и правду! Пусть я не охотник, пусть излишне впечатлителен, главное — чтобы я не остался равнодушным! Охотники, черт бы их подрал!.. Не исчезло, выходит, это племя узаконенных убийц, несмотря на исчезновение ГОСТов на охоту и „забой бычков молочных и свиней“. Не перестало тешить себя стрельбой по беззащитным тварям, щекотать нервы мнимой опасностью и приятным риском... Словно никогда не было страшных столетий войн и бессмысленного уничтожения тысяч исчезнувших видов зверей, словно память человечества коротка и не тревожит совесть, когда первые охотники выходят в леса вновь открываемых планет...»

Филипп так задумался, что едва не пролетел мимо светлого вокзала транспортного узла на окраине Вологды. Очнувшись, дал себе слово разыскать в ВКС ведомство по восстановлению экологических ресурсов и узнать там цену охоте. «Кто знает, может быть, я все же перебарщиваю, — подумал он. — Прав этот белобрысый Клитгорд, никто не давал мне полномочий судьи, и первый порыв далеко не всегда правилен. И еще он прав в том, что я слишком возбудим. Это не единственный, но самый крупный мой недостаток... после любви к сладкому. Тут его мнение совпадает с мнением Станислава, а ему я верю больше, чем себе. Кто бы мне сейчас помог разобраться во всем, так это Слава Томах. Куда он запропастился?...»

Глава 4 ДИЛЕММЫ

Тренировка прошла хорошо.

Филипп познакомился со всеми членами команды, хотя со многими уже встречался в играх чемпионатов Земли, правда, в качестве противника. Обнял Гладышева, обрадовавшись его улыбке, как теплому весеннему утру.

У Реброва была иная тактика, чем у Солинда. Он давал задания индивидуально и наблюдал за их выполнением с каменным бесстрашием и молча. Если у кого-то не выходил какой-нибудь из элементов задания в групповой связке после второго и третьего раза, он просто отсылал игрока в зал электронного моделирования, где можно было мысленно «проиграть» любой вариант игры с любыми партнерами и научиться решать данную задачу до ее реального исполнения на площадке.

Филипп дважды побывал в зале, отрабатывая имитацию нападения с шестого номера и третьего темпа для обмана блока противника и перевода мяча в закрытую позицию второго, в то время как «настоящий» нападающий наносит удар без блока. И дважды на площадке у него это не получалось.

Ребров по обыкновению промолчал, но после тренировочной игры отвел хмурого Филиппа в сторону и сказал:

— Вы отвлекаетесь, Филипп, что-то мешает вам работать в полную силу. Вернее, не работать, а думать. У вас какие-то неприятности?

— Нет, — пробормотал Филипп. — По-моему, нет.

Ребров ждал продолжения, но его не последовало.

— Бывает. — Тренер сделал вид, что все идет нормально, а может, и не делал никакого вида специально, просто был уверен в себе. — Постарайтесь в играх переводить аппарат мышления только на игровую основу. Это, конечно, аксиома, но это и целая наука, одному

она дается легко, другому труднее, но все же безвыходных положений в этом смысле не бывает.

— Принцип оптимизма...

Ребров внимательно присмотрелся к Филиппу и вдруг улыбнулся совсем по-солиндовски.

— Согласен, но в том аспекте, что принцип оптимизма есть принцип внешнего дополнения, исходящий из разрешимости в конечном счете любых ненадуманных противоречий. Думаю, у вас есть свои противоречия, мешающие вам не только в спорте.

— Не замечал.

— А кто из нас способен заметить их своевременно? Я, например, в ваши годы тоже конфликтовал с самим собой. Что касается вас — желание играть с полной отдачей есть, вижу, но в то же время оно блокируется не менее сильным желанием... каким — вам лучше знать, я могу лишь догадываться. И не огорчайтесь, Филипп, право слово, у нас с вами все впереди.

Филипп с облегчением проводил взглядом Реброва, встретил насмешливый взгляд Леона Хрусталева, но не придал ему значения. Мысли его были заняты другим.

На другой день он позвонил Аларике утром, но дома ее не застал, а домашний координатор не знал ее местонахождения. Не было ее и в Институте видеоластики, видимо, дежурила в патруле спасателей. Поразмыслив, Филипп направил стопы на работу.

В лаборатории его встретил Травицкий. Он сидел в кресле и разглядывал экран мыслепроектора, отражающий рожденную Филиппом конструкцию ТФ-антенны. Лицо у начальника было какое-то странное, будто он хотел засмеяться и заплакать одновременно. Заметив вошедшего конструктора, он кивком приветствовал его и рассматривал так долго, что у Филиппа появилось ощущение невосполнимой потери, вернее, трагедии, происшедшей перед его приходом.

Однако ничего страшного не произошло. Травицкий стер изображение на экране, воспроизвел выведенную Филиппом формулу ТФ-трансгрессии и с минуту разглядывал ее все с тем же недоумением на лице. Потом сказал:

— Мальчик мой, я не люблю громких слов, как ты знаешь... Сядь на минуту и послушай.

Филипп, обеспокоенный таким вступлением, с тревогой посмотрел на изящную вязь цифр и знаков формулы и осторожно присел на краешек «гостевого» дивана.

— Я знал, что ты хороший конструктор, что ты овладел несколькими видами синектических аналогий в конструировании, но... прости меня, я не заметил, как ты вырос в синектора высшего класса! Ведь то, что ты сделал, возможно только при использовании всех синектических элементов и, главное, аналогий четвертого вида! Кстати, а сам ты понял, к каким последствиям ведет твоё открытие?

Филипп кивнул.

— Понял, наставник.

Травицкий разом погрузился, стал похож на обычного Травицкого, носящего в себе чью-то боль, или тоску, или вину.

— Да, признаюсь, это достаточно великое открытие... — говорил он теперь совсем тихо. — Достаточно великое, чтобы быть единственным. Но дай Бог, чтобы я ошибался!

Он внезапно встал и увлек Филиппа за собой.

— Пойдем-ка со мной.

Они вышли в коридор, спустились на нижний, подземный этаж института, где царили холод и синий свет, и подошли к двери с надписью: «Запасник». Дверь свернулась в трубку, недоумевающий Филипп переступил порог вслед за Травицким.

В помещении вспыхнул неяркий желтый свет, вскрыв чистый серый пол и громады ящиков по сторонам прохода. Травицкий направился куда-то в глубину лабиринта, пролез между штабелями баллонов древних вакуумных экранов и остановился в углу возле странного сооружения. Сооружение состояло из плоской четырехугольной пластмассовой

доски, опирающейся на массивную металлическую станину с противовесом, и длинного суставчатого рычага с лимбом и разошедшимися линейками, составлявшими некогда прямой угол.

— Что это за хлам? — полубоопытствовал Филипп, рассмотрев сооружение.

— Так называемый кульман, — сказал Травицкий с благоговением. — Устройство для вычерчивания на бумаге различных чертежей конструкций. Такими устройствами пользовались наши прадеды около двухсот лет назад.

— Но бумага... это же двухмерный лист... плоскость. Как же они видели объем?

— Они чертили конструкции в изометрии, а также в нескольких проекциях: спереди, сверху, сбоку. Делали разрезы для пояснения.

— Так просто?!

— Просто и достаточно мудро для своего времени, но... простота метода или конструкции не всегда есть достоинство. Уразумел?

Филипп поразмышлял и признался:

— Не совсем, наставник.

Травицкий повернулся и пошел к выходу. У поворота оглянулся на покрытый пылью времен кульман и сказал:

— Подумай, зачем мы сохранили у себя этот «хлам». Может быть, поймешь не сразу, не огорчайся. В свое время мне тоже задавали эту задачу, а понял я только годы спустя.

В лаборатории Филипп долго дивился на свое умеренно надоевшее отображение в стеклопанели проектора и думал над словами Травицкого, и снова к нему пришло ощущение вины, будто он чем-то обидел своего последнего учителя, а потом в сознание из хаоса мыслей пробилась одна — все ли он учел в своем открытии, и он ухватился за эту мысль. Она позволяла отвлечь совесть и второе «я», противного скептика, и Филипп достал из ниши корону эмкана и включил аппаратуру...

Открытие Филиппа, сделанное им на стыке многих наук физики пространства, обсуждалось на очередном заседании Технического совета Земли, породив лавину восторженных откликов со стороны несведущих и волну замечаний и экспериментальных проверок формулы всеми специалистами по ТФ-связи.

Травицкого вызвал к себе председатель Технического совета Хейдо Уессон по поводу присвоения Филиппу Ромашину звания магистра технических наук. Против звания Травицкий не возражал, но просил подождать с присвоением месяц-два. Уессон не стал расспрашивать начальника бюро о мотивах его просьбы, само собой разумеется, что они достаточно серьезные.

— Этот Ромашин — теоретик тайм-фага? — спросил он.

— Нет, конструктор ТФ-аппаратуры, — ответил Травицкий.

— Странное явление! Для вывода формулы локальной трансгрессии, как это сделал он, нужны глубокие познания в области структуры пространства, вакуума и ТФ-поля.

— Вы правы, случай оригинальный. Ромашин подошел к чисто теоретическому, математическому, умозрительному открытию с противоположной стороны, от конструкции, в то время как нормальным считается обратное, от теории к конструкции. Что ж, еще по учебному институту он был известен как неплохой математик, автор трех оригинальных работ по повышению информационной емкости ТФ-канала.

— Тогда это скрытый гений.

— Не гений, но рядовой талантливый творец. — Травицкий улыбнулся. — Один мой знакомый сказал бы: не гений, но уже достаточно близок к сумасшествию. К сожалению, Ромашин неуравновешен, разбрасывается, он отличный спортсмен, и, возможно, это обстоятельство мешает ему быть... гением.

Уессон поднял на собеседника спокойные прозрачные глаза.

— А может, наоборот? Я думаю иначе: спорт никоим образом не мешает гению, если это, конечно, гений. Спорт воспитывает человеческое в человеке, пожалуй, больше, чем

любая научная дисциплина.

Травицкий, не желая возражать, только пожал плечами, у него было свое мнение.

По возвращении из Твери, где находился управленческий аппарат Технического совета, Травицкий собрал всех работников бюро и сообщил:

— Наш институт будет головным разработчиком нового типа ТФ-аппаратуры. Но не торопите время: эта формула пока рай только для теоретиков, для экспериментаторов и практиков же она является адом. Поэтому лучшие наши математические умы — Ильга, Филипп, Денис — займутся «частными» выводами и поиском возможных отрицательных эффектов, а остальные примутся за детализовку и узловую проработку антенны и блока управления. Это сейчас главное. Осознаете, какая на нас теперь ответственность?

Все осознали.

— Тогда за работу, — вздохнул Травицкий. Он-то знал, с какими трудностями придется столкнуться работникам бюро.

Филиппу досталось продолжение поиска оптимального объема ТФ-передачи, дающего каждому человеку возможность перемещаться по ТФ-каналу из любой точки пространства, не прибегая к услугам транспорта. Остальные конструкторы начали работать с энергетикой и автоматикой новых микростанций.

К концу августа восторги вокруг открытия поутихли, природа не хотела сдавать свои позиции без боя. Всем было известно, что механика мгновенного перемещения в пространстве наталкивается на издавна известный в физике принцип неопределенности, согласно которому в применении к ТФ-связи невозможно с конечной точностью определить одновременно энергию тела, импульс и координаты. Стационарная ТФ-связь обходила этот закон тем, что перемещаемые тела жестко «привязывались» к тайм-фаговым линиям и, покидая передатчик, финишировали в приемнике. Для индивидуального же использования векторная связь не годилась, потому что, образно говоря, путешественник, исчезая в одном месте, не знал точно, когда и где он «вынырнет» в другом: в воздухе, на земле или под землей, плюс неизбежная неопределенность в скоростях движения субъекта и выбранной финишной зоны.

Филипп работал чуть ли не до изнеможения, по шесть-семь часов в день, яростно гоня мозг мыслерапидом, и дважды пропустил тренировки, из-за чего имел не совсем приятный разговор с Ребровым, хотя и не мог не признать, что тренер прав. С Аларикой он виделся за это время всего один раз, да и то случайно — в театре миниатюр, где она была с Леоном Хрустальевым, игроком сборной. Женщина выглядела веселой, но самодовольная физиономия Хрусталева отбила все желание подойти, и Филипп ушел из театра, даже не досмотрев спектакль. Не думать об Аларике он не мог, но странная апатия и сосущая пустота в груди после встречи надолго омрачили его настроение, заставляя заполнять пробел в сердечной сфере работой и тренировками.

Однажды после работы, когда Филипп полулежал в кресле с эмканом на голове, рисуя в объеме экрана тонкий девичий профиль «идеальной подруги», в лабораторию зашел Травицкий, как всегда бесшумно и неожиданно, и, посмотрев на его «художества», обронил:

— Мне звонил Май Ребров...

Филипп поспешно стер изображение, выключил машину и снял эмкан. Травицкий мелкими шажками измерил расстояние от двери до пульта комбайна и остановился напротив. Глаза у него были усталые и запавшие, работал начальник бюро много и уставал, наверное, не меньше Филиппа.

— Ты пропускаешь тренировки без уважительных причин.

Филипп отвел угрюмый взгляд.

— Ты думал, что вывел формулу и все? — Тон у Травицкого неожиданно сдвинулся в область отрицательных температур. — А я ведь не напрасно показал тебе старинное чертежное приспособление — кульман, помнишь? Не понял ты намек, жаль. А намек был совсем прозрачный, для того чтобы сделать что-нибудь выдающееся с помощью таких неуклюжих сооружений, нашим дедам необходимо было терпение! Понимаешь? Терпение!

Проблема оказалась зубодробительнее и сложнее, чем ты думал, и, не решив ее с первого наскока, ты...

— Разве я не работаю? — не выдержал Филипп.

— Работаешь, — согласился Травицкий. — Но как?! Ты перестал быть синектором, ты сейчас раб машины, ее знаний и логики, и только! Ты уже не творец, а фанатик идеи — хватаешься за тысячи возникающих новых путей и не доводишь до конца ни одного. Если будешь работать в том же духе, я не разрешу тебе нагружать вычислитель больше двух часов в день... не перебивай! Слушай, что скажу.

Завтра мы слетаем на Меркурий, где строится новая антенна, опробуем аппаратуру пуска — и ты свободен. Даю неделю отдыха, можешь по желанию взять даже две или три, смени обстановку, впечатления, переживания, лети куда хочешь, хоть в другую галактику, но не смей думать о теории тайм-фага! Никаких попыток надеть на голову эмкан! Когда-то смена впечатлений помогла тебе набрести на формулу, может быть, то же произойдет и еще раз. Вообще категорически запрещаю думать о работе! Это первое. Второе: если не хочешь, чтобы я думал о тебе плохо, не пропускай тренировок ни в ущерб себе, ни в ущерб остальным, тем более Реброву, который в тебя поверил. И третье: вернешься, проведем общий мозговой штурм по нашей проблеме с привлечением всех ведущих теоретиков тайм-фага, и тут твое психическое здоровье должно быть на высоте. Вопросы есть?

Филипп вздохнул и сгорбился, боясь поднять на руководителя бюро виноватый взгляд.

— Нет.

— Тогда до завтра.

Травицкий постоял немного рядом, погрузившийся, добрый, как всегда, и вышел, оставив после себя предчувствие беды.

Филипп помял лицо ладонями и скорчил своему отражению презрительную гримасу.

— Долго еще ты собираешься взрослеть, игрок? Инфантильная личность?

«Инфантильная личность» в зеркальной панели в ответ скорчила рожу и промолчала.

— Понятно. — Филипп вздохнул. Значит, безнадежен...

Завод был огромен. Зона солнечных конденсаторов, составляющих верхний ярус завода, занимала площадь в двести пятьдесят тысяч квадратных километров. Второй ярус представлял собой зону трансформаторов энергии, а нижний, основной, состоял из преобразователей и реакторов синтеза и упаковки капсул МК — мини-коллапсаров, служащих источником энергии для кораблей космического флота человечества.

Филипп стоял на обзорной башне завода, поднимавшейся над поверхностью Меркурия на триста метров, и не отрываясь смотрел на исполинский раскаленный туннель Солнца, просверленный в зените: именно туннель — таким представлялось светило сквозь светофильтры и защитный экран башни.

Завод работал автоматически, под неусыпным надзором киб-интеллекта, тем не менее он требовал участия людей. В шести обзорных башнях над территорией завода солнечных конденсаторов еще шесть человек дежурили в централи управления заводом. Кроме того, круглосуточно дежурили смены механиков, инженеров ядерной защиты и бригады по ремонту всех энергоустановок завода, всего сорок семь человек.

Вдали над кажущимся бесконечным сверкающим полем конденсаторов встал вдруг язык лилового, бледного в сиянии солнца огня. Тотчас же внутри обзорного купола рывкнул гудок, дежурные ответили переключениями на своих изломанных волей разработчиков пультах, и язык пламени втянулся в поле.

— Бригаде ремонта на выход! — сказал один из операторов. — Выгорела секция сто сорок шесть. Киб-ремонт не подлежит. Главный пост — перераспределяю энергоотдачу района.

— Принято, — отозвался гулкий бас из невидимых динамиков.

В это время в куполе появился Травицкий в сопровождении главного инженера завода. Оба были в полужестких вакуум-скафандрах, как и Филипп.

— Думаю, часов через десять-двенадцать мы восстановим линию, — обратился главный инженер одновременно к Травицкому и Филиппу. — Редкий случай, вы уж поверьте.

— Верю, — сказал Травицкий. — Не ко времени, конечно, но ничего не поделаешь. За двенадцать часов восстановить разрушенную линию вам, очевидно, не удастся, скажем, если мы привезем аппаратуру послезавтра, вы будете готовы к пуску?

— Наверняка, можете быть уверены.

Травицкий кивнул. Главный инженер, смущенный своей ролью, пожелал им удачи и удалился.

— О чем это он? — спросил Филипп, ничего не понявший из разговора.

— Неувязки, — нехотя сказал Травицкий. — Как раз перед нашим прибытием возбудился вулкан, и лава повредила энерголинию от завода к нашей стройке. Какой-то умник повелел монтировать антенну на плато Шерхова, напичканное вулканами, как подсолнечник семечками. А виноват я, потому что не проконтролировал. В общем, эксперимент откладывается, поэтому на сегодня и завтра можешь быть свободен. Завод уже осмотрел?

— Да так, местами... Без провожатых ходить по территории запрещено, а здесь — сами видите, не до нас.

— Ну, на Меркурии и кроме МК-заводов много интересного. Если хочешь, могу поговорить с кем-нибудь из старожилов, тебе покажут все, даже знаменитую Серую Колонну на плато Жары.

Филипп подумал и отрицательно покачал головой.

— У меня есть дела на Земле... если вы не возражаете.

Травицкий развел руками.

— Ради Бога. Кстати, зайди, пожалуйста, в институт и заberi в моем столе голубую кассету, там расчеты пробного канала. Я, наверное, останусь здесь, кое-что выясню. Послезавтра в десять по среднесолнечному встретимся у главного инженера, найдешь? Это почти под нами, на втором горизонте.

— Кто из вас Кирилл Травицкий? — повернулся к ним один из операторов. — Меркурий-исследовательский на связи.

Травицкий просеменил к пульту. Филипп проводил его глазами, чувствуя неприятный осадок в душе, и шагнул к двери. Эксперимент с новой ТФ-антенной, формулу которой он рассчитал, почему-то перестал его интересовать. С одной стороны, результат эксперимента не мог не волновать его как разработчика, все-таки проверялось его детище, но с другой — Филиппа перестал удовлетворять сам процесс подготовки эксперимента, слишком длительный и однообразный, поэтому и настроение складывалось соответственно: Филипп ощущал в себе раздвоенность и неопределенную досаду неизвестно на кого.

На Землю он попал спустя час через вторую станцию метро Венеры. В институт зашел поздно, забрал из кабинета Травицкого кристаллы кассет и не стал задерживаться в лаборатории. За стенами института властвовал поздний вечер. Темная мгла сгустила тени в зарослях леса, и он потерял свои великолепные летние краски, взамен выпустив на свободу тысячи запахов и мириады звуков от скрипа коростелей до кваканья лягушек в пруду. Над горбами холмов умирал последний солнечный свет, рассеянный вязью перламутровых облаков. Кое-где в темно-фиолетовый купол неба уже вонзались лучи далеких звезд. Небо вокруг натертого до блеска лунного диска запотело серебристой влагой.

Филипп вдруг охватило желание немедленно увидеть Аларику, причем не в рабочей обстановке, а дома, неожиданно для нее, без предупреждения. Желание было наполовину неосознанным, но в том и была его прелесть — оно заставляло работать сердце с полной отдачей.

Филипп вернулся домой и первым делом связался со справочной Дальнего Востока, выясняя адрес Реброва. Он уже знал, что Аларика после гибели мужа продолжала жить в семье Ребровых, в доме Мая, с его женой и взрослой дочерью. Затем он позвонил в Лунный

Институт видеопластики и в управление спасателей, убедился в том, что Аларики там нет. Следовательно, у него появился шанс застать ее в домашней обстановке.

После этого выбрал костюм, сам, не пользуясь сумматором моды, и в три часа ночи покинул спящий дом. Самому спать совершенно не хотелось.

Пинасс доставил его из Басова к первой московской станции метро, откуда он мгновение спустя переместился в Хабаровск.

Добраться до Симушира оказалось непросто: рейсовые куттеры летали редко и медленно, со многими остановками, а ждать Филипп не захотел. Сначала, пользуясь попутным транспортом, он попал в Южно-Сахалинск, в родные пенаты Станислава Томаха; заходить к нему, однако, не стал, надо было бы объяснить свое появление, а этого он как раз бы и не сумел. Затем пинасс метеослужбы отвез его на Итуруп, самый большой остров Курильской гряды, и лишь потом на нефе местных линий он добрался до Симушира, который фантазия кого-то из предков Мая Реброва выбрала в качестве домашнего уголка.

Был уже вечер, когда Филипп добрался до поселка Шаншири, расположенного на берегу бухты Броутона. Небосклон был занавешен тучами, и Луна лишь изредка откидывала их вуаль, чтобы показать свое полное белое лицо.

«Та же Луна, что и у нас в Басове, — подумал конструктор мимолетно. — Интересно все же, почему Ребров выбрал для местожительства остров Курильской гряды? Прямое ТФ-сообщения с материком здесь пока нет, погодные условия не всегда соответствуют нормам для жилых зон... Любовь к океану? Или привязанность к жилью отцов? Это, кстати, мне ближе по духу... не любящий свою родину также никем не любим... Однако где же их „вигвам“?»

— Простите, — остановил Филипп двух женщин, толкающих впереди себя что-то серебристо-стеклянное, звенящее и гудящее от легкого ветерка. — Вы не подскажете, где живут Ребровы? Вам помочь? — спохватился он.

— Спасибо, мы сами, — отозвалась старшая, откидывая прядь волос со лба. — Это оптимизатор среды для новорожденных ихтиозавров, он легкий, а до фермы уже близко. А дом Реброва справа от вас, через парк, увидите сами.

Поблагодарив, Филипп двинулся в указанном направлении, чувствуя на затылке взгляды женщин. Пройдя темный парк, наткнулся на каменную ограду, прошел вдоль нее с полсотни шагов и увидел дом Реброва — смутный силуэт, полускрытый деревьями. На лужайке у дома стояли три пинасса, четвертый медленно снижался поодаль. Из полураскрытой двери, ронявшей сноп белого света на террасу, выглянул незнакомый мужчина, мельком взглянул на проходившего Филиппа и крикнул в темноту:

— Александр, ты скоро? У женщин лопаются терпение.

— Скоро, — донесся сверху из темноты густой бас. — Только коня привяжу.

Незнакомец засмеялся, повернул голову к Филиппу.

— Вы к кому?

— К Реброву, — сказал Филипп первое, что пришло в голову.

— Я Ребров.

— Я... мне нужен другой...

— Другой, значит. А какой именно? Сегодня здесь много Ребровых. Проходите в дом, разберемся.

— Кто там, Глеб? — раздался из прихожей знакомый голос, и на террасу вышел Май Ребров, одетый во все черное. — А-а, Ромашин... это ко мне. Проходите, Филипп.

— Спасибо, — пробормотал Филипп, проводил взглядом Глеба. — Извините, Май, могу я видеть Аларику?

— Ага... — сказал Ребров, глаза его похолодели. Он помолчал, внимательно разглядывая лицо конструктора, хмыкнул. — К сожалению, ее нет дома.

— А где ее можно найти?

Ребров снова хмыкнул, хотя лицо его осталось неподвижно-спокойным и твердым.

— Она пошла к морю. Правда... не хотелось бы, чтобы ее тревожили. Сегодня день

памяти Сергея.

Филипп неловко кивнул, уши его запылали, и он, не зная, что сказать, мучаясь налетевшим вдруг косноязычием, проговорил:

— Понимаю, вы правы... однако же... я, пожалуй, пойду к себе, извините.

— До свидания, — сказал Ребров, повернулся и ушел в дом. Дверь при этом он за собой не закрыл.

Филипп сбежал с террасы, уязвленный до глубины души необычной холодностью тренера, злой на себя, на Реброва, на весь мир, и, лишь оказавшись на причале, опомнился и перевел дух.

Волны с упорством маньяка пытались разбить причал, сдвинуть его с места, но разбивались сами, сея густую водяную соленую пыль на черный гранит мола. Неумолчный гул сопровождал эту схватку, и Филипп представил, каково здесь в шторм.

Подставив пылающее лицо брызгам, он постоял с минуту, все еще переживая свое неудачное randevu с Ребровым, потом вытер лицо ладонью и сказал неизвестно кому:

— Ну, мы еще посмотрим!

Он вышел из освещенной зоны причала, совершенно безлюдной в этот час, нашел какую-то тропинку и по ней пустился в обход поселка по берегу моря. Там, где скалы отступали в глубь острова, было холодно, откуда-то издалека, из седой мглы, катились стеклянные хребты волн, накатывались на валуны и скалы, ветер срывал с разбитых волн фосфоресцирующую пену и бросал на берег, словно сеятель — семена жизни.

В стороне пика Прево над морем повисли три рубиновые полосы, и Филипп успел заметить косо падающие за горизонт стремительные стрелы истребителей ураганов. Он подождал несколько минут, прислушиваясь, но все было спокойно, лишь прибой заполнял пространство музыкой канонады. Балансируя на кромке обрыва, Филипп раздумывал, куда направиться дальше, и вдруг на фоне светящихся волн заметил на выступе скалы чей-то силуэт. Человек сидел повернувшись к морю лицом, и что-то знакомое почудилось Филиппу в его позе. Он осторожно приблизился, хор прибоя заглушал его шаги.

Это была женщина в мерцающем зеленовато-белом платье.

Филипп замер. Сами собой пришли на ум пушкинские строки:

Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури,
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури...

Женщина оглянулась и встала.

Сердце отозвалось падением и взлетом, он ощутил радость и тревожное изумление одновременно: предупреждение Реброва еще стояло в ушах. Аларика, спокойная, как и всегда, желанная и чужая, заставляющая вздрагивать во сне и в последнее время всплывающая в памяти в самые напряженные моменты работы, смотрела на него и молчала. Интуиция вывела его сюда? Или Его Величество Случай?

— Как ты нашел меня? — первой нарушила молчание женщина. — И зачем?

Филипп приблизился.

— Мне сказал Май... но я не искал тебя, честное слово... хотя вру, не искал, но ждал. А зачем?.. Может, потому, что хочу разобраться...

— В чем?

— В тебе... в себе тоже.

— Станные слова в твоих устах. Обычно ты более категоричен. И все же ты напрасно пришел сюда.

Филипп стиснул зубы.

— Наверное, ты права. Мне говорил Ребров, я не послушал. Но, уж коль так получилось, позволь побыть с тобой немного...

Он взял ее за руки, холодные, как скалы вокруг. Аларика покачала головой, высвободила руки.

— Ты напрасно пришел... во всяком случае, сегодня. Слишком легко тебе даются слова, я знаю. И еще ты забыл, что между нами прошел третий, которого я любила.

— Тогда я приду завтра.

— Не знаю. Пусть это будет завтра, а сегодня — уходи.

Филипп молча поклонился и пошел в темноту, унося взгляд Аларики, твердый взгляд взрослой женщины, знавшей, что такое любовь. И все же... «Она сказала — любила, — бормотал он про себя. — Любила, а не люблю! Значит, не все еще потеряно? Кто бы помог разобраться, возможно ли это? Или не надо разбираться, ставить точки над „і“, пусть все идет так, как идет?..»

Хор прибора уже не казался ни торжественным, ни грозным — он был скорее насмешливым и угрожающим, веяло из фосфоресцирующего мрака холодом и безнадежностью...

Если не знает никто, почему улыбаемся мы,
И не знает никто, отчего мы рыдаем.
Если не знает никто, зачем рождаемся мы,
И не знает никто, зачем умираем...

Филипп оступися, больно ударился коленом о камень и погрозил кулаком океану. Оглянулся, но Аларики уже не было видно. Только клочья светящейся пены проносились над мокрыми скалами, словно странные электрические птицы из неведомого мира.

Если мы движемся к бездне, где перестанем быть,
Если ночь перед нами нема и безгласна...
Давайте, давайте, по крайней мере, любить!
Быть может, хоть это не будет напрасно...¹⁵

— Когда это произошло? — спросил Никита Богданов, чуть более бледный, чем обычно.

— Вчера утром, между завтраком и обедом, — сказал угрюмый Йос.

Два часа назад из сектора «Скорой помощи» УАСС пришло сообщение о смерти эфаналитика отдела безопасности Василия Богданова. Его нашли мертвым после сеанса компьютерного расчета, но тема расчета оказалась стертой в памяти Умника — большого киб-интеллекта управления, и это было необъяснимо: стереть расчет не мог бы и сам оператор.

Томах невольно сравнивал это происшествие с недавними событиями: появлением «зеркальных перевертышей», пропажей грузов и, главное, с проникновением в наглухо закапсулированную космостанцию над Орилоухом. Не есть ли это звенья одной цепи?

— И никаких предположений? — спросил он глухо.

Начальник отдела безопасности покачал головой.

— Никаких. Диагноз — колоссальное нервное переутомление и как следствие обширный отек мозга.

— Кто ведет расследование? — спросил Богданов. Он тоже выглядел достаточно спокойным, только у губ легли скорбные складки.

— Пока Шалва, но что он может сделать, не имея предпосылок? Врачи разводят руками, случай беспрецедентный. Непонятно уже то, что Умник, связанный с медсектором напрямую, не вызвал «скорую» сразу после происшествия. А на вопрос: «Почему он этого не

¹⁵ Амадо Нерво (Мексика, 1870–1919 гг.).

сделал?» — ответил: оператор с ним не работал.

— Откуда же тогда переутомление? — спросил Томах. — Свидетели включения Умника есть?

— Нет, — коротко ответил Йос. — Тестирование Умника показало, что он работал с Василием в режиме «один на один», но какую проблему они решали — неизвестно.

— Я догадываюсь, над чем работал Василий, — медленно проговорил Богданов. — Я подкинул ему проблему «зеркальных перевертышей» в интерпретации Славы — что они суть средства наблюдения плюс исчезновения грузов, идущих на периферию. Видимо, он пытался сделать глубокий прогноз.

— Над прогнозом даже эфналитики не работают до сверхизнеможения. — Керри Йос встал, подошел к Богданову и положил ему руку на плечо. — Нужен профессионал-вычислитель, который смог бы выдержать гонку с Умником в режиме «один на один». Это вывод кибернетиков, конструкторов Умника. Только тогда появится шанс заставить его при перенапряжении восстановить память хотя бы частично по «рассеянному эху» прежних вычислений в блоках эмоций. Ваш друг Филипп Ромашин, по-моему, подошел бы по всем статьям, я слышал о его открытии, но он не сотрудник отдела, а риск в этом деле превышает границы допуска для гражданских лиц. Тебя я тоже не пошлю, на вас со Славой и без того повисло дело Наблюдателя. Кто подойдет?

— Надо подумать, — сказал Станислав. — Идея взять Филиппа...

— Что, не подходит?

— Почему же, подходит, просто я думал... не рано ли? Вы же сами вспомнили открытие, связанное с его именем, он талантливый конструктор и к тому же спортсмен высокого класса...

— Вот-вот, одни добродетели. — Керри позволил себе пошутить. — Именно это меня и привлекает, особенно то, что он спортсмен. Кто-нибудь из вас знает его физические данные?

— Я знаю, — сказал Томах, — не раз его массажировал. По нашей классификации, Филипп — эктомидиал.¹⁶ Чуть-чуть больше, чем надо, вспыльчив, но энергичен, великолепно развит, реакция феноменального типа плюс, кстати, пробуждающийся вкус к риску.

— Ну, последнее, пожалуй, лишнее, — проворчал Керри Йос. — Я бы хотел, чтобы этот вкус не развивался по экспоненте.

— У Василия тоже была реакция феноменального типа и чутье опасности, — напомнил Богданов. — Плюс двенадцатилетний опыт работы в управлении.

Начальник отдела в задумчивости прошагал вокруг лужицы воды в сверкающем ледяном гроте — так был настроен видеопласт кабинета — и сказал, легонько стукнув кулаком по стене:

— Не о нем сейчас разговор, я имею в виду, не о Ромашине. Подумайте до вечера, потом поговорим. Надеюсь, вы понимаете важность своей работы по «зеркалам». Уж очень похоже, что кто-то недавно начал «пасти» нас, человечество, хотя и очень робко, на дальних подступах к нашему центру.

— Как мы за Орилоухом? — уточнил Богданов.

Керри Йос остро посмотрел на заместителя.

— Аналогия есть, однако различий между нашим и их наблюдением гораздо больше, чем сходства. Тем более что мы не знаем целей Наблюдателя.

— Правильно, — согласился Томах. — При тех возможностях, что демонстрирует наш Наблюдатель — вспомните вскрытую станцию над Орилоухом, — он мог бы следить за нами, не открываясь, очень долго. У меня создалось впечатление, что открылся он намеренно. Зачем?

¹⁶ Эктомидиал — сухой, жилистый, подвижный спортсмен, поражает вспышками энергии, смел, но не любит силовой борьбы.

— Мне тоже хотелось бы знать, — пробормотал Керри Йос. — Однако отвечать на этот вопрос некому... кроме нас самих.

— А не перестраховываемся ли мы? — спросил Богданов, глядя на «лужицу», в которой плавали крохотные радуги. — Не выдаем ли нежелательное за действительное? Слишком уж искусственны наши построения, вам не кажется? Все три случая: «зеркала», пропажа грузов и вскрытие станции — могут оказаться неизвестными проявлениями неразумной природы и вообще не связаны друг с другом.

— Могут, — согласился Йос. — Но если сто лет назад ученые для всех космических явлений искали естественные объяснения, то мы обязаны искать неестественные, ибо за этим стоит контакт с разумными существами, о которых мы не знаем ровным счетом ничего! Для того и существует УАСС, организация, отвечающая за безопасность цивилизации, и, в частности, наш отдел, чтобы остальные люди не ждали от контакта беды. Не убедил?

— Чего уж там, — буркнул Томах. — Нас убеждать не надо. Кто из СЭКОНа работает сейчас по «зеркальным перевертышам»?

Керри перестал обходить «грот», выключил видеокартину.

— Генри Бассард, — сказал он хмуро.

Томах и Богданов переглянулись.

— А вы думаете, зря я вас тут пугаю? Мнение Генри, кстати, полностью совпадает с твоим, Никита, мол, «неразумная природа». Это плохой симптом. Доказать Бассарду что-либо, когда он упрется рогом, весьма сложно. Короче, с разгадкой смерти Василия я управлюсь без вас. А вам даю два дня на архивы — поищите информацию разведчиков обо всех явлениях, схожих с «зеркалами» и прочими нашими чудесами, потом соберемся и обсудим тактику и стратегию поисковых групп. А так как работать им придется в пограничных районах контролируемой нами зоны космоса, то вопросу отбора, психологическим качествам поисковиков уделите особое внимание. Лучше всего подобрать кадры среди пограничников, знающих сюрпризы космоса не понаслышке. Все понятно?

— А как же, — с иронией произнес Томах. — Обычное дело: поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

Томах нашел Филиппа дома погруженным в размышления, судя по выражению лица — не очень приятные.

— Где это ты был? — спросил его конструктор вместо приветствия. — Я тебя ищу уже вторую неделю.

— Работа, — пожал плечами Станислав. — Я был там, куда не достает связь через личный видео.

— Снова тайны...

— Завидуешь? — Томах вынул из окна доставки на кухне бокал с дымящимся соком, принес в гостиную и стал не торопясь пить мелкими глотками. — Я был у пограничников, на периферии. Если хочешь, переходи к нам на работу, у тебя тоже появятся тайны.

— Кем? — невесело засмеялся Филипп. — Экспертом?

— Можешь и экспертом, но лучше инспектором на оперативную работу отдела.

Филипп перестал улыбаться и недоверчиво посмотрел в карие, спокойные глаза Томаха, в которых время от времени мелькали иронические или насмешливые огоньки.

— Шутишь?

— Абсолютно серьезно.

Филипп подумал, отобрал пустой бокал у друга и сел напротив, расставив ноги.

— Выкладывай, что у вас там случилось.

Томах испытующе посмотрел на него.

— Разве по мне заметно, что у нас что-то случилось?

— В общем-то, нет... нет, но я... чувствую.

Томах слегка нахмурился, все еще рассматривая Филиппа, потом отвернулся и пошел на кухню за следующим бокалом.

— Ты мне не ответил на предложение, — сказал он оттуда.

— Ты тоже — на мой вопрос.

Томах появился в проеме двери, на ходу прихлебывая тоник из запотевшего бокала.

— Умер эфаналитик Василий Богданов, брат Никиты.

— Брат Богда... Как умер?

— От умственного и нервного перенапряжения. Работал в паре с Умником, вот как ты со своим вычислителем, решал какую-то футур-задачу... Через два часа его нашли мертвым с эмканом на голове. А Умник ничего не помнит. Такой вот фокус. Но это наши заботы. — Томах сделал ударение на слове «наши». — Хотя в скором времени они могут стать и твоими. Я понимаю, мое предложение для тебя неожиданно, поэтому не торопись с ответом. Все взвесь и проанализируй. Позволю заметить, что не каждого приглашают работать в управление, а тем более в отдел безопасности. И еще: УАСС — это организация, для работы в которой необходимо иметь призвание, а работа требует столько сил, что упаси тебя Бог согласиться и не выдержать! Не помню, кто сказал, что работа без нравственного оправдания — бессмыслица или, того хуже, жестокая необходимость, но знаю, что сказано это о спасателях и безопасниках. Если хочешь, для меня работа безопасника — призвание. Вот когда ты сможешь так сказать про свою — не важно, будешь ли ты конструктором или спортивным деятелем, — тогда я возьму свое предложение назад. А пока думай. Согласен?

Филипп качнул головой.

— А что мне остается? Ты прав, в последнее время я не нахожу удовлетворения в своей конструкторской работе, только едва ли когда-нибудь...

Томах протестующе поднял руку.

— Я же сказал, не спеши, время покажет.

Филипп задумался, вертя в руках пустой бокал. Томах принялся разглядывать комнату, отмечая новые штрихи в интерьере, появившиеся с тех пор, как он был здесь с последний раз. Он встал с дивана, прошел к панели домашнего координатора и в нише под стенным вивомом увидел миниатюрный видеопласт: горы, язык ледника, снежное поле и в черной пасти пещеры женщина в сияющем белом платье. Аларика.

Станислав некоторое время рассматривал лицо женщины и вернулся к дивану.

— Откуда это у тебя?

— Что?.. Она мне сама подарила.

— Вот как? Интересно!

Филипп остановился напротив друга и через силу, не глядя на него, спросил:

— Ты знал Сергея Реброва?

— Кто же его не знал?

— А почему не сказал мне, что он погиб?

— Зачем? Разве это что-нибудь изменило?

Филипп угрюмо посмотрел в глаза Станислава.

— Думаю, изменило.

— Ну а я так не думаю. И коль уж зашел разговор, ответь мне: ты что же, всерьез решил наверстать упущенное? Не поздно?

Филипп вспыхнул, уловив в словах инспектора скрытый и неприятный подтекст. Но сдержался.

— Не надо так, Слава, ты же не знаешь...

— Э-э, брат, шалишь! Я все о тебе знаю, даже то, чего ты сам не подозреваешь. Что касается Аларики... Зря ты все это затеял. Слишком хорошо я знаю их жизнь. И любовь. Но зная тебя так, как знаю, я бы подумал, что у тебя выиграло самолюбие, но не могло же оно молчать столько лет? Ты же абсолютно ничего не знал об Аларике, так? И не пытался узнать, хотя меня это всегда поражало. Что же изменилось? Случайная встреча всколыхнула омут былых чувств? А смерть Сергея развязала руки?

Филипп потемнел, сжимая кулаки. Станислав с любопытством смотрел на него снизу вверх, сплетя пальцы на животе.

— Не нравится? Что ж, иначе не могу. Мне было больно за вас обоих пять лет назад, хотя я уже тогда знал Сергея Реброва. Но не причиняй новой боли Аларике, она этого не заслужила.

— Постараюсь, — глухо ответил Филипп. — Ты со мной так никогда раньше не разговаривал.

— Потому что, по-моему, ты был счастлив. Ну, или будем говорить иначе, был уверен в правильности твоей линии жизни.

— А сейчас не уверен?

— Сейчас нет. Это меня и пугает, и радует. И если все объясняется только влиянием Аларики — это плохо.

— Разве? — Филипп опустил на диван. — Хотя ты прав, плохо. В последнее время со мной что-то непонятное творится. Понимаешь... и Ребров отмечает... и сам я чувствую, иногда словно срываюсь, будто не срабатывает что-то внутри, какой-то выключатель в нервной системе. И тогда я либо теряюсь в обстановке: затормаживаются реакции, уходит точность движений — в игре это особенно заметно, — или, наоборот, переоцениваю свои возможности, бываю грубым и злым... а это уже, сам понимаешь, явный перебор.

— Еще какой, — согласился Томах. — Один мудрец говорил: «Недобор ближе к умеренности, чем перебор. Второй оправдывается гораздо труднее».¹⁷ Тебе надо поменять режим работы, хотя бы на время, можно также пройти курс гипноиндукционного внушения, хотя гипнопрофилактика и терапия прописываются обычно слабонервным натурам. Кстати, у меня появилась идея: ты бывал когда-нибудь на СПАСах?

— СПАС? А-а... эти — станции аварийных... — пробормотал Филипп, гадая, кого Станислав подразумевает под «слабонервными натурами».

— СПАС — это станция приема аварийных сигналов.

— Не приходилось.

— Я тебе устрою экскурсию, не пожалеешь.

— Ты думаешь, мне это необходимо?

— Уверен — для смены впечатлений и проверки собственного терпения. Начну знакомить тебя со спецификой работы спасателей. Тем более что тебе придется поработать у нас.

По лицу Филиппа скользнула тень.

— Это называется вербовкой.

Томах тихо засмеялся.

— А это и есть вербовка. Удивительно, что ты помнишь смысл столь древнего термина. Наш шеф дал тебе очень лестную характеристику и просил меня провести «среди тебя» работу по выяснению твоего отношения к аварийно-спасательной службе вообще и к отделу безопасности в частности. Если серьезно, Керри предлагает тебе прикинуть свои возможности в поединке с Умником в режиме «один на один» и участвовать в операции «Наблюдатель», которую ты уже начал, будучи экспертом. Кстати, у меня ощущение, что операция эта небезопасна.

Филипп стал молча переодеваться в выданный сумматором моды костюм: обтягивающие бедра и прямые внизу брюки, белые у пояса и чернеющие к краям штанин, и обтягивающую тело рубашку, также белую у плеч и чернеющую к поясу.

— Я не понял, при чем тут Умник.

— Богданов работал с ним именно в режиме «один на один».

— Ясно. А если я не соглашусь?

— согласишься, — ответил Томах уверенно. — Иначе я переквалифицируюсь в... управдомы не управдомы, но в конструкторы одежды точно.

¹⁷ М. Монтень.

Когг скользнул мимо исполинского «уха» антенны станции и воткнулся в одну из причальных ниш стыковочным узлом рядом с таким же полосатым шлюпом дежурной смены.

— Давно собираются установить на СПАСах метро, — буркнул Томах, отстегиваясь от кресла, — да все никак не соберутся. Вот и приходится колупаться на когге битых полчаса.

Он первым ступил на эстакаду, и движущаяся дорожка вынесла их в кольцевой коридор станции, опоясывающий ее «мозг» — зал управления и автоматики.

— У них как раз сейчас пересменка, — посмотрел на часы Томах, ступая бесшумно и мягко по матово-белому, словно фарфоровому, полу коридора. — Мы не помешаем. А стажироваться тебе все равно надо, не вздыхай.

Зал оказался не круглым и не таким уж большим, как ожидалось, судя по радиусу изгиба коридора; он был треугольным. Все три стены служили панорамными виомами, пульт управления помещался в тупом углу треугольника, и над ним была врезана в стены наклонная черная плита экрана пеленгатора с крестом визира по центру. У пульта стояли три кресла, два из них занимали старший дежурный смены и его помощник, третье было запасным.

При входе в зал слабо звякнул предупреждающий звонок, и мужчины у пульта, одетые в серо-голубые комбинезоны спасателей пространственной службы, оглянулись. Филипп с удивлением узнал в старшем смены... Леона Хрусталева, напарника по сборной! В свою очередь тот тоже удивился не меньше, только реагировал менее доброжелательно.

— Почему здесь посторонние? — с ударением на последнем слове спросил он.

— Ну-ну, я уже посторонний, — добродушно усмехнулся Томах, подходя к пулту. — Ребята, знакомьтесь, это Филипп Ромашин, конструктор, — он подмигнул Филиппу, — и кандидат в спасатели, стажер. У меня к вам просьба: пусть он тут послушает космос вместе с вами. Мешать не будет, парень дисциплинированный, идет?

— Я против, — возразил Хрусталев. — По инструкции во время дежурства в зале управления не должны находиться посторонние лица, даже если они спортсмены экстра-класса и кандидаты в спасатели.

Филипп вспыхнул: от Хрусталева таких слов он не ожидал.

— Вы что, знакомы? — Томах внимательно посмотрел на обоих.

— Мир слухом полнится, — нехотя произнес Леон.

— По сборной, — уточнил Филипп.

— Пусть остается, — вмешался помощник Хрусталева, красивый парень, видимо, уроженец Мексики. — Насколько помнится, программа стажировки включает в себя и работу на СПАСе. Меня зовут Рафаэль. — Он первым протянул руку и улыбнулся.

Хрусталев демонстративно отвернулся.

— Что вы не поделили? — шепнул Томах на ухо Филиппу. Тот пожал плечами, хотя и догадывался о причинах подобного к себе отношения товарища по сборной: Аларика... Филипп не раз встречал ее в обществе Хрусталева, и того не могла не насторожить его настойчивость...

— Ну и ладненько. — Томах посмотрел на часы. — Мне пора, время моего дежурства прошло, а вы заберете его на «материк» после смены.

Филипп, ощущая неловкость, и злость, и желание как-то помириться с Леоном, словно был виноват перед ним, сел в первое свободное кресло и принялся разглядывать панель перед собой.

— Берите эмкан, — подсказал ему улыбчивый Рафаэль. — На него сводятся каналы прослушивания всех диапазонов электромагнитного излучения и ТФ-спектра. Наша станция рассчитана в основном на ТФ-диапазон. Вообще-то космос слушают больше автоматы, интеллекtronика на СПАСах мощная, но бывают ситуации, когда зов о помощи может выделить из шумов и запеленговать только человек. Ну, и управляем автоматикой тоже мы.

— Не отвлекайся, — буркнул Хрусталев, — не на лекции.

Филипп молча достал из ниши ажурную корону с тремя выводами светокабеля и

подогнал по размеру головы.

— Проверка, — бросил Хрусталева, покосившись в его сторону.

Рафаэль ответил щелчком включения аппаратуры.

...Двести лет плыл он вокруг Солнца по колоссальному кругу диаметром в сто миллиардов километров, безмолвный, холодный, как дыхание смерти, и сам — смерть! Двести лет потратил он на один виток вокруг Солнца, вглядываясь во тьму бессмысленными глазами фотоэлементных пластин, вонзаясь в пространство щупальцами локаторов, ловил в перекрестке визирных меток астероиды, ядра комет в афелии, и тогда на короткое время пробуждался его кристаллический «мозг», сравнивая полученные данные с теми, которые заложили в него создатели, и летел мимо, и ждал, ждал, запрограммированный нести смерть всему, что создано людьми и что не ответило на его радиозапрос.

Уже давно канули в Лету те, чей злой гений создал его, сменились поколения, исчезли из лексикона людей Земли слова «война» и «гонка вооружений», а он все мчался вокруг Солнца, электронно-механический безумец, обуреваемый холодной жадой убийства, один из тех автоматических аппаратов, которые запустили некогда бежавшие с Земли поклонники «звездных войн», озверевшие от страха и яда собственных замыслов.

И вот локаторы выхватили из тьмы сооружение, отвечающее эталонам, сохранившимся в памяти аппарата. Трижды бросал он вперед угрожающий окрик: «Кто идет? Дайте позывной!» Ответа не было. А по вложенным в память инструкциям молчать мог только враг. И тогда ракетный спутник-убийца включил боевые системы, в течение минуты проверил боеготовность отсеков, определил точные координаты цели и произвел залп. Шесть ядерных ракет типа «Спейсмен» вырвались из люков боевых палуб и умчались к ничего не подозревавшему объекту, унося в своем чреве смерть весом в сто двадцать мегатонн.

Объектом нападения чудовищного пришельца, порожденного военным психозом прошлых веков, был космотрон-коллайдер, самый большой из ускорителей элементарных частиц на встречных точках. На беду, автоматы его защиты были запрограммированы на отражение метеоритных атак и мелких болидов, поэтому стремительное приближение искусственных тел не пробудило в их памяти тревожных ассоциаций. Еще худшую беду несло то, что на космотроне шел эксперимент.

Катастрофа произошла внезапно: ракеты, начиненные смертоносным грузом, автоматически произвели противоракетный маневр, хотя никто их не собирался сбивать, вышли в расчетные точки поражения цели и взорвались. Защитное поле космотрона лопнуло, как мыльный пузырь, испарились в безжалостном ядерном огне многочисленные пристройки комплекса, потекли силовые секции ускорителя, исчезло управляющее поле и... два сверхплотных потока антипротонов, помноженные на громадную скорость, близкую к скорости света, ударили по касательной в разные стороны, доуничтожая все, что пощадил взрыв ракет, и, миновав мишени, ушли в пространство. Пятисоткилометровое кольцо космотрона испарилось почти мгновенно, породив вспышку жемчужного света. Две лавины яростной энергии, сравнимые разве что с солнечными протуберанцами, но невидимые глазу, устремились под углом к плоскости эклиптики, одна — в направлении на марсианский жилой пояс, вторая к созвездию Треугольника...

Филипп откинулся в кресле, решив не обращать внимания на поведение Хрусталева, и в это время тот включил слежение.

Плотная накидка глухоты внезапно прорвалась, Филиппу показалось, что он рухнул в глубокий колодец, наполненный звенящим гулом, свистами разных тональностей, скрипами, шорохами, писками, нечеловеческим бормотанием и вздохами и шелестами морского прибора... Это была великая «тишина» космоса!

Потом, через час, Филипп привык к этой «тишине» и даже научился отличать радиошумы от тайм-фагового эха, порожденного взрывами далеких сверхновых звезд, но

первое впечатление было именно таким — стремительное погружение в бормочущую, шепчущую бездну, от которого кружилась голова и затуманивало мысли.

— СПАС-семь, дежурство принял, — сказал Хрусталеv, причем его слова не проникли в «колодец» космической тишины — этот диапазон связи не прослушивался станциями системы СПАС. — Старший смены Леон Хрусталеv.

— Добро, — отозвался динамик на пульте. — Рапорт принят. В вашем распоряжении патрульная группа Денеши, эстакада семь, пять коггов типа «Коракл». Спокойного дежурства.

Хрусталеv проверил связь с отсеками станции, снова покосился на замершего в своем кресле Филиппа и попросил помощника погасить свет в зале. В течение четырех часов дежурства им предстояло вслушиваться в «шепот звезд»; такова была специфика работы дежурных смен станций приема аварийных сигналов.

Но пока обменивались шутками дежурные других станций системы СПАС, вели переключку оперативные группы спасательных патрулей, готовые прийти на помощь любому, кто бросит призыв о помощи, страшная радиоактивная лавина уже безмолвно вспарывала пространство, с каждой минутой приближаясь к густо заселенной людьми области Солнечной системы...

В девять часов тридцать две минуты по среднесолнечному времени в диспетчерской фобосской станции ТФ-связи, подчиненной опознавательной сети УАСС, прозвучал требовательный гудок: станцию запрашивала обсерватория «Полюс», располагавшаяся в девяти астрономических единицах от Солнца, над полюсом эклиптики. Автоматы обсерватории зафиксировали в направлении на гамму Треугольника вспышку света необычного спектра, и заведующий обсерваторией просил сверить свои наблюдения с наблюдениями обсерватории системы СПАС солнечного пояса.

Старший диспетчер переглянулся с оператором, отметив время: ТФ-связь доносит вести практически мгновенно, свет же вспышки должен был достичь орбиты Марса только через пятьдесят минут.

— «Полюс», повторите информацию и дайте точные координаты вспышки, — попросил диспетчер. — Что вас смущает конкретно? И почему для проверки вам потребовалась система СПАС?

Обсерватория не ответила. Два, три и пять раз повторил вызов оператор, но ответа с обсерватории так и не поступило.

— Странно! — задумался диспетчер, опытный инженер, в прошлом работник аварийного патруля. — С чего бы ему молчать? Похоже, они даже передатчик вырубили — не видно контакта. И с чего бы ему вообще звонить по тревожной сети? Что он увидел в Треугольнике? М-да, придется потревожить кое-кого из старых знакомых, не нравится мне эта загадка...

Хмыкнув, он соединился с отделом УАСС на Земле.

Томах прилетел домой, когда семья уже спала. Приняв душ, он залез в кухонный комбайн, собираясь поужинать, как вдруг в гостиной тихо прозвенел сигнал вызова.

Окошко универсальных часов, запрятанное в толще стены, показывало девять часов тридцать семь минут по среднесолнечному времени, но для Сахалина, где жили Томахи, шел уже двенадцатый час ночи.

Филипп, наверное, уже привык к своему положению, подумал Станислав. Ничего, это ему позволено — послушать то, что невозможно услышать ухом. Кто же звонит?

Он прошел в гостиную, утопая ступнями в теплом ворсе ковра, включил виом.

— Слушаю, Томах.

Томившийся ожиданием диспетчер отдела встрепнулся:

— Извините, Станислав, только что получено сообщение от специальной-три с Фобоса. Обсерватория «Полюс» зафиксировала яркую вспышку с необычным спектром в квадрате

Треугольника с галактическими координатами... — Диспетчер продиктовал ряд цифр. — На дальнейшие вызовы обсерватория не отвечает.

— Сигнал SOS?

— Нет, диспетчер фобосской станции сигнала тревоги не получал, хотя просил повторить сообщение. «Полюс» молчит.

— Тогда почему вы обращаетесь ко мне? Есть отдел контроля пространства, линейные службы...

— Диспетчер просил найти вас лично.

— Вот как? — Томах приподнял бровь. — Кто же этот смельчак?

— Станислав Грехов, — покраснев под пристальным взглядом инспектора, сообщил диспетчер после секундной паузы.

— Грехов? — Томах задумался, взгляд его стал жестким. — Любопытно. Что СПАСы?

— Планетарные на контроле, станции пространства всех поясов «целуют вакуум».

«Целовать вакуум» на жаргоне спасателей означало не слышать ничего.

— Любопытно, — повторил Томах, мысленно прощаясь с отдыхом. — Свяжитесь с Богдановым и оповестите все СПАСы внутренней зоны о вспышке. Я буду через полчаса.

— Богданов уже предупрежден, — виновато сознался диспетчер. — Он сказал, что все это очень напоминает ему признаки цунами... Извините, пояснять, что имеется в виду, он не стал.

Станислав выключил виом, досадуя на неопытность и разговорчивость молодого дежурного, и повторил про себя: признаки цунами... Что ж тут непонятного?

Через минуту, никого из домашних не предупредив, он сел в куттер, дежуривший на стоянке недалеко от дома, сорвал ограничитель скорости и включил форсаж.

Ему надо было пересечь Татарский пролив и достичь Хабаровска, возле которого располагалась одна из немногих пока станций метро Приморского края. Куттер успел покрыть примерно половину этого расстояния, когда на крохотной панели киб-водителя загорелся красный огонек и зажужжал сигнал предупреждения.

Томах нажал рычажок, в кабину аппарата ворвался чей-то недобрый голос:

— Борт-икс, высота двенадцать, скорость три единицы, вы нарушили режим воздушного сообщения! Немедленно покиньте чужой коридор! Борт-икс, высота двенадцать, скорость три единицы, немедленно покиньте чужой коридор! Ответьте по седьмому каналу «контрольному сто три». Если через минуту не покинете транспортный коридор среднетоннажных линий, буду вынужден применить «красную завесу».

«Это же мне! — догадался Томах. — Черт, совсем плохой стал, не предупредил никого...»

— «Контрольный сто три», — быстро проговорил он в микрофон. — Я борт «сорок пять» Сахалинского ведомства УАСС, заместитель начальника отделения безопасности Томах. Освободите горизонт до Хабаровска, в опасности жизнь людей!

После трехсекундного молчания тот же голос, скорее суровый, чем недобрый, отозвался:

— Борт «сорок пять», горизонт среднетоннажного транспорта на высоте двенадцать освобожден до Хабаровска. До метро триста два километра, дайте разворот на полтора градуса влево по курсу. Желаю удачи.

— Благодарю, — отрывисто бросил Станислав, не удивляясь прозорливости неведомого ему инспектора по транспорту.

До метро оставалось около шести минут полета...

В зале царил обычная дежурная тишина, Филипп украдкой посмотрел на часы: оказывается, он просидел всего сорок минут, до конца дежурства оставалось еще шесть раз по столько. Что ж, придется «продолжать дежурство», слушать, слушать и слушать мерное дыхание космоса, его вечное дыхание, рожденное возникновением и гибелью звезд, кипением ядер галактик и квазаров, криком коллапсаров и бесплотным дождем реликтового

излучения, и ждать в этом хаосе «звуков» зов о помощи, и услышать, и понять, и определить — чей это зов и где находится вызывающий...

Пришли на ум пушкинские строки:

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?

Действительно, самое время спросить: что ты значишь, скучный шепот? Все спокойно в этом лучшем из миров, все тихо, техника безопасности соблюдается неукоснительно, автоматически, аварии исключаются тоже автоматически. В таком случае поэт задавал вопрос не зря, и придется время дежурства включить в «ропот утраченного дня». Если сидеть здесь минут пять-десять, то интересно даже, но не четыре же часа?

Внезапно Филипп уловил в общей звуковой каше, омывающей мозг, какой-то инородный звук, даже не звук — тень звука.

Тотчас же более опытные дежурные отреагировали на это каждый по-своему: Хрусталева занялся автоматом пеленга, а Рафаэль дал сигнал тревоги по отсекам.

Из-под пульта прозвучал резкий гудок, затем голос автомата:

— Сигнал SOS! Квадрат Треугольника, координаты: плюс двадцать три градуса галактической долготы, минус девятнадцать галактической широты.

Станция напрягла все свои чудовищные «уши», ориентируя их на определенный квадрат пространственной сферы, и усилия автоматов не пропали даром: динамики донесли людям торопливый скрип — будто ножом по стеклу — передачи, адресованной только станциям СПАС, оснащенной самой чувствительной из всей той аппаратуры, что мог породить технический гений человечества в конце двадцать третьего века.

Рафаэль, спохватившись и заработав злой взгляд Хрусталева, подключил дешифратор.

— Говорит «Полюс», антипротонная атака... говорит «Полюс», антипротонная атака... говорит «Полюс», антипротонная...

Передавал кибер, сомнения не было, и голос его постепенно слабел, пока не смолк совсем.

— Патруль, на старт! — сказал Хрусталева. — Сигнал SOS, квадрат Треугольника, радиант три секунды дуги. Обсерватория «Полюс», антипротонная атака. Люди, видимо, погибли, сигнал передает робот. Позаботьтесь о защите.

— Понял, на старт, — лаконично отозвался старший патруля.

— Откуда там антипротоны? — пробормотал Рафаэль.

— Спроси что-нибудь полегче, — сказал Хрусталева с явным удовлетворением, что было совершенно неуместно в сложившейся ситуации, по мнению Филиппа. — Мы отработали все, что могли, остальное — дело патруля. Попадаем в сводку отличившихся по управлению, как ты думаешь?

Рафаэль уловил косой взгляд Филиппа и, не говоря ни слова, пожал плечами.

Глава 5 ЦУНАМИ

Томах прибыл на базу одновременно с Богдановым, ничуть не удивившись этому. Лифт стремительно вынес их на верхний горизонт гигантского сооружения и выбросил у входа в зал оперативного управления и связи с селекторами УАСС.

Полукупол зала был размером с Большой театр, но благодаря видеопластическому эффекту казался бесконечным. Богданов отстал, Станислав прошел к рядам главных пультов, над которыми мерцали виомы оперативной связи с другими центрами УАСС, с патрулями, со станциями СПАС на Земле, на других планетах и в космосе. Несмотря на избирательное

звуковое поглощение, в зале стоял легкий гул человеческих переговоров, писк и стоны зуммеров, таймеров, гудки и звонки сигнальной и передающей аппаратуры.

Возле пультов видеоселектора уже толпились начальники других отделов, руководители оперативных спасательных групп, начальники секторов, в том числе и Керри Йос. Командовал селектором коричневолицый Владибор Дикушин, начальник первого сектора, к которому относилась служба безопасности космических сообщений Солнечной системы.

— Ну что? — негромко спросил Томах у Керри Йоса.

— Идет информпоиск, — ответил рассеянно Керри. — Антипротонное излучение само по себе не возникает. Запросили службу Солнца, может, проморгали хромосферную вспышку?

— Едва ли, — сказал подошедший с озабоченным видом Богданов. — Обычно о вспышках на Солнце предупреждают заранее, наблюдатели за нашим светилом работают аккуратно. Тут что-то иное. Кстати, как тебе интуиция Грехова? Тебя тоже он разбудил?

— Кто же еще? Да, тезка не потерял формы, только и он не сказал бы, откуда в квадрате Треугольника антипротоны. Что-то многовато сегодня народу здесь, твоих рук дело?

— Я сразу дал «ВВУ-экстра»¹⁸ по управлению и позвонил Дикушину. Как видишь, не напрасно.

Вдруг в группе людей, стоявших у панорамного во всю стену виома, произошло общее движение. Кто-то вывел оперативную связь на динамик интеркома, и под потолком зала зазвучал искаженный расстоянием и перегрузками голос:

— Подойти к обсерватории не могу! Защита течет, радиация вне всяких норм!

Главный виом показывал искристую бездну. Звезды зигзагами исчерчивали ее, и Томах представил, какие эволюции выполняет спасательный когг, повинувшись пилоту.

— Что с обсерваторией? — так же глухо, на весь зал спросил Дикушин.

— Обсерватории не существует, вижу часть отсека обеспечения и блок антенн, остальное — облако радиоактивной пыли!

— Возвращайся, к тебе сейчас подойдет «панцирник» Федотова, копаться в радиоактивной пыли — его работа. Возьми еще один шлюп и прочеши трассу по вектору Треугольника, возможно, отыщутся пострадавшие.

Начальник сектора обернулся к обступившим его людям.

— Закончили поиск? Что это такое?

— Это космотрон-коллайдер, — тихо ответил один из операторов. — Три часа назад там начали эксперимент с антипротонной накачкой, все было нормально... на вызовы никто не отвечает... а по данным измерений, излучение, уничтожившее обсерваторию, полностью совпадает с характеристиками пучков космотрона.

Дикушин остался бесстрастным, только слегка раскосые глаза его превратились в узкие щелочки, словно он пытался разглядеть что-то за стенами зала.

— Свяжитесь с научным центром, нужны точные данные максимального пучка: скорость, масса, градиент ослабления, радиант расхождения.

— Уже все известно, — вмешался с третьего ряда пультов человек в вязаной безрукавке. — Луч, воткнись он в Марс, способен содрать с него атмосферу и превратить в гладкий бильярдный шар!

Наступила тишина. Все взгляды вернулись к Дикушину. Тот молча повернулся к своему командирскому пульту и сел в кресло.

— Внимание! Патрулю УАСС зон Юпитера, пояса астероидов, Марса и свободного пространства в секторе Треугольника подготовить средства к перехвату антипротонного пучка! — Дикушин кинул взгляд на оператора слева. — Расчет координат точки перехвата,

¹⁸ ВВУ — штатно разработанная форма тревоги по сигналу «внезапно возникшая угроза».

быстро! — Взгляд через плечо. — Расчет оптимального экрана для перехвата системе ПОД¹⁹ — пять минут!

— Пост сорок девять принял!

— Время подхода?

— Час — час десять.

— Патрулю: время подхода — один час. Через пять минут получите характеристики защитного экрана. Готовьте энерготрассы.

— Принято.

— Готовность к старту — десять минут, системе ПОД обеспечить прохождение сведений операции всем исполнителям вне очереди. Где начальник марсианской зоны? — обернулся Дикушин.

Из-за спин вышел кряжистый медлительный Савин. Он был угрюм и озабочен.

— Какие хозяйства затронет антипротонный луч?

Оператор подсунул Савину расчет траектории антипротонного пучка, произведенный по данным патруля.

— Сейчас. — Савин подумал, выпятив губы. — Коридор входа в Систему разведкораблей уже задет. Затем идет СПАС-семь, рабочая зона завода безгравитационного литья. Большой телескоп, детский полигон... Что еще? Сектор пассажиро-туристских сообщений Примарсианья. Это, пожалуй, наиболее серьезное из всего.

— Вполне достаточно, чтобы... — Дикушин не договорил, он знал степень ответственности спасательной службы. — Очередь СПАС-семь наступит минут через двадцать, а потом пойдет такая густая мешанина сооружений, что треск будет слышен по всей Системе!

Савин промолчал, в данный момент он ничем не мог помочь руководителю сектора.

— Сколько времени дают расчетчики на монтаж экрана для остановки луча? — подошел к Дикушину Керри Йос.

— Час, — отрывисто бросил тот. — Вернее, минут пятьдесят, учитывая время выхода в точку монтажа и доставки материалов. Это максимум того, что может дать патруль, и если он не успеет... представляешь силу удара солнечного протуберанца?

— Ты, кажется, говорил, что на пути луча СПАС-семь?

— Ну?

Керри Йос почесал горбинку носа.

— На СПАСах, кажется, имеется собственный реактор?

— Средней мощности, кварк-кессон. Да не тяни ты душу!

— Что, если попробовать взорвать СПАС навстречу лучу? Взрыв создаст контрволну энергии...

Дикушин не дал ему договорить, у него не было времени ни на анализ предложения, ни на благодарность за помощь.

— Аварийную волну, срочную связь с седьмой станцией.

Только Богданов заметил внезапное волнение Станислава Томаха, который слышал весь разговор.

— Ты что? — негромко спросил Никита.

— На СПАС-семь сейчас сидит Филипп, — так же тихо ответил Томах.

Богданов еле слышно присвистнул.

Антенны поймали еще один сигнал SOS, и Хрусталева накричал на помощника, перепутавшего в волнении каналы запроса-ответа. Филипп предложил было свою помощь, но его попросили убраться из зала и не мешать, и он с грустью признал всю нелепость своего положения.

¹⁹ ПОД — пост оперативного дежурства.

В который раз в тесноте виома раскрылось знакомое Филиппу по словам Томаха пространство зала оперативного управления УАСС. На переднем плане располагались ряды пультов, над одним из них навис высокий человек в белой форме официала управления, с жестким, словно рубленным лицом и прищуренными глазами. Филипп не сразу узнал в нем одного из охотников, с которыми ему привелось познакомиться в лесу на берегу Западной Двины: это был Владибор Дикушин.

Хрусталеv, видимо, ориентировался мгновенно: он тут же заученно отрапортовал о принятых мерах, а также о количестве сигналов SOS, которые выловила станция, чем вызвал невольное оживление в группе спасателей всех рангов, стоявших за спиной Дикушина.

— Прекрасно, — сказал начальник сектора сухо, не выказывая удивления при виде Филиппа. — Слушайте приказ: экипажу немедленно покинуть станцию на резервном когге! Старшему смены обеспечить переориентировку командных цепей станции с тем, чтобы в нужный момент произошел направленный взрыв реактора. Все!

— Что? — удивился Хрусталеv. — Зачем?

— Взрыв реактора создаст контрволну энергии, — пояснил Керри Йос, он стоял ближе всех к виому. — Эта волна, по расчетам, ослабит плотность антипротонного пучка раз в десять-двенадцать.

— Понятно... — Хрусталеv говорил с заминкой, словно ему что-то мешало. — И сколько времени в нашем распоряжении?

— Около двадцати минут. За этот срок надо составить программу координатору станции и эвакуировать персонал. Поспешите с эвакуацией. Когг у вас один?

— Есть еще «орех».

«Орехом» на жаргоне спасателей называлась капсула индивидуальной защиты, имеющая собственный двигатель. При необходимости в ней могли уместиться двое не слишком громоздких мужчин.

— Отлично. «Орех» останется для того, кто покинет станцию последним.

У Хрусталева вспотел лоб, хотя внешне он держался неплохо.

— Тогда это для меня.

Керри Йос убрался из виома. Подошел Томах.

— Возьми из бригады обслуживания любого БС-механика, он переориентирует цепи по указке центра. Быстрее, Леон, у нас почти нет времени. Уходи следом на «орехе».

Хрусталеv потянулся к микрофону внутренней связи, но Филипп опередил его:

— Не надо никого искать, я сделаю.

Томах посмотрел на него из виома странным взглядом, Филипп понял его по-своему:

— Не беспокойся, Станислав, я справлюсь.

— Не сомневаюсь, — буркнул тот, отворачиваясь.

— Командуй эвакуацией, — с облегчением сказал Рафаэлю Хрусталеv, и помощник, виновато разведя руками, исчез в люке.

Дикушин коснулся нескольких клавиш-сенсоров на панели селектора и негромко произнес:

— Внимание! Экстренное сообщение всем ТФ-станциям опознавательной сети УАСС! Кораблям в квадрат-векторе Треугольника покинуть зону с немедленным отлетом в порты назначения! Правительству и Техническому совету Марса принять меры к эвакуации приграничных районов по вектору Треугольника, к орбите приближается радиоактивное облако! Срок эвакуации — полтора часа. Патрулю УАСС приступить к монтажу поглощающего экрана. Ответ кодом. Конец.

Дикушин повернулся к молчаливой группе спасателей.

— Всех, кто не участвует в операции, прошу вернуться к исполнению непосредственных обязанностей. Вам, Савин, придется помочь отрядам эвакуации. Главное, не допустить паники, это будет страшнее самого взрыва. Ясно?

Савин кивнул и исчез так быстро, словно растворился в воздухе: исход событий теперь

зависел от скорости выполнения операции и умения организовывать людей. Спасатели стали постепенно расходиться, остались только дежурные операторы, инженеры и диспетчеры командного комплекса.

— А вам что здесь надо? — заметил Дикушин Томаха и Богданова, пристроившихся в углу за первой линией пультов. — Безопасники мне пока не нужны.

— На СПАС-семь наш друг. — Станислав кивнул на виом связи со станцией. — Стажер отдела. Мы подождем.

Дикушин шевельнул каменными желваками.

— Этот, что согласился перемонтировать управление? Я думал, что он из экипажа СПАС. Каким образом он там оказался?

— Стажировка на терпение в обстановке сенсорной депривации.

— Умники... Расхлебав эту кашу, я с вас спрошу, почему вам вздумалось стажировать безопасника на СПАС. — Дикушин отвернулся к оператору. — Дайте мне прямую связь с ВКС.

— Я уже в курсе, — сказал появившийся в зале видеопризрак заместителя председателя ВКС Чеслава Пршибила. Он «вышел» из объема передачи и пожал руку Дикушину. — Причины катастрофы?

— Неизвестны. Расследованием причин уже занимается отдел безопасности, но причина должна быть из рук вон! Космотрон был защищен от всех мыслимых случайностей.

— Значит, не от всех. — Пршибил прижал губу пальцем; у него была странная манера при разговоре быстро и сильно жмуриться, словно от солнца, особенно в минуты волнения.

Дикушин покосился на Томаха, подошедшего ближе.

— «Панцирник» Федотова заметил недалеко от эпицентра взрыва космотрона необычный обломок, похоже — старинный спутник или ракета.

— Предполагаешь, столкновение?

— Не знаю.

— Жертвы?

— Восемь человек — космотрон, — угрюмо сказал Дикушин, отводя глаза, — и пять — обсерватория «Полюс». Плюс сорок два пропавших без вести.

— Какая страшная цена! — невольно прошептал Пршибил. — Какая цена!

— Пойду-ка приготовлю «орех», — сказал Хрусталева, маявщийся от безделья. — Не возражаешь? Здесь я тебе не помощник.

— Давай, — кивнул Филипп, залезая с головой во внутренности пульта с лазерной насадкой для перепайки БС-переходов. Перед ним светилась схема перестройки цепей управления реактором станции, переданная с базы, и он изредка бросал на нее взгляды, хотя и так уже запомнил, что необходимо сделать.

— Луч вышел точно вам в лоб, — сообщил Томах, сменивший Дикушина у виома связи. — Никакой корректировки положения не потребуется. Диаметр луча около двухсот километров, радиант расхождения полторы секунды дуги.

— Знаю, — глухо отозвался Филипп из утробы пульта. — Сколько времени в нашем распоряжении?

— Минут тринадцать, а то и все четырнадцать.

— Успею, осталось заблокировать узлы и вывести за пределы схемы автомат защиты, запуск внешней программы — ваше дело. Остальное сделают автоматы.

Томах помолчал, нервно пригладил волосы на затылке, чего с ним никогда не было, и сказал:

— Монтажники закончили первое кольцо экрана, осталось еще два. Не успеешь — бросай все к чертям и давай деру. Скорость у «ореха» черепашья.

Филипп оторвался от работы, глянул на черный диск над центральным пультом.

— Я уже вижу луч: красивая хвостатая звезда по оси пеленгатора. Знаешь... — Филипп не договорил.

В зале станции взвыла сирена, на пульте зажегся алый квадрат. Толчок в спину едва не выдернул Филиппа из кресла.

— Что там у вас? Что случилось? — донесся угасающий голос Томаха. Объем передачи пошел цветными радужными кольцами, так что главный зал УАСС утонул в помехах.

Виом прояснился через минуту, хотя голос Томаха оставался таким же слабым, словно он говорил из-под земли.

— Что произошло, Филипп? Что молчишь?

— Не знаю, — растерянно сказал тот, сдерживая на спине пресс тяжести и удивляясь этому. — Крен какой-то... — И вдруг понял. — Да это же... станция включила двигатели!

— Ты включил?

— Н-нет, не касался.

— Слева на ручке кресла черная клавиша под колпачком, разбей и нажми. Быстрее!

Филипп ребром ладони разбил прозрачный колпачок над черной клавишей, нажал.

Тотчас же его кинуло вверх, тяжесть исчезла, вернее, исчезла перегрузка, вызванная ускорением, но психологическая отдача действовала не хуже физической. Двигатели станции вырубались, алый квадрат погас, зажглись голубые огни на табло координатора.

— Отбой-ноль! — доложил координатор. — Прошла команда «отбой-ноль». Прошу смены режима безопасности.

— Что случилось? — спросил Филипп, сглотнув вязкую слюну.

— Действовал согласно программе «Спасайся и беги».

Филипп не знал, что это за программа, но знал Томах; в этом режиме координатор действовал самостоятельно для обеспечения безопасности экипажа, по каким-то причинам не имеющего возможности управлять станцией.

— Где старший смены?! — сдавленным голосом произнес побледневший Томах. — Где Хрусталева?

Филипп оглянулся на люк.

— Пошел готовить «орех»...

Ни слова не говоря, Станислав бросился из зала базы.

Богданов понял Томаха раньше, чем остальные.

— Причал-один, — позвал он в микрофон, вырвав его у оператора. — Стартовый коридор второй приземельской на аварийный пуск! Через минуту прибудет пилот Томах, отдел безопасности. Обеспечьте сопровождение по пеленгу СПАС-семь. Шлюп на позицию, без экипажа. Конец.

На Богданова, прищурясь, смотрел Дикушин.

— Ну у вас и реакция! Куда он? Что случилось на станции?

— Старший смены оставил включенными системы безопасности, вернее, не проверил программу координатора. Киб-интеллект действовал в автономном режиме, заметил приближающийся сгусток антипротонов и включил двигатели, чтобы уйти из-под удара.

— Где он сам?

— Вы же видите — в рубке его нет. Сомневаюсь, что он готовит «орех» к полету. Большого не скажу, боюсь быть необъективным.

— Насколько я помню доклады слухачей, он на хорошем счету.

— Не спорю, но Хрусталева никто никогда не проверял в настоящем деле, в экстремальной ситуации. Это первая.

Дикушин опомнился, повернулся к виому, откуда на него смотрел уже взявший себя в руки Филипп.

— Не ищите его. Заканчивайте работу, оденьте скафандр и попытайтесь выбраться из станции через аварийный колодец.

Филипп кивнул, чувствуя, как деревенеет спина, словно от наведенного в затылок оружия, и лихорадочно принялся доделывать начатое. Через три минуты закончил пайку, отбросил лазерную насадку и быстро собрал блоки пульта. Затем по сигналу с базы проверил прохождение команд, скорректировал станцию по последним данным патрульных кораблей

и подключил автоматику реактора к перестроенному на дистанционное управление пульту.

— Все! — выдохнул он, вытирая влажный лоб ладонью. — Что дальше?

Начальник сектора поднял руку, задерживая его, повернулся к встревоженным людям и стал что-то быстро говорить. Дежурные операторы базы тотчас же занялись какими-то переключениями на пультах и переговорами с невидимыми абонентами. Наконец Дикушин снова повернулся к Филиппу.

— Мы тут проанализировали положение, координатор подчиняется сейчас, после отстрела самостоятельности, звуковым командам. Найдите на третьей секции пульта голубую панель, нажмите красную кнопку и поставьте переключатель режимов в положение «А». Затем скомандуйте координатору включить двигатели. Достаточно трех-четырех импульсов на пределе тяги, чтобы уйти из-под удара луча.

— А заводы? — тихо спросил Филипп, стискивая зубы, чтобы никто не видел, как их разъедает коррозия дрожи: что ж, умение достойно встречать опасность надо вырабатывать. — А Примарсианье?

— Заводы мы потеряем, — кивнул Дикушин, — но до Примарсианья луч не дойдет. Что вы рассуждаете?! — вдруг взорвался он. — Выполняйте приказание! Геройство проявить захотелось? Или для вас дисциплины не существует? Это уже не электрокарабин — помощней штучка!

Филипп понял намек, медленно покачал головой. С одной стороны, ему страшно хотелось послушаться совета и увести станцию с пути антипротонного сгустка, с другой — было ясно, жертва станции не напрасна, а разрушенные заводы, вынесенные с планет в невесомость, далеко не безобидное происшествие, да и выдержит ли поглощающий экран, создаваемый в дикой спешке, никто не знал, и никто гарантий дать не мог; с третьей стороны, в глубине души Филипп был доволен своим решением, что тоже имело немаловажное значение, ибо равновесие гордости, страха держалось у него не на самообладании, и он понимал это, а на самолюбии. Ему хотелось сказать что-нибудь «героическое», значительное, такое, что запомнилось бы всем до конца жизни, но он только шмыгнул носом и пробормотал:

— Я все-таки поищу Хрусталева, потом подожду Славу на выходе аварийного люка. Может быть, он успеет... До свидания.

Было страшно сделать только первый шаг, уводивший его от пульта, но он его сделал. Вслед неслись крики людей, требовательный голос Дикушина, но Филипп ничего не слышал, в ушах стоял струнный звон сирен: автоматы предупреждали экипаж станции о приближении грозной лавины энергии.

А в коридоре он наткнулся на Леона Хрусталева! Это было до того неожиданно, что Филипп отпрянул. Начальник смены стоял на коленях у стены коридора и пытался встать на ноги. Лицо его было разбито в кровь, руки изранены, и ничто в нем не напоминало того щеголя, который десять минут назад убежал за скафандрами.

— Что с тобой? — воскликнул Филипп, опускаясь на корточки.

Хрусталев поднял страшное лицо, судорожно ухватился за протянутую руку и, прошептав разбитыми губами: «Прости, это я виноват, „орех“ готов», завалился набок.

Изумленный Филипп подхватил Леона на руки и бегом устремился к боксу с «орехом». Он не знал, за что просил прощения Хрусталев, но был рад, что не придется искать его по всей станции в цейтноте. К этому чувству примешивались теперь и тревога за товарища, и сожаление, что он не послушался Дикушина. Спасать надо было двоих, а двое — это уже иная арифметика, и поэтому он спешил изо всех сил, зная одно — Томах постарается сделать все, чтобы вытащить их из готовой к взрыву «бомбы».

Ориентируясь по светящимся красным указателям в коридорах, Филипп нашел бокс с аварийным снаряжением, кое-как втиснул в разверстый люк «ореха» бесчувственного Хрусталева (где он умудрился так разбиться? Не успел сгруппироваться во время включения двигателей станции?) и влез сам.

Здесь и нашел их Станислав Томах, свирепый, как джинн, вырвавшийся из бутылки. Он

сам врубил автоматику пуска «ореха», поймал его ловушкой спасательного шлюпа и рванул машину прочь так, что едва удержался на грани беспамьятства от страшного удара ускорения, пробившего даже противоинерционную защиту. Еще через минуту позади уносящегося в бездну корабля вспыхнула красивая голубоватая звездочка, расплылась зонтиком чистого смарагдового пламени, стала гаснуть — это взорвался реактор СПАС-семь. Но через мгновение на этом месте вспыхнул другой свет — радужный шлейф, похожий на след парусника в светящейся воде: это засветился антипротонный луч, проходя через энергетическую преграду, созданную взрывом станции. Он странно вспенился, выбросив вперед и в стороны струи света, похожие на перья невиданной птицы, оставил после себя тающее изумрудное облачко и умчался, ослабевший, туда, где люди приготовили ему более достойного противника, победить которого он был уже не в силах.

Томах притормозил шлюп, дал в эфир «три двойки» — отбой тревоги, чтобы знали, что все в порядке, и вдруг, погрозив кулаком неведомо кому, ликующе закричал:

— Что, взяли, взяли?!

Но если бы Филипп мог видеть друга в этот момент, он бы его понял.

Комплекс зданий Высшего координационного совета располагался у впадения в Оку ее левого притока Пры, в краю необъятных лесов, спокойных рек, многочисленных озер, заливных лугов и болот. Край этот носил название Мещера и лежал на рязанской земле — один из самых древних и красивых заповедных краев европейской тайги.

Еще пролетая над ним, Богданов несколько минут любовался убранством сосновых боров, дубрав по долинам рек и обширных лугов, пока с сожалением не констатировал, что слишком долго находился вне природы, не сливался с нею в одно целое, не проникался ее ритмом, чистотой и спокойствием, давно не снимал усталость с помощью ее целительного дыхания и, быть может, именно поэтому перестал в последнее время думать о Земле как о родине. Конечно, сказывалось еще и то, что семья его жила на Марсе — отец, мать, сын. Делия работала на кондитерской фабрике в Марсопорте, но это не могло служить оправданием ему самому, несмотря на полуторавековую привязанность пятого поколения колонистов Марса к своей планете; к этому поколению принадлежал и Богданов.

Но Земля... Не становится ли симптоматичным отрешение от всего земного у переселенцев? Или просто Земля постепенно расширяется до величины Солнечной системы?

Такие мысли, скорее грустные, нежели серьезные — привычка к логическому анализу настолько въелась в душу и кровь, что даже в абсолютной безопасности, в земном лесу, мозг искал некую систему отсчета, чтобы выявить несуществующую опасность и дать сигнал к действию, — приходили на ум Богданову, когда он шел за руководителями двух организаций, отвечающих за спокойное бытие человечества. Впереди шагал Керри Йос, чуть поодаль Дикишин, Чеслав Пршибил и Иван Морозов, руководитель СЭКОНа, живое воплощение бога скорби. Богданов имел счастье не однажды встречаться с Морозовым в управлении, и каждый раз его поражало то ощущение глубочайшего несчастья, которое исходило от всей фигуры председателя комиссии. Он был молод, невысок и незаметен в толпе, и лишь страдающее выражение лица надолго врезалось в память, заставляя впервые сталкивающихся с ним людей в недоумении прикидывать причины несчастья, свалившегося на этого человека.

За деревьями иногда мелькали серебристые плоскости зданий, напоминая о своей причастности к творениям рук человеческих, и Богданов изредка останавливался на них взгляд, удивляясь, что лес вокруг отнюдь не ухоженный, а дикий, самый настоящий, тайга.

Над головой внезапно вскрикнула птица, захлопали невидимые крылья. Первой реакцией Богданова была мысль броситься на землю, потом за доли секунды промчался каскад впечатлений и чувств: мгновенное напряжение мышц тела, поиск аналогий услышанному крику и звукам, недоумение, облегчение и, наконец, грустная усмешка в душе. «Заработался с техникой! — подумал он с некоторым удивлением. — Даже на птичий крик реагирую не по-человечески... Кому нужен такой профессионализм? Если на малейший

шорох реагировать как спасатель в операции, надолго ли тебя хватит, инспектор?»

Шедший впереди Пршибил нагнулся, сорвал с кустика несколько ягод брусники и отправил в рот.

— Попробуйте, — предложил он, прищелкивая языком. — Я каждый день хожу по этим зеленомошникам пешком и не могу удержаться, чтобы не зайти в брусничник. Кстати, не удивляйтесь, что едите бруснику в сентябре, она здесь сохраняется до зимних холодов.

Богданов, все еще расстроенный самоанализом, тоже попробовал освежающих, кисло-сладких и одновременно горьковатых, терпких на вкус ягод и показал Керри Йосу большой палец.

— Вкусно, отведай.

Керри выбрал кустик покрасивее, нарвал горсть ягод, высыпал в рот, начал жевать и вдруг выплюнул ягоды.

— Проклятие!.. Смеетесь вы, что ли?

— Ты что? — встревожился Пршибил.

— Да брусника ваша!.. Дробь железная, а не ягоды!

Пршибил подошел, нагнулся к кустикам и засмеялся.

— Да это же толокнянка! — Он утешающе похлопал Керри по спине. — Неопытному глазу трудно с первого раза отличить ягоды толокнянки от брусники, так что не казись. У толокнянки листья кажутся свежее, совершенно плоские, посмотри, а у брусники загнуты вниз по краям и усеяны мелкими черными точками.

— Предупреждать надо, — буркнул Йос, ощупывая языком зубы.

Морозов, выглядывающий из кустарника, засмеялся тихонько. Потом засмеялся Богданов, а через секунду смеялись все.

— Ладно, отдохнули, — сказал наконец Пршибил и уселся на старый пенек на вершине холма, окруженного со всех сторон заросшими мхом соснами.

— Что произошло на СПАС-семь во время катастрофы? — заместитель председателя Всемирного совета вытер руки о траву. — Садитесь, поговорим здесь. Думаю, аппаратура нам не понадобится.

— А что там произошло? — вопросом на вопрос ответил Дикушин и сел на траву.

— Я имею в виду старт шлюпа без экипажа.

— А-а, это... — Дикушин подумал и лег, не собираясь продолжать. Вместе него ответил Богданов:

— Глупая история. Старшему смены зачем-то понадобилось профилактически включить в шлюпе системы автономной безопасности, и киб-координатор шлюпа, естественно, узрел приближавшуюся опасность и стартовал... Вопрос, как мне кажется, непростой, потому что я не вижу в объяснении Хрусталева необходимой доказательности. И уверенности. Странно еще, что он не ушел на «орехе» один.

— Только не забирайся в дебри социальной психологии, — сказал Дикушин, лица его не было видно из травы. — Из-за этой обычной, по моему мнению, халатности, или как там ее назвать, могли погибнуть оба, да и сорвалась бы тщательно подготовленная операция по взрыву станции. Кстати, мне так никто толком и не объяснил, почему на СПАСе оказался Ромашин.

— Филипп — друг Славы, — нехотя сказал Керри Йос. — Томах готовит его в оперативники, а программу стажировки со мной не согласовал. Выговор за самостоятельные решения он уже получил. Джентльмены, имею честь сообщить вам, что причины катастрофы на космотроне известны, но они несколько нетривиальны, поэтому я и настоял на встрече здесь, обеспечив полную секретность разговора: район блокирован.

— Будто нельзя было обеспечить секретность в отделе, — пробормотал Дикушин. — Играем в таинственность, как дети...

— Хотел бы я просто играть, — вздохнул Керри Йос. — Так вот, космотрон взорвался потому, что его атаковал ракетный катер, вершина военно-космической техники двухвековой давности.

Дикушин молча поднялся из травы и устоялся на Керри, Чеслав Пршибил перестал растирать в ладонях листики брусники и, нахмурившись, посмотрел в лицо руководителя отдела безопасности.

— Как ты сказал? Ракетный катер?!

— Автомат с ядерным боезапасом. Его нашли случайно при очистке зараженной радиоактивной пылью зоны от прошедшего антипротонного луча. Вернее, нашли часть устройства: сделав залп, оно, видимо, не успело уйти далеко, и луч уничтожил большую его часть. Несколько дней эксперты вертели в руках этот обломок, ну а вывод вы слышали.

— Да, страшное наследие! — нарушил молчание Морозов. — На моей памяти это второй случай подобного рода.

— А первый? — заинтересовался Пршибил.

— Взрыв прогулочно-туристского теплохода в Японском море около двадцати лет назад.

— Я помню, — кивнул Керри Йос. — Какие-то мерзавцы почти двести лет назад оставили в пещерах скал Лианкур самонаводящуюся торпедную установку с ядерными боеголовками... Наследие, что и говорить, страшное! До чего жуткие формы может принимать равнодушие, если нам до сих пор приходится расхлебывать последствия его действия!

— Почему равнодушие? — пожал плечами Дикушин. — По-моему, здесь уместен другой термин — злоба! Или ненависть.

— Нет, дорогой Влад, злоба и ненависть — просто термины равнодушия, вернее не скажешь. Достаточно вспомнить потрясающее равнодушие предков к загрязнению среды, последствия которого мы ощущаем по сей день! До сих пор ведь работают очистные установки в океанах и на суше.

— На двадцать первое намечено торжественное выключение установок в Тихом океане, — сказал Пршибил. — Вероятно, этот день объявят праздником.

— Праздником Памяти Ошибок! — фыркнул Дикушин. — Неумно это, ибо праздновать мы будем осознание человеком своей глупости и недалекости.

— Не согласен, — сказал Морозов. — Почему бы человечеству не вспомнить цену ошибкам? В том числе и цену равнодушию? Прав Керри, до сих пор мы наблюдаем рецидивы равнодушия, и наше дело лечить эту болезнь, чтобы она не выросла до космических масштабов. Представить страшно, что может натворить в наше время один человек, вооруженный технической мощью цивилизации! Однако мы действительно уходим от темы нашей встречи, решение социальных и психологических, моральных и этических проблем — удел соответствующих органов ВКС и СЭКОНа, не так ли? — Морозов повернулся к поникшему Пршибилу.

— Я это знаю, — ответил тот. — Но не стал бы делить функции столь категорично, мы — и ВКС, и СЭКОН,²⁰ и УАСС — в одинаковой степени ответственны за человечество, за человека как элемент общества и за человека как личность.

Морозов кивнул, соглашаясь.

— Теперь еще одно сообщение, — сказал Керри Йос после недолгого молчания. — Пока что мы решали внутреннюю, так сказать, «домашнюю» проблему, «семейную беду», но есть и проблемы внешние, и здесь не все так ясно и просто. Никита, введи их в курс дела.

Богданов снял с руки браслет видео, положил на срез пня и, пояснив: «Домашняя заготовка», включил запись.

На поляне зазвучал голос Богданова и повел рассказ о «зеркальных перевертышах» и многом другом...

Томах шагнул вслед за Богдановым в кабинет начальника отдела и остановился. Керри

²⁰ СЭКОН — комиссия социального и этического контроля за опасными исследованиями.

Йос стоял на четвереньках возле стола-пульта и кашлял. Из распахнутых внутренностей стола, как из печки, валил синий горький дым.

Аппаратура инженерно-технического обеспечения, очевидно, вырубилась, и кабинет представлял собой голую серую комнату с закругленными углами, неуютную до неприличия.

Керри Йос заметил вошедших, встал и вытер слезящиеся глаза.

— Слаботочные системы!.. — пробормотал он. — Это называется слаботочные системы! Проходите, чего встали. Сесть не предлагаю, не на что пока.

— Вызвать техника? — предложил Богданов.

— Через минуту прибежит сам, должна была сработать линия аварийного оповещения.

— Авария в Управлении аварийно-спасательной службы! — фыркнул Томах. — Нарочно не придумаешь.

— Разве первый раз нас подводит техника? — спросил хладнокровный Никита. — Забыл историю с коггом Хрусталева?

Томах перестал улыбаться и пожал плечами.

— Все равно это нетипично, вот и смешно. А техника, кстати, делается человеческими руками.

— Что ты хочешь сказать?

— Кто-то не слишком добросовестно смонтировал стол, вот и все. В этих словах можно найти объяснение любой аварии: «Не слишком добросовестно». Кстати, в конечном итоге и это следствие равнодушия. Да-да, равнодушия: к работе, к порученному делу, к результату своего труда.

— Пресловутая теория равнодушия... Скоро ты станешь применять ее везде, где можно и где нельзя.

— Разве я не прав?

— Прав, — буркнул Керри Йос, горестно принохиваясь к запахам сгоревшей изоляции, нагретого пластика, металла. — Но не увлекайся. И вообще соперничать в остроумии разрешено только вне кабинета. Докладывайте о проделанной работе.

Богданов вынул из кармана белых брюк кассету видеозаписи и протянул начальнику отдела.

— Здесь подробный отчет.

— Потом просмотрю. Вкратце основные положения.

— Сесть бы... — сказал Томах себе под нос, озираясь. — Надо было вместе с конформной мебелью предусмотреть обычную.

Керри и Никита посмотрели на него с одинаковым выражением, но в это время в кабинет вошел молодой человек в синем универсальном костюме техника. Он вкатил за собой низкую тележку с какими-то коробками, вежливо поздоровался и подошел к столу. Видимо, ему не надо было объяснять, что делать.

Он вскрыл боковину стола, достал оттуда моток тонкого шнура-световода со штекером, размотал шнур и воткнул штекер в разъем на стене у пульта. Потом подключил к блокам в нескольких местах миниатюрные датчики в коробках, соединил их паутиной проводов, надел на голову эмкан и принялся за устранение неисправностей. Все это он делал так быстро, споро и со вкусом, что у молча наблюдавших за ним инспекторов «слюнки потекли» от его профессиональной, мастерской работы.

Через несколько минут русоволосый техник снял эмкан, тряхнул чубом, улыбнулся смущенно, заметив, что за ним наблюдают, и с треском отсоединил несколько блоков стола, маслянисто-желтоватых, узорчатых, словно изъеденных жуком-древоточцем.

— Вот причина дыма. — Он бросил тяжелые кубики в коробку; на блоках не было видно ни одного следа пожара. — Кто-то перепутал сигнальные и силовые разъемы видеопласта, произошло небольшое КЗ,²¹ и автомат защиты вырубил всю аппаратуру

²¹ КЗ — короткое замыкание.

кабинета. Сейчас все будет работать.

Техник вставил в гнездо на столе странной формы ключ, и тут же одна из стен превратилась в окно, а остальные приобрели нормальную янтарно-золотистую окраску.

— Все. Разрешите идти?

— Идите, — сказал Керри Йос. — Спасибо. Да, постойте, а блоки! Вы же вынули из стола какие-то блоки...

— А, это... — Парень собрал инструменты и покатил тележку к двери. — Я заменил неисправные системы дублирующими. Как-нибудь принесу смену и вставлю. До свидания.

Дверь закрылась.

— Он принесет, — успокоил начальника Томах с изрядной долей иронического сочувствия. — Если только «кто-то» снова не перепутает разъемы... не представляю, как это можно сделать.

Керри Йос почесал затылок и, обойдя стол, сел в свое «официальное» кресло, выращенное автоматом. Тронув нужные сенсоры, вырастил стулья для посетителей, и они сели, посерьезневшие, словно только сейчас вспомнили о статусе начальника отдела безопасности УАСС.

Керри выбрал видеокomпозицию, кабинет превратился в любимый ему уголок джунглей Мадагаскара.

— Ромашин признался, что встретил «зеркальный перевертыш» на Земле, — начал Богданов, — причем у себя в кабинете, и принял его за фантом «динго». И еще он говорит, что часто видел подобные «зеркала» в детстве: они сопровождали все его игры и возникали и исчезали внезапно. Но в те времена он не искал им объяснений — не представляли интереса.

— Это точно?

— Если верить Филиппу, да, а я склонен ему верить.

— И все же документально подтвердить это невозможно. Возьмем на заметку, хотя я и не верю, что Наблюдатель действовал двадцать лет назад, следя за одним человеком. Мелко это для него... если только... Вы предлагали Ромашину стать спасателем-безопасником? Стажировка стажировкой, а его желания могли измениться.

— С ним все в порядке, характер у него есть.

— Не спешим ли мы? Я слышал, он сделал какое-то открытие в области ТФ-связи.

— Вывел формулу ТФ-трансгрессии, за что и получил степень магистра технических наук.

— Но, насколько мне известно, он не смог довести работу до конца. Терпения не хватило или смелости?

«Однако, — подумал Станислав, — ну и осведомленность у Керри!»

Вслух же сказал:

— Дело не в терпении или смелости. Просто наша земная математика пока не в силах постичь всю глубину открывшейся проблемы. Не доросла. Филипп не захотел работать над локальными задачами, не осилив всей проблемы сразу. — Максимализм в высшей степени! Мне это не очень-то нравится. А что за проблема? Говоря проще, я не ТФ-физик.

— В формуле Ромашина — под таким названием она и войдет в научную информатуру — заложена потенциальная возможность передвижения на сверхдальние расстояния без громад метро.

— Идея интересная! Способный парень. Может быть, ему место не в оперативном секторе, а, скажем, в техническом центре управления? На крайний случай в бригаде эфналитиков.

— Я предлагал ему альтернативу, но он выбрал оперативную работу.

— По правилам, ему бы надо пройти испытательный срок...

— Конечно, что он и делает. Программу испытаний я составил лично, сегодня представлю на ваш суд. Но случай на СПАС-семь, мне кажется, в какой-то мере помог Филиппу определиться. Работа в Институте ТФ-связи и спортивные достижения давались ему слишком легко, что и определяло его кредо скольжения по жизни, а он самолюбив и,

познав вкус борьбы, многого добьется. В нашей же работе борьбы хватает: со временем, с пространством, с обстоятельствами, с самим собой, наконец. К тому же у него есть личная цель.

— Звучит интригующе.

— Нет, все просто — любовь. Хотя для него как раз все очень непросто. Но если он выиграет и это сражение, быть ему...

— Кем же?

— Начальником отдела.

Керри Йос, хмыкнув, посмотрел на Богданова.

— Твое мнение?

— Ему виднее, — заметил Никита. — Поживем — оценим. Я, например, ни разу не видел Ромашина в игре, а Слава так увлеченно расписывал его достоинства как волейболиста, что разжег во мне любопытство.

— Скоро чемпионат Системы, я тебя свожу, — пообещал Томах.

— Ладно. — Керри Йос ткнул пальцем в сенсор на пульте под замигавшим индикаторным окошком и, бросив: «Занят, освобожусь через полчаса», произнес: — Мы уклонились от темы. Что еще?

— Мы провели информационный поиск, — продолжал Богданов свой короткий доклад. — За всю историю метро грузы исчезали четырежды: два нам известны, третий — двадцатипятилетней давности история со спасательным шлюпом и четвертый — в самом начале эксплуатации линий метро, протянутых к звездам.

— Уточнили, какие именно грузы не дошли до назначения?

— Я как раз к этому и подхожу. Во всех случаях, кроме второго, исчезало оборудование терраформистов: туннелепроходчики, лазерные комбайны, автоматы гравитационного взрыва, плазморезы и так далее.

Помолчали.

— Интересный факт, — тихо сказал Керри Йос.

— Вернее, настораживающий, — уточнил Богданов. — Но пока это информация к размышлению, не больше. С выводами подождем. По «зеркалам» сведения собрать было труднее, и, хотя многое сделано, наши запросы в главные информрии и банки данных ВКС, Академию наук и архив погранслужбы остаются открытыми. Единственная удача — нечто похожее на «зеркала» наблюдалось на Марсе около ста лет назад в ущелье Грез, область Малого Лаокоонова Узла.

— Я был там, — кивнул Томах в ответ на вопросительный взгляд начальника отдела. — Сейчас там ничего нет, имею в виду «зеркала», а вообще ущелье Грез — красивейшее место марсианских оазисов. Хорошо, что предки сообразили не трогать ландшафты ущелья. В связи с чем у меня возникла мысль провести один эксперимент.

— Слава богат на сумасшедшие идеи, — серьезно сказал Богданов. — Хотя, не спорю, некоторые из них плодотворны. Сегодня, например, он предложил провести поиск «зеркал» на Земле среди АЯ или НЛО.

— Чего-чего? — переспросил Керри Йос.

— АЯ — аномальные явления, НЛО — неопознанные летающие объекты. Последние потрясли Землю почти три века назад. Первые сведения о них появились в девятнадцатом веке, максимум противоречивой информации падает на двадцатый, ну а в двадцать первом — закономерный спад.

— Почему закономерный?

— Потому что информация об этих объектах в основном бездоказательна, сугубо личностна, спекулятивна и носит характер дутой, а подчас и подстроенной сенсации.

— Тогда в чем ценность идеи?

— В том, что из десятков тысяч «достоверных» появлений НЛО и аномальных явлений можно выбрать около полусотни таких, в которых они действительно необъяснимы даже с научной точки зрения нашего столетия.

— Это ничего не доказывает. Возможно, через сто лет или даже меньше и эти наши «действительно необъяснимые» явления станут легко объяснимыми наукой того времени. И все же идея небезынтересна. Какие же случаи вы отобрали?

— Самые интересные из них — четырехугольные «зеркала».

— Даже «зеркала»?

— Вот именно. Появление этих «зеркальных» НЛО отмечено в тысяча девятьсот сорок пятом году над Японией, в тысяча девятьсот восемьдесят втором году над Китаем после испытаний ядерного устройства, в тысяча девятьсот девяносто втором на территории Соединенных Штатов Америки во время испытаний одной из установок пучкового оружия и в тысяча девятьсот девяносто девятом на Луне. Всего известно пять случаев. Естественно, тогда не было такой аппаратуры анализа, как сейчас, и характеристики объектов бедны. Но тут нужно мнение специалиста, возможно, некоторые параметры «зеркал» характерны и для наших. Поиск не окончен, и, может быть, в прошлом отыщутся новые следы. Вопрос — чьи?

— Да, негусто. — Йос характерным жестом погладил шрамик над бровью, сцепил пальцы на груди. — Главное, чего мы не знаем, какие последствия несут появления «зеркальных перевертышей», странные пропажи грузов... Да и смерть Василия я отношу пока в разряд тех же таинственных событий... пока не убедимся в отсутствии между ними связи. Поэтому никому из нас не придется спать спокойно. Через неделю, двадцать девятого, состоится закрытое совещание Совета безопасности, к этому времени вы должны быть готовы к принятию тревоги по форме «Шторм».

— Ого! — поразился Богданов. — Отделу безопасности будет дан «Шторм»?

Удивлялся Никита не зря. По форме «Шторм» вся полнота власти над деятельностью УАСС, гигантской защитной системы человечества, ветви которой протянулись в пространство на десятки парсеков, к другим звездам, сосредоточивалась у одного сектора или отдела, а не Совета безопасности, руководившего обычной оперативной работой будней. На памяти Богданова еще ни разу совет не разрешил применить форму «Шторм», даже в недавних событиях со взрывом космоторона.

— А ты думал, проблема пустяковая? — прищурился Керри Йос. — Нет, брат, если вдуматься, мы на пороге кардинальных событий. Земля контролирует область пространства диаметром всего около двухсот парсеков, хотя «контролирует» — слишком сильно сказано. В этой области обнаружено только две цивилизации: наша и, удержитесь от иронии, орилоухская. Так? И если «зеркала» суть аппараты чужого разума, то легкость их появления и вездесущность ставят их создателей на ступеньку выше нас, а может быть, и не на одну. Разгадать смысл всех их действий — значит определить стратегию человечества в прямом контакте. Понятно? Отсюда и «Шторм». Я знаю, уже много лет наш отдел не имеет такой нагрузки, как остальные отделы управления или погранслужбы, что ж, пришло время. Только не думайте, что я страшно рад этому, наоборот, я был бы рад, если бы и впредь отдел общественной безопасности не имел работы, тем более в глубоком космосе. Слово «тревога» у безопасников звучит по-иному, чем в других отделах: там спасатели ведут борьбу с природными явлениями, мы же вынуждены сталкиваться с разумом, чаще со своим собственным, реже с другими. Тем тяжелее ответственность, тем выше цель, тем больше спросят с нас в случае ошибки.

Керри замолчал, глаза у него стали печальными.

— Все, ребята, идите. Но помните — менторствую я оттого, что вижу дальше вас.

— Ты нам не все сказал, — помолчав, произнес Богданов.

Йос задержал на нем изучающий взгляд.

— На сегодня я сказал все.

Богданов кивнул и встал.

— Пошли, Слава.

Начальник отдела проводил их задумчивым взглядом и подумал, что Богданов вполне способен заменить его на посту главного координатора отдела, интуиция у него развита неплохо.

Глава 6

СТАРЫЙ ЗАВОД

Диктор был очень молод и заметно волновался, хотя вполне могло быть, что волнение рождено актерским талантом. Во всяком случае, это не мешало ему вести передачу.

— Друзья! В программе центрального информвидения торжественное выключение очистных автоматических установок Тихоокеанского пояса! Наши видеокамеры установлены...

Филипп любовался стальным зеркалом океана, снимаемого с высоты двух километров, и выключил информ. Настроение было неважным, и не столько из-за последних событий, сколько из-за мыслей об Аларике. Он вскочил с дивана, кругами походил по комнате и снова сел.

Что делать? Поговорить с ней напрямик? О чем? Сказать: «Аларика, я работаю в управлении, что тебе еще нужно?» Нет, некорректный прием, по выражению Реброва. К тому же он пошел в спасатели не для того, чтобы произвести впечатление на близких. Кстати, что же ей нужно в действительности? Обрел ли он цель в жизни, перейдя в отряд безопасников?

Филипп пожал плечами, подошел к домашнему видео, нерешительно набрал телекс Аларики и тут же стер цифры.

«Я теперь как рыцарь на распутье: направо поедешь — коня потеряешь, прямо — голову, а налево... запомнил, что там потеряешь, если поедешь налево, тоже, наверное, что-то нужное. А у меня что получается? Направо — это спортивная арена: игрок, потом, возможно, тренер. Налево — конструкторская работа: конструктор, потом начальник отдела, потом директор института, почему бы и нет? А прямо? УАСС? Управление аварийно-спасательной службы?»

— УАСС, — повторил Филипп вслух и засмеялся невесело. — Странное слово... плач ребенка и полусвист-полушипение змеи... Безопасник, инспектор...

Он задумчиво покачал головой.

— Не очень надежный прогноз. С чего вдруг Слава решил, что это мое призвание? Не может быть, чтобы со стороны было видней.

Мысли снова вернулись к Аларике. Он начал вспоминать ее походку, жесты, смех, то, как она, слушая собеседника, откидывает со лба прядь волос или смеется... Вспоминал запах ее тела, вкус губ... Вспоминал нежность рук и упругость кожи... и не мог вспомнить! Память на этот раз почему-то не могла найти выхода из тумана пятилетнего забвения. Может быть, потому что перед глазами все время стоит Аларика сегодняшняя? Совершенно чужая, неприступная, иронично-недоверчивая... и чего-то ждущая... Потом стал думать о себе, пытаясь трезво оценить свои возможности и сосчитать достоинства, не обращая внимания на саркастические замечания «я»-скептика.

Посидев еще несколько минут и разочаровавшись в себе до глухой досады, он с усилием выбрался из дебрей самоанализа, потом, будто бросаясь в ледяную воду, набрал телекс Аларики.

— Здравствуй, — сказал он, вглядываясь в ее милое усталое лицо.

— Привет, — сказала она ровным голосом.

— Я хочу тебя видеть.

— Разве у тебя не включена обратная связь?

— Не по видео. Может быть, встретимся?

— Ты уверен, что хочешь этого?

Видимо, несмотря на попытку самоконтроля, у него вытянулось лицо, потому что в глазах женщины мелькнула усмешка — «младшая сестра пощечины», как однажды выразился Станислав.

— К сожалению, сегодняшним вечером я занята. У Мая день рождения, и мы идем в

«Мещеру».

— Мне туда нельзя?

— Нельзя.

— Тогда привет Маю.

— До связи, конструктор.

Аларика кивнула, и виом опустел.

Поговорили...

Филипп несколько минут рассматривал пустой объем работающего вхолостую аппарата и ни о чем не думал. Чувство внезапной потери подхватило его на гребень отрицательных эмоций, оглушило, потащило в бездну памяти. Ситуация повторялась. Но если Аларика не запретила звонить, значит, не все еще потеряно? Правда, некогда было разбираться, есть ли что терять... впрочем, есть, не надо обманывать себя. Отчего все его беды? Он никогда не страдал от избытка решительности, умения настоять на своем. Может быть, в этом все дело? Вперед под девизом «Проснись, мужчина!»?

Филипп вспомнил разговор с Томахом, происходивший почти четыре года назад, когда он признался другу в том, что потерял любимую. Станислав тогда впервые вспылал.

— Постой, постой, — угрюмо сказал он в ответ на признание. — Ты плачешь, мальчику больно... Но разве ты пытался изменить ход событий?! Пытался вернуть ее, убедить в своей любви, в мужестве, в красоте, в силе, наконец?! Нет! Ты просто сделал красивый жест: прощайте, сударыня, коль я вам негоден, будьте счастливы. Браво, какой благородный жест! А о ком ты думал, когда хлопал дверью? О ней? Ты думал о себе! Так чего же ты хочешь, отказавшись от борьбы? Чего ждешь от меня? Сочувствия? Да разве мое сочувствие спасет тебя от самого себя?

— От самого себя, — тихо повторил Филипп. — Ты прав, Слава, от самого себя не спасет.

Он очнулся, бросил взгляд на циферблат универсальных часов — шел третий час дня — и, потянувшись так, что хрустнули кости, побежал в душ.

Сумматор моды выдал ему вечерний туалет для осеннего сезона Европейской географической зоны, и Филипп долго не мог прийти в себя от изумления. Он даже повторил заказ, но получил тот же костюм: сплетенный из темно-серых нитей, с искрой, пиджак, золотистую рубашку и такие же брюки, но плетенные из широких лент. Дополняли костюм туфли, мерцающие огнями.

Вздыхнув, Филипп облачился в костюм, несколько минут рассматривал себя в зеркале и, в общем, остался доволен. Модельеры, несомненно, знали свое дело: костюм был строг и гармоничен, Филипп в нем выглядел прекрасно.

Он уже собирался уходить, когда мягкий звон вызова заставил его подойти к виому. Это был Ивар Гладышев, загорелый до черноты.

— О! Красавец мужчина! Ты куда это собрался?

— По делам, — смутился Филипп. — Что, плохо?

— Нет-нет, — засмеялся Гладышев. — Я же говорю — выглядишь соблазнителем женских сердец, костюм превосходный. А я хотел пригласить тебя к нам. Кира сдала последний экзамен, и теперь она мастер по эстетической организации замкнутых пространств. Звучит? Будет работать в Лунном Институте видеопластики. Кстати, вместе с Аларикой, как говорили раньше — с невесткой Мая Реброва. Помнишь?

— Помню? А-а... да, конечно.

— Ага. — Гладышев понимающе кивнул. — Мне показалось, что у тебя легкая потеря памяти, с волейболистами это бывает. Значит, не придешь? Жаль, будут все наши: Журавлев, Павлов, Сережа, Кристо... Не жалеешь, что ушел в СПАС-службу?

Филипп покачал головой.

— Некогда жалеть.

— Однако счастливым ты не выглядишь.

— Смотри глубже, о всевидящий! — Филипп усмехнулся. — Проглядишь главное.

Просто у меня поменялась полярность счастья. Если честно, я словно рыцарь на распутье. Знаю только, что идти надо в ту сторону, где можно или все найти, или все потерять. Что гораздо легче.

— Понятно. Вижу, в советах ты не нуждаешься, но все же прими по старой дружбе один: не бойся выйти в чемпионы мира по ошибкам, а не ошибается только тот, кто ничего не делает. Ну, желаю удачи. Надумаешь — приходи, будем рады.

Ивар улыбнулся, и его изображение растаяло.

— Еще один наставник... — пробормотал Филипп, однако произнес он эти слова не раздраженно, а задумчиво. Советы Гладышева никогда не были менторскими, навязчивыми, как и его доброта. Ивар обладал редким даром понимать другого человека, проникаться его мыслями и чувствами, сострадать, сорадоваться, сопереживать, и души его хватало на всех...

Без пятнадцати минут шесть Филипп покинул стоянку такси и смешался с толпой людей третьего метро Рязани. Кратчайший путь в знаменитый рязанский банкетный зал «Мещера» шел именно от этого метро. Конечно, Ребров и его спутники могли избрать и другой путь, более длинный, но Филипп почему-то был уверен, что рационализм Мая Реброва не позволит тому отклониться от самой короткой и проверенной «траектории». Поскольку перед этим Филипп узнал точное время банкета, он заранее рассчитал, когда Ребров может прибыть в Рязань.

Поток людей постепенно увеличивался. Многие возвращались с работы — те, кто имел обыкновение начинать ее поздно или поздно заканчивать или шел на дежурство и возвращался с него, но в основном все спешили по личным делам, как и Филипп. На него посматривали искоса, с доброй усмешкой, все-таки до вечера было еще далеко, и его костюм выделялся на общем деловом фоне.

Он встал возле входа в распределительный зал, чтобы сразу увидеть Аларику, когда она появится в дверях. В зале было сто сорок восемь кабин, люди входили и выходили непрерывным потоком, и приходилось напрягать внимание, надеясь на свою реакцию и память жеста.

Он не ошибся. Ребров появился в четверть седьмого под руку со своей женой, похожей на него строгим лицом. Аларика шла сзади, ведя под руки двоих молодых людей, в одном из которых Филипп с неудовольствием узнал Хрусталева.

Она всегда одевалась со вкусом, вот и сейчас на ней был строгий костюм: дымчато-голубой жакет с черным поясом и палевые брюки, напоминающие кружевную ткань клена. Этот костюм делал ее изящной, тонкой, женственной и до боли желанной... Едва ли обнаженное женское тело сказало бы Филиппу больше, чем костюм женщины, и он стоял и смотрел, волнуясь, пока не заметил, что на Аларику засматривается не только он один. Тревожное чувство неустроенности, проистекающей из того факта, что Аларика оставалась далекой и чужой, охватило его душу.

Она прошла рядом, в двух шагах, не заметив его, и оставила тонкий и нежный запах маттиолы, запах, многие годы мучавший его, заставлявший в толпе искать любимую.

Филипп пошел сзади, стараясь не отстать и одновременно не показываться на глаза всей компании. В таком порядке проследовали к стоянке такси — от метро до «Мещеры» было около десяти минут лета. Компания стала рассаживаться по машинам, Аларику тянули сразу в две стороны, она смеялась, оглядывалась на что-то говорившего ей Реброва, и в этот момент Филипп с риском сшибить кого-нибудь на пути подогнал свой миниатюрный пинасс с открытым верхом вплотную к женщине, чуть не сбив с ног Хрусталева, потянул Аларику за рукав, и та от неожиданности села, почти упала на сиденье. Пинасс тотчас же взмыл в воздух, оставив онемевших от изумления друзей и приятелей Аларики, и спустя несколько секунд здание метро скрылось из глаз.

— Интересно, — очень спокойно проговорила Аларика, поправляя волосы. — Я так и думала, что ты что-нибудь выкинешь.

Филипп задал курс киб-пилоту и повернулся к ней, молчал, не отводя взгляда. Она так же молча смотрела на него. Потом едва заметно улыбнулась.

— Ты стал неразговорчив.
— Это достоинство или недостаток?
— Пока не знаю. Раньше ты говорил больше. Тебе не кажется, что ты позволяешь себе слишком многое? Впрочем, это не важно. — Она вздохнула. — Поворачивай и вези меня обратно.

Он отвернулся, пробормотал:

— Нет.

— Нет? — удивилась она. — У тебя хватит решимости не послушаться меня?

— Хватит.

— Тогда мы поссоримся.

Теперь улыбнулся Филипп.

— Я считал, что наши ссоры канули в прошлое.

Аларика прикусила губу, с интересом оглядела Филиппа, словно видела его впервые.

— Так. Похищение, значит. Похищение века! И куда же ты меня везешь, похититель? В свой родовой замок? В замок людоеда, который ты отнял у несчастного?

— Нет, на завод.

— На завод?! — Аларика не могла скрыть растерянности и засмеялась. — Ну и фантазия у тебя, пан спортсмен.

— Это не совсем завод, как бы памятник заводу. Ему уже лет двести, и он не работает, законсервирован. Я часто прилетаю туда, помогает думать.

— Ты уверен, что мне нужно думать?

— Нет, — помолчав, сказал Филипп, — не уверен. Но мы пролетели уже полпути.

Аларика откинулась на сиденье, искоса наблюдая за лицом Филиппа. Покачала головой и улыбнулась, представив, что сейчас творится у метро Рязани.

— Меня будут искать.

— Хрусталеv?

Молчание.

— И он тоже. Наблюдательность? Или ревность?

— И то, и другое.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись. В этот момент пропел трезвучный сигнал вызова.

— Слушаю, — отозвался Филипп с заминкой, ткнув пальцем в сенсор связи.

— Аларика? — раздался характерный, глуховатый, но твердый голос Реброва. — Аларика с вами, Филипп?

Женщина зажала Филиппу рот ладонью и наклонилась к пульту.

— Я здесь, Май. Не беспокойся, скоро вернусь, похититель жизнь мне гарантирует.

Тишина и дыхание фона в приемнике.

— Хорошо. Ждем.

Звонок конца связи.

Они продолжали сидеть в том же положении, пока пинасс несея над облаками в коридоре скоростных трасс. Потом Филипп поцеловал ее ладонь, и Аларика убрала руку.

— Однако быстро он нашел нашу волну! Не ожидал такой оперативности!

— Он все может, ты плохо его знаешь. Скоро там твой завод, похититель? Как ты на него набрел? Кстати, мне действительно надо быть в «Мещере», хотя бы через час, иначе Май обидится.

— Я понимаю, не волнуйся, твое возвращение в «Мещеру» я тоже гарантирую. Что касается того, как я набрел на завод, то тут все просто: мне показал его отец, когда мне было всего восемь лет. Его деда работали в промзоне, на этом заводе, а он хранил память...

Несколько минут прошло в молчании. Филипп изредка ловил на себе взгляды Аларики, но в ее сторону не смотрел, боялся спугнуть минутное свое счастье. «Пытка ожиданием, — думал он, каждой клеточкой тела ощущая присутствие Аларики. — Самая мучительная из пыток! Недаром кто-то из предков увековечил ее словами: „Если бы люди строили Дворец

Счастья, самым большим залом был бы в нем зал ожидания“.²² Я уже просидел в этом зале по своей вине несколько лет, сколько еще осталось?»

Наконец пинасс, ведомый киб-пилотом, достиг Каховского моря и остановился в воздухе, предупредив пассажиров гудком, что дальше пути не знает. Филипп взял управление на себя.

Пинасс спикировал на свободную от леса площадку, мелькнули в стороне странные конструкции и пропали за старой тополиной рощей. Филипп лихо посадил машину на поляну возле заросшей ивняком и лозой просеки. В той стороне, куда уходила просека, виднелись какие-то здания серого цвета, четыре громадных конуса из металлических плит и ферм, высокие закопченные трубы и мачты.

Аларика, с интересом оглядываясь, прошла по поляне, почти лишенной растительности, нагнулась.

— Странно... Почему здесь не растет трава?

— Потому что под нами не земля, а бетонная площадка, этому бетону уже два века, видишь, как потемнел?

Филипп подал Аларике руку и повел за собой к просеке, обходя кусты и молодые тополя. Через несколько минут они выбрались на свободное пространство перед высокой, черно-коричневой, в ржавых потеках стеной одного из корпусов завода. Все видимое пространство у стены и в просветах между деревьями занимали шедшие параллельно земле пучки труб от тонких, толщиной в руку, до громадных, двух— и трехметровых в диаметре.

Аларика споткнулась о какой-то ржавый выступ, тянувшийся довольно далеко и исчезающий в стене подступающего вплотную к зданиям леса. Рядом параллельно первому тянулся второй такой же выступ.

— Что это?

Филипп оглянулся.

— Это рельсы, железная дорога.

— Они такие... я не узнала. Как здесь странно пахнет...

Филипп кивнул. У стен корпуса витал неистребимый запах ржавого железа, мазута, асфальта и угля, весь комплекс заводских запахов двадцатого века, хотя завод не работал, по крайней мере, полтора столетия, с тех пор как вступили в строй заводы матричной репликации, вынесенные в космос. Но запахи продолжали жить, напоминая об ушедших в прошлое веках железа, пара, стали и каменного угля. Конечно, металлы использовались человеком и сейчас, и в гораздо большей степени, чем сто и двести лет назад, но, во-первых, современные металлургические заводы-автоматы ничем не напоминали прежние, они представляли собой самостоятельные комплексы с замкнутой технологией по добыче и переработке руд, установленные прямо в местах этой добычи, во-вторых, металлы ушли из быта людей в космос, под землю, в лаборатории, а основную тяжесть обихода приняли на себя полимеры и активные композитные материалы.

«Экскурсанты» медленно прошли вдоль стены корпуса, огибая выходящие из бетонных колодцев трубы, антенны, заглядывая в распахнутые двери. Один раз даже зашли в ворота, из которых выходили нитки ржавых рельс. В темноте смутно угадывался громадный объем цеха, решетчатые пролеты кранов, лестницы, фермы под потолком на высоте добрых полусотни метров, едва освещенные сочившимся сквозь запыленные ряды стекол светом. Цех был длинным, чуть ли не километровым, и по мере того, как глаза привыкали к полутьме, в его чреве постепенно проступали контуры каких-то застывших машин, конструкции, круглые туши ковшей для разлива стали, колонны изложниц — Филипп не первый раз посещал завод и успел изучить названия его оборудования.

— Пойдем, не бойся, — сказал он, обнимая Аларику за плечи. Голос гулко взлетел под шатер цеха и вернулся басовитым уханьем. Аларика не отстранилась.

²² А. Эроз.

— Прохладно здесь... и страшно.

— Чего же тут страшного? — удивился он. — Никого нет.

Они подошли к одной из конструкций высотой в два десятка метров, сработанной из металлических швеллеров, громадных цилиндров, положенных на бок и утопающих в мешанине труб, лесенок, загоронок и настилов.

— Мартен, — сказал Филипп. — Устройство для выплавки стали, последний из оставшихся, остальные вымерли, как динозавры.

Аларика посмотрела вверх и потянула его за рукав.

— А это, над нами?

Филипп проследил за ее взглядом.

— Это мостовой кран, видишь крюки? На них вешали ковш и перемещали расплавленную сталь к другим установкам цеха.

С крюков свешивалась железная цепь, Филипп толкнул ее от себя, раздался металлический скрип.

Аларика поежилась, оглянулась.

— Мне почему-то кажется, что за нами кто-то наблюдает.

Филипп рассмеялся, хотя ему тоже стало не по себе.

— Будет шутить, никого здесь нет. Завод обычно пуст, экскурсии посещают его редко, тогда здесь бывает шумно. А сейчас... — Он замолчал. Показалось, что вверху, под потолком, возникла зеркальная плоскость, изогнулась пузырем и лопнула. С минуту прислушивался к грустной тишине цеха, чувствуя вздрагивающий локоть Аларики.

— Тебе показалось. Под крышей гнездятся птицы, вот и все.

Он привлек Аларика к себе, поцеловал в губы, потом стал целовать плечи, шею, руки, пока она вдруг не оттолкнула его, выдохнув:

— Нет!.. — И чуть тише еще раз: — Нет, Филипп... не надо, прошу тебя.

Он стоял, опустив руки, и эхо шуршало из всех углов гигантского помещения обрывками слов: нет, нет, нет...

Потом Аларика взяла его за руку, робко, как никогда раньше.

— Не сердись, пожалуйста, и прости... я сама дала повод... Ты помнишь стихи? «Не прилепить отрезанный ломоть, снег прошлогодний ходит в небе тучей...»

— Помню, — хрипло ответил Филипп. — Я помню. Правда, я помню и другие стихи... Идем?

Через несколько минут они тихо вышли из сумрака пустого здания наружу. Аларика вздохнула полной грудью и спокойно улыбнулась.

— На воле все же лучше. Нет-нет, — остановила она попытку Филиппа оправдаться. — Ты ни при чем. Я вижу, ты во многом изменился, но... понимаешь, мне есть с кем тебя сравнивать. И, боюсь, идти тебе далеко, лучше бы ты не брался за это... А вообще, честное слово, было очень интересно! Я никогда не видела старых заводов, а на экскурсию прийти сюда и не подумала бы. Знаешь, он уж и не такой маленький по сравнению с современными, да?

— Не маленький, — подтвердил Филипп. — Может быть, ты не хотела этого, но, ставя точки над «i»...

— О Господи! Сколько раз ты ставил точки над «i»! Неужели я ошиблась и ты все такой же?

— Подожди с выводами, я неудачно выразился. Просто ты вдруг дала мне шанс, и я подумал, что сделала это нарочно. Не так ли?

Аларика ковыряла носком туфли сухую землю, потом посмотрела прямо в глаза Филиппу.

— Нарочно. Я хотела бы, чтобы ты достиг той вершины, которая даст тебе право... на то, что забыто... если только это возможно... но лучше бы тебе не ворошить пепел...

Аларика вздрогнула, словно от холода, посмотрела на окошко видеобраслета.

— Расскажи что-нибудь еще о заводе... и пойдем отсюда. Мне пора возвращаться.

Филипп с трудом преодолел в себе приступ отчаяния и стал рассказывать все, что знал о заводах прошлых столетий, не вдаваясь в суть сказанного. Наконец увлекся и заговорил о том цехе, что они видели.

— Мы с тобой посмотрели только один из цехов, а таких на заводе около десятка. Да это, кстати, и не самый крупный завод из всех известных, в Кривом Роге и в Запорожье заводы побольше, я был там. Так что масштабы деятельности предков достаточно велики. Но я прихожу сюда не восхищаться размахом строительства дедов — здесь очень хорошо думается. Впечатление старины заставляет работать память.

— Да, ощущения старины и мне, наверное, не хватало. Так и кажется, будто внутри этого покинутого людьми гиганта пульсируют столетия... Где находится завод?

Они шли через пустырь к лесу.

— В Днепропетровске, — пробормотал Филипп, приглядываясь к неожиданно возникшей преграде на пути. — Часть древнего металлургического комплекса, одного из самых больших на Земле... Знаешь, странно все это...

— Что именно?

— Да вот, перед нами...

Пустырь, по которому они шли, начинался от торца цеха, заросший травой и пустырником, ни деревья, ни кустарник на нем почему-то не росли. Филипп обычно доходил до этого места, любовался лесной полосой за пустырем, горой ярко-синих контейнеров одинакового размера в конце пустыря, на каждом из которых стояла эмблема космических колонистов — скрещенные серп и кирка в венке звезд (он как-то проверил), — и шел обратно. Теперь же Филиппа осенило: контейнеры лежали здесь, сколько он себя помнил, лет двадцать! И никому до них не было дела. Странное безразличие к общественному добру со стороны его владельцев. Кто же оставил контейнеры у завода? И зачем? Или они пусты?

Филипп обошел гору контейнеров, принюхался: запах здесь стоял какой-то незнакомый, вернее, знакомый, но чужой, чужой пустырю, лесу и старому заводу. Постучал по стенке крайнего параллелепипеда — звук глухой, явно не пустая скорлупа. Интересная деталь...

— Наверное, будут что-нибудь строить, — продолжила Аларика, не понимая его недоумения. — Вот и сбросили груз.

— Он лежит здесь с тех пор, как отец показал мне завод, двадцать лет, если не больше. Да и что тут можно строить? Территория завода не подлежит застройке. К тому же и эмблема у строителей другая... Не нравится мне это. Почему-то кажется, будто я уже встречал подобные контейнеры... Но где?

Аларика нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

— Потом вспомнишь.

Солнце уже застряло в зубастой пасти леса, готовясь кануть в небытие ночи. С севера росла грозного вида туча, постепенно заволакивающая небосвод.

— Пошли, Филипп, — уже сердито проговорила Аларика. — Потом вернешься или лучше сообщи в информцентр, они тебе все объяснят и найдут владельца.

— Дело, — согласился Филипп. — Ну, бежим, а то попадем под ливень.

Не удержавшись, он погладил шершавую поверхность контейнера и вдруг увидел глубоко в щели между контейнерами мерцавшую искру света: красная, желтая, зеленая, голубая вспышки, две секунды темноты и снова та же гамма.

«Черт возьми, „звезда Ромашина“, моя звезда! Здесь? На пустыре, у завода?»

Приблизив лицо вплотную к щели, Филипп застыл от изумления, смотрел на равномерно мигающую «звезду» и вспоминал недавние свои приключения в космосе. Опомнился только после оклика Аларики, не понимавшей, почему он медлит.

Взявшись за руки, они побежали к пинассу, так и не встретив на территории завода ни одной живой души, хотя рядом, в двух километрах, кипела жизнь города на Днепре. Старым заводам не суждено было служить памятниками цивилизации, хотя они могли многое поведать уму и сердцу потомков тех, кто их строил. А в голове Филиппа поднялся кавардак,

вызванный появлением странной «звезды», встреченной им впервые в десятках парсеков от Земли, знака, не похожего ни на одну из эмблем космических служб человечества и относящегося к проблеме появления «зеркал».

Дождь начался, когда они уже взлетели.

Всю дорогу до Рязани молчали, вслушиваясь в струнное гудение ветра в оперении пинасса; о том, что добраться быстрее можно было бы из Днепропетровска на метро, никто из них не подумал. Аларика была спокойна и задумчива, Филипп окаменел в одной позе, накрыв своей ладонью руку женщины. Вернулись они спустя полтора часа после «похищения».

Прощаясь у голубого кристалла «Мещеры», Аларика задержалась у двери, то и дело вбравшей новые порции прибывающих гостей.

— До связи, похититель. Передавай привет Кириллу Травицкому, мы с ним знакомы.

— Я не работаю в Институте ТФ-связи, — ровным голосом сообщил Филипп.

— Вот как? А где же ты работаешь?

— В настоящее время стажер отдела безопасности.

Аларика несколько мгновений смотрела на него как-то странно, недоверчиво и радостно-испуганно, потом вдруг поцеловала и исчезла за полупрозрачным занавесом двери. На губах Филиппа остался тающий горьковато-нежный привкус. Ему хотелось плакать и смеяться одновременно, но он только глубоко вздохнул и пошел к стоянке такси, никого и ничего не видя.

Человек, помоги себе сам...

На следующий день Филипп вспомнил о находке на территории завода, соединился с информационной службой Днепропетровска и попытался хоть что-нибудь выяснить об оставленных неизвестно кем и неизвестно когда контейнерах. Однако операторы украинского информцентра ничем не смогли ему помочь, кроме регионального поиска, который ничего не дал: ни за одной организацией Днепропетровского региона означенные контейнеры не числились.

Тогда Филипп разыскал Станислава Томах и осторожно поведал ему о своем открытии. Томах отнесся к его сообщению серьезно, не преминув, правда, вставить странную поговорку, знатком которых он был.

— Какая, говоришь, там была эмблема? — спросил он погодя, хмуря выгоревшие брови.

— Серп, кирка и венок из звезд.

О том, что он заметил еще один знак, «звезду Ромашина», Филипп решил не говорить, а показать ее на месте.

— Да, это эмблема колонистов. Странно... Ну хорошо, спасибо за сигнал, я узнаю и позвоню. Или лучше ты позвони после дежурства, часов в семь.

— Позвоню, — кивнул Филипп и погрузился. — Завтра наши будут играть на первенство Системы, первая встреча со сборной Луны-главной...

— Вот те раз! — удивился Томах. — Ты говоришь так, будто сам не играешь.

— Играю, но, понимаешь... не хочу. Не хочу, вот что удивительно! Перегорел? Или возраст?

— Возраст здесь ни при чем. Первенство отыграть ты обязан, а там посмотрим, откуда растут ноги твоего настроения. Кстати, тебя искала Аларика.

— Искала Ала... — Филипп замер. — Так что же ты молчал? Когда? Не мог позвонить?

— Сегодня утром. — Томах помолчал, разглядывая Филиппа пронизательными глазами. — В этом деле ты тоже игрок или всерьез? Я к тому, что женщина она редкостная... «Ом мани падме хум». «Драгоценный камень в цветке лотоса», — перевел он.

— Шел бы ты, Слава, — пробормотал Филипп. — Вместе с лотосом.

— Ага, благодарю, очень доходчиво. Уже иду.

Виом погас.

Филипп некоторое время мерил шагами комнату, потом набрал индекс информатора культуры и искусства и узнал программу вечера в Большом театре. В программе стоял Шекспир «Укрощение строптивой». Филипп поспешно заказал два места в тринадцатом ряду партера. Вежливый голос автомата сообщил ему номера мест, и Филипп суеверно сплюнул через левое плечо — по приметам начиналась полоса удач.

На одиннадцать утра в малом зале олимпийского комплекса была назначена тренировка, но Филипп прилетел туда почти на час раньше, лелея надежду успеть насладиться предгрозовой атмосферой будущих соревнований. К его удивлению, почти вся команда была в сборе, а Ивар Гладышев развлекал ребят своими знаменитыми голографическими слайдами глубокоатмосферного мира Юпитера. Филипп уже смотрел их в свое время и тихонько удалился из комнаты психомассажа в пустой зал, задумавшись над той тайной притягательности, которая кроется в любой игре. Человек выдумал огромное количество игр, каждая из них находила своих поклонников и каждая была для игроков не только средством развлечения, но и поводом к полету мысли, к интеллектуальному напряжению, которое в конце концов и рождало в человеке жажду самовыражения, стремление к самосовершенствованию и наслаждение борьбой, возвышая его до уровня творца. В конечном итоге игра — это моделирование той ситуации, с которой человек нередко сталкивается в жизни, и разве риск правильного решения игровой ситуации не является творчеством?..

Филипп так задумался, прохаживаясь по прохладному залу, что не заметил появления Хрусталева. Тот вошел и остановился возле стены, засунув руки в карманы. Филипп очнулся лишь тогда, когда Леон заступил ему дорогу.

— Привет.

— А, это ты?.. Привет.

С минуту они рассматривали друг друга: рассеянно-задумчиво Филипп, усмехаясь чему-то, Леон Хрусталев.

— Ну? — сказал наконец Филипп. — Ты что-то хотел сказать?

— Да, — высокопарно кивнул Леон. — Имею честь предупредить вас: не стойте у меня на пути!

Филипп с иронией посмотрел на его пышную шевелюру, покачал головой.

— По-моему, это ты стоишь у меня на пути.

Хрусталев хмыкнул.

— Ты что, в самом деле не понимаешь? Я говорю об Аларике.

— А-а... — протянул Филипп, теряя интерес к разговору. — Но это же, по крайней мере, несерьезно. Даже во времена оны соперника не отговаривали свернуть с пути, а грозили, предупреждали, протыкали шпагой.

— Я пошутил. — Хрусталев вздохнул. — Хотя... не вовремя ты появился на сцене. Дар у тебя, что ли, особый? Понимаешь, я ведь знаю Аларику уже больше двух лет... а тут пришел ты и все разрушил!

— Может, не я, а кто-то другой?

Хрусталев улыбнулся безнадежной улыбкой.

— Я же не слепой. Сначала я тебя ненавидел... даже обрадовался тогда на СПАСе, что погибнем оба... прости дурака! А потом понял, что дело не во мне...

— В ней самой.

— Да, к сожалению. Только не думай, что мне некому поплакать в жилетку, кроме тебя. Ей-Богу, был бы я посмелее, вздул бы тебя по первое число!.. Ладно, живи!

Филипп засмеялся.

— Ну, спасибо.

— Друзьями мы, наверное, не станем, — продолжал Леон, — но, во всяком случае, будем хотя бы искренними. Я искренне желаю тебе сломать шею на пути к Аларике. Шучу.

Филипп пожал протянутую руку и проводил сгорбившегося Хрусталева взглядом. «Как в один миг может поменяться мнение о человеке, — подумал он. — Леон, оказывается,

неплохой парень, и так же раним, как и я. Только вот в части наших с Аларикой отношений он ошибается. Все чертовски зыбко, расплывчато... Что это был за человек, Сергей Ребров, если она до сих пор считает его эталоном?... Интересно, зачем она меня искала? Звонок вежливости? Впрочем, у меня теперь есть предлог увидеть ее. Пусть попробует отказаться пойти на спектакль...»

— Сегодня в основном электронная тренировка, — сказал им Май Ребров, когда игроки сборной разделились и построились в зале. — Разминка, стандартные тесты на реакцию и прокручивание игровых положений. Противник у вас завтра не самый сильный, но отыграть встречу надо будет в полную силу, ибо на старте турнира обычно и случаются неприятные сюрпризы.

Размявшись в зале, спортсмены приняли электродуш и разбрелись по местам в зале электронного моделирования.

Филипп удобно устроился в кресле, надел эмкан и расслабил мышцы, ожидая команды. Программы индивидуальной электронной подготовки составляли психомodelисты с Ребровым во главе, а также инженер-кибернетик центра спортивной подготовки. «Включившись» в тренажер, игрок как бы оказывался на площадке и проигрывал ту ситуацию, которую моделировал компьютер, повинаясь заложенной в него программе. В сборной Земли основной функцией Филиппа была игра в третьем номере, он выполнял работу подыгрывающего нападающего, который отвлекал игроков противоположной команды на блок и тем самым давал возможность нападающим своей команды провести удар без помех. В то же время, если пас шел ему, он был обязан завершить атаку в десяти случаях из десяти, то есть сыграть безошибочно, и, несомненно, играть подыгрывающим первого темпа было трудно.

— Включаю, — донесся сквозь наушники тихий голос Реброва, и Филипп оказался на площадке, среди игроков, словно это были не иллюзионные призраки, вызванные хитроумными аппаратами в его мозгу, а реальные люди.

В первом положении Филипп играл с подачи противника «взлет» в третьем номере, у центра сетки, а Ивар Гладышев забегал за него и проводил атаку с метровой высоты над сеткой — обычная комбинация, известная издревле как «зона», нападение со второго темпа. Филипп «прокрутил» ее два раза и скомандовал контролеру вводить программу дальше, «зону» он выполнял хорошо, и неожиданностей эта комбинация принести не могла. Затем шла комбинация «рапира», в которой Филипп в четвертом номере нападал с так называемого «прострела», когда мяч от рук согласующего игрока вылетал над сеткой резко и быстро, и надо было успеть провести удар только тому игроку — прыгали сразу двое, — перед которым не было блока. И с этой комбинацией Филипп справился неплохо, только удивился, почему Ребров выбрал ему простые положения, не требующие, в общем-то, электронного тренажера. Но затем одна за другой пошли комбинации, от которых он взмок по-настоящему, как если бы отрабатывал их на площадке. Комбинации были сложными: «лист» — двойной пас в одно касание и обманный нападающий удар «на плече» блокирующего; «самум» — сложная перебежка при подаче и атакующий удар с острого угла у «антенны»; «зеркало» — удар вдоль сетки с четвертого номера по своему же игроку во втором номере, который обязан был «срезать» мяч в площадку противника. Но дело было не в самих комбинациях, а в коллегах по площадке. Впечатление было такое, будто согласующие игроки выполняют пас не с той степенью точности, какая требуется для проведения скоростных комбинаций профессионалами.

Закончив тренировку, Филипп снял эмкан и вытер вспотевшее лицо.

— Молодец! — сказал подошедший Ребров, внимательно разглядывая его ошеломленное лицо глубоко запавшими глазами. — Темп держали хорошо, но в третьей и пятой позиции я заметил растерянность.

— Но ведь это ненормально... я хотел сказать, нереально с точки зрения игровых положений. Ваши согласующие призраки перестали быть мастерами, пасы их были неточны, вот и приходилось играть нестандартно. В действительности, в нормальной обстановке ни

один координатор игры просто не способен играть так... неаккуратно, даже примитивно, поэтому ваша программа, мне кажется, не отражает истинного положения дел.

— Надеюсь, что это именно так. — Ребров кольнул Филиппа испытующим взглядом, помедлил. — У меня к вам вопрос не по существу.

— Слушаю, — сказал Филипп, внутренне собираясь.

— Почему вы перешли на работу в СПАС-службу?

У Филиппа несколько отлегло от сердца, он ожидал услышать другой вопрос. «Зачем ему это? — подумал он, разглядывая свои ладони. — Неужели будет читать мораль?»

— Из-за Аларики? Или по зову души?

«Так, приехали! Все-таки спросил... Что он спросит еще? И что ему ответить?»

— Не отвечайте, — сказал Ребров, словно читая мысли. — Плохо, если только из-за Аларики, некорректный прием.

— А по какому праву вы судите? — не выдержал Филипп.

— По праву брата ее мужа, пусть и погибшего. Не обижайтесь. — Ребров положил руку на плечо спортсмена. — Мы любим ее и не хотим, чтобы ей причиняли боль... люблю.

«Еще один говорит о боли, будто я специально собираюсь эту боль ей причинить.»

— Я думал, вы скажете — честь брата...

— Не честь — память. Но Аларика жива, и ей жить дальше, хотя без любви жить трудно. Я хочу, чтобы она любила достойного. Если сможете, станьте им, не сможете...

— Я понял.

— Тогда идите. — Ребров легонько подтолкнул его к двери. — Судьбу не выбирают, ее творят.

Лишь через час Филипп унял наконец бурю чувств, поднятую в душе коротким разговором с тренером. Ни злости, ни обиды на него он не чувствовал, наоборот, оценил прямоту и благородство Реброва как доказательство расположения к своей особе. Видимо, Май Ребров чем-то похож на своего брата, иначе трудно было понять его власть над Аларикой по сей день...

«Пусть... — сказал сам себе Филипп по пути домой, продолжая делать вид, что слушает Гладышева. — Посмотрим. Она сказала, что идти мне далеко. Пусть так, но цель видна, и я дойду. Иначе просто не стоит жить. Странно, что я этого не понимал раньше...»

Куттер бесшумно опустился рядом с горой контейнеров, ослепительно синих в лучах полуденного солнца. Томах сдвинул прозрачный колпак и первым выпрыгнул на траву.

За контейнерами шел лес, преимущественно липа и ясень. В противоположную сторону раздвигался вширь пустырь с редкими кустиками бересклета, поросший в низине лопухами и чертополохом. Неухоженный, в общем-то, был пустырь, забытый. Дальний его конец утыкался в стену длинного серого здания — одного из корпусов старого завода, чьи трубы подпирали небо и были видны издалека.

Возле контейнеров уже стояли машины: куттер с синим пульсирующим «глазом» оперативной службы УАСС и пинасс, белый с зеленой полосой, аппарат технического сектора управления.

От группы суетящихся у контейнеров людей отделился высокий, худой и остроносый, с редкой сединой в волосах старик в форме эксперта первого ранга.

— Материал стенок контейнеров деформационно неустойчив, — сказал он с басовитой хрипотцой. — Впечатление такое, будто контейнеры испытали многовекторный ТФ-резонанс. Лежат они здесь ровно двадцать один год.

— Спасибо, Бруно, — произнес Станислав. — Вы уже проверили содержимое?

— Естественно. Оборудование терраформистов: комплекты для горновзрывных работ, генераторы плазмы, вакуум-бомбы и тому подобное.

Томах повернулся к Богданову.

— Несомненно, это исчезнувший груз, предназначавшийся для Садальмелека. Совпадает все до мелочей. Но как он оказался здесь, да еще двадцать один год назад — ума

не приложу! Неужели мы плохо знаем ТФ-теорию и она преподносит сюрпризы? Ведь получается, что контейнеры испытали путешествие не только в пространстве, но и во времени!

— Комплекты для горновзрывных работ... — медленно проговорил Богданов. — М-да... Точно такого же характера груз предназначался на Шемали и в систему Суинберна.

— Помню. Станный вывод напрашивается. Надо бы узнать в центре Даль-разведки и у пограничников — не пропадали у них подобные грузы?

— Даль-разведка не использует комплекты для терраформистских работ, как и пограничники, но запросить можно. Но если контейнеры и в самом деле вынырнули здесь двадцать лет назад...

— Ты сомневаешься?

— Слишком уж экзотична гипотеза. Выходит, наш Наблюдатель более могущественная личность, чем мы себе представляем. Чего он только добивается, хотел бы я знать? Кстати, контейнеры обнаружил Филипп, тебе не кажется это символичным? Везет парню на открытия.

— Он приглашал меня на игры чемпионата Системы, завтра первый матч. Не хочешь сходить ради любопытства? Все же игрок он классный, да и игра сама по себе красивая, не пожалеешь.

Богданов с сомнением приподнял бровь.

— Едва ли удастся выбраться, но на всякий случай напomini завтра. Я пойду только из-за того, что Филипп, возможно, играет на таком уровне в последний раз. Ну, теперь в Даль-связь или сразу в отдел?

— Надо узнать, что нового у Тектуманидзе, потом уже к себе в отдел. По-моему, Керри недоволен медленным течением дела.

— Вины нашей в этом нет, уж очень рассеяна нужная информация, да и состав оперативных групп ограничен. Ты в вопросе с Филиппом прав в одном, его помощь пришлась нам очень кстати.

К ним снова приблизился эксперт техсектора, похожий на журавля.

— Скоро заканчиваем, подробные данные по анализу доставим сегодня вечером.

— Хорошо, Бруно, — кивнул Богданов. — Я вызвал бригаду транспортного обеспечения, они доставят контейнеры по назначению. Благодарим за работу.

— Не за что, — буркнул Бруно, потоптался и добавил: — Ваш стажер обнаружил на контейнерах любопытную деталь, не хотите взглянуть?

Инспекторы переглянулись. Бруно подвел их к одному из контейнеров и мотнул головой:

— Полюбуйтесь.

Богданов потрогал невозмутимо мерцавшую в материале стенки звезду, нагнулся.

— Все правильно, — сказал он, рассматривая искру света. — Наблюдатель честен, он везде оставил свой след, чтобы мы не спутали его с кем-нибудь другим.

— Слишком честен, — повел плечом Станислав. — Одним словом, джентльмен. Непонятно, зачем ему все это? «Зеркала» с палиндром-эффектом, «звезды», кража грузов... их возвращение... в прошлое! Чушь собачья!

— Нет-нет, далеко не чушь, скорее намек. — Богданов задумался. — Нам необходимо понять главное, что мы затронули там, в космосе, из-за чего Наблюдатель решил напомнить нам о себе? — Он с сожалением покачал головой. — Не вижу. А «звезда» красивая, спору нет.

Эксперт с укоризной посмотрел на него.

— Эх вы, безопасники! Дело не в красоте, хотя и она заставляет задуматься: в районе «звезды» нарушаются на микроуровне законы причинно-следственной связи! Это прямое доказательство того, что контейнеры действительно заброшены в прошлое. ТФ-специалисты до сих пор в шоке.

Бруно снова оглядел безмолвствующих инспекторов и махнул рукой.

— Потом поймете, насколько важно открытие вашего работника, мы пришлем в отдел сводку с результатами анализа и нашими выводами.

Богданов подивился горячности старшего эксперта, еще раз потрогал странную «звезду» и сказал:

— Не волнуйся, Бруно, мы возьмем это на заметку.

Они вернулись к куттеру.

— Садись. — Томах влез в кабину и закрыл колпак. — Ты думаешь, это серьезно?

— Пока не знаю.

Куттер подпрыгнул вверх, пустырь с контейнерами и корпусами завода сразу превратился в маленькую заплатку на желто-зеленом ковре.

— Ну и Филипп! — медленно проговорил Богданов. — В наблюдательности ему не откажешь. Такое впечатление, что Наблюдатель заинтересован именно в нем. Где бы он ни появился — появляется его «звезда»...

Станислав с молчаливым изумлением смотрел на друга.

В отделе их ждало сообщение от Тектуманидзе, полученное по каналам отдела.

— Легко Шалва на помине, — сказал Томах, включая запись. — Что ж, послушаем, что он хочет нам сообщить.

Прямо посреди комнаты возник странной формы пульт и возле него трое в форме погранслужбы, одним из которых был начальник следственной группы отдела безопасности Шалва Тектуманидзе.

— Слава и Никита, — сказал Тектуманидзе, словно заранее знал, что его сообщение первыми будут слушать именно эти двое, — привет. Я кое-что раскопал по вашей части. Керри мне обмолвился, что вы работаете по форме «Поиск-экстра», это, очевидно, продолжение работы с «зеркалами». Первое: мои эксперты чуть ли не по винтику разобрали вторую станцию над Орилоухом, ту самую, резервную, которая была вскрыта неизвестно кем. Следов — никаких, если не считать таковыми полное отсутствие программ в бортовом компьютере. Такое впечатление, будто записи на ферроиглах стерты. Как это можно осуществить без нарушения структуры феррокристаллов, я не знаю. Эксперты тоже. Кроме того, обнаружена «звезда Ромашина», что прямо указывает на присутствие на станции Наблюдателя. Второе: груз, предназначавшийся для экспедиции Вернигоры на Шемали, найден... — Тектуманидзе посмотрел прямо в раствор видеокамеры, глаза у него были красные, с припухшими веками, — на Шемали.

Томах невольно посмотрел на Богданова, но тот остался невозмутим.

— Да, на Шемали, — повторил Тектуманидзе, — но, по оценкам экспертов, груз пролежал на планете, в одной из пещер, около ста лет! Контейнеры не выдержали испытания временем и без подкачки энергии рассыпались в пыль, оборудование сохранилось, хотя и прокорродировало. Теперь думайте, у меня все. Полный отчет привезу дня через четыре.

Шалва слабо помахал рукой, вином свернулся в нить и угас, запись кончилась.

— Устал Шалва, — после непродолжительного молчания произнес Томах, хотя сказать хотел совсем другое.

— Заметно, — тихо согласился Богданов, тоже думая о другом. — Что будем делать? Временные прыжки грузов — это почище самих «зеркал»! Шалва еще не знает о находке груза на Земле. Может быть, и остальные пропажи скоро обнаружатся? Дадим ТФ-депешу на Историю, пусть поищут получше на планете. И везде один и тот же знак — «звезда»! Не только в дальнем космосе, но и на Земле! Понимаешь, чем это пахнет!

— Наблюдатель нас предупреждает, — пробормотал Томах. — Ты это хотел сказать? На кой ему это потребовалось? Не мог предупредить нас в открытую? Не хочет раскрывать координат своего дома? Чего ему бояться? И что означает его знак? Кто его ставил? Каким способом?

Богданов помолчал, наводя порядок на своем столе.

— Ты задаешь слишком много вопросов. Все наши загадки хорошо коррелируются между собой... кроме одной — смерти Василия. Не верю, что Наблюдателю была выгодна

его смерть.

— Не торопись с выводами, — раздалось с порога.

Друзья оглянулись. Керри Йос задумчиво рассматривал их от двери. Подошел, неодобрительно покосился на стол Богданова, сел в ближайшее кресло.

— На одном из блоков Умника, с которым работал твой брат, тоже обнаружена «звезда Ромашина». Правда, медэксперты твердо уверены в его естественной смерти; насколько я их понял, у Василия резко возросло артериальное давление — следствие ускоренной работы мозга, — с которым не справилась система магистральных артерий, и почему-то не сработала система спинальных артерий. Отек мозга развился за минуту...

У Богданова резко вспухли желваки и сузились потемневшие глаза.

Керри посмотрел на него снизу вверх цепким взглядом, однако Богданов молчал.

— Над чем работал Василий, установить пока не удалось. Умник пытался «пошарить» в своей памяти, но едва не заработал синдром «общего склероза», по выражению кибернетиков. А в режиме «один на один» из наших спецов никто с ним не работал и не умеет, да и рискованное это занятие. Вот и все новости. Будут еще, сообщу.

— Спасибо, — сказал Богданов.

— Чего уж... Ваши соображения о действиях Наблюдателя? Зачем ему забрасывать грузы в прошлое? О технической стороне дела я и не говорю, она поставила в тупик даже ученых-теоретиков, важно разобраться в психологии.

— Наблюдателю не нравится, что мы все чаще и уверенней вмешиваемся в жизнь нашего звездного региона, — предположил Томах. — Не могу только понять почему.

— А я могу, — проговорил тихо Богданов. — Он хочет заставить нас почаще «оглядываться вперед», пока человечество еще не вышло из возраста капризного ребенка, вопреки воле воспитателей делающего то, чего делать не следует, а уже пытающегося диктовать свою волю. Вот Наблюдатель и предупреждает нас, что след капризного ребенка на клумбе с цветами — не лучшее, что он может оставить после себя.

— Просто, но образно. Не продолжай, мораль твоей тирады ясна даже мне, — с иронией оборонил Томах. — И все же я бы на вашем месте не торопился с гипотезами. Мне лично действия Наблюдателя непонятны. И повозиться с его следами нам еще предстоит немало.

— Я и не говорил, что проблема решается однозначно. Видимо, придется просить помощи у пограничников, оперативных групп в отделе не хватает. Я попробую просуммировать новые данные и дам их машинам типа Умника для анализа и поиска аналогий, а Слава займется поиском сведений по планетам Системы. Землю тоже перетряхнуть не мешало бы, надо обратиться в Институт истории Земли, в Академию наук — пусть помогут найти «звезды» и «зеркала» в документах архивов.

— Сделаю, — вздохнул Томах. — Что-то у меня после ваших обобщений фантазия разыгралась. Кажется, будто и за мной лично кто-то установил наблюдение.

— Кому ты нужен... — проворчал Керри Йос.

Глава 7 СОВЕЩАНИЕ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Они стояли на террасе, нависающей над морем. Внизу, метрах в десяти, грохотал прибой, и брызги порой залетали на террасу, заставляя людей отворачиваться.

— Резерва у меня нет, — сказал Керри Йос, запахивая куртку. — Вы же знаете, почти все линейные отделы до сих пор заняты ликвидацией последствий аварии на космотроне, а пограничники сейчас рыщут в приграничных зонах в поисках следов Наблюдателя. К тому же ВКС наконец определил сроки строительства зоны солнечных конденсаторов на орбите Меркурия. Строительство начнется в середине января, и спасателям хватит возни на долгие годы. Так что придется обходиться силами отдела. Тревогу по управлению давать преждевременно. Нет причин... пока.

— Плохо, — сказал Богданов.

Порыв ветра принес соленую водяную пыль и рассеял по террасе, которая сразу стала скользкой и мокрой, как после дождя.

Из-за плотной стены кустарника, отгородившей террасу от комплекса зданий грузового метро, слышалось рычание транспортных платформ, лязг металла, гулы и свисты механизмов, обслуживающих метро. Кусты шевельнулись, и на площадку вышел невысокий, худощавый, загорелый до медного свечения Януш Микульский, безопасник из отделения Томаха.

— Нас ждут, — сказал он коротко, попятившись от очередной порции брызг. Океан разыгрался не на шутку, по небу неслись низкие хмурые облака, сливаясь в одну сплошную черно-серую пелену.

— Смилуйся, государыня рыбка! — взвыл вдруг не своим голосом Томах, протянув руки к океану. — Пуше прежнего старуха вздурилась, не дает старику мне резерва...

— Что это с тобой? — осведомился Керри Йос неприятным голосом.

— Это не с ним, — улыбнулся Богданов. — Это Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке».

Начальник отдела несколько мгновений смотрел на Станислава, потом, не оглядываясь, пошел на звуки напряженной человеческой деятельности, исчез за кустами.

— Нашел когда шутить, — укоризненно сказал Богданов.

— Ничего не сказала рыбка, лишь хвостом по воде плеснула... Виноват я, что ли, что Пушкин не учел его настроения?

Станция метро чем-то напоминала крупный аэропорт столетней давности. Собственно, она и сама была портом — в том смысле, что служила людям узлом коммуникаций, промежуточным звеном в колоссальной системе транспортных линий, достигших десятков звезд и более двух сотен больших и малых планет.

Здание метро представляло собой половину шара, опиравшуюся вершиной на землю и торцом смотревшую в небо. В нижней части полушария зияло отверстие для приема транспорта любого типа, широкий пандус позволял доставлять к стартовой камере любые грузы, вплоть до десантных модулей и коггов. Отверстие и пандус были забраны решеткой защиты, а все полушарие станции охватывала сложная паутина силовых отражателей, гасящих ударную волну при неудачных пусках. Диаметр торца полушария достигал километра, высота станции превышала четыреста метров.

Рядом с основным зданием располагались куб энергостанции, два купола технических служб и управления, параллелепипеды складов, невысокий косой парус пассажирской линии метро и сотканный из световой вуали канал орбитального лифта, по которому грузы с приземельных заводов доставлялись из космоса на Землю, к метро. Во избежание столкновений с транспортными трассами атмосферы канал лифта делался видимым даже днем, и он вонзался в небо исполинским копьём, похожим издали на след стартовавшего древнего звездолета, как его рисовали старинные художники.

К комплексу примыкала взлетно-посадочная полоса для крупнотоннажного воздушного транспорта и дирижаблей и две эстакады наземного транспорта — для магнитных поездов и автопоездов на воздушной подушке. По одной из них медленно уходила в сопки цепочка магнитных платформ, нагруженных веселыми желтыми кубиками продовольственных контейнеров.

Над полушарием метро и возле всех его построек висели и перемещались десятки гравикранов с трубами, цистернами, штабелями ящиков, контейнеров и деталями всевозможных конфигураций.

Керри Йос вслед за Микульским направился ко входу в основное здание. Вид у него был озабоченный, лицо невеселое.

В ангаре стартовой камеры, способном вместить Исаакиевский собор, бесшумные гравикраны хлопотали над очередной «посылкой», устанавливая контейнеры на отполированный до синевы диск передающей антенны.

Богданов впервые наблюдал за работой крупного грузового метро, поэтому с

любопытством осматривался по сторонам, разглядывая странные многовитковые спирали из белого металла, усеивающие раструб ангара, колоссальную решетку потолка, в ячейках которого прятались выпуклые щиты, похожие на чьи-то внимательные глаза. Он обратил внимание, что людей в ангаре почти нет, только возле черного штыря в центре диска ковырялись с приборами двое парней в форме инженерно-технической службы ТФ-связи да у многоэтажных контейнеров стояла группа людей, явно не принадлежавших к персоналу станции.

Здесь были руководитель СЭКОНа Иван Морозов, начальник технического сектора УАСС Кими Озава, раскосостью глаз походивший на Дикушина, Станислав Томах, двое инженеров и директор таймырской станции метро Илона Велиава, высокая строгая блондинка с водопадом золотых волос.

— Все готово, — сказал один из инженеров. — Аппаратура по всей трассе функционирует нормально, можно приступить.

— Пойдемте в бункер управления, — предложила Велиава. — Груз проверен, техники заканчивают контроль систем.

— А можно откуда-нибудь изнутри камеры понаблюдать за пуском? — спросил Морозов.

Велиава в сомнении подняла тонкую бровь.

— Разве что в перископы, да только ничего вы не увидите. Никаких световых и прочих видимых эффектов при ТФ-запуске в камере не возникает.

— Тогда ведите в свой бункер.

— Кто проверял груз? — спросил Керри Йос.

— Я, — ответил Томах, — и смена техников, конечно. Все в порядке, груз точно такой же, что и не дошедший до Садальмелека.

Все вышли в хмурый октябрьский день Таймыра, под начавший накрапывать дождь.

— Нельзя было обойтись без дождя? — буркнул Томах.

— Это не мы, — виновато проговорила Велиава, обернувшись на его голос. — Северный гидрометцентр предупреждал еще утром, что Таймыр попадет в зону штормовой отдушины.

— Ты что? — шепнул Богданов на ухо другу. — Форму потерял?

— Меня все раздражает, — буркнул Томах. — Кажется, что мы что-то упустили из виду, какую-то важную деталь. Не аукнулось бы нам другим манером, ведь вслепую играем... неизвестно с кем. Но уж то, что этот «кто-то» не слабее нас, это наверняка.

— Ну-ну, не паникуй. Эксперимент нужен, ты сам прекрасно понимаешь. Не пройдет груз на Историю — значит, будем думать, пройдет — все твои страхи напрасны.

— Ой ли? Больно категоричен ты в своих суждениях сегодня, на себя не похож. Посмотрим. Есть такая интересная штука — интуиция, так вот она мне шепнула по секрету, что груз пройдет нормально, однако тревогу с души не сняла.

Богданов мельком посмотрел на угрюмо-спокойное лицо Томаха и шагнул в дверь, открывшуюся в малом куполе.

Зал управления метро изнутри представлял собой стандартный куб со встроенным в стену пультом и радугой экранов над ним. Видимо, он давно не подвергался капитальному ремонту, потому что здесь стояли не виомы, а старые плоско-мозаичные световые экраны, создающие слабый стереозффект.

— Располагайтесь. — Велиава радушно указала гостям на кресла, принесенные скорее всего заранее.

— Все рассчитали? — еще раз спросил Морозов. — Не хотелось бы неприятных сюрпризов.

— Предусмотрели все, что может предусмотреть современная наука прогноза, — неожиданным басом отозвался Кими Озава.

Морозов неопределенно покачал головой.

— Верю, но... лучше десять раз проверить, чем один ошибиться.

— Кредо теоретика, — сказал Богданов задумчиво.

— Что?

— Кредо теоретика: семь раз отмерь, один отрежь. Есть еще кредо практика: один раз отмерь, семь раз отрежь.

Все присутствующие в зале засмеялись. Морозов тоже улыбнулся, хотя было заметно, что смеяться он не умеет.

— Поехали, что ли? — буркнул Керри Йос, переждав смех. — Корреспонденты на Истории готовы?

— Еще вчера, — подтвердил диспетчер станции.

— Системы контроля?

— Готовы. — Это уже Кими Озава, общавшийся с работниками своего ведомства посредством рации.

— Старт!

Илона Велиава, оглянувшись на «высокое начальство», сделала три быстрых переключения на пульте, рывкнул гудок, и белый диск над пультом загорелся дрожащим зеленым светом.

По залу прокатился общий вздох.

— Груз прошел, — доложил диспетчер. — Потери в норме, поле по глубине струны ниже интервала трансляции.

— Спасибо, Ник, — прервала его Велиава. — Груз прошел нормально, джентльмены.

Морозов встал.

— Я ждал этого. Спасибо и вам, Илона. Надеюсь, своим экспериментом мы не очень выбили вас из графика?

— Какие могут быть претензии? — развела руками Велиава. — Наверстаем. Я понимаю, что безопасность УАСС не экспериментирует зря.

— Вот это уж точно! До свидания.

Они вышли из зала. Дождь лил вовсю.

— В пятнадцать ноль-ноль совещание, — напомнил Морозов. — У вас есть ко мне вопросы? Соображения относительно сегодняшнего запуска?

— Нет, — сказал Керри Йос, поднимая воротник куртки. — Соображения еще надо обдумать.

Морозов кивнул и удалился к пассажирской камере метро в сопровождении Озавы и его инженеров.

— Ну и что теперь? — спросил Керри Йос, глядя ему вслед.

— Будем продолжать работу. — Богданов остался спокоен. — Искать. Грузы почти такого же назначения не проходили еще к Шемали и к планетам Суинберна. Проведем экспериментальные запуски, убедимся, что эффект исчезновения не повторяется.

— Действуйте. Я в отдел, понадобится — найдете. Людей дам, но не больше группы.

Керри, пряча лицо в воротник куртки от колючего дождя, пошел к парусу метро.

— Я на базу, — сказал Томах. — Мои мальчики заканчивают работу по каналу поиска особой срочности. Система дорогая, зато отдача великолепная. А главное — не надо тратить недели и месяцы на поиск документов в архивах.

— Будут новости, сообщи. Кстати, заметил, у Морозова те же выводы, что и у тебя? Он сказал, что ожидал благополучного исхода с запуском груза на Историю.

Томах отвернулся и глухо ответил:

— Значит, и у него развита интуиция. Ну, потопали, а то промокнем насквозь, мне такой климат не по нутру.

Издали здание оперативного центра Управления аварийно-спасательной службы напоминало подсвеченную изнутри кристаллическую глыбу аквамарина. Однако, подлетая ближе, Филипп все меньше находил сходства здания с кристаллом, пока наконец оно не выросло в исполинский горный хребет, сверкающий на гранях холодным голубым огнем.

Километра три в длину, прикинул Филипп, и метров шестьсот в высоту! Что ж, объемы центров организации, ответственной за безопасность и нормальную работу цивилизации, должны соответствовать и размаху ее деятельности...

А уж в полукилометре от здания Филипп понял, что оно не сплошное, а состоит из тысяч модульных блоков, соединенных хитроумным способом в ажурную конструкцию, напоминающую атомную решетку какого-то минерала. В следующее мгновение из дна чашки, венчающей «отросток минерала», метнулась ввысь гибкая лапа, подхватила пинасс и втянула его в глубину здания.

— Приехали, — сказал Томах, первым выпрыгивая из кабины на пол эллинга. Вслед за ним вылез Богданов, потом Филипп.

Следуя указателям, они нашли нужный лифт и через минуту стремительного падения сквозь сплетение лифтовых линий центра стояли перед входом в зал совещаний, откуда в коридор доносился странный рокочущий гул.

Филипп вошел и остановился. Стен и потолка в зале не было. Амфитеатр с рядами кресел нависал над грохочущим двойным водопадом, левая часть которого, шириной около трехсот метров, была гораздо выше правой — километровой подковы, полускрытой под громадным облаком водяной пыли.

«Ниагара! — догадался Филипп. — Красиво, надо признаться!»

— Пошли, пошли, не останавливайся на пороге, — потянул его за рукав Томах. — В первый раз, что ли?

Усевшись, Филипп принялся рассматривать водопад с высоты птичьего полета, созданный иллюзией хорошо настроенного видеопласта. Однако насладиться зрелищем в полной мере не успел: сначала кто-то выключил звуковое сопровождение, предупреждая собравшихся, а затем исчез и водопад. Зал замкнулся золотистыми стенами со множеством ниш, решеток и круглых щитов.

Трибуны в зале не было: по желанию каждый выступавший включал на подлокотнике своего кресла систему спик-визора, и автоматика воспроизводила его объемное изображение в нижнем круге амфитеатра, откуда он был виден всем.

Совещание начал генеральный секретарь Совета безопасности ВКС и он же директор УАСС Норман Спенсер, громадный, темнолицый, с гривой седых волос, скрывающих уши и лоб. Он вкратце коснулся проблем, стоящих перед аварийно-спасательной службой, привел статистику аварий и катастроф на Земле и в зоне космоса, осваиваемой землянами. Самой крупной из них была катастрофа на космотроне, в результате которой погибло сорок семь человек, а громадная область Солнечной системы между орбитами Земли и Марса оказалась загрязненной радиоактивным газом.

Затем очень кратко ответственные руководители служб и секторов доложили о результатах своей работы, принимаемых мерах и методах контроля за безопасностью человеческих коллективов.

Предпоследним выступал Дикушин. Руководитель первого сектора был явно озабочен, потому что обычная его бесстрастная насмешливость переросла в язвительность.

— С космотроном все ясно, — сказал он. — Это образец человеческого «авось», когда зло, содеянное предками, отражается на потомках, но самое обидное — оно создано нами против нас же! Расчистка зараженной зоны продвигается успешно, а также принимаются меры по розыску подобных «сюрпризов» во всех уголках Системы и за ее пределами.

— Однако патрульная служба проморгала-таки ракетносец? — сказал кто-то в зале.

— Самое интересное, что его обнаружили, — отрезал Дикушин. — Но сочли за автомат, какими полно пространство Системы. Так что в дополнение к сказанному необходимо провести еще и чистку пространства от громадного количества отслужившей свой век техники. Но мы отвлеклись.

Не секрет, что с января следующего года управление строительством планетарных сооружений, Центроземстрой, планирует начать строительство ЗСК — зоны солнечных конденсаторов в орбитальном поясе Меркурия. Дело чрезвычайно нужное, ибо человечество

как никогда нуждается в энергии: пояса надземных гелиоэлектростанций уже на пределе возможностей, а мы еще далеко не завершили освоение Системы, да и другие миры ждут своих исследователей. Однако требуется специальная система мер по предотвращению несчастных случаев, а не простое указание отдела прогнозирования: «Усильте контроль». Масштабы новой работы грандиозны, а мы только люди, способные ошибаться, да еще как ошибаться!

И последнее. В связи с открытием формулы Ромашина Академия наук и Земплан предполагают в ближайшее время провести эксперимент так называемого «галактического просвечивания», а точкой эксперимента выбрана Феба, спутник Сатурна. Так вот, я категорически против Фебы! Да и вообще любой другой планеты Системы! Эксперимент сложен, опасен, и проводить его надо в глубоком космосе.

Дикушин, собравшийся было сесть, задержался и посмотрел на Спенсера.

— Поясни, — коротко сказал тот.

— Пусть лучше это сделает Хейдо, — буркнул Дикушин. — Это его епархия.

Спенсер повернулся к председателю Технического совета.

— Как известно, — начал Уессон, включая свой спиквизор, — современной космологией до сих пор не решена проблема «инфляционной эры» в эволюции нашей Вселенной, связанная с проблемой Большого Взрыва, породившего космос. Назрела необходимость проверки некоторых оригинальных гипотез, что даст возможность ученым уточнить космологическую модель Вселенной и приступить к практической реализации новейших теорий. Это первая предпосылка эксперимента. Кроме нее, есть еще несколько: проблема топологии черных дыр, эффекты общей теории поля, поиск реликтовых «кварковых мешков» и монополей, измерение кривизны пространства. Или, скажем, такая практическая вещь: область космоса, контролируемая нами, постепенно расширяется, и для безопасности прокладки ТФ-трасс необходимо знать точное расположение тяготеющих масс в этой области. Кроме этого, эксперимент позволит физикам решить проблему пресловутого «телекинеза», вернее, «психокинеза», то есть возможности управлять ТФ-перемещением с помощью мысленного приказа. Как видите, диапазон вопросов, которые сможет разрешить эксперимент «просвечивания», достаточно серьезен, хотя я не назвал всего. Сам же эксперимент состоит в возбуждении галактического ТФ-поля посредством ТФ-взрыва. Ударная ТФ-волна практически мгновенно obeжит Галактику, отразится от всех тяготеющих масс: звезд, туманностей, черных дыр, «кварковых мешков» — и даст полную картину их гравитационного взаимодействия. Вот и все.

— Спасибо, — сказал Спенсер. — Настолько просто и доходчиво, что не впечатляет. Следовательно, ученые предлагают провести ТФ-взрыв на спутнике Сатурна? Есть уже расчеты взрыва?

— Количественных нет, — сказал Дикушин. — Мы дали задание Институту ТФ-связи рассчитать параметры взрыва, но качественные характеристики известны уже сейчас.

Спенсер помолчал.

— Хорошо, отложим обсуждение этого вопроса до выяснения полного объема данных по эксперименту. Остался последний вопрос, самый непростой. Это операция «Наблюдатель». Говорите, Керри.

Перед амфитеатром появилось увеличенное изображение Керри Йоса.

— Все уже в курсе, поэтому начинать ab ovo не буду, — начал сосредоточенный руководитель отдела безопасности. — Сообщаю факты, только факты, ничего кроме фактов.

Несмотря на ироничный подтекст речи, в зале никто не улыбнулся, Филипп отметил это без удивления.

— Трижды с мая месяца этого года и четырежды за всю историю существования пространственного метро грузы, посылаемые с Земли на планеты других звезд, не доходили до адресата. Один из пропавших грузов, направленный в систему Сададьмелека, на Историю, обнаружен недавно на Земле, второй, направленный в систему Шемали, найден там же, я имею в виду Шемали, но оба груза оказались заброшены во времени на двадцать и сто лет

назад.

Керри Йос помолчал, но не для эффекта — в зале и так было тихо, — а просто давал время поразмыслить над сообщением.

— Все грузы — оборудование терраформистов, машины для активного воздействия на планетографию, отметьте это. Второе: уже шесть раз косморазведка и большие экспедиции, контролируемые погранслужбой, встречаются с так называемыми «зеркальными перевертышами». По мнению специалистов, «зеркала» — устройства для сбора информации, вернее, своеобразные видеокамеры, передающие запись деятельности людей... Куда — неизвестно. «Зеркала» трижды замечали на Марсе — полвека назад, во время перераспределения горных хребтов, и четырежды на Земле — два и полтора века назад. Данные проверены архивно и не подлежат сомнению. Третье: над Орилоухом вскрыта резервная станция, законсервированная, работающая в холостом режиме. С точки зрения сегодняшних рубежей науки и техники мы, люди, делать этого еще не умеем. А три дня назад, предположительно во время расчета глубокого прогноза направленности действия и последствий деятельности Наблюдателя, погиб эфналитик отдела безопасности Василий Богданов. Расследование обстоятельств его внезапной смерти, которое только что закончилось, показало, что смерть наступила в результате крайне маловероятного стечения обстоятельств, что уже само по себе предполагает вмешательство разумной и... злой силы. С какой целью — мы начинаем догадываться. Нас таким образом предупредили, чтобы мы задумались над последствиями своей звездной экспансии. Кому-то хочется, чтобы космос остался таким, каков он есть, чтобы он служил не только нам, но и тем, кто придет после нас.

Керри Йос помолчал. Кто-то кашлянул, и снова в зале повисла тишина.

— Четвертое, — продолжал начальник отдела. — Мы провели экспериментальные запуски тех же грузов, что планировались раньше, на те же станции, куда раньше эти грузы не прибыли. Все запуски прошли благополучно, но!.. Двое суток назад с Истории, Шемали и планет гамма Суинберна пришли сообщения: снова появились «зеркальные перевертыши»! Это прямое подтверждение нашим догадкам. И последнее: на Землю вернулся дальний галактический разведчик «Хевсур», исследовавший звезду Ригель, бету Ориона: шестьсот световых лет, предел наших автоматических экспедиций. На его борту случайно обнаружен странный знак, вот такой. — Керри повозился, и перед аудиторией появилось увеличенное изображение «звезды Ромашина», невозмутимо играющей цветную гамму спектра.

— Диаметр «звезды» двадцать микрон, материал оболочки корабля — перестроенный бериллий — в месте ее появления не нарушен, зато изменены характеристики защитного поля в этой точке. Но и это осталось бы достоянием экспертов и ученых, если бы не одно обстоятельство: такие же знаки обнаружены уже на трех разведчиках первого класса, ведущих разведку на дальностях порядка двухсот парсеков, а также на станции над Орилоухом, на промежуточных ТФ-ретрансляторах трасс метро к Шемали, Истории и Суинберну и... на Земле.

Керри сел и выключил спиквизор.

Некоторое время в зале никто не двигался. Потом раздался голос Спенсера:

— Факты впечатляют. Итак, ваш вывод?

— Вывод достаточно прост и тревожен, — пробормотал Морозов, появляясь перед собранием. — Хотя начальник отдела безопасности занимает в этом вопросе слишком благодушную позицию, как мне кажется. Тот факт, что нами заинтересовалась цивилизация высшего типа, должен заставить нас пересмотреть принципы «звездной экспансии» и серьезно заняться экзотикой. Правда, некоторые намеки Наблюдателя слишком прозрачны, как, например, «кража» грузов. На предупреждение это мало похоже.

— Только на первый взгляд, — возразил Керри Йос. — Я отнюдь не благодушен и недаром обращал ваше внимание на характер исчезнувших, вернее, закольцованных во времени грузов. Дело, вероятно, в том, что История, Шемали, планеты Суинберна — прекрасные планеты, словно специально созданные для созерцания, получения эстетического наслаждения. А мы туда взрывную технику, оборудование терраформистов

для перемещения горных хребтов и морей! Представьте, в наш земной музей, скажем, в Эрмитаж, придет некто и начнет передвигать стены, сдвигать картины, вешать их вверх ногами, класть скульптуры на бок! Только потому, что ему так удобнее смотреть или, скажем, отправлять естественные потребности!

— Вы считаете, что для указанных планет мы уподобляемся этому варвару? — спросил кто-то в зале, не уловив иронии в словах Керри.

— Вы хорошо улавливаете суть дела, — сухо ответил Йос, вызвав сдержанные улыбки.

— Но Шемали, — не унимался оппонент, — выпадает из этого списка. Неужели вы считаете, что черные пейзажи Шемали вызывают чувство эстетического наслаждения? По-моему, черный цвет угнетает, а не радует.

— А почему вы считаете, что мы, люди, единственные ценители прекрасного в Галактике?

Богданов дважды бесшумно хлопнул в ладоши.

— Браво, Керри!

— Да, предположение хорошо коррелируется с приведенными фактами, хотя сравнение рода людского с варваром... — Спенсер покачал головой, — с варваром, не ценящим красоту, мне не нравится. Что касается внутренних проблем нашей цивилизации, то их хватает, и некоторые из них тоже вполне могут тревожить нашего гипотетического Наблюдателя.

— Но кое-кто в ВКС склонен полагать, что мы преувеличиваем, — сказал Морозов.

— Знаю. — Спенсер нахмурился. — Однако считаю, что применять экстренные меры рано, несмотря на приведенные примеры. Прямой угрозы человечеству, к счастью, нет, а то, что нами интересуется другая цивилизация, более зрелая, — факт скорее огромного научного значения, чем защитно-прикладного. Просто погранслужба и служба безопасности — простите за тривиальное напоминание — обязаны реагировать на любую, даже прогнозируемую в далеком будущем опасность, и здесь никто не снимет с нас ответственности, если мы не подстрахуем друг друга.

— И все же следует высказать в совете наше отношение к происходящему. До сих пор человечество осваивало пространство экстенсивно: мы овладели уровнем энергопотребления в масштабе звезды, предполагается, что в дальнейшем овладеем энергией соседних звезд и так далее.

Но ведь из опыта прошлого мы знаем, что экстенсивное развитие неизбежно ведет к появлению кризисных ситуаций, ибо потом приходится прибегать к разного рода регулирующим факторам, как, например, восстановление природных ресурсов или уничтожение загрязнения среды.

Космическая экспансия человечества требует все более значительного усиления управляющих и регулирующих воздействий на общественную систему, что мы ощущаем уже сейчас. До сих пор мы справлялись, но в масштабе одной планеты. А когда будут сотни, тысячи планет?! Не пора ли приостановиться? И попытаться найти выход на принципиально ином пути, нежели арифметическое освоение безграничных пространств? Перейти на интенсивное использование космоса?

Морозов умолк.

— Мы несколько отвлеклись от темы, — сухо сказал Спенсер. — Возможно, ВКС наконец отреагирует на предложения отдела дальнего координирующего прогноза СЭКОНа. Нас же сейчас интересуют проблемы не столь глобальные, хотя и не менее важные. Считаю, что вопрос, чем мы заинтересовали Наблюдателя, остается открытым до тех пор, пока не появятся прямые доказательства обратного. Каковы принимаемые отделом безопасности меры?

Керри Йос посмотрел на Морозова, тот кивнул.

— Меры приняты следующие, — сообщил начальник отдела. — Во-первых, применен сигнал «Экстра» по информационному поиску, что сократило время поиска нужных данных вдесятеро против обычных методов. Во-вторых, группы экспертов и работников отдела

заняты исследованиями «зеркальных перевертышей», «звезд Ромашина» и расчетом вероятного вектора вмешательства Наблюдателя, если, конечно, он намерен вмешаться. В ближайшем будущем начнем на местах анализ причин появления «зеркал» и звездных знаков, исследование посещенных разведчиками планет. В дальнейшем предполагается обработка результатов анализа на Умниках — больших универсальных вычислительных комплексах Института внеземных культур. В качестве крайней меры... — Керри Йос исподлобья оглядел зал. — В качестве крайней меры — тревога по форме «Общий шторм».

Станислав, Филипп и Богданов переглянулись.

Потом Богданов продемонстрировал всем видеофильмы: первый — снятый на Шемали, когда изучались «зеркальные перевертыши», второй — станция над Орилоухом, посещенная неведомым Наблюдателем, и третий — следы, оставленные Наблюдателем на обшивке разведкораблей, на контейнерах и на станциях ТФ-связи: странные знаки в виде звезды.

После совещания Филипп возвращался до ближайшего метро вместе с Томахом и Богдановым. По тихим коридорам центра УАСС, потом по липовой роще шли молча, погруженные каждый в свои думы; воспользоваться метро центра никто не догадался.

Под ногами шуршали сухие листья, вокруг полыхал пожар золотой осени, деревья постепенно обнажали головы перед приходом Ее Величества Зимы...

Филипп по-своему любил осень, то красивую и грустно-величественную, в золотом и багряном убранстве, то дождливую и сырую, как капризный ребенок, когда у метеопатруля случались непредвиденные накладки в разработке погоды, но в этот раз ему было не до красот природы, он размышлял о той великой, повседневной, будничной работе Управления аварийно-спасательной службы, которая как щитом закрыла огромное тело человечества, чтобы оно не оступалось, не ранилось, не получало тяжелых ударов извне и изнутри и не забывало ошибок прошлого и настоящего на своем долгом пути в будущее...

Уже у сине-белого паруса метро, над которым горела видимая даже днем буква «М», Филипп спросил:

— Разве Спенсер не знает о принимаемых вами мерах? Почему он задал этот вопрос на совещании?

— Знает, конечно, — ответил Томах. — Но не знают другие начальники секторов и отделов.

— А почему ты потащил на совещание меня? Разве я уже состою в руководстве отдела?

— Пока нет, но первый шаг ты уже сделал.

— Какой же? — удивился Филипп.

— Когда взорвал СПАС-семь.

— А если серьезно?

— Я тебе уже говорил: через месяц, может быть, два мы отправимся в новую экспедицию, туда, где работают пока одни пограничники и разведчики. Это и станет твоей проверкой, полной, от физики тела до психики и интеллекта. Правда, физику ты имеешь неплохую, даже эффективную, что весьма неплохо действует на некоторых женщин.

— В наше время видимость мускулатуры не может служить критерием силы, — сказал задумчиво-рассеянный Богданов. — Некоторые юноши выращивают мускулы с помощью биотрансляции за два дня. Модно.

Филипп усмехнулся, заметив изучающий прищур его глаз.

У Станислава мелькнули в глазах веселые искорки.

— Ну, лично я в него верю, драться он умеет. Тебя еще что-то смущает, старик?

Филипп замялся, потом глухо проговорил:

— Как я понял, рано или поздно придется оставить большой волейбол?

— У тебя появятся другие тренировки, ты ведь будешь работать в оперативной группе, а там нужна не только умная голова, но и сильное, хорошо тренированное тело, и мгновенная реакция, и много такого, о чем ты еще не догадываешься.

— Значит, терять-таки придется...

Томах покашлял, вместо него ответил Богданов:

— Эта боль в груди почти у каждого из нас. Может быть, ты не знаешь, но Слава, например, был мастером спорта по регби, наш начальник отдела имел в двадцать пять лет черный пояс по гайбо, руководитель СЭКОНа Морозов — экс-чемпион Земли по стрельбе из пистолета. Продолжать?

— Не надо, — пробормотал Филипп. — Мне-то... — Он хотел сказать: «Мне-то от этого не легче», но передумал.

Они постояли у входа в метро еще несколько минут, словно не решаясь расстаться. Затем Богданов молча пожал им руки, собираясь уходить, и тут Томах сказал:

— Знаете, у меня мелькнула странная мысль...

Богданов остановился на полшаге, обернулся.

— Странная, ей-Богу, мысль... Не заинтересовалась ли нами, человечеством в целом, организация типа нашей спасательной службы? Так сказать, УАСС Галактики? А то и всего космоса?

— Ого, ну и масштабы! — усмехнулся Никита. — От чего же нас, то бишь человечество, надо спасать?

— Ну, мало ли... Хотя бы не спасать, а провести профилактику или, скажем, лечение от равнодушия. Разве не проявляются у нас рецидивы этой болезни? Вплоть до настоящего времени?

— Опять твоя пресловутая теория равнодушия! Когда-нибудь тебя за нее хорошенько вздуют теоретики-социологи.

— Так разве я виноват, что прав? — обиделся Томах.

— Прав? — Богданов улыбнулся с грустью. — К сожалению, прав. Тут я с тобой согласен. Ну, до связи.

Он ушел.

— Истина ничуть не страдает от того, что ее не признают, — пробормотал Томах старинное изречение. — Ты к себе, в Басово?

— Скорее всего к... в общем, не домой.

— Тогда до связи, безопасник. В понедельник в восемь утра ко мне: комната сто три.

Филипп кивнул, вскинул вверх кулак, и они разошлись по кабинам.

Глава 8 БУДНИ

Филипп снял эмкан, выключил информсопровождение и потянулся в кресле всем телом. «Завтра Слава устроит разнос, — подумал он, — за неурочные занятия. Я бы и рад заняться чем-нибудь другим, если бы знал чем...»

В коридоре было темно и тихо. Лишь иногда по потолку пробежал ручей бледного света — какой-то из роботов обслуживания здания проверял неведомо какие цепи.

Он закрыл кабинет и покинул здание североамериканского филиала управления, полупогруженное в темноту: оперативные отделы и диспетчерские пункты бодрствовали круглосуточно.

Через полчаса вышел на второй станции метро Москвы.

Здесь был полдень, солнечный и тихий. Людей на улицах и у метро было мало, и Филиппу вдруг страшно захотелось в конструкторское бюро, за комбайн. Не раздумывая, он шагнул обратно и вскоре вышел из кабины метро Института ТФ-связи.

В свою лабораторию вошел робко, словно проситель по личному делу, и вздохнул с облегчением: она была пуста. Он не сразу заметил перемены в комнате, потом понял и грустно улыбнулся. В комнате вместо трех комбайнов стало четыре, а над экраном ближайшего к выходу мыслепроектора, с которым он работал, висело его стереофото. Филипп на нем о чем-то сосредоточенно размышлял: брови сдвинуты, вертикальная морщина прорезала лоб, губы упрямо сжаты. Чья же это фотография? Лии? Кирилла?

Вздыхнув, он сел в свое старое кресло, которое привыкло к нему за три года работы, и

долго сидел, не шевелясь, вспоминая тех, с кем пришлось работать, и какие проблемы решать, и как все было просто, хорошо и спокойно. Да, именно просто! Он был уверен в завтрашнем дне, уверен в себе, в значимости задач, которые стоили долгих вечеров, а иногда и нервных перегрузок. А что теперь? Уверен он в себе, как прежде? Спокоен? И можно ли вернуться, не вспоминая того, что он уже постиг в отделе безопасности УАСС? Не думая о замечательных ребятах, жизнь которых подчинена неслышному другим ритму частых тревог, заканчивающихся схватками со стихией или с последствиями веками творившихся преступлений эпохи разобщенного мира? Правильно ли он решил? И решил ли?

Сзади раздался шорох, Филипп вздрогнул, оглянулся. В комнату вошел руководитель бюро Кирилл Травицкий.

Несколько секунд они рассматривали друг друга, потом Филипп выбрался из кресла, неловко пробормотал:

— Здравствуйте...

— Привет, — кивнул Травицкий, шевеля выгоревшими бровями. — Тянет?

— Тянет, — помедлив, признался Филипп. Ему показалось, что Травицкий сейчас поймет, что у него на душе, и начнет читать наставления: «Я же говорил... надо было крепко подумать...»

— Если хочешь, приходи сюда, когда вздумается. — Травицкий погладил подбородок. — Только у меня к тебе один вопрос... Не обижайся, Филипп, но все ли ты взвесил, прежде чем перейти в УАСС? Понимаешь меня? Отвечает ли работа в аварийно-спасательной службе твоим возможностям?

«Все-таки я становлюсь неплохим психологом, — подумал Филипп, — он спросил то, чего я боялся...»

— Не знаю, — сказал конструктор наконец. — Не знаю, но мне кажется, вопрос надо ставить иначе: отвечаю ли я требованиям службы. Мой друг, а теперь непосредственный начальник — я хотел сказать, я работаю в его отделе — говорил, что спасателям нужна не только умная голова, но и сильное тело. Понимаете? Не наоборот... ну как бы вам это объяснить... работа в управлении требует в основном умов, и там их достаточно...

— Избыток, так сказать, — серьезно вставил Травицкий.

Филипп сбился с мысли и замолчал.

— В общем, мне интересно...

Травицкий в грустном недоумении вздернул бровь.

— Вернее, не то чтобы интересно, — заторопился Филипп, начинавший злиться, — а... как бы сказать... ритм работы безопасника не оставляет времени на самокопание... и ненужный самоанализ... — Филипп запутался окончательно, уже не представляя, что хотел сказать. Но Травицкий не стал иронизировать.

— Странное дело, — сказал он с удивлением, собрав морщины на лбу. — Умные, безусловно одаренные люди идут работать туда, где их талант почти не используется! Где нужна прежде всего не ясная голова, а крепкие ноги и бицепсы, «талант» мгновенно нажимать нужные кнопки, быстро бегать и высоко прыгать! Физика тела!.. Почему?

— Неправда, — возразил хмурый Филипп. — Может быть, я не умею объяснять, но там ясная голова нужна еще больше, чем физика тела. Просто спасатель, а тем более безопасник, обязан быть сильным физически, потому что в некоторых случаях приходится спасать людей без техники и кнопок, надеясь только на свою силу и ловкость.

Травицкий не расслышал, словно говорил сам с собой.

— И был бы это единичный случай, тогда бы я понял, страсти молодости часто неуправляемы и решения импульсивны. Но, кроме тебя, я знаю других ушедших в УАСС: Керри Йоса, Тектуманидзе, Василия и Никиту Богдановых... Не понимаю...

— Керри Йос? — удивился в свою очередь Филипп. — Керри пришел в управление? Откуда?

— Ты не знал? — очнулся Травицкий и снова погрузился. — Керри Йос в двадцать восемь лет защитил степень магистра планетологии, он был одним из крупнейших

вулканологов Системы, а теперь — всего лишь начальник отдела безопасности.

— А Богданов?

— Никита — психосоциолог, а его брат был ксенотехнологом. Эфналитиком он стал уже в управлении. Страшное слово — был! Почему он умер? Какую сверхважную задачу решал, перейдя предел выносимости? А ведь он мог стать ученым с мировым именем и обогатить науку крупными исследованиями! Стоило рисковать такой жизнью ради сомнительных расчетов вариантов будущего? Разве место ученому... — Травицкий увидел лицо Филиппа и замолчал.

— Не знаю, жалел ли Богданов о своем решении стать безопасником-спасателем, — проговорил тот с трудом, — но, к сожалению, формула морали, которая входит в нашу кровь с детства — в мире нет чужой боли! — для спасателя ощутима материально. Вдвойне! Втройне! Потому что, видя чужую беду, он забывает о своей боли, и для него нет и не может быть иного выбора! Поэтому и эфналитик, рассчитывающий пути безопасного развития общества или отдельных коллективов, как Богданов и многие другие, тоже спасатель, а его идеи — интеллектуальный резерв человечества в целом! И на этом пути нужны блестящие умы, иначе простая «физика тела» может наломать таких дров!.. — Филипп задохнулся и умолк.

Начальник бюро знакомо покивал, склонил голову к плечу и остро посмотрел ему в глаза.

— Вот теперь вижу, что ты решил окончательно, парень, — сказал он безрадостно. — Была у меня искра сомнения, а я все не решался спросить прямо. Правда, ты меня не убедил, из множества профессий, требующих от людей, к сожалению, рисковать жизнью там, где этого уже можно избежать, ты выбрал самую трудную. Могут возразить, такова человеческая натура, мол, без риска нет удачи и великих открытий... Неверно! Гибнет человек — гибнет Вселенная, и никакими целями во благо эту гибель оправдать нельзя! Спасательная служба должна базироваться на точных расчетах опасных путей и на выполнении всеми правил обхода этих путей... Впрочем, мы отвлеклись, философия — мой конек. Недавно наш сектор закончил доводку твоей антенны, скоро начнем замену старых на всех метро. А решение свободного полета, без камер и антенн, к сожалению, привело к новой проблеме — проблеме многомерного дублирования, мы ее называли «проблемой ТФ-двойников». Чего-то мы еще не понимаем в ТФ-теории, она оказалась гораздо глубже, чем думали теоретики... Не хочешь поработать? — внезапно спросил Травицкий. — В удобное время, конечно.

Филипп с недоверием посмотрел на начальника бюро.

— А можно?

— Включай аппаратуру. Академия дала Институту задание рассчитать параметры ТФ-взрыва, ты слышал об эксперименте галактического ТФ-просвечивания? Нужно вычислить конечные числа ударной волны, напряженность поля, излучающую сферу, вязкость ТФ-поля во время взрыва, степень рефракции и все остальное. Эквивалентная масса взрыва равна примерно массе Фобоса. Возьмешься?

— Где предполагается разместить установку инициирования?

— На спутнике Сатурна, Фебе, хотя это не окончательное решение. Все необходимые для расчета данные уже записаны в машину, код прежний. Когда приступишь?

— Сейчас, — быстро ответил Филипп.

Травицкий усмехнулся, кинул взгляд на стереофотографию на стене и вышел.

Филипп с минуту смотрел ему вслед, потом тряхнул головой, привычно подогнал кресло под позу размышления, включил вычислитель и жадно схватил корону эмкана, будто не прикасался к такой же, по крайней мере, месяц.

Через полтора часа, слегка ошеломленный от мыслительной нагрузки, он закончил вычисления, полюбовался выводом в растворе мыслепроектора — кроме характеристик взрыва, он рассчитал и глубину погружения установки под землю, исключаящую любые помехи, — и снял эмкан. По расчетам выходило, что ТФ-взрыв на Фебе опасен только этой

небольшой ледяной планетке, используемой как рудник дейтериевого и тритиевого льда. На всякий случай Филипп приписал внизу: расчет проверить и повторить на компьютерных комплексах информцентра Даль-разведки. Он не верил, что более мощные машины космоцентра или погранслужбы сделают расчеты намного точнее, но все же будет спокойнее, если кто-то проверит его выводы.

Выключив аппаратуру, Филипп с грустью погладил панель пульта, аккуратно поместил эмкан в нишу, положил на панель карточку с отпечатанным решением — Травицкий, несомненно, найдет ее сразу — и прошагал к двери. У порога оглянулся, остановил взгляд на своей фотографии («Знаменитость номер один института!»), поколебался немного и тихо, на цыпочках, пошел прочь от двери.

Сойдя с лестницы парадного входа института, он некоторое время решал, какой выбрать транспорт: такси-пинасс, монокор или индивидуальный антиграв, затем распрямил плечи, огляделся, словно только теперь понял, где находится, и пошел пешком через парк, окружавший институт.

Был солнечный морозный день середины декабря. Лес по сторонам дорожки стоял торжественный и тихий, усыпанный алмазными иглами изморози. Под ногами поскрипывал первый снежок, обещанный синоптиками, воздух был чист и свеж. Не хотелось ни о чем думать, только идти по снегу, оставляя четкие следы, и дышать.

Пройдя парк, Филипп порядочно продрог, потому что был одет не по сезону, в светло-серый джемпер и брюки со шнуровкой, осенняя модель. Поискав глазами вход на платформу монокора, он вдруг очнулся окончательно и с удивлением посмотрел на часы: с момента выхода из института прошло больше часа. И тут до сознания дошло, что руку давно «кусает» биосигнал личного видео. Он поспешно повернул браслет, и над серебристым квадратиком возник миниатюрный Станислав Томах.

— Где тебя носит, Ромашин? Никак не могу дозвониться.

Филипп невольно смутился.

— Я был в институте...

— ТФ-связи! Так! Закончил рабочий день в управлении, а потом пошел еще и в институт? Хорош! Медом намазан твой вычислитель, что ли? В управлении их мало...

— Да не мало, но я привык... Верить — иногда даже сны снятся, будто я работаю за комбайном!

— Так в чем же дело? Тянет — приходи и работай, если твое место не занято, только предупреждай, куда уходишь и на сколько. Едва ли Травицкий будет возражать.

— Он-то не возражает, — вздохнул Филипп.

Томах начал сердиться.

— Чудак-человек, кто же тебе запрещает? Лишь бы не перегружал организм, да хватало бы времени на занятия в школе стажировки.

Филипп отвел виноватый взгляд.

— Извини, Слава, а то я уже начал было создавать в себе культ хандры. Я нужен?

— Вылетай на третью южную базу, знаешь, где это?

— Австралия?

— Западная Австралия, Алис-Спрингс, седьмой блок метро, выход на эстакаду «Т». Запомнил?

— Что-то случилось?

— Привыкай повиноваться без вопросов. Ничего не случилось. Я кое-что поменял в твоей программе стажировки. Жду, скажем... — Станислав бросил взгляд на часы, — через сорок минут.

Изображение над квадратиком видео расплзлось в облачко света, Филипп выключил браслет. Австралия... Когда-то очень давно Аларика приглашала его туда отдыхать, но он не поехал. Тогда он не боялся ссориться...

Филипп выбрал в парке прямую дорожку к метро и припустил бегом. Ровно через сорок минут он стоял на эстакаде «Т» седьмого австралийского метро в Алис-Спрингсе. Томах уже

ждал его на стоянке куттеров местных линий. Заметив крупную фигуру Ромашина, поднял руку.

Молча уселись в кабину, щелкнул, закрываясь, прозрачный колпак, машина поднялась в воздух.

— Куда это мы? — любопытствовал Филипп, наблюдая, как под ними зелень зарослей буша сменяется красновато-бурой поверхностью песков, расцвеченной пятнами серовато-голубых кустарников банксии, зеленоватого молочая и буро-желтого колючего спинифекса.

— На полигон управления, — коротко ответил Томах.

Через четверть часа полета под ними промелькнула странная куполовидная гора красного цвета, удивительно монолитная, иссеченная параллельными бороздами, с крутыми, почти отвесными склонами.

— Местная достопримечательность, памятник природы, — заметил Томах, — гора Айерс-Рок. Чуть левее — горы Маунт-Ольга.

Горы Маунт-Ольга представляли собой причудливую цепочку каменных горбов, также крутых и неприступных.

— Я нарочно решил показать тебе их издали, хотя мог бы назначить встречу прямо на полигоне. Выберем время, слетаем и посмотрим вблизи, с этими горами связано много красивых легенд.

Вскоре куттер пролетел над отлогими песчаными холмами с красными макушками скальных обнажений, над каким-то пересыхающим соленым озером, где в окружении белоснежных солончаков поблескивали досыхающие лужицы воды, за ними показалась металлически отсверкивающая полоса, совершенно не гармонирующая с пустынным миром. Тут же на панели курсографа запульсировал красный огонек.

— Я Пятый, — проговорил Станислав в микрофон. — Отдел безопасности, ключ «тысяча сто одиннадцать».

Огонек погас.

— Что это означает? — любопытствовал Филипп.

— Если бы я не знал пароля, нас бы уже посадили. Металлическая полоса, над которой мы пролетели, это радарно-защитная линия полигона.

Куттер пролетел над полосой, уходящей за горизонт в обе стороны, и снова потянулась рыхлая, с пятнами солончаков поверхность пустыни. Вскоре Филипп заметил впереди какие-то колеблющиеся в знойном мареве многокилометровые громады, похожие на плывущие по пустыне старинные дредноуты. Но чем ближе безопасники подлетали к полигону, тем больше он становился похожим на парк геометрических фигур. Здесь были и цилиндры с шипами, и диски с трубами, ряды ослепительно желтых призм, додекаэдров, икосаэдров, пирамид, куполов и башен. Подлетев ближе, Филипп узнал в цилиндрах спейсеры звездного флота, остальные гиганты, разбросанные среди песчаных барханов насколько хватало глаз, были ему незнакомы.

Куттер скользнул над широким рвом, в глубине которого мерцала какая-то жидкость, и опустился на круглую коричневую площадку причала, сделанную, очевидно, из расплавленного песка. Томах со звоном откинул блистер, стали слышны звуки полигона: звонки, гулы, свисты, бормотание громкоговорителей и шумные вздохи воздушной продувки шлюзов. На разных уровнях проносились потоки грузовых платформ, пинассов и магнитных поездов, мелькали незнакомые решетчатые шары с бушующим внутри желтым пламенем, падали с неба и уходили ввысь черные иглы с дымными хвостами, сустились роботы всевозможных форм и назначений, плавали на разных высотах диски гравикранов...

— Что? — усмехнулся Томах, понаблюдав за реакцией товарища. — Ни разу не был на полигоне?

— Не довелось, — пробормотал Филипп. — Что это за бруски?

Станислав проследил за его взглядом: неподалеку робот-погрузчик брал с платформы манипуляторами тяжелые черные параллелепипеды и погружал их в недра одной из призм.

— Это металлоорганты — пища для химреакторов. На каждом спейсере есть свой завод-репликатор и запас матриц, с помощью которых реакторы воспроизводят важнейшие детали и узлы недублированных систем и механизмов.

— А это что за зверь? — Филипп указал на одно из гороподобных страшилищ: широкий, с километр в основании, купол, соединенный с тремя конусами гигантскими фермами, на которые были нанизаны десятки колец и спиралей.

— Вульгарный ТФ-космолет, — сказал Томах со странной нежностью. — Это первенец ТФ-космоплавания крейсер «Илья Муромец».

— «Илья Муромец»? — удивился Филипп. — Но ведь ему уже больше полувека!

— А никто и не говорит, что он летает. Ходовые генераторы с него давно сняты, и теперь это тренажер для экипажей; памятника из него решили не делать из-за неэстетичной формы. Зато вот тот, справа, «Россия», спейсер первого класса, лидер нашего спасательного флота.

Филипп прошелся взглядом по колоссальному диску «России», загородившему треть небосклона, и подумал, что современные космолеты ничем не напоминают стреловидные ракетные корабли начала звездоплавания. К тому же надо обладать безудержной фантазией, чтобы верить в то, что эти гиганты способны летать вообще.

Вдруг над пустыней пронесся короткий вой. Потом еще и еще с секундным интервалом взвыла сирена.

— О! — оживился Томах. — Тебе повезло, объявлен старт «Тиртханкара». Ты, наверное, еще не видел старта спейсера издали, да еще с Земли?

Станислав поискал глазами возвышение и быстро направился к решетчатой толстой башне, на вершине которой вращался плоский зеркальный квадрат.

— За мной, не отставай.

По трехмаршевой лестнице они влезли на площадку башни, под квадрат, поверхность полигона легла перед ними на десятки километров желто-оранжевой барханной скатертью с рельефным узором сооружений и машин.

Километрах в семи от них, на северо-западе, над широким черным конусом спейсера «Тиртханкар» горели вертикальные алые огни — предстартовое предупреждение. Снова раздался вой сирены, оборвался, словно ей заткнули глотку, и одновременно с этим конус спейсера вдруг посветлел, налился золотым сиянием и медленно поднялся в воздух, оставляя за кормой клочья и струи сияния, будто с него сползала позолота. Громкое ядовитое шипение перекрыло все звуки полигона, от него заломило зубы, как от холодной воды...

Потом тяжкий удар потряс воздух, поднимающийся спейсер вдруг превратился в копье света, вонзившееся в зенит, а когда люди открыли ослепленные глаза, звездолета уже не было над полигоном. Деловитые летающие гномики — роботы технической службы полигона — кинулись к дымящемуся пятну на месте старта и залили его белой пеномассой.

— Все, — сказал Томах и полез вниз.

— Я ожидал большего, — проворчал разочарованный Филипп.

— Наоборот, слишком много шума и огня. Было бы хорошо, если бы старты проходили бесшумно и незаметно. Грохот и огонь говорят лишь о несовершенстве техники, ясно? Мысль далеко не новая, но абсолютно правильная.

Станислав миновал громадное белое кольцо орбитального лифта, над которым светился толстый столб воздуха, безгравитационный туннель лифта, и направился в обход глубокой воронки, обрамленной множеством колец, вложенных друг в друга. Оглянувшись на Филиппа, нырнул в темное отверстие люка в наклонной стене какого-то здания.

Филипп последовал за ним, гадая, зачем на полигоне установили эмиттер ТФ-генератора, да еще таких размеров.

В овальных коридорах строения сновали молчаливые люди в рабочих комбинезонах, от двери к двери ползали неуклюжие с виду «черепашки» киберслужбы, на которых никто не обращал внимания; по потолку неслись, обгоняя друг друга, какие-то надписи; волнами накатывался многоголосый шум и спадал до шепота.

Догнав Томаха в слабо освещенном коридоре, Филипп спросил:

— Слава, зачем рядом с лифтом установили ТФР?

— Для наглядности, — с иронией ответил Станислав. — Откуда ты знаешь, что это ТФ-разрядник?

— Какой бы я был конструктор ТФ-аппаратуры, если бы не знал, как выглядит ТФ-эмиттер с плавающим фокусом и меняющейся геометрией разряда. Только размеры его несколько необычны...

— Этот эмиттер, по мысли тех, кто его устанавливал, предназначен для защиты полигона. Монтировался он очень давно, в настоящее время заблокирован, но... демонтировать его никто не решается. Вдруг наш неизвестный Наблюдатель вздумает напасть на Землю?

Филипп споткнулся.

— Ты серьезно? Зачем ему это?

— Может быть, для того чтобы понаблюдать за нашей реакцией. А вообще ерунда, конечно, я неудачно пошутил.

Они миновали перекресток, коридоры, казалось, уходили в бесконечность, пустые и гулкие — в этой части подземного строения людей встречалось мало. Вдруг наткнулись на сидящего прямо на полу человека в расстегнутом комбинезоне. Томах замедлил шаг, но почему-то прошел мимо. Филипп остановился. Поза незнакомца показалась ему неестественной, словно человек согнулся от боли. Филипп собрался предложить ему помощь и тут только заметил, что человек спит. Лицо у него было невероятно усталое, измученное и в то же время спокойное, словно он спал дома, в кровати.

Филипп, оглядываясь, догнал Томаха.

— Что это он здесь уснул? — шепотом спросил он.

— Разве не видно, устал. Очевидно, попалась трудная смена.

Станислав свернул налево и с размаху вошел в дверь со светящимся предупреждающим транспарантом: «Не входить! ПОД-42».

Комната была невелика: куб со стороной метра три. Из одной стены вырастал странной формы пульт, остальные стены представляли собой нечто вроде туманных драпировок. Возле пульта стояли четыре кресла, в одном из них, откинувшись, сидел коричневолицый мужчина с эмканом на голове. На вошедших он не обратил никакого внимания.

— Садись, — вполголоса сказал Томах, указывая на кресло, и сел рядом. — Ты представляешь, где мы находимся?

Филипп покосился на темнолицего. Тот не двигался и не открывал глаз. Интересно, чем можно заниматься с эмканом технуправления на голове?..

— Не представляю.

— ПОД — пост оперативного дежурства спасательной службы. СПАС еще не забыл? Так вот посты ПОД мало чем отличаются от станций приема аварийных сигналов, только назначение их разное.

Станислав достал шлем, напоминающий эмкан конструкторского комбайна, а также шлем хоккеиста, протянул Филиппу.

— Надевай и подгоняй.

Конструктор приладил шлем на голове, поправил круглые диски аудиофонов на ушах. Тишина стала абсолютной, не было слышно даже собственного голоса, только ток крови в голове.

Томах что-то сказал, надевая такой же шлем.

— Сядь удобней, — понял Филипп по движению губ. Он последовал совету, и тут ему показалось, что он провалился в какой-то глубокий, бесконечно глубокий колодец, наполненный звенящим гулом, тоненькими свистами, шипением и шорохами. От неожиданности ухватился за подлокотники кресла, потом понял — включилось псизвуковое сопровождение — и разжал кулаки. Подобное ощущение он уже испытал на СПАС-семе.

В комнате стало темно, исчезли куда-то стены. Филиппу стало казаться, что у него

выросли десятки голов и рук, протянувшихся в пространство на многие миллионы километров. Он оказался одновременно в десятке мест, в башенке поста над полигоном, у пульта вычислителя, у экранов какой-то видеосистемы, на Луне, под землей, в пространстве... Связи множились, превращались в многосложную систему, он уже не успевал реагировать на рост «новых рук и глаз», тело стремительно распухало, усложнялось, делилось, пока не заполнило собой весь космос!..

Потом в ушах отразилась мгновенная очередь точек и тире, повторилась сотни и тысячи раз в сотнях и тысячах голов Филиппа и сама собой распалась на слова: «Внимание! Проверка положения. В Системе все спокойно».

И снова потекло пространство сквозь пальцы, запульсировали в голове шумы излучений, тихие голоса неведомых дежурных, и Филипп понял — он сейчас «видит» изнутри часть системы мгновенной ТФ-связи УАСС, соединяющей дежурные посты на важнейших промышленных объектах Земли и ее ближайшего планетарного окружения. Благодаря этой системе предупреждались сотни больших и малых катастроф, аварий и стихийных бедствий — на тех планетах, где еще не работала глобальная служба изменения погоды. Благодаря этой системе двадцать миллиардов человек, составляющих земную цивилизацию, могли работать и творить без оглядки на собственные ошибки, потому что УАСС обязана была рассчитывать последствия всех рискованных шагов человечества и всегда успевать! Для аварийно-спасательной службы не существовало законов инерции — ни физических, ни моральных, ибо она отвечала за жизнь людей, за каждого из них и за все человечество в целом...

Прошло какое-то время, прежде чем Филипп освоился со своим положением. К его удивлению, оказалось, что по желанию он мог почти полностью переключать внимание на какой-то объект и следить за работой персонала УАСС на любой из баз или полигонов и космодромов. Однако, как только он попытался «зафиксировать» себя над полигоном Австралии, послышался бестелесный голос:

— Я Сорок третий, до конца смены два часа. Кто вызывает?

Филипп не успел понять, в чем дело, Станислав стремительно переключил что-то на пульте и снял шлем. Филипп внезапно «оглох» и, недоумевая, стащил свой.

— Мыслесвязь, — пояснил Станислав. — Через ТФ-передатчики и обычный свет — и радиоконтроль. Ты пытался «влезть» на чужой канал, и дежурный тут же заметил постороннего.

— А как же другие дежурные? Не мешают друг другу?

— У каждого свой позывной и своя область ожидания.

— Но зачем они постоянно соединены между собой? Не проще ли каждому иметь выход на свою базу, как на СПАСе?

— Дело в масштабах работы. СПАСы — периферийная ветвь системы, они как бы «подметают» пространство, подбирают остатки невыловленных аварийных сигналов и призывов о помощи. Есть еще сеть автоматических станций — третий пояс УАСС. ПОД — ось всей деятельности аварийно-спасательной службы. Допустим, где-то произошла авария, которую надо устранить в течение нескольких минут, причем сначала надо решить задачу — как! Одному человеку это иногда не под силу, несмотря на колоссальные возможности интеллектроники и вычислительной автоматики; сам знаешь, головы у всех разные, уровень знаний и реакции тоже. Вот тут-то и приходят на помощь ближайшие дежурные, причем не надо тратить времени на переключения, вызовы соседей и объяснения ситуации — решение приходит мгновенно. Понятно?

— А если помощь приходит не от одного дежурного, а от нескольких? Надо же выбрать наиболее оптимальное решение...

— Бывает и так, но тогда уже выручает техника: подключенный кибер-комплекс, проанализировав предложенные решения, передаст дежурному оптимальное.

— Понял. — Филипп с уважением посмотрел на соседа с эмканом. — Он тоже дежурит?

— Тот самый «сорок третий», который почувствовал твое мысленное присутствие. Я вижу, у тебя на языке вертится вопрос: зачем я тебя сюда приволок? А затем, что до января ты будешь дежурить на полигоне, на этом посту. Керри хочет проверить тебя на дисциплину мысли и на скорость и результативность мышления. Не возражаешь?

— А если бы и возражал?

Станислав рассмеялся и встал.

— Тоже верно, ничего не изменилось бы. Пошли, покажу полигон изнутри и представлю главному диспетчеру, у меня еще час в запасе. Посмотришь «Россию», мы готовим ее к походу, в котором, кстати, примешь участие и ты.

— В качестве эксперта? — рассеянно пошутил Филипп, приглаживая волосы. Однако Станислава своим спокойствием не обманул.

— Волнуешься? Правильно делаешь. Пойдем мы далеко, к разведчикам и пограничникам, в те области космоса, которые еще недоступны освоителям. Честно говоря, я тоже волнуюсь, потому что надеюсь встретить нашего Наблюдателя, того, кто потихоньку подсовывает нам то «зеркальные перевертыши», то странные «звезды», то ворует грузы, чтобы тут же их возвратить... Старт двадцать четвертого февраля, если за это время ничего не случится.

Они вошли в коридор, прорубленный в толще гранитного массива под пустыней Гибсона, и световая завеса прикрыла за ними вход в пост оперативного дежурства.

Зал был светел и гулок. В одном из его секторов упражнялись девушки-волейболистки, и оттуда часто доносился смех и звонкие возгласы. В секторе физического совершенствования тренировались борцы тайбо.

Томах заметил наблюдавшего за ними Керри Йоса, прекратил схватку, показав сопернику ладонь, и вышел на балюстраду, опоясывающую зал по периметру.

— Пришел позаниматься? Показать класс молокососам?

Керри усмехнулся.

— Годы не те, да и растренирован я изрядно. Кстати, не вижу Филиппа. Обычно на тренировках вы неразлучны. Где он?

— В Институте ТФ-связи, разрабатывает с Травицким систему мысленного управления тайм-фагом.

Керри нахмурился.

— Не перегружен ли он? Бывает так, что человек вроде бы успевает делать многое, не чувствуя усталости, а в один ответственный момент срывается. Для спасателя же, а тем более безопасника этот срыв подчас равнозначен гибели.

— Знаю, — пробормотал Станислав. — Но, по-моему, Филипп в прекрасной форме, а работа в лаборатории для него своего рода допинг, без которого он начинает хандрить.

— А волейбол? Не скучает?

— Скучает, конечно, но, когда удастся, продолжает тренироваться в залах управления. Для молодых спасателей и стажеров он кумир в волейболе. Первое время его тренер Ребров нам проходу не давал, мол, он гений волейбола, прирожденный спортсмен-волейболист, не ломаете ли вы ему жизнь, и так далее. Я даже засомневался, может, я был не прав, перевернув вертикаль его жизни? Однако Филипп уже решил все сам, причем так твердо, как я от него не ожидал. Я присутствовал при его разговоре с Ребровым, по-моему, тот его тоже понял, хотя и не без сожаления.

— Значит, тренироваться — тренируется, а за сборную Земли уже не играет?

— Пока играет, но все реже и реже. Да и времени свободного почти не остается. Школа требует творческого подхода не меньше, чем конструкторская работа и спорт.

— Убедил. Что он уже прошел?

— Первую ступень йога-тренинга: власть над болевыми ощущениями, ускоренная регенерация кожи, психомассаж. Физически он одарен, пожалуй, лучше, чем мы в молодости, и постоянные тренировки вывели его в оперативники высокого класса. Реакция у

него исключительная, координация феноменальная...

Керри Йос снова нахмурился.

— Не слишком ли много хвалебных эпитетов? Как правило, феномены и супермены в службе не удерживаются.

Томах прищурил один глаз.

— Задело? Между прочим, я вовсе не преувеличиваю его способностей. Вот пример: до школы он никогда не занимался тайбо, а на второй тренировке едва не «связал» меня в трехминутке! А ведь у меня оранжевый пояс!

— Оранжевый — не черный, мало тренируешься. — Начальник отдела стал разглядывать пары борцов.

Из игровой зоны зала донесся взрыв криков, мяч от рук волейболисток пролетел весь зал и подкатился под смотровую галерею в том месте, где сидели Томах и Йос.

Станислав вдруг подмигнул начальнику отдела и в том положении, в каком сидел, одним прыжком перемахнул балюстраду, упал с высоты трех метров на пол зала — мягко, беззвучно, сгруппировавшись в полете, и безошибочно подкатился к мячу, тут же вскочил и подал его оторопевшей девушке.

Керри Йос сошел вниз, буркнул:

— Любишь дешевые эффекты... Твое мнение: где можно использовать Ромашина?

Томах поморщился.

— Использовать?

— Прости. — Керри дернул щекой. — Застарелый жаргон политической разведки. Нет-нет да и ляжет на язык. Наверное, слишком много читаю исторических хроник. Так что, дадим ему группу?

— Чуть позже. Я хочу, чтобы он поработал сначала в группе Панченко рядовым исполнителем.

— У Панченко, в «Аиде»?

— А что? Для общего развития. С дежурством в системе ПОД он справился хорошо, работа в «Аиде» будет его последней проверкой перед экспедицией.

— Что ж, не возражаю. Но я не хотел бы, чтобы в группе Панченко получилось то же, что и на СПАС-семь во время катастрофы на космотроне. Парни там лихие.

— А я на что? Первые два-три дежурства я побуду с ним в смене, а потом он освоится, тоже не из робких.

Йос кивнул и пошел к выходу.

— Ты только за этим и приходил? — спросил вслед Томах.

Керри остановился и бросил через плечо:

— Никиту пока не ищи. На Шемали снова появились «зеркала», и он ушел туда с дежурной группой. Ты со своими головорезами в резерве.

— Так-так! — пробормотал Томах, глядя мимо подошедшего тренера.

— Зачем Керри пожаловал? — спросил тот.

— Предупредить, что я в резерве, — ответил Станислав.

— По делу Наблюдателя?

Томах очнулся, покрутил головой.

— До чего осведомленные люди кругом — жуть берет! Ты-то откуда знаешь о Наблюдателе?

— Слухом земля полнится, — я, что ли, не работаю в управлении? Кстати, где Никита? Пропускает третью тренировку подряд.

— Он в поиске, вернется не раньше чем через две недели.

— «Зеркала»?

Станислав засмеялся, тренер тоже.

— Ты не из свиты Наблюдателя часом? Ну пока, с меня на сегодня довольно.

Они разошлись.

Стоя под душем, Томах думал о том, что обнаружит Богданов на Шемали...

Глава 9

ПРЫЖОК «ИСКАТЕЛЯ»

Перед ним лежали две раскрытые папки с какими-то документами и желто-коричневый диск кристаллокартотеки. Папкам было, вероятно, лет сто, если не больше. Богданов заметил блестящие, залитые консервирующим составом листы бумаги и какие-то старые фотографии.

— Ты доволен?

— Начинать надо с экспедиции «Парящего орла», — сказал он. — Первыми о «зеркала» сообщили они.

Керри кивнул, по-прежнему не отрывая взгляда от бумаг.

— «Парящий орел» ушел к гамме Дракона.

— Звезда Этамин, спектральный класс K5, сто пятьдесят световых лет. Они открыли богатую планетную систему, а на второй планете, близкой по параметрам к Венере, жизнь.

Керри задумчиво склонил голову набок.

— Согласен, первый бросок сделаете к Дракону. Правда, пришлось надавить на Земплан через Совет, возникли некоторые проблемы.

— Какие же?

— Энергетические в первую голову. Уже сейчас мы висим на балансе: полеты разведчиков к новым звездам так энергетически дороги, что ВКС вынужден маневрировать за счет сокращения внутрисистемных потребностей. Прибавь к разведчикам наши рейды. А в Системе еще столько нерешенных проблем...

— Ну, эти разговоры я слышал не раз. К чему нам космическая экспансия, когда мы погрязли в заботах о планетах Системы?.. Давайте решим внутренние задачи, а потом подумаем о звездах...

Богданов встретил иронический взгляд начальника отдела.

— Примерно так. Если бы не экспортировали в космос эти свои нерешенные внутренние задачи... а то получается: еще на Земле не уничтожены полностью следы эпохи капитализма, а они уже появляются в десятках световых лет от нее! — Керри грустно улыбнулся. — Экспорт равнодушия.

— Что?

— Экспорт равнодушия — по терминологии Станислава. Ты же знаком с его теорией.

Богданов сделал неопределенный жест.

— По-моему, можно уже считать доказанным, что появление Наблюдателя — следствие этого самого экспорта. Станислав, к сожалению, прав.

Они встретились глазами, помолчали. Потом Никита тихо сказал:

— Итак?

— За тобой руководство экспедицией. Если все обстоит так, как предполагаю я, благодушный Керри Йос, то бояться Наблюдателя не следует, просто, руководствуясь советом Морозова, надо всерьез задуматься о космоэтике.

— Когда старт?

— Начало февраля. Давай пройдемся по составу и комплектровке, только сначала вызовем Бруно.

Йос тронул сенсор селектора и приказал вызвать к себе эксперта технического сектора Бруно Осинниго.

— Кстати, — вспомнил Богданов, — а каким образом стало известно, что экспедиция «Парящего орла» встретила «зеркала»? Как правило, разведчики не посылают ТФ-сообщения о проделанной работе из-за ограниченных энергетических ресурсов.

— Знаю, но «Орел» все же послал сообщение спустя три месяца после старта от промежуточной базы «Дракон-2».

— Значит, у них случилось что-то серьезное.

— Судя по сообщению, — хмуро сказал Керри, — жизнь на открытой ими планете не

слишком гостеприимна к пришельцам.

— Существенное дополнение. И «зеркала» они, конечно, заметили не сразу...

Начальник отдела внимательно посмотрел на Богданова.

— Договаривай.

— «Зеркала» появляются лишь в том случае, когда люди в чужих мирах начинают вмешиваться в события в планетарном масштабе. Уже на Шемали можно было убедиться в этом.

— Не знаю. — Керри Йос задумался. — А тебе не становится страшно от таких предположений? Ты понимаешь? Над нами кто-то установил контроль!

Богданов неожиданно рассмеялся.

— Страшно? Нет. До контроля еще очень далеко. Контроль предполагает такое развитие событий, причина которых должна быть скрыта от контролируемого объекта, а в нашем случае все наоборот, Наблюдатель открылся нам намеренно. Другое дело — разгадать его намерения, вот что заставляет напрягать ум и силы. Но я верю, что высший разум не менее гуманен, чем наш. Наблюдателя я не боюсь, он просто напоминает нам один старинный спор; в двадцатом веке, когда прошла волна модных дискуссий, — что могут дать человечеству звезды, если ему всего хватает на Земле? По-моему, дискутировать надо было совсем по другому поводу — не что могут дать нам звезды, а что мы им принесем!

Керри Йос молча разглядывал заместителя...

Спейсер погранслужбы первого класса «Искатель» стартовал с австралийской базы второго февраля две тысячи двести восемьдесят первого года. Первый его прыжок длиной в десять парсеков к промежуточной базе разведфлота «Дракон-2» был облегчен стационарным каналом метро — точно так же пересекают расстояние грузы для человеческих поселений в разные концы обитаемой зоны космоса. Дальше в глубину созвездия спейсер направлялся своим ходом.

«Искатель» был полностью специализированным и до предела автоматизированным кораблем пограничной службы. По энерговооруженности он уступал только флагману СПАС-флота «Россия» и мог справиться с любым планетарным катаклизмом типа извержения вулкана, землетрясения или цунами. Экипаж «Искателя» состоял всего из пяти человек: шкипера, двух инженеров бортовых систем и двух инженеров-пилотов. Группа безопасников и пограничников в двенадцать человек, среди которых находился и Филипп Ромашин, разместились в шести каютах пассажирского отсека, способного при необходимости уместить до ста пятидесяти человек. Но в данном случае спейсер не собирался исполнять функции спасательного парома или пограничного рейдера, задача перед ним стояла посложней, поэтому и экспедиция была экипирована гораздо серьезней, в расчете на появление всякого рода неожиданностей, вплоть до вооруженного столкновения с Наблюдателем (разрабатывался и такой вариант). То, что вместо «России» в экспедицию ушел «Искатель», объяснялось сложившимися обстоятельствами, среди которых была срочная эвакуация персонала двух энергоконсервных заводов на Меркурии: за три дня до старта к звездам «Россия» ушла туда по тревоге.

Руководство экспедицией осуществлял Богданов, получивший карт-бланш официала УАСС, то есть в случае необходимости имевший самые высокие полномочия.

Филипп, несмотря на некоторый опыт работы в управлении, поначалу чувствовал себя неуютно среди профессионалов-безопасников, но уже на второй день полета вполне освоился со своим положением, хотя и не принимал участия в дискуссиях, которые обычно завязывал Станислав.

Однажды после ужина Томах снова начал разговор о предназначении разума вообще и человека в частности. Богданов в спорах не участвовал, как и Филипп, и они вдвоем с интересом следили за развитием событий, переглядываясь и вполне понимая друг друга.

«Искатель» уже покинул базу «Дракон-2» и готовился к самостоятельному рейду, поэтому в кают-компании никого из членов экипажа не было, все уютное звездобразное

помещение было отдано пассажирам.

— Разум вообще — явление довольно ординарное, — сказал активный участник всех бесед Януш Микульский. Невысокий, сдержанный поляк по образованию был лингвистом, выделяться не любил, но по каждому вопросу имел свое мнение, которое и отстаивал умело и аргументированно, невольно вызывая уважение оппонентов. — Давно прошли времена, когда хомо сапиенс считался великим исключением как носитель разума. По-моему, ответ на вопрос: «Зачем природе разум?» — кроется в теории гибкого реагирования.

— Не совсем так, — проговорил врач экспедиции Борис Лихолетов, единственный незагорелый среди коричневых от загара ребят; главной его чертой была аккуратность, а еще он был чрезвычайно вежлив, что особенно замечалось в среде иногда грубоватых и резких на слово спасателей.

— Теория гибкого реагирования годится только для термина «жизнь». Ваш вопрос, Слава, уместно было бы сформулировать так: «Зачем природа создала разум?»

— Не знаю, — сказал Томах. — Жизнь попросту одно из проявлений заурядного в космосе процесса гомеостатической организации. Кстати, мне кажется, в применении теории гибкого реагирования к заданному мной вопросу есть рациональное зерно.

— Конечно, — кивнул Микульский. — Разум — гомеостатический регулятор второй степени, способный противостоять возмущениям среды посредством действий, опирающихся на исторически приобретенный опыт. Это определение из учебника. Вот и ответ на ваш вопрос: разум лучше противостоит ударам среды.

Томах подумал и признался:

— Меня этот ответ не удовлетворяет. Борис прав, вероятно, я несколько туманно сформулировал вопрос. Надо было спросить, а зачем природе жизнь вообще. Ну и разум тоже, но только после того, как выясним первую часть вопроса. Ведь природа в широком смысле слова — это не та оболочка существования человека, под которой мы обычно подразумеваем природу: леса, реки, моря, воздух и так далее. Природа — это в основном космос: вакуум, излучение, галактики, звезды, планеты, квазары, черные дыры, газ и пыль, то есть — мертвая материя! Исходя из этого, зачем мертвой материи, хотя и живет она по-своему, во времени, энтропийно, живая материя? Жизнь?

— Жизнь — основа разума, — пробормотал флегматично-унылый Бруно Осинниго. — Януш тут уже предлагал определение разума, что еще нужно? Это же естественно, что разум более гибко реагирует на изменение условий существования, причем уже в начальной стадии развития.

— Смотря какие изменения, — возразил Лихолетов. — К примеру, справился бы хомо габилис²³ с ледниками, пройди они по всем материкам Земли?

— Не справился бы. С ними не справились бы, наверное, и наши предки в двадцатом веке, вплоть до ассимиляции системы капиталистически-социалистических государств.

— Правильно! — поднял палец вверх Томах. — Что ж, выходит, разум не сразу выступает на арену деятельности природы? Значит, мы, люди, да и другие разумные существа нужны природе не сейчас, а позднее? Когда?

— Теперь понятно, к чему ты клонишь, — заметил молчавший до сих пор Романенко, эксперт технического сектора. — Ты хочешь сказать, что разум нужен природе тогда, когда по мощи, по крайней мере, сравняется с мертвой материей? Когда же это произойдет? Чтобы завоевать Вселенную, нужна вечность.

— Вечность... — поморщился Станислав. — И это речь инженера.

— Ответ пессимиста, — сказал Микульский. — Уже через двадцать лет мы овладеем энергией Солнца, ну, хотя бы близко подойдем к этому пределу. Еще через пару сотен лет — энергией всего Рукава Ориона. Через каких-то полтысячи лет вся Галактика будет у наших ног!

²³ Хомо габилис — человек умелый (лат.).

— А дальше?

— А дальше весь Космос! А он-то как раз и не вечен, и не бесконечен.

— Пока мы будем овладевать галактиками, Вселенная начнет сжиматься, и в конце концов все наши честолюбивые помыслы упрутся в черную дыру сингулярности!

— Наконец-то! — сказал Томах с удовлетворением. — Вот потому-то природе и понадобился разум, ибо только с его помощью она может предотвратить свой конец в черной дыре Биг Хоул! После цикла красного смещения наступит цикл фиолетового, Вселенная начнет сжиматься, тут и выйдет на арену Разум, чтобы спасти себя, а тем самым и Вселенную! Ту, что станет нашим домом.

В кают-компании наступила тишина. Спорщики сдержанно переваривали гипотезу Томаха, высказанную им в полушутливой форме, популярно. И хотя все понимали, что в гипотезе этой почти нет науки и она, скорее, любопытный мысленный эксперимент, безопасников она заинтересовала.

— Но есть мнение ученых, что срок существования цивилизации — всего лишь несколько десятков тысяч лет, — сообщил Микульский. — У нас же до «конца света» после фиолетового смещения — десятки миллиардов! Где же тут цель Разума как главной защитной силы Вселенной? К тому времени во всем мире останется только «мертвая материя» — электронно-нейтринный газ.

— Миллиарды, — согласился Станислав. — Но кто может с уверенностью сказать (не зная, нет, зная и даже прогнозировать так далеко в будущее невозможно), что для той великой цели мы не должны развиваться непрерывно миллиарды лет? Или, с другой стороны, что, если мы, люди, — тупиковая ветвь Разума, возникшая слишком рано, но возникшая как одна из бесчисленных попыток природы создать именно тот тип Разума, который способен достичь цели — сохранить Вселенную такой, какая она есть?

Снова молчание. Потом голос Романенко:

— Со всем согласен, кроме одного: что я тупиковая ветвь!

В кают-компании вспыхнул смех.

Потом вдруг ожил динамик общих команд под потолком кают-компаний, пискнул, глубокомысленно прокашлялся и продекламировал:

— «Поскольку Ничто не есть Нечто, все, что не Нечто, есть Ничто; а тот факт, что Нечто не есть Ничто, является чрезвычайно веским доводом в пользу Ничто, особенно для людей, искушенных в житейских делах».²⁴

Видимо, в рубке прислушивались к разговору в кают-компаниях, и теперь кто-то из экипажа высказывал свое мнение по этому вопросу.

Смех вспыхнул с новой силой.

— Интересно, зачем тебе понадобилось затевать дискуссию о миссии Разума? — спросил Богданов Томаха, когда они шли по коридору к каютам пассажиров. Филипп шел сзади, у него вертелся на языке тот же вопрос.

— Во-первых, потому что он меня интересует, — лукаво усмехнулся Станислав. — А во-вторых, проблема «миссии Разума», как ты назвал, тесно смыкается с нашей проблемой Наблюдателя.

— Это каким же образом?

— А таким, что единственное, ради чего стоило бы сохранить Вселенную любой ценой, — ее красота и гармония! От атома до пейзажей, радующих нас, людей, и до невиданных еще красот, которыми любят другие разумные существа, опередившие нас в развитии.

— Наблюдатель?

— И он тоже. Мы же, к сожалению, часто выносим в космос пагубный опыт земной практики хищников! Вот и приходится Наблюдателю вмешиваться.

²⁴ Г. Фильдинг.

— Сильно! Долго думал?

— Иронизируешь, несчастный? — рассердился Станислав. — Думал я долго, да и фактов у нас немало. Кстати, я развил свою гипотезу о «галактической службе УАСС». Судя по всему, Наблюдатель то же самое, что и погрансектор, а может быть, и еще хуже — выполняет функции нашего отдела безопасности, только в галактическом масштабе. Годится? Уверен, что факт исчезновения грузов — это предупреждение не применять технику, способную глобально изменить облик и климат тех планет.

Богданов замедлил шаг.

— Меня убеждать не надо, я давно это понял. Но почему «зеркала» появились у разведчиков? Они-то не полномочны применять подобную технику, да и нет ее у них.

— Прилетим на место, разберемся.

Никита вздохнул.

— Твоими бы устами да мед пить. Договорим после финиша, спокойного старта.

Он скрылся за дверью каюты, куда уже вошел Бруно.

Томах шагнул в соседнюю дверь, остановился на пороге, Филипп попробовал сдвинуть его с места, и они с минуту молча боролись, пока Филиппу не удалось двумя рывками нарушить равновесие друга.

— Старею, — грустно сказал Станислав, поднимаясь с ковра на полу каюты. — А?

— Много болтаешь, — в тон ему ответил Филипп. — Вся энергия уходит на разговоры.

Томах включил автоматику каюты и вырастил из стены кровать, сел, глядя в пол перед собой.

— Ты знаешь, что Никита перед нашим полетом был на Шемали?

— Слышал краем уха, но подробностей не знаю, вы же все засекретили.

— Так вот, «зеркала» появились там сразу же после того, как мы послали туда грузы с Таймыра.

— После проверочных посылов?

— Да. Снова послали технику терраформистов для планетарной реконструкции. Похоже, мы правы, и наш Наблюдатель не хочет, чтобы люди слишком активно перекраивали космос по своим меркам.

Филипп сел на свою кровать.

— Но если так, то, следовательно, мы не должны разрабатывать Шемали.

Томах кивнул.

— Никита предложил начальству выйти с этим предложением в ВКС, то есть прекратить терраформистскую работу на Шемали, Истории и на планетах Суинберна.

— Ну и?..

— И Генри Бассард нас не поддержал.

— Чем он мотивировал отказ?

— По словам Никиты, — Томах слегка поморщился, — Бассард говорил о том, будто Шемали и Суинберн — редкие жемчужины среди сотен других планет, имеющие не просто атмосферу и жизнь, а земноподобные атмосферу и жизнь, причем жизнь создана там природой на белково-органической основе. Словно специально для людей. Разве можно упускать такой случай и не присоединить к земным владениям еще несколько? Это основные аргументы Бассарда.

— Но он прав.

— Конечно, прав. Только как подумаешь, что не всегда мы хозяева в космосе, а иногда хозяйчики, заботящиеся лишь о временных благах, не желающие думать о последствиях... — Он остановился.

Филипп молча смотрел на него.

— Что, повторяюсь? Потому что не равнодушен к тому, как оценит нас, человечество в целом, тот же Наблюдатель.

— Знаешь, Слава, — тихо сказал Филипп, — может, вовсе и нет никакого Наблюдателя? А все эти «зеркальные перевертыши», «звезды», случаи с грузами — просто

проявления какой-то глобальной, всегалактической совести Природы? Так сказать, обратная связь между будущими исканиями человечества и сегодняшними надеждами?

Томах скептически хмыкнул, оперся спиной о стену.

— Всегалактическая совесть Природы? Но при чем тут тогда мы, люди?

— При том, что Природа — это мы, а мы прежде всего — Природа.

— Фраза.

— Истина.

Станислав засмеялся.

— Сдаюсь, философ! Что ж, может, ты и прав в какой-то мере, но все же Наблюдатель реален и материален, а все перечисленные тобой факты скорее всего не что иное, как призыв к нашей, человеческой совести, следствие, а не причина событий.

— Внимание! — раздался из стены тихий вежливый голос. — Просим пассажиров лечь и заблокироваться по формуле штатного старта. Старт — в десять ноль-ноль по зависимому времени.

— У нас всего двадцать минут на подготовку, — спохватился Томах. — Надевай компенсатор и ложись. Штатный режим довольно приятен, если к нему подготовиться.

Они быстро принялись укладываться согласно строгой формуле нормального ТФ-старта: пассажиры космолета должны были превратить кровати в защитные камеры, принять горизонтальное положение и погрузиться в сон.

— Кстати, — сказал Томах, придерживая рукой крышку своей камеры-кровати. — Ты слышал, что готовится первый межгалактический полет к Магеллановым Облакам? Не хочешь попасть в состав экспедиции? Могу посодействовать.

— Странно.

— Что странно? Боишься, что хочу от тебя избавиться?

— Нет, в конце двадцать третьего века — первый полет за пределы Галактики. Почему так поздно? Разве ТФ-кораблям это было не под силу хотя бы полвека назад?

— Все не так просто, как ты думаешь. К твоему сведению, полеты ТФ-кораблей на дальность свыше тысячи парсеков требуют на порядок больше энергозатрат, чем мы себе можем позволить. А до Большого Магелланова Облака, между прочим, тридцать три тысячи световых лет! Или десять тысяч парсеков! Уразумел разницу?

— Но если полеты на такое расстояние слишком дороги, что же заставило готовить экспедицию в Облако?

— Астрономы открыли там совершенно уникальное явление — мост между белой и черной дырами. Что ты меня сбиваешь с толку? — внезапно рассердился Станислав. — Не хочешь участвовать в экспедиции, так и скажи.

— Я подумаю. — Филипп засмеялся и захлопнул над собой прозрачную крышку камеры.

До того как заснуть запеленутым в кокон защитного поля, он увидел, как ожил виом на стене, в каюту заглянул один из пилотов корабля, что-то весело сказал товарищам рядом, и на его месте вспыхнула исполинская звездная река Млечного Пути...

«Искатель» вышел из ТФ-канала в двух астрономических единицах от Этамина, гаммы Дракона. Определившись в пространстве и запеленговав маяк «Парящего орла», он начал разгон с помощью планетарных двигателей, направляясь к маленькой оранжевой звездочке, почти не выделявшейся на звездном фоне с расстояния в триста миллионов километров.

Через пять часов он подходил ко второй планете Этамина, еще не имевшей названия в каталогах земного астрономического центра, стараясь уравнивать скорость с неторопливо плывущим по орбите «Парящим орлом».

— Не так уж и далеко они забрались, — сказал Филипп, глядя на приближавшуюся «каплю» разведкосмолета, отражавшую густой оранжевый свет звезды. — Всего-то около пятидесяти парсеков. До Шемали и то дальше.

— Есть неисследованные звездные системы еще ближе к Солнцу, — произнес

Богданов; они в составе группы десанта, уже одетые по-походному в компенсационные костюмы спасателей, стояли в кают-компании у главного виома. — В пределах ста парсеков вокруг Солнца находится около шести тысяч звезд! А мы добрались лишь до четырех десятков!

— Почему же разведчики так непоследовательны? Еще не исследованы ближайшие звездные окрестности, а мы прокладываем дороги за сотни парсеков!

— Это, брат, решает Даль-разведка, — сказал своим роскошным, рокошущим басом Романенко, похожий на былинного богатыря в доспехах.

— Вернее, центр координации Даль-разведки, — уточнил Томах. — Разведчики в первую очередь работают с наиболее интересными с точки зрения астрофизики объектами. Экспедиции до недавнего времени укомплектовывались в основном астрономами и физиками.

— А теперь?

— Ну, сейчас на первом месте ксенобиология, все-таки уникальность жизни во Вселенной, особенно разумной жизни, заставляет нас пристальнее присматриваться к любым ее проявлениям. Теперь экспедиции чуть ли не на две трети — сотрудники Института внеземных культур и планетографы.

В полусотне километров от внешне безмолвного «Парящего орла» спейсер пограничников затормозился окончательно. С торца инженерно-технического диска, выдвинутого из его недр, протянулся к кораблю разведчиков тонкий и прямой, как копье, полупрозрачный рукав — безынерционный лифт. В корпусе «Парящего орла» разгорелась и мигнула три раза зеленая звездочка.

— Лихая стыковка! — подал голос Микульский.

— Автоматика, — пожал плечами врач. — Чему тут удивляться?

Но он был не прав: в звездном флоте не было ни одного уважающего себя пилота, который не делал бы стыковку лифта да и вообще все операции поворота и сближения в космосе вручную. Считалось особым шиком, проявлением мастерства экстра-класса состыковаться со встречным кораблем на дальности не ближе двадцати километров с первого раза, что и продемонстрировали пилоты «Искателя».

В кают-компании зажегся на стенках и потолке сигнал: «Выход разрешаю». Богданов поднял руку вверх и первым покинул зал.

Устройство катапульты лифта было уже знакомо Филиппу: точно такая же, только в несколько раз крупнее, запустила его, как камень из пращи, на Шемали. Здесь десантников пропускали в лифт поодиночке.

Он ступил на белый круг, звякнул предупреждающий звонок, ударило в ноги, и ребристый ангар «Искателя» провалился вниз, мгновенно затерявшись в эфемерной черноте пространства.

Через двадцать секунд незаметного полета внутри мерцающей трубы Филиппа приняла упругая посадочная силовая подушка финиш-камеры лифта, и он соскочил с диска на пол ангара «Парящего орла».

Ангар отличался от подобного помещения на спейсерах погранслужбы довольно разительно. Филипп, поздоровавшись с двумя встречающими, стал с любопытством осматриваться.

Большую часть объема стометрового конуса занимали летательные аппараты разных классов и два танка-лаборатории типа «Мастифф». Один из танков имел весьма плачевный вид, и возле него копошились трое механиков в черном, почти не обращая внимания на гостей. У наклонной стены напротив выхода из лифта стоял на длинном верстаке странный механизм с длинным и черным, словно обугленным, дулом, и Филипп с недоумением задержал на нем взгляд.

— Импульсный разрядник, — прогудел над ухом бас Романенко. — Для рыхления скал.

— Не только, — услышав его бас, сказал один из хозяев, бледный, с кругами под

глазами невысокий человек. На его рукаве алел шеврон заместителя начальника экспедиции.

— А для чего же еще? — удивился Романенко.

— Увидите, — криво улыбнулся бледнолицый, шагнув навстречу появившемуся из лифта Богданову. Они представились друг другу.

— Дарий, — подал руку встречающий. — Заместитель начальника экспедиции по экоэтике.

— Богданов, — отозвался Никита. — Шеф-официал спецгруппы отдела безопасности УАСС. А где сам начальник?

— В базовом лагере. — Дарий замялся. — Внизу, на планете. Понимаете, я пытался доложить ему о вашем визите, но связь...

— Что связь?

— Вы не беспокойтесь, у нас часто такое бывает, — вмешался второй сопровождающий.

— Нет связи с лагерем? — удивился Богданов.

— Нет, — тихо проговорил Дарий, виновато опуская голову. — Связи с базовым лагерем в данный момент мы не имеем.

— Дела-а... — пробормотал Томах, переглядываясь с Никитой.

— Планета имеет индекс «Ад-8» по шкале безопасности, — еще тише продолжал Дарий. — Перерывы в связи не самое плохое из всего.

Филипп встретил взгляд Дария, и ему на мгновение стало зябко. Все, что угодно, но тоска в глазах!..

— Идемте, — сказал Богданов. — Введете нас в курс дела, а потом мы нырнем на планету. Сообщение с лагерем на поверхности — лифтом?

— Нет, модульное. У нас было четыре когга, осталось... три плюс восемь куттеров, но куттеры для здешних условий не годятся.

— «Ад-8» — это же биомаксимум! — шепнул на ухо Томаху Филипп. — И посмотри в глаза этому заму — за версту видно, что живется ему несладко.

— Узнаем, — буркнул Станислав.

Планетологической экспедиции «Парящего орла» повезло, хотя, по зрелом размышлении, Филипп пришел к выводу, что везение — вещь относительная. Во-первых, у Этамина обнаружилась планетная система из пяти планет и трех поясов пыли и газа. Во-вторых, на второй планете разведчики открыли жизнь, активную и даже буйную. Может быть, чересчур буйную, потому что лагерь экспедиции в первую же ночь был атакован фауной планеты со всех сторон. Обошлось без жертв, но пребывание на планете оказалось для разведчиков тяжелым испытанием, планы исследования летели один за другим, сроки срывались, а жизнь Триаса — так назвали планету — каждый день преподносила сюрпризы. Людям приходилось силой пробиваться на всех маршрутах, отбивать нападение яростных живых волн, спасать друг друга от страшных животных и вести разведку в основном на мощных «Мастиффах», что сужало районы поиска и планетографических исследований в несколько раз.

— Таким образом, — продолжал Дарий, — мы находимся, выражаясь древними понятиями, в состоянии войны с фауной планеты. И конца этому не видно.

— А вы не пробовали разобраться в причинах агрессивности животного мира к вам? — спросил Томах.

Дарий криво усмехнулся, слегка порозовев.

— Предлагали, но начальник экспедиции сказал, что в плане работ нет такого пункта.

— А вы?

— Что я?

— Вы же его заместитель!

— Заместитель. — Дарий исподлобья взглянул на Станислава. — Да, я заместитель по экоэтике, но это все равно, что «лишний рот» в составе экспедиции.

— Ну, напрасно вы так, — мягко сказал Богданов. — Полномочий и у вас не меньше,

тем более в таких условиях.

Дарий пожал плечами, красноречие его иссякло.

— Хорошо, об этом поговорим отдельно. Когда вы впервые заметили «зеркала»?

Дарий задумался.

— По-моему, с месяц назад, но сначала не придали им никакого значения, думали — случайные природные образования.

— А когда поняли, что они вовсе не случайные образования?

— Не иронизируйте, пожалуйста, — сказал сосед Дария, худощавый молодой человек с выдающимися скулами и раскосыми глазами. — Из-за этих «зеркал» пришлось устроить поисковый аврал: думали, что проморгали на планете цивилизацию.

— Мы не иронизируем, — покачал головой Богданов. — С «зеркалами» столкнулись и мы, причем в других секторах космоса, у нас интерес к ним особый. Что ж, пора знакомиться с обстановкой на Триасе, — обратился он к Томаху.

— Может быть, все-таки сначала предупредим Момму? — нерешительно сказал Дарий. — Перерывы связи не бывают длительными.

— Нет, в неожиданностях есть свои преимущества. Если связь восстановится, сообщите начальнику о нашем прибытии, а специально ждать сеанса не будем.

— Тогда хоть изучите особенности Триаса, его животного и растительного мира, иначе...

— Иначе мы будем выглядеть авантюристами, — заключил Богданов. — Конечно, начнем с изучения планетарных характеристик. Материала у вас, очевидно, достаточно.

К «вечеру» десантники знали о животном мире планеты примерно то же, что и Дарий, после чего Богданов собрал группу.

— Отчаливаем, ребята, вопросы к хозяевам есть? Нет? Прекрасно.

— Пойдете на нашем шлюпе? — спросил Дарий.

— Он еще не отремонтирован как следует, — вмешался скуластый.

— А что с ним? — любопытствовал Микульский.

— Нападение маунта, — неохотно ответил Дарий. — Один из них прополз через когг, у которого была выключена защита.

Десантники покинули зал связи «Парящего орла», провожаемые взглядами дежурных инженеров.

Богданов задержался, дождал Дария и тихо спросил:

— Сообщение о «зеркалах» передали вы?

— Я, — усмехнулся своей специфичной кривоватой улыбкой заместитель начальника экспедиции. — Из-за этого и сижу сейчас здесь, в корабле. Момма отстранил от планетарных работ, предъявив обвинение в использовании служебного положения в личных целях, преступном перерасходе энергии и несоответствии занимаемой должности.

Глава 10 ТРИАС

Через полчаса когг с десантной группой из пяти человек, в которую вошел и Филипп, оторвался от цилиндра «Искателя» и вонзился в серо-голубое месиво атмосферы Триаса.

Посадка оказалась не из легких: когг попал сначала в мощные широтные ветры, отбросившие его от намеченного коридора входа на космодром наземной базы «Парящего орла» на двести с лишним километров, а затем, возвращаясь, наткнулся на крыло урагана, к счастью, уползающего на север.

В космодром — если так можно было назвать площадку размером полкилометра на километр — он все же промахнулся и сел в двух километрах от базы.

— Что будем делать? — спросил Богданов, глядя на угрюмый пейзаж в виоме. — Ждать, пока прояснится?

Когг сел в неглубокой низине, заросшей кустарником, напоминающим мотки

спутанной проволоки. В бледно-сером свете, сочащемся сквозь лохматую, мчащуюся с дикой скоростью облачную пелену, все вокруг было черно-зеленым: почва, кустарник, гигантские многоходульные деревья, окружающие низину, но в прожекторном свете все изменилось. Почва, похожая на рыхлый шлак, оказалась кроваво-красного цвета, кустарник — коричневого, с фиолетовым отливом, и только молчаливый великаний лес, состоящий из древесных исполинов высотой около полусотни метров, так и остался темно-зеленым, от пупырчато-чешуйчатых стволов до коленчатых ветвей и пучков метровых листьев-игл.

— Тут же недалеко, — пожал плечами Филипп. — Наденем антигравы и через три минуты будем на месте.

— Нельзя на антигравах, — возразил пилот; по настоянию Дария они взяли с собой пилотом одного из старожилов. — Мы давно ими не пользуемся, как и пинассами. Во-первых, диноптеры. Представьте летающую махину с размахом крыльев в двадцать метров! Атмосфера здесь плотнее земной раз в пять, вот и летают. Во-вторых, «лесные стрелки». Летишь эдак на бреющем над лесом, а снизу в тебя вонзается стрела весом до двадцати килограммов, по прочности почти не уступающая бериллиду.

— Мы знаем, — сказал Богданов. — Наш товарищ пошутил. Связи до сих пор нет?

Пилот виновато шевельнулся в кресле, поправил дугу эмкана.

— С базой нет, с вашим спейсером и «Орлом» есть.

Он пошевелил пальцами, и над пультом ожил виом связи.

— Пожалуйста, осторожнее, — сказал им Дарий. — Все же это Триас.

— А с ними не могло произойти чего-нибудь... непредвиденного? — спросил Томах.

— База хорошо защищена. — Дарий помялся. — Если только не случилось что-нибудь с одной из рабочих групп. Тогда резерв с базы мог уйти на выручку.

— Все равно в лагере остаются дежурные, — буркнул пилот.

Дарий ничего не ответил.

Богданов помолчал и встал.

— Выступаем. Скафандры ПС, антигравы — на всякий случай, пистолеты, аптечки, НЗ. Все?

— Я возьму переносной автомед, — сказал врач.

— Еще генераторы поля, — подсказал Бруно. — Будет спокойнее.

Богданов кивнул.

— А может, все-таки легче подскочить на когге? — тихо спросил Филипп, надевая скафандр и пристегивая к энергопоясу необходимое снаряжение. — Надо было взять пилотом Януша.

— Мы только что пробовали, — с обидой произнес пилот, обладавший прекрасным слухом. — При низком ветре подскочить на когге с нужной точностью не удастся. Отнесет еще дальше или побьет машину, несмотря на автоматику. Вы что же думаете, ваши пилоты — боги?

Богданов мельком посмотрел на Филиппа, и тот, покраснев, пробормотал:

— Простите, я не хотел вас обидеть.

— Иди уж, — подтолкнул его в спину Томах. — Что-то ты сегодня не в форме. Эти ребята не раз и не два высаживались на планету в таких условиях.

— Да я не обижаюсь, — смягчился пилот. — Только в ураган не спасает иногда и мыслеуправление. К тому же диноптеры летают в любую погоду, и встретить их даже на ЛК я бы не хотел.

Первым на почву Триаса сошел Богданов, тут же споткнулся и упал на пружинящую «проволоку» кустарника. Поднявшись, включил генератор поля, горбом выделявшийся на спине, утвердился на голой почве, утопая в ней чуть ли не по колено, и махнул рукой остальным.

Филипп вышел последним, вовремя включил поле и стабилизировал себя в вертикальном положении.

Атмосфера планеты действительно была намного плотнее земной, она затрудняла

движения почти так же, как и вода, несмотря на некоторую потерю веса из-за выталкивающей силы.

— Маяки не включайте, — посоветовал из люка оставшийся пилот. — Маунты реагируют на свет и на радио моментально, а вы еще не видели их в натуре. Направление запомнили?

— Да, спасибо, — сказал Богданов. — Постараемся не ввязываться в конфликты, в крайнем случае отступим. Я буду держать вас в курсе.

— Эх, на вашем месте я бы все же подождал, — с сожалением признался пилот. — Момма снова спросит за это с Дария. — Он развел руками и скрылся в отверстии люка. Короткая плита пандуса скользнула на место и наглухо закрыла двухметровое отверстие.

— Не отставать. — Богданов оглянулся и шагнул вперед, выбирая дорогу. За ним гуськом потянулись остальные: Томах, Бруно, Лихолетов и Филипп.

Поднявшись из низины, они миновали петlistый, цепляющийся за ноги кустарник и вступили в лес, чуть ли не целиком скрывший небо над головой. Ветер здесь притих, путаясь в миллионах ветвей, идти стало легче, хотя ноги вязли в почве до колен. Видимость из-за нехватки освещения ухудшилась, и Богданов приказал перейти на инфразрение и снять с поясов «универсалы».

Филипп лишь в Школе стажеров познакомился с этим оружием, оказавшимся родственником антиграву. Пистолет «универсал» мог излучать гравитационное поле в виде импульсов различной пространственной формы, и привыкнуть к оружию, способному пробить, как пулей или шпагой, любое материальное тело или опрокинуть и раздробить скалу, было непросто.

Богданов останавливался два раза, сверяясь со светящейся нитью путеуказателя на руке. Трижды из чащи леса слышался какой-то гроыхающий клекот, перекрывающий звуки бури. А когда они спускались по косогору к небольшому ручью с черной водой, над ними со свистом и уханьем пролетела громадная бесформенная масса, исчезнув из глаз прежде, чем люди схватились за оружие.

Пройдя около двух километров, группа без приключений выбралась на опушку леса, за которой начинался плоский прямоугольник космодрома базы, освещенный инфракрасными прожекторами из четырех бронеколпаков по углам поля. В центре прямоугольника высился одинокий когг, безмолвный и черный. За полем шла освещенная вертикальными фонарями дорожка, оббегающая строения лагеря, видимая, как сквозь бликующую прозрачную пленку, и Филипп понял, что видит дорожку и строения сквозь защитную энергетическую завесу.

— Дошли, — угрюмо пробормотал Бруно. — А войти как? Сквозь энергостену не пройти даже в наших ПС.

— Никки, — позвал Богданов. — Связи все еще нет?

— Нет, — отозвался пилот мгновенно. — Пока не снята защита, ее не будет.

— По-моему, у них все нормально, на вид все цело, все на месте, тихо и спокойно.

Филипп осторожно приблизился к полю космодрома, нагнулся — это был спрессованный до плотности бетона грунт, и вдруг краем глаза уловил какое-то движение на опушке леса. Он мгновенно развернулся и, еще толком не рассмотрев, что это, дал предупреждающий сигнал.

То, что они приняли за холм в ста метрах от них, слева от космодрома, оказалось живым существом! Оно одним движением покрыло расстояние до людей и замерло, возвышаясь над ними черной массой. В полутьме трудно было что-нибудь разглядеть, Филипп видел только два каких-то светлых косых треугольника в застывшей громаде и что-то непрерывно шевелящееся невысоко над почвой, как сжимающиеся и распрямляющиеся пальцы...

— Не стрелять! — тихо и жестко проговорил Богданов. — Поле на максимум, поменьше движений!

Люди сдвинулись тесней, не дыша разглядывая чудовище, в свою очередь разглядывающее их. Так прошла минута, вторая, пятая...

Гигант не шевелился, словно решая, что ему делать с незваными гостями. Медленно текли минуты, людьми постепенно овладевало беспокойство, стремление двигаться, что-то делать, прыгать, кричать — лишь бы не стоять на месте и не молчать... Потом ощущения резко изменились: нахлынуло безразличие, равнодушие ко всему на свете, захотелось лечь и спать, ни о чем не думать и не вспоминать...

«Об этом Дарий не рассказывал, — подумал Филипп. — Похоже, что маунты излучают пси-поле... Только этот экземпляр почему-то не нападает. Стоит ему шевельнуться, и он втопчет нас в землю, несмотря на „универсалы“! Чего он ждет? Пытается загипнотизировать, а потом сожрать?»

— Пси-индукция, — пробормотал Лихолетов, — близко к волне «омега семьсот тридцать»: ощущение сонливости, усталости.

— Ну хватит, что ли, — прошептал Томах. — Поглядели друг на друга и хватит. Долго еще мы будем терпеть это равновесие? Надо что-то делать, или бежать, или...

— Стрелять?

— Не стрелять, но действовать. Отпугнуть, например.

Словно в ответ на слова Станислава черная громада вытянулась вдруг в высоту, чуть ли не дотянувшись до низких стремительных облачных струй, попятилась так, что дрогнула почва, и с низким урчанием, от которого завибрировали скафандры, поползла в тень близкой горной гряды. Еще несколько раз дрогнула почва, и все стихло, только ветер продолжал бесноваться в вышине, иногда словно срываясь с цепи и раздавая весомые оплеухи тем, кто внизу под ним цеплялся за неровности почвы.

— Подойдем ближе, — решил наконец Богданов, поглядев на часы. — К защитной завесе.

— Странно все же, — задумчиво сказал Лихолетов. — Почему он не напал? Дарий говорил, стоит им выйти из-под защиты, как маунты бросаются на людей и на технику.

— Вот-вот, — кивнул Томах. — Тут что-то не так... Никита, у тебя есть соображения по этому поводу?

— Первое соображение, наверное, — не стрелять, — не удержался Филипп. — Ведь маунт тоже кинулся к нам, будто хотел напасть... а мы не стреляли. Озадаченный, он не решился на нападение. Может, у работников экспедиции выработался стереотип: мчится на них во всю прыть, значит, хочет напасть.

— Правильно, — сказал Богданов. — И соображение резонное: постараемся и впредь не применять оружия. Дарий мне сообщил... — Он замолчал.

Десантники помолчали, ожидая продолжения, но его не последовало.

— Посмотрим, — вздохнул Томах. — Ну что, братцы, устроим иллюминацию? Должен же у них кто-то быть в лагере. Допустим, аэросторож сбит диноптером или стрелком, но автоматика-то защиты наверняка заметит...

Лихолетов вдруг присвистнул.

— Посмотрите-ка на космодром!

— Что там еще?

— Шлюп!

Десантники оглянулись на прямоугольник ВПП. Когда на нем уже не было. Вернее, он был втоптан в почву кормой вперед до самого носа, отчего издали казалось, что в центре поля образовалась звездообразная яма, похожая на черную кляксу.

— Можно прикинуть массу маунта, — флегматично заметил Бруно. — Чтобы вмять шлюп в эту землю, надо создать давление примерно сто килограммов на квадратный сантиметр. Отсюда масса маунта должна быть порядка десяти тысяч тонн. Странно одно, почему он не опрокинул шлюп, а вдавил в почву.

Филипп вспомнил когг на «Парящем орле», через который прополз, по словам Дария, маунт. Десять тысяч тонн! Что было бы, проползи он через них?

Богданов хмыкнул и зашагал к границе освещенной зоны лагеря.

Заметно посветлело. Облака все еще продолжали нестись во весь опор, но слой их стал

тоньше. Пепельный свет дня возвращался на помрачневшую под ударами стихии равнину.

— Не догадались взять прожектор, — сказал Томах. — Помигали бы, и дело с концом. Попробуем синхронно помогать нашлемными фонарями?

— У меня случайно оказался «блейзер», — пробормотал Бруно, протягивая Богданову ребристый цилиндрик толщиной в палец.

— Случайно! — хмыкнул Томах. — Запасливый ты мужик, Бруно! У тебя случайно нет с собой ТФ-разрядника?

— Разрядника нет, — подумав, сказал Бруно. — А что такое «мужик»? Твое новое ругательство?

Станислав развеселился.

— Успокойся, это словечко из лексикона двадцатого века, означает оно... — он поразмыслил, — в общем, уменьшительно-ласкательное от слова «мужчина».

Бруно с сомнением посмотрел на инспектора, но проверить правильность «перевода» было не у кого.

В это время Богданов вставил цилиндрик «блейзера» в короткий ствол «универсала», тщательно прицелился и выстрелил. Из дула вылетела огненная стрела, упала на купол защитного поля над базой и вспыхнула чудовищно яркой звездой. По земле заплясали черные тени, люди вынуждены были отвернуться, чтобы не ослепнуть; световой поток сгорающего «блейзера» достигал такой величины, что не спасали фильтры шлемов.

Через три минуты «блейзер» погас, и всем показалось, что резко стемнело.

Богданов терпеливо ждал. Наконец из жилого коттеджа в освещенном круге лагеря выглянул человек в легком скафандре, взгляделся в их сторону, воздел руки к небу и скрылся за дверью. Филипп первым догадался, что означает его жест, поднял голову и увидел пикирующую на них фиолетовую тень.

— Ложись! — рявкнул он, падая и отстегивая с пояса «универсал».

Все попадали на почву, но «тень» не думала нападать: пахло ветром, что-то проскрежетало в воздухе, затем с треском и хрустом многометровая махина захлопала крыльями и взмыла к тучам. Снова прозвучал скрежет «металла о металл», и все стихло.

По ту сторону защитной завесы к ним бежали двое, завеса исчезла, и в наушниках раздался свирепый голос:

— Быстрее, какого дьявола копаетесь, диноптер сейчас вернется, и не один.

Богданов без слов поспешил на освещенное пространство. Едва они перебрались в защищаемую зону, как энергозавеса замерцала сзади вновь, отрезая доступ к домикам лагеря любому живому существу.

Филипп сбоку посмотрел на провожатых, увидел в руках одного из них знакомый кожух плазморазрядника и покачал головой: видимо, шутить разведчики не любили.

Пройдя тамбур и сняв скафандры, десантники оказались в коридоре. Провожатый — косолапый, слегка горбившийся парень с копной выгоревших до желтого блеска волос, оживился, разглядывая их форму с эмблемой отдела безопасности.

— Безопасность? Ну и дела-а... У нас, кажется, соблюдаются все пункты инструкции, и происшествий особых нет.

— Почему у вас нет связи с кораблем? — спросил холодно-спокойно Богданов.

— А-а. — Парень помрачнел. — Большую антенну повредили маунты, аэросторожа уничтожили диноптеры, а малые ТФ-передатчики не пробивают защитную завесу.

— Так выключите защиту, и будет связь, — проворчал Бруно. — Там же люди беспокоятся.

Парень усмехнулся.

— Выключить защиту!.. В том-то и дело, что мы не можем ее выключить. Это вот только перед вашим приходом немного успокоилось, а то продохнуть нельзя было из-за маунтов. Вы еще не знаете, что это за звери и на что они способны.

— Уже встречались, — пожал плечами Томах. — Нас он не тронул, а вот шлюп ваш втоптал в почву.

Молодой человек озадаченно посмотрел на Станислава.

— Не тронул? Не может быть!

Десантники переглянулись, парень смутился.

— За шлюп не беспокойтесь, — заторопился он. — Это просто болванка из пластика, копия — для отвода глаз. Маунты обычно после расправы с коггом уходят, втопчут в поле и уходят, словно у них это какая-то игра, вот мы и придумали им забаву. Пойдемте со мной. У нас тут в лагере почти никого нет, — продолжал он уже на ходу. — Весь отряд ушел на плато Нежданного Спокойствия. Там обнаружена невероятно разветвленная система пещер со следами каких-то двуногих существ. Группа Шемисса ушла туда третьего дня и — ни слуху ни духу! Ну, Момма и отправил всех на поиски... Мы пришли.

Провожатый отступил в сторону, прямоугольник двери перед гостями просветлел, и десантники оказались в небольшом помещении, похожем на кают-компанию спейсера: гнутые янтарные стены с бегущими искрами, стандартные кресла, стол с черной матовой поверхностью, громадное «окно» виома, отражающее низкое, совсем светлое небо с редкими убегающими космами туч, пульт видеоселектора у стены.

В комнате находилось всего двое: один — краснолицый здоровяк с руками-лопатами, второй — седой, сухой, длинноногий, с руками, сложенными на груди, с морщинистым лицом и жестким запавшим ртом. Глаза второго смотрели холодно и изучающе. Он только повернул к вошедшим голову и остался стоять в прежней позе.

— Безопасники, — упавшим голосом произнес их провожатый и отошел к столу.

— Вот уж кого не ждали, — глухо сказал здоровяк. — Какими судьбами пожаловали к нам пограничники? Да еще и асы безопасности к тому же, а?

— Не надо, Крут, — почти не разжимая губ, голосом, похожим на шелканье бича, проговорил сухопарый. — Очевидно, это по поводу ТФ-депеш моего заместителя. Так?

— Совершенно верно, — кивнул Богданов. — Именно по поводу ТФ-депеш вашего заместителя по экоэтике Дария.

У седого прыгнули вверх брови и в глазах на миг промелькнули озадаченность и любопытство.

— Что ж, гостям мы рады, проходите. Я Исиро Момма, начальник экспедиции «Парящего орла». Это мой заместитель по техническому оснащению групп Крут Зотов. — Говорил Момма без обычного «японского» акцента, четко выговаривая букву «л». — Инженер защиты Владриг. — Небрежный кивок в сторону недавнего провожатого.

— Богданов, шеф-официал спецгруппы отдела безопасности УАСС. Это мой заместитель Станислав Томах, Осинниго — эксперт технического сектора, врач Лихолетов и Ромашин.

— Прекрасно. — Момма указал на кресла и сел сам. — Итак, чем вас заинтересовало сообщение Дария? За которое, кстати, он получил нагоняй... Насколько я помню, за здорово живешь управление не станет гонять спейсер в эдакую даль? На чем вы прибыли?

— К Этамину на спейсере погранслужбы «Искатель», сюда на шлюпе.

— Шлюп ушел?

— Нет, — помедлив, сказал Богданов. — Ждет связи.

По лицу Моммы прошла тень.

— Влад, — обратился он к инженеру защиты. — Сними на минуту энерголист и дай команду пилоту: пусть немедленно уходит на корабль.

Владриг кивнул и встал.

— Минуту, — сказал Богданов, — не надо давать такой команды.

Момма нахмурился.

— Вы не понимаете, что говорите, с маунтами не шутят. Иди.

— И все-таки, — невозмутимо произнес Богданов, — пилот подчиняется только мне, это раз; нашему коггу не страшны маунты, это два; и три — лучше свяжитесь с кораблем, люди ждут сообщения, беспокоятся за вас.

Момма откинулся в кресле, глаза его сузились. Он побарабанил пальцами по столу,

усмехнулся.

— Интересное положение. Вы, не зная особенностей Триаса, берете на себя ответственность за жизнь человека. А что такое маунты, знаете?

— Именно потому и берем ответственность, что знаем особенности Триаса.

— Видно, Дарий им успел выложить собственную теорию, — сказал Зотов с пренебрежением.

— Они говорят, что встретили одного маунта вблизи базы, и он не напал, — пробормотал Владриг, стоя у двери.

Момма прищурился.

— Это что-то новенькое! Простите, но позвольте усомниться. Маунт увидел вас и не напал? Нонсенс! Сколько себя помню на Триасе, столько маунты не упускают ни одной возможности, чтобы напасть на людей. Может, вы спутали маунта с дурнеем? Внешне они немного похожи, хотя дурней и в десять — пятнадцать раз меньше. Или с диноптером?

— Диноптера мы повстречали тоже, — сказал Томах. — Но и он не причинил нам особого беспокойства.

— Тогда сдаюсь! — Момма развел руками. — Мир перевернулся.

— Я не уверяю, что мы твердо убеждены в реальности встреч, — произнес Богданов. — Может быть, это был сумасшедший маунт, может, вовсе и не он. Проверим. Мы, собственно, прибыли на Триас по другому поводу: ваши исследователи встретили «зеркала»...

Момма пренебрежительно сморщился:

— Ах, это... из-за такого пустячного дела?.. Простите, не понимаю.

— И не надо. Вы решаете свои задачи, мы свои. Кстати, я уполномочен разобраться в обстановке и принять соответствующие меры.

— Какие же?

— По обеспечению экспедиции необходимым оборудованием, — с иронией закончил Томах.

Момма тонко улыбнулся, он понял.

— Теперь следующее. — Богданов помолчал и очень мягко сказал: — Вы все же сообщите на корабль о положении дел. Там ждут связи.

В глазах начальника экспедиции мигнули колющие огоньки, он с минуту смотрел на небо Триаса, потом нехотя проговорил:

— Дай им минутную сводку, Влад.

Владриг, томившийся у двери, вышел.

— Так что же вы собираетесь предпринять? Учтите, машин лишних у меня нет, людей тоже. План исследований горит, и я не вправе остановить поисковые работы, даже если бы захотел.

— Постараемся не отвлекать вас от дела, единственная просьба — показать «зеркала». Без провожатого, конечно, не обойтись.

— Одного я вам дам — того молодого человека, что вас встретил, Владрига. Достаточно?

— Пока достаточно. — Богданов поднялся. — Вопрос: наша помощь в поиске пропавшей группы Шемисса не нужна?

Момма, нахмутив брови, тоже встал. Голос у него был сух и подчеркнуто бесстрастен.

— Уже проинформированы? Справимся сами, благодарю.

— Но мы ускорили бы поиск, — сказал Филипп с недоумением. — Высвободили бы ваших товарищей для плановых работ. Опыт у нас в подобных делах, смею вас уверить, имеется немалый.

— Ничего, полдня-день не играют большой роли, — с оттенком нетерпения произнес начальник экспедиции. По всему было видно, что он не привык менять своих решений, даже если они были и не лучшими.

Богданов задержался у двери.

— Нам еще нужна связь со своей базой.

— Сколько?

Никита понял и посмотрел на Бруно. Тот поднял пятерню.

— Минуты четыре-пять.

— Четыре — куда ни шло. Крут, проводи.

Грузный заместитель начальника экспедиции, равнодушно прислушивающийся к разговору, молча направился к двери. Он наверняка не имел здесь права голоса и знал это. Как и Дарий, подумал Филипп. Привык, что все решает Момма. Ну и характерец у начальника экспедиции! С первого взгляда видно — властен и крут! Но, может быть, для начальника такого масштаба это хорошо?

В рубке связи было тихо. Кроме Владрига, тут сидели двое инженеров-связистов, молодые, загорелые, чуть смущенные визитом ребята.

Владриг снял защиту над базой, и Бруно, быстро разобравшись в управлении, соединился с «Искателем» и продиктовал дежурным бортиженерам список необходимого снаряжения.

— Кроме того, нужен киб-лингвастат, — добавил Богданов. — Поищем интеллект у некоторых симпатичных тварей планеты.

— Что взять из машинного парка?

— Погрузите один «Мастифф», пинассы и другие летательные аппараты не понадобятся.

— Выполняем, ждите.

— Все, — обратился Богданов к хозяевам. — Включайте свою защиту.

— А когг? — напомнил Томах.

— Да, — спохватился Никита. — Бруно, колдуй связь со шлюпом.

Через полминуты откликнулся пилот. Лицо его, когда он увидел десантников, посветлело.

— Я уже начал беспокоиться. Что мне делать?

— Возвращайся. — Богданов показал рукой вверх. — На спейсере загрузишься и обратно сюда, аллюр три креста!

— Есть аллюр три креста!

Пилот отключился.

— Подождем, — сказал Томах с улыбкой. — Посмотрим лагерь, если хозяева не возражают, поиграем в шахматы.

Хозяева не возражали. Эмблема отдела безопасности создавала вокруг безопасников такой ореол, который молодые парни еще не могли переносить без душевного трепета.

Глава 11

ПРЕЛЕСТЬ НЕОЖИДАННОСТИ

После завтрака, напутствуемые полуироничным замечанием Моммы «соблюдать режим безопасности не ниже пункта „срам“», десантники выгрузили из прибывшего с орбиты когга танк-лабораторию «Мастифф» и быстро загрузили кормовой отсек оборудованием для исследования «зеркальных перевертышей».

К этому времени маунты полностью сняли осаду лагеря, и защитную завесу, требующую громадных расходов энергии, выключили.

— Вы уж не обижайтесь, — извиняющимся тоном сказал провожавший их Зотов. — У начальника слишком много забот, да и ладится не все, сами видите. Так что войдите в положение. По пути вы наверняка столкнетесь с кем-нибудь из представителей местной фауны, и хотя танкам маунты не страшны — относительно, конечно, — лучше не подпускать их близко.

— Учтем, — сказал Богданов. — Спасибо. Вперед! — бросил он Томаху, надевшему эмкан управления.

Танк легко, без толчка снялся с места.

Они проехали мимо поля космодрома, на котором трое сотрудников базы с помощью универсального корабельного погрузчика вытаскивали из ямы вдавленный в почву муляж когга; неподалеку торчал трехлапый, похожий на коленчатого металлического жирафа сторожевой автомат.

Лагерь базы располагался на ровном месте, занимая площадь чуть больше гектара. Со всех сторон он был окружен великаньим лесом, хотя Филипп обратил внимание, что в полосе двухсот метров от его границ не росло ни одно дерево.

— Вы что же, лес возле базы уничтожили? — спросил он.

— Сожгли, — отозвался Владриг, подумал и добавил: — Иначе нельзя: мимикрозавры.

Танк в это время, поднимая голубоватую пыль, проезжал под деревом. Станислав несколько замешкался, и Владриг предложил:

— Давайте поведу я, быстрее доедем, дорога мне известна лучше.

Томах посмотрел на Никиту и передал управление провожатому.

— О мимикрозаврах мы слышаны, — сказал он. — Хочется убедиться воочию.

Владриг уверенно нацепил эмкан.

— Увидите, не сомневайтесь, но не уверен, что это зрелище доставит вам удовольствие.

Филипп сидел слева от Богданова и справа от кресла водителя, созерцание чужой природы заставляло сердце сжиматься в ожидании каких-то необычных встреч, поэтому он не особенно прислушивался к разговорам в кабине.

Сначала они ехали вдоль цепи невысоких валов, поросших все тем же лесом, создающим впечатление непроходимой чащи. Деревья напоминали земные мангры: короткий толстый ствол опирался на множество «ног» — ходульных корней, и пускал ввысь пучок точно таких же по форме «рук»-ветвей, так что если бы дерево можно было перевернуть, оно нисколько не изменило бы свой вид. Потом танк вывернул в речную долину и, пустив многохвостовую радугу за кормой, всплыл над гладью реки на поддерживающем поле. Кабину сразу перестало раскачивать и бросать с боку на бок.

Берега реки заросли густым лишайниковидным ковром, цветом напоминающим запекающуюся кровь, и среди этих толстых «подушек» и «колючих покрывал» Филипп заметил редкие оранжевые языки пламени. Лишь взглядевшись, понял, что это скорее всего тоже растения.

— Цветы? — спросил он, показывая на «огни».

— Спороносы, — повернув голову, ответил Владриг. — Мы назвали их пламениками. Красивы только издали. То, что светится — язычок пламени, — на самом деле плесень со спорами, колонии микроорганизмов. Стоит «цветок» сорвать, как плесень бурно распадается, выделяя непередаваемо гнусный запах. Однажды наш биолог принес его в кают-компанию...

В этот момент дерево на холме, мимо которого они проезжали, вдруг выдрало свои корни из почвы и обрушило на танк тысячерукие ветви.

Владриг остановил машину, искоса поглядев на пассажиров. Те молчали. «Дерево» обхватило танк со всех сторон и стало трясти и раскачивать. Ствол его изменил цвет на фиолетовый и словно треснул щелью громадной пасти. По броне с визгом прошлись шипы и когти лап, потом полуметровые зубы.

— Красавец! — нарушил молчание Томах.

Владриг включил защитное поле, и странное «дерево» шарахнулось от машины в воду, раздался шипящий скрежет — крик зверя.

— Вот вам и мимикрозавр, — со смешком сказал Владриг. — Вы так рвались его увидеть.

— Только не я, — буркнул Бруно. — Похоже, человек ему — на один зуб. Но вообще он довольно симпатичен.

«Симпатичный» зверь на глазах превратился в корявую фиолетовую торпеду и с плеском нырнул в глубину реки. В ответ на его скрежет издали, словно эхо, донесся

пронзительный крик-клекот, от которого у всех заныли зубы.

— О, дьявол! — сказал Владриг, увеличивая скорость. — Если она нас учует!..

— Кто?

— Разве вам не говорили? Ребята назвали ее рок-птицей. Невелика, чуть больше орла, но кричит так, что знергозавеса спадает.

— Ультразвук, — проворчал Бруно.

— И ультразвук, и целый набор противных обертонов. Если они заметят танк, работы не получится, придется уходить на базу.

— Отпугнуть, и дело с концом!

— Отпугнуть — значит убить. Никого и ничего птица-рок не боится. Если только ранить — через минуту тут будет светопреставление! Каким-то образом сотни этих исчадий ада узнают о происшествии, собираются в стаю, и тогда приходится или бежать сломя голову под защиту базы, или...

— Ну-ну?

— Или стрелять!

Владриг подумал, вырвал танк из теснины реки и направил его в расщелину между стенами расколотого надвое непонятным катаклизмом холма. Однако вскоре раздался знакомый крик, и над танком мелькнул силуэт таинственной птицы.

— И-и-р-р-р-ра-з-з-зла-щ-ш-ш! — Словно визг раздираемого железа, скрип стекла и шипение выпускаемого пара.

Владриг резко затормозил.

— Попробуем ее сбить.

— Не надо, — тихо сказал Богданов. — Пусть кричит. Едем дальше. Далеко еще?

— Километров семь, но...

— Не обращайтесь внимания, потерпим. Станет неважноту, попрубуем отпугнуть, но это в крайнем случае.

Владриг пожал плечами и повиновался.

Сопровождаемые криками дьявольской птицы, от которых ныли зубы и сверлило в ушах, они направились в заросли леса, состоящего из странных толстых, изъеденных дырами и полых внутри деревьев. Светло-голубые у основания, деревья постепенно темнели с высотой и к вершинам, напоминавшим сжатые кулаки, становились черными. Пространство под ними было усеяно черными сморщенными плодами с метровыми колючками.

— Каштаны! — хмыкнул Лихолетов.

— Точно, — не оборачиваясь, сказал Владриг. — Мы их так и назвали: каштаны Триаса.

Над танком снова пролетела рок-птица, заставив людей замолчать. Впереди открылась гладкая черная площадка, машина с ходу вылетела на ее середину, дернулась и... стала тонуть.

Владриг выругался сквозь зубы, подключил поле поддержки, танк с трудом выполз на край вязкой трясины.

— Асфальт, — пояснил провожатый в ответ на взгляды десантников. — Таких асфальтовых трубок в этом районе много. Район термально активен, иногда трубки выбиваются метановым паром под давлением и получают асфальтовые озера или «стадионы».

Через полчаса въехали на обширную лысую поверхность, на которой кое-где торчали гибкие хлысты какого-то растения. Возле громад знакомых «мангров» Владриг остановил танк.

Богданов шевельнулся в кресле.

— Приехали?

— Приехать-то приехали, только почему-то не видно «зеркал».

— А разве здесь не работают ваши группы? — осведомился Томах.

— Конечно, нет. Это место старой базы, мы переехали отсюда неделю назад. Одно

«зеркало» было врезано в ствол лабиринтопода, — Владриг показал на самое большое полое дерево, — а второе было мерцающим, то есть то появлялось на пустом месте, то исчезало. А сейчас — ничего...

— Завел, Иван Сусанин! И мы хороши: надо было сразу спросить, куда едем, только время потеряли.

— Но они были, честное слово! — Владриг порозовел под взглядами.

— Мы верим, — вздохнул Богданов. — Но дело в том, что «зеркала» появляются только там, где есть люди. Вы ушли отсюда, исчезли и они. Теперь «зеркала» наверняка появились возле базы, на новом месте, просто вы их там не искали. Придется возвращаться. А где работают ваши группы?

— В разных местах. На нашей материке работают три: биологическая и две планетологических. На плато Нежданного Спокойствия потерялись как раз биологи. А на другом материке четыре группы: атмосферники, океанологи, биологи и планетоморфологи. Все группы автономны, базируются на «Мастиффах», имеют передвижные реакторы и инструментальные бункера. До ближайшей группы около семидесяти километров.

Богданов кивнул.

Танк развернулся и углубился в лес, пускаясь в обратную дорогу.

Через полтора часа вернулись к базе, объехали ее по периметру и обнаружили два «зеркала». Одно пряталось на мощном стволе полого лабиринтопода, второе расположилось на противоположном конце пустыря, в перистом кустарнике.

Момма только хмыкнул, выслушав сообщение, а его заместитель Зотов равнодушно порадовался случившемуся: вблизи лагеря работать было несравненно удобнее и безопаснее, чем вдали от него.

Десантники выгрузили аппаратуру и приступили к исследованию «зеркальных перевертышей», разделившись на две группы.

К вечеру первого дня стало известно, что «зеркала» ничем не отличаются от своих предшественников на Шемали, вплоть до палиндром-эффекта. ТФ-трассеры дважды фиксировали эхо волновых передач: «зеркала» исправно передавали накопленную информацию неведомому Наблюдателю. Однако определить направление передач не удалось, не помогли ни разработанные специалистами техсектора методы ТФ-пеленгации, ни сверхчувствительные датчики направления.

Филипп работал в паре с Бруно на трассерах: оба одинаково хорошо разбирались в ТФ-аппаратуре, знали все ее сильные и слабые стороны. Остальные эксперты техсектора под началом Романенко занимались изучением физических свойств «зеркальных перевертышей», спектральным распределением излучений и плотностей полей вблизи этих объектов и анализом свойств предметов, пропущенных через «зеркала». Спокойная сдержанность безопасников, очевидно, понравилась Владригу, и он находил время помочь новым товарищам «и словом, и делом».

За все время работы вблизи базы не появился ни один маунт, только однажды выполз мимикрозавр, но тут же укувылял в чашу, словно устыдившись своего грозного вида.

— Странное затишье, — признался Владриг Томаху. — Будто вымерло все кругом. Обычно мы не можем даже спокойно выйти из дома, как появляются маунты, или диноптеры, или те и другие разом. А тут целый день возимся почти без защиты, и никого!

— Им стало скучно, — пошутил Станислав, охранявший «тылы» групп на «Мастиффе».

— Нет, действительно что-то странное. Во время нашей поездки тоже было тихо, даже рок-птица не проявила всех своих качеств. Не готовится ли новая волна нападения?

Богданов оторвался от работы и посмотрел на лиловатое небо с клясками облаков.

— Да, — согласился он. — Странно. Если не сказать иначе.

А спустя несколько минут из леса выпрыгнул маунт, будто подслушав разговор. Взыла сирена сторожевого автомата.

— Все в танк! — закричал Владриг, хватаясь за «универсал».

До зоны, охраняемой энергозавесой, было всего около двухсот пятидесяти метров, но никто из десантников не тронулся с места, видя, что Богданов не торопится убегать.

— Спокойно, ребята, я вас прикрою, — сказал из танка Томах. — Только подойдите друг к другу поближе.

Работавшие, побросав приборы, сдвинулись тесней. Владриг попятился к ним, выставив короткий ствол пистолета навстречу маунту.

Теперь Филипп мог рассмотреть необычное животное более подробно, чем во время первой встречи. Тело маунта не имело определенной формы, больше всего оно походило на многогорбый, складчатый наплыв лавы высотой около полусотни метров и длиной больше двухсот. Головы у него тоже не было, впереди по ходу движения туловища торчал округлый бугор с двумя пятнами, напоминающими косые треугольники, более светлые, чем все остальное фиолетово-черное тело животного.

Складки на «груди» маунта сократились, и он почти бесшумно, только дрогнула почва, передвинулся вплотную к замершей группе людей. Филипп не ощущал страха, несмотря на нависшую над ними многометровую махину величиной с двадцатипятиэтажное здание. Увиденное им существо и размах природы, сотворившей это чудо света, потрясали.

С минуту длилось томительное равновесие: обе стороны с интересом разглядывали друг друга, хотя определить, где у маунта глаза, было невозможно, разве что светлые трехметровые треугольники на лобовом вздутии? Потом со стороны базы донесся сигнал, и из дверей ангара выкатилась платформа с хищным силуэтом плазменного разрядника. Управлялась она, очевидно, дистанционно.

— Не стрелять! — яростным шепотом сказал Богданов. — Не смей стрелять!

Но его то ли не услышали, то ли не поняли. Платформа выкатилась на поле космодрома, с решетчатого кожуха разрядника сорвалась неяркая голубая молния и вонзилась в бок маунта. Животное всколыхнулось всеми своими складками и наростами, стремительно развернулось в высоту, как бы «встав на ноги», так что люди увидели его брюхо со множеством отверстий, и бросилось в лес, по пути задев танк Томаха.

С платформы плюнуло вслед громадным языком прозрачно-синего пламени, в лесу ухнуло, и всех накрыла волна грохота, словно где-то рушились скалы. Грохот удалился и стих.

— Повезло! — с облегчением сказал Владриг, пряча «универсал».

— А что там загрохотало? — пробормотал Бруно. — Маунт столкнулся со скалой?

— Нет, это его крик.

Десантники переглянулись. С другой стороны поляны к ним бежали Романенко и члены его группы.

— Кто командовал стрельбой? — медленно проговорил Богданов.

Все разговоры смолкли.

— Я, конечно, — раздался в наушниках голос Моммы. — Надо же было его отогнать. Только плазмопушки они и боятся, в следующий раз берите ее с собой сами.

— Вы слышали крик? — сердито спросил Лихолетов.

— Слышал. — В голосе начальника экспедиции прозвучало удивление. — Ну и что?

— Ничего особенного, но нет крика без боли! Понимаете?

Богданов предупреждающе сжал локоть врача, и тот умолк. Момма не отвечал. Филипп представил его жесткое усмехающееся лицо и поморщился: начальника экспедиции мало трогали эмоции окружающих.

— Слава, — сказал тихо Богданов, перейдя на другую волну. — Возьми Януша и Романенко и пройди с ними по маршруту до ближайшей остановки планетологов, поищи «зеркала», поговори с разведчиками. Связь будем держать на этой же волне через каждые два часа. В конфликты с живностью не вступать, оборона в случае нужды — пассивная.

— Есть, — лаконично отозвался Томах.

— Куда это они? — спросил Владриг, провожая глазами танк. — Опасно же?

Никто ему не ответил.

Вечером к исходу третьих суток пребывания на планете группа безопасников собралась в кают-компанию базы, негромко делясь впечатлениями прошедшего дня. Томах с Микульским и Романенко вернулись поздно, их каждодневные таинственные отлучки интересовали многих, но по лицам невозможно было судить о результатах рейдов, а спрашивать, куда они ездят, у десантников было не принято. В этот вечер они имели короткий разговор с Богдановым, после чего уселись в уголке рядом с Филиппом, рассеянно прислушиваясь к голосам товарищей.

— Как там дела с пропавшей группой? — спросил Томах Филиппа, вырабатывающего привычку к немногословию.

— Нашлась перед вашим приездом. Их завалило в одной из пещер, с трудом пробились на поверхность.

— Нашли кого-нибудь?

— Новый вид животных, нечто вроде двулапых кротов.

— Нападений не было?

— Не интересовался.

Станислав расслабленно шевельнул рукой.

— Напрасно. Если бы интересовался, набрел бы на интересный парадокс.

В помещение, широко шагая, вошел прямой, холодно-официальный Момма. Остановившись возле Богданова, сдерживаясь, сказал:

— Кто вам дал право снимать энергозавесу вокруг базы ночью?

В кают-компании установилась тишина.

Богданов с недоумением посмотрел на начальника экспедиции.

— Разве я вас не предупредил? Простите, я, кажется, о своем решении сообщил Зотову. По-моему, нет смысла постоянно включать защиту в ночное время. Над базой висит аэросторож, он подаст сигнал тревоги, если появится опасность. К тому же выяснились некоторые любопытные обстоятельства, мне необходимо было их проверить.

— Меня не интересуют обстоятельства, не относящиеся к компетенции начальника экспедиции. За безопасность экспедиции отвечаю я, и ваши аргументы... — Момма поискал слово, не нашел и закончил: — Впредь попрошу решения, направленные на изменение статуса базы или внутреннего распорядка, согласовывать со мной.

Богданов молча вынул из кармана куртки оранжевый прямоугольник.

— Посмотрите, это мой сертификат официала УАСС, там написано, что я могу, а что нет.

Момма поиграл желваками, метнул холодное пламя взгляда на лица насторожившихся десантников и работников экспедиции, делавших вид, что они заняты обсуждением насущных проблем.

— Ваши полномочия не могут распространяться на организацию работы экспедиций Даль-разведки. Здесь командую я, и только я имею право отменять собственные распоряжения.

— Сбавьте свой тон. Я вас предупреждал, что мы будем экспериментировать, искать новые способы охраны базы, но вы пропустили мои слова мимо ушей. Ваши распоряжения я не отменял, защита выключалась по ночам в порядке, предусмотренном первоначальной программой, и ничего за это время не случилось. А единоначалие руководителя экспедиции распространяется до известных пределов. Я не был готов к сегодняшнему разговору, но, коль уж вы начали, слушайте. Право выносить решения, направленные, кстати, не только на соблюдение режима работы и необходимой степени безопасности, но и на выполнение норм экоэтики, имеют и ваши заместители. Почему же ни одно из требований заместителя по экоэтике Дария не только не записано в журнал распоряжений, но и вообще не выполняется? Почему Дарий, место которого здесь, на поверхности планеты, находится на борту корабля? И, наконец, последнее: почему вами поощряется конфликтная ситуация экспедиции с животным миром Триаса?

Момма сжал губы так, что они превратились в линию.

— Так! Отвечаю по порядку. Первое: требования моего заместителя по экоэтике полностью расходятся с действительностью, отражаются на графике работ и поэтому, естественно, не выполняются. Второе: Дарий, находясь на базе, бесполезен как специалист. Говоря прямо, он нам попросту мешает... всем. И третье: конфликтная ситуация с фауной Триаса создана не нами. Мы вынуждены защищаться, и только. Вы удовлетворены ответами?

Богданов медленно покачал головой, глядя на Момму с неопределенным сожалением.

— У меня есть еще вопросы. Как вы думаете, почему на нас, я имею в виду прибывший отряд, за трое суток не было совершено ни одного нападения?

Момма пожал плечами.

— Случайность. Причем счастливая случайность.

— Хорошо, пусть будет случайность. Тогда почему на базу тоже до сих пор нет нападения? Я ведь снял защиту двое суток назад.

— Я не ксенобиолог. В психологии и инстинктах маунтов пусть разбираются специалисты. К чему вы клоните?

— Правильно, специалисты, — согласился Богданов. — А главный специалист в этом вопросе, кстати, Дарий. Слушать его, однако, вы не стали, как не послушали молодых биологов из группы Шемисса, предложивших провести эксперимент — прекратить стрельбу и посмотреть, что из этого выйдет. Ну как же, это ведь могло повлиять на план, утвержденный за сто световых лет на Земле. Но вот еще задачка: мой заместитель Станислав Томах трое суток провел вдали от базы, встретил стадо маунтов и целую «рощу» мимикрозавров, выходил к ним в скафандре и, заметьте, без оружия. И что бы вы думали?

Момма скривил губы.

— Они, конечно, не напали, так? Хорош эксперимент! Но, по-моему, исключения только подтверждают правила.

Богданов оставался самим собой, словно не замечал колкости и резкости высказываний Моммы.

— У биофизиков есть такие понятия: излучение страха, излучение зла и так далее. Каждый человек излучает целый набор биоволн, в том числе и указанные волны страха и зла, а также и противоположные им волны доверия и дружелюбия. Оказывается, маунты остро реагируют на эти излучения, чувствуют их.

Богданов заметил, что его слушают все, и слегка повысил голос:

— Говорю это не для красивого аргумента в споре. Эти данные добыты вашими же товарищами из групп Шемисса и Старикова, только и к ним никто не прислушивался, не анализировал факты. Экспертам десанта пришлось потрудиться, чтобы успеть проверить всю накопленную информацию и уловить связь между излучением наших с вами мозгов и поведением маунтов.

— Видимо, ваши эксперты одинаково компетентны во всех вопросах физики и биологии, — заметил Крут Зотов из-за спин товарищей. При этом он посмотрел на Момму, и Филипп понял значение этого беглого взгляда: Зотов перестраховывался. Ему предстояло еще долго работать с командиром в одной упряжке, и рисковать он не хотел.

— Да, эксперты технического центра УАСС профессионалы не только по отыскиванию ошибок в технических системах, — сухо отрезал Богданов.

— И все же я не понял. — Момма отвел глаза. — Вы нашли способ, как избавиться от нападений маунтов?

Томах, так и не вставший со своего места, покачал головой. Филипп успел заметить на его лице тень сожаления, как и у Богданова. Мыслили и оценивали людей они одинаково.

— Вы не догадываетесь? Когда прекратились нападения маунтов на базу?

— Вы же знаете, перед вашим прилетом.

— Очень хорошо. А ваш резерв, все восемь человек, когда покинули базу в поисках группы Шемисса?

Момма задумался, былая уверенность покинула его каменные черты.

— Тоже перед нашим приходом. Но на этот отряд при переходе на плато Нежданного Спокойствия было совершено пять нападений маунтов и мимикрозавров, а на базу ни одного! Легко подсчитать — и мы подсчитали, — что тот поток излучения отрицательных эмоций, который исходил от всех находящихся в лагере девяти человек, недостаточен для того, чтобы пробить энергозавесу, отсюда и умиротворение маунтов. Эти ползающие горы чудовищно чувствительны ко всем биополям, в чем состоит их основное оружие в борьбе за существование: чтобы прокормить себя, они должны чутко добывать задолго до того, как добыча учует их, замаскироваться-то им, как мимикрозаврам, нет никакой возможности. Вероятно, они относятся к вымирающему классу, да так оно и есть, потому что, по данным биологов, на планете обнаружено всего одиннадцать стад маунтов, из них семь — на вашей материке, и в каждом стаде всего по два десятка особей. Двести двадцать маунтов на всю планету! А вы ведете с ними настоящую войну! «Охотники на бизонов»...

Богданов замолчал, молчали и все остальные.

— Вы можете спросить: почему же маунты не напали на нашу группу, когда мы только-только приземлились? Ответ прост: мы не излучали в диапазоне страха и зла! И не излучаем до сих пор, поэтому и на базу прекратились нападения, несмотря на выключенную защиту. А чувство, или, если хотите, инстинкт, заставивший маунтов обратить внимание на человека, не что иное, как любопытство! Да-да, любопытство! А вы с первого своего шага приняли его за проявление агрессивности, палите из всех стволов по существам, которые по интеллекту в родстве с нашими дельфинами.

«Чепуха!» — говорил взгляд Моммы, но вслух он этого не сказал.

— Ловко! — кряхтя, снова вмешался Крут Зотов. — Ловко вы подвели платформу под идеи Дария! Однако позволю себе усомниться в некоторых ваших выводах. Очень уж быстро у вас получается: пришел, увидел, победил! Фактического-то материала у вас почти нет? Я имею в виду, обработанного материала, а не тех фантазий, которыми снабдили вас наши мальчики. А такие утверждения, что начальник...

— Не надо, Крут, — поморщился Момма, и Зотов сразу замолчал.

— Я думаю, вы поняли, — тихо сказал Богданов. — Действительно, фактов у нас мало, но поэтому-то и надо все проверить, а не переть вперед а-ля йови. Правда, я не сказал о главном доказательстве. — Он помедлил. — Судя по ситуации на Триасе, «зеркала», к которым вы поразительно равнодушны, появляются именно в тех местах, где человек вольно или невольно начинает вести себя... не как человек, где он переступает грань дозволенного, четко определенную нормами экоэтики. Вдумайтесь в это слово: экоэтика! Глобальная ответственность человека за все, что живет! А вы — плазменные пушки, «универсалы»... лазеры!

В кают-компании разлилось тяжелое молчание, прерываемое тонкими пискми пульта возле незрячей стены виома.

— Маунты! — доложил вдруг кто-то из дежурных наблюдателей. — Три с юго-востока.

Момма сделал шаг к пульта, но посмотрел на Богданова и остановился.

— Включить защиту? — обернулся от пульта Владриг.

Богданов молчал.

— Нет, — колебавшись, сказал начальник экспедиции. — Будьте наготове, если они полезут за черту безопасности.

— Мы завтра уходим, — сказал Богданов, подзывая Томаха. — Слава, твое мнение?

Остальные поняли, что разговор вошел в русло конфиденциальности, задвигались, заговорили о своем, разбившись на группы.

— Мое мнение — отстранить Исиру Момму от руководства экспедицией, — жестко сказал Станислав. — За несоблюдение второго параграфа должностной инструкции о руководстве экспедиционными отрядами Даль-разведки, а также за игнорирование норм экоэтики в планетарном масштабе.

Богданов пристально наблюдал за Моммой. Тот дрогнул ноздрями, губы сжались,

словно перекусывая готовые вырваться слова.

— Согласен, — сказал наконец Никита. — Однако отстранять от руководства экспедицией я вас не буду. Пока. Только теперь все требования Дария будут выполняться так же, как и ваши собственные, а сам он должен находиться здесь. Согласны?

— А что мне остается? — сердито сказал Момма. Он не был способен признаваться в поражении, и, хотя требовательность его была однобока и граничила с жестокостью, руководить он умел. «Что ж, — подумал Томах, — не верится, что столь прямолинейный в стремлении доверять только своему опыту, считать свое мнение единственно верным человек вдруг „исправится“, но, может быть, он хотя бы способен идти на компромиссы?»

«Мы достаточно легко проникаем в космос, — думал Филипп, — технически просто. Вот только решить, как вести себя там, далеко от Земли, в глубинах пространства, непросто. Вернее, решить-то, наверное, легко, а претворять решения в жизнь...»

— Так что же такое ваши «зеркальные перевертыши»? — осторожно спросил Момма у Богданова, когда все разошлись на отдых и кают-компания опустела.

— Видеопередатчики с палиндром-эффектом, — ответил тот, глядя на багровое зарево заката, расчерченное в косую линейку стрелами облаков. — Кто-то через них наблюдает за нами. А может быть, «зеркала» просто нечто вроде указательных знаков: «Осторожно! По газонам ходить воспрещается!» Или так: «Капризным детям вход воспрещен!»

Момма хмыкнул.

— Не слишком ли вы упрощаете? К чему тогда им палиндром-эффекты? Задержка предметов во времени и выдача в повернутом положении? Мне кажется, причина появления «зеркал» намного сложнее, чем вам представляется.

— Это нас и тревожит.

Из черной стены леса бесшумно выпрыгнула нелепая масса маунта, и впервые за месяцы пребывания экспедиции на поверхности Триаса в кают-компании не прозвучал сигнал тревоги.

Утром следующего дня, начавшегося угрюмым серым туманом, Богданов первым рейсом отправил на спейсер ненужную больше технику, затем группу экспертов во главе с Бруно; третьим рейсом отправлялись последние десантники: Богданов, Томах и Филипп, мрачно-неудовлетворенный тем, что его помощь никому не понадобилась.

Ни один из «зеркальных перевертышей» захватить с собой не удалось: наутро их просто не стало — свое дело они сделали.

Провожал десантников Владриг, смущенный непривычностью ситуации и неумением прощаться.

— Извините, коли что не так... Ребята передают вам привет и пожелание чистого пространства.

— Спасибо, взаимно, — поблагодарил Богданов, пожимая ему руку. — Только не выставляйте напоказ свое бесстрашие при встрече с маунтами. Не всегда ведь животные поступают так, как нам хочется, осторожность в контактах подобного рода не помешает.

Десантники помахали руками работающим на космодроме инженерам экспедиции и скрылись в когге.

— Ну и тип этот Исиро Момма! — проговорил Филипп, когда они расселись в рубке.

— Полегче, полегче, — вполголоса заметил Богданов. — Все же он вдвое старше любого из нас. Любить его необязательно, но то, что он опытен и решителен, заметно.

— Его же бояться. Откуда брать уважение и любви?

— А что? Мне он нравится, — заявил Томах, вызвав беглую улыбку на губах Никиты. — Серьезный, знающий, целеустремленный, немного жестковат, правда, в отношениях с подчиненными...

— Грубоват, а не жестковат, — возразил Филипп.

— В меру, в меру, дружок, кто из нас не бывает груб в иные моменты? Плохо, конечно, когда эта черта превращается в норму поведения, но, по-моему, Момма просто уверен в

непогрешимости, правильности и логичности своих поступков.

— Чересчур уверен, на грани культа. — Богданов сам сел в кресло пилота. — Однако, думаю, наше решение заставит его пересмотреть шкалу личных ценностей ориентации.

— А если нет?

— Тем хуже для него. У Дария большие полномочия, просто он не привык требовать от других выполнения тех правил, которые считает само собой разумеющимися. Это, кстати, большой минус ему как руководителю. А с Моммой... в случае продолжения практики фауноцида Даль-разведка сменит руководителя экспедиции. Ну, поехали?

Когг ярко-голубой стрелой вонзился в низко нависшую иссиня-фиолетовую пелену облаков. Внизу осталось серое море тумана и грязно-зеленые острова великаньего леса. А затем впереди показался летящий навстречу аппарат, как две капли воды похожий на когг десантников, и, как ни старался, Богданов отвернуть не смог. Когг на всей скорости воткнулся в... громадное зеркало! Тьма хлынула в рубку, погасив сознание пилотов, как вода — тлеющие угли костра...

Филипп поднял гудящую голову и в первую очередь осмотрелся, пытаюсь сориентироваться и определить, что ему угрожает. К его удивлению, рубка оказалась абсолютно целой, а не разбитой вдребезги, если принять во внимание потрясший их удар. Пульт по-прежнему играл спокойной желто-зеленой гаммой индикаторных огней, а в обзорном виоме разворачивалась в плоскость близкая планета.

— Ничего не понимаю! — подал голос Томах. — Голова гудит, будто меня здорово ушибли обо что-то твердое. И не один раз...

— Мы падаем, — показал на виом Филипп.

Станислав повернулся к молчавшему Богданову.

— Ты жив? Куда мы там падаем?

— Не знаю, — ровным голосом отозвался Никита.

— Как это — не знаю? Включай двигатель и дуй подальше от этого неуютного Триаса! Мне показалось, что мы столкнулись с чьим-то коггом. И в результате у меня от толчка случилось какое-то минутное отключение.

— Во-первых, мы столкнулись с «зеркалом», во-вторых, со времени «толчка» прошло полтора часа, по зависимому времени, конечно, а в-третьих, мы не над Триасом.

Станислав и Филипп переглянулись, потом одновременно стали разглядывать приближающуюся поверхность планеты.

— Да, это не Триас, — сказал Томах наконец. — Где это мы, мужики?

Богданов мельком посмотрел на него и снял с головы эмкан.

— Спроси что-нибудь полегче. Я знаю только, что когг на всей скорости «провалился» в «зеркальный перевертыш», отсюда удар и потеря сознания. А вышли мы из «зеркала» уже здесь, и теперь нас ведут на силовом поводке. Двигательная установка не включается, можете попробовать.

По рубке поползла настороженная тишина. Трое молча смотрели на мозаичное поле планеты, составленное из разноцветных, удивительно ровных квадратов. Каждый квадрат занимал площадь не менее десяти тысяч квадратных километров и с высоты напоминал обработанное поле. Однако в окне дальновидения одно из таких «полей» распалось на холмы и долины, горные страны и равнины, окутанные странным волокнистым туманом, и Филипп перестал подбирать аналоги к удивительной картине.

Когг ускорил движение, провалился вниз сразу на несколько десятков километров. Пол и потолок временно поменялись местами, потом последовал двойной рывок, и когг прочно утвердился на дне странного четырехгранного колодца с разноцветными стенами, уходящими вверх на неведомую высоту. Ошеломленные безопасники, готовые тем не менее к действию — автоматическое проявление специфики спасательной работы, въевшейся в душу и кровь, — смотрели на туманные стенки «колодца», пропускающие ровно столько света, чтобы не напрягать зрение. Дно «колодца» имело густой черный цвет, так что казалось

— его нет совсем.

— Ирония судьбы, — нарушил молчание Томах. — Случись это с кем-нибудь — не поверил бы!

— Ирония судьбы — это нечто вроде слепого невидимки, — возразил Богданов. — К нашему случаю сие определение не подходит, уж очень явно вмешательство какого-то заинтересованного фактора.

Станислав с минуту раздумывал, потом вдруг что-то вспомнил:

— А ну-ка проверь, двигатель все еще не включается?

Богданов посмотрел на него с удивлением, надел эмкан и через несколько секунд снял.

— Странно, команды проходят! Может стартовать хоть сейчас.

— В этом все дело. Ты прав, нас «похитили» с определенной целью, посадили здесь специально и ждут, что мы поступим как разумные существа.

— Не мудри.

— Ну, то есть бегство — не критерий разумности в нашем положении. Давайте выйдем, осмотримся, взлететь мы всегда успеем, раз нам оставили эту возможность. Любопытно все же, куда нас занесло.

Спустя несколько минут, уточнив характеристики атмосферы неизвестной планеты и надев легкие «прогулочные» скафандры, они ступили на черное, как свежий асфальт, дно «колодца».

Филипп топнул ногой: черное вещество пружинило и поглощало звук. Отойдя от когга на несколько шагов, он огляделся. Дно «колодца» было квадратным со стороной метров сто двадцать. Стены его казались стеклянными и в то же время зыбкими, колышущимися: одна из них была зеленоватой, вторая — тоже зеленой, но гораздо более яркой, третья — фиолетовой, четвертая — белой.

Филипп коснулся рукой в перчатке зеленоватой стены. Рука свободно прошла сквозь зеленое нечто, исчезая, как в слое тумана, а он почувствовал тепло и выдернул руку.

— Что там? — подошел Богданов.

— Туман... никакого сопротивления... только руке стало тепло.

Никита осторожно повторил эксперимент: рука по локоть вошла в струящуюся зелень стены, пропав из поля зрения.

— И правда, тепло... Вероятно, какое-то физическое поле. Интересно, а другие стены?

Другие стены реагировали на прикосновение точно так же: видимое нечто не препятствовало проникновению в него твердых предметов, но давало о себе знать ощущением возникающего тепла.

Побродив по черной площадке, десантники собрались у надежной башни десантного шлюпа.

— Стоит рискнуть проникнуть сквозь одну из стен, — сказал Томах, посмотрев на часы. — По-моему, вещество или поле — из чего оно там состоит — безвредно. В глубине души убежден, что все происходящее с нами запрограммировано и контролируется Наблюдателем, иначе наше приключение не имеет смысла. Он решил либо испытать нас, что требует доказательств, либо что-то показать. Отсюда вывод: мы должны быть или сообразительнее, или...

— Ого, — усмехнулся Богданов. — Каскад гипотез! Ну, и второе твоё «или»?

— Или решительнее. Второе «или» может оказаться верным. Уж в том, что мы часто гораздо более решительны, чем сообразительны, Наблюдатель должен был убедиться.

Филипп привык к тому, как Станислав, внешне грубовато, резко и небрежно утверждал свою точку зрения. Впрочем, Богданов тоже к этому привык.

— Может быть, может быть, — рассеянно заметил он.

— Но почему стены разного цвета?

— Да потому, что выходят, очевидно, в разные квадраты «мозаики». Помните, какой выглядела планета с орбиты? Нас посадили на стыке нескольких таких квадратов, и этот колодец, наверное, своеобразный тамбур.

— Логично, — кивнул Томах.

— Вопрос: что же нас, собственно, ждет там, за стенами? — продолжал Никита, словно разговаривая сам с собой.

Томах снова отметил время.

— Мы топчемся без толку уже полчаса. Что касается твоего вопроса, то у меня нет особого желания окунаться в неизвестность. Предчувствие совершенно дурацкое; будто нас ждут неприятные сюрпризы. Но ведь делать что-то надо...

— А вдруг наоборот — нас ждет контакт с Наблюдателем?

Станислав неопределенно пожал плечами.

— Не уверен, что контакт будет приятным. К тому же способ доставки нас сюда излишне претенциозен, Наблюдатель давно мог бы установить контакт с нами менее экстравагантным способом. Если бы хотел.

— Хорошо. — Богданов выпрямился и оглядел спутников. — На всякий случай переоденем эти костюмчики на что-нибудь помощней и — на разведку. Вы правы, надо действовать, раз путем размышлений нельзя решить подsunутую задачу.

Через четверть часа, экипированные так, будто им предстояло выдержать осаду десятка природных катаклизмов сразу, безопасники опробовали автоматику скафандров и сошли по трапу на черное дно «тамбура».

— В какую сторону подадимся? — спросил Томах, похожий на угловатую каменную глыбу, впрочем, все они сейчас ничем не отличались друг от друга — остроконечные, непрозрачные внешне конусы шлемов и горбы генераторов поля на спинах делали их уродами, вернее, выходцами из «иных измерений».

— Может быть, сюда? — Богданов показал на белую стену.

— Давайте жребий, — предложил Томах.

— Да что вы, в самом деле! — взбунтовался Филипп. — Все равно придется все стены проверить. Еще неизвестно, попадем ли мы куда-нибудь. Меня лично тянет в эту сторону. — Он ткнул пальцем в фиолетовую стену, самую темную из всех.

— Логично! — с восхищением сказал Томах.

Богданов засмеялся. Подошли к стене.

— Можно, я первым? — быстро спросил Филипп и, не дожидаясь ответа, шагнул в зыбкую пелену.

По всему телу прошла волна тепла, будто он окунулся в теплую воду. Подождав неприятных ощущений — их не было, — он высунул голову назад, что явилось неожиданностью для оставшихся, и сказал:

— Все нормально, иду дальше.

Затем снова залез в стену и очутился в странном сумеречном мире: перед ним простиралась черная равнина с разбросанными кое-где по ней белыми, как снег, глыбами. Над равниной нависало угрюмое фиолетовое небо с тремя яркими синими звездами, лучи которых высекали в глыбах ослепительные голубые искры. К горизонту уходили какие-то темные массивы, не то горы, не то лес — света трех звезд не хватало, чтобы рассмотреть все более подробно. И еще: здесь мелко-мелко тряслась почва и откуда-то доносился глухой рокот, словно за горизонтом грохотал вулкан. Кроме того, сила тяжести в этом мире превышала земную почти в два раза, пришлось включить генератор поля, снявший с тела пресс силы тяжести.

Филипп огляделся и присвистнул. Сзади него простиралась та же мрачная равнина, никакой стены не было.

Рядом возникла чья-то фигура и изрекла голосом Богданова:

— В следующий раз высеку за самодеятельность!

Томах появился, как чертик из коробки:

— Что-то тяжеловато здесь, братцы.

Богданов сделал два шага вперед и оглянулся.

— Ага. Я было начал сомневаться.

Томах стал рядом, посмотрел на то место, где стоял раньше, и хмыкнул. Филипп с любопытством оглянулся и увидел висящее в воздухе тонкое светящееся кольцо.

— Выход, — сказал Богданов, прошел к кольцу, шагнул в него и исчез. Через несколько секунд появился снова. — Порядок.

Томах осмотрелся.

— Жутковатое место, вы не находите?

Равнина уходила за горизонт, мрачная, выжженная, усыпанная не то сажей, не то пеплом, не то черным песком, и лишь белые глыбы, похожие на ледяные айсберги, играющие в гранях холодным огнем, да три колющих глаза звезды вносили некоторое разнообразие в необычно монотонный пейзаж.

— Похоже на Шемали, — произнес Филипп. — Там тоже все черное и угрюмое.

— Все да не все, — возразил Богданов. — Цветовая гамма не та, слишком напоминает потухший ад. Так и кажется, что здесь недавно все горело.

— Не знаю, потухший ли, мой термо показывает температуру почти плюс двести сорок по Цельсию.

— Тогда те глыбы — не лед и не снег.

Помолчали, чувствуя себя неуютно.

— Не нравится мне этот ландшафт, — пробормотал Томах. — Не знаю почему, но не нравится.

У Филиппа тоже появилось какое-то гнетущее чувство тревоги. В воздухе «пахло» угрозой, но эта угроза не была обращена к ним, она была давняя, застарелая и пропитала все вокруг так основательно, что невозможно было сомневаться в неблагополучии странного «потухшего ада».

Вдруг что-то изменилось. Филипп не сразу понял, что просто прекратилась дрожь почвы и умолк далекий глухой рокот, единственный звук, будоражащий воздух не то ночи, не то дня.

— Не забудьте о записи, — предупредил Богданов, поправляя на плече зрачок видеокамеры. — И запомните, куда надо бежать в случае осложнений.

— Думаешь, придется бежать?

— Не знаю. Давайте пройдемся немного, до первого «айсберга», что ли, и вернемся.

Рассредоточившись так, чтобы видеть друг друга и в то же время наблюдать за обстановкой, они двинулись по скрипящей под сапогами «саже» к одной из сияющих белых глыб.

Не успели пройти и сотни шагов, как вдруг из-за горизонта взметнулась дугой длинная искра и вспыхнула над равниной ослепительным клубком голубоватого пламени. Все предметы на равнине выступили четко и рельефно, протянув угольно-черные тени. Лишь неясные темные массы так и остались неразличимыми, словно застывшие бурые клубы дыма.

Из-за горизонта вынеслась еще одна звезда, затем еще одна. И в тот же момент из дымоподобных громад выпрыгнули стремительные ручьи жидкого пламени и потекли, причудливо извиваясь, к белым «айсбергам».

По нервам людей ударило болезненно и сильно.

Филипп увеличил напряженность защитного поля, стало легче, но в довершение ко всему ему показалось, что он слышит чей-то долгий, тонкий, мучительный крик, чей-то зов о помощи, хотя рядом не было никого, кто мог бы так кричать.

Ручьи преодолели расстояние до белых глыб, и те внезапно зашевелились, стали растрескиваться, окутались белым паром... «Крик» захлебнулся, перешел в хрипящее бульканье — все это на уровне мысленного приема — и пропал.

Сквозь пар, окутавший ближайший «айсберг», люди увидели золотистый факел огня, осветивший какую-то сложную многогранную фигуру, нечто вроде груды кристаллов, затем раздался глухой взрыв, и все скрылось в густом фонтанирующем пару...

Словно сделав свое дело, играющие холодным ртутным блеском «ручьи» возвращались обратно, укорачивались, уходили в пухлые нечеткие массивы другого «дыма», бурого. Исчезли. Световые «бомбы» в небе погасли, и стало почти темно. По всей равнине вместо белых «айсбергов» некоторое время светились странные алые холмики, похожие на кучи углей, но и они потухли. Равниной завладела тьма.

Из-за горизонта донесся знакомый рокот, и снова затряслась почва.

— Вот и весь концерт, — пробормотал Томах.

— Пошли назад, — скомандовал Богданов. — Иначе мы рискуем стать мишенями вместо этих «кусков льда».

Словно в ответ на его слова из густой клубящейся тьмы, оконтуренной только фиолетовым свечением небосвода, вылетел серебристый ручеек и направился к попятившимся разведчикам.

— Не останавливайтесь, — хладнокровно сказал Богданов. — Быстро на холм!

Друзья повиновались и в несколько прыжков достигли точки выхода — красное кольцо исправно показало дорогу в «тамбур».

Богданов терпеливо дождался, пока ручей пересечет те несколько сот метров от своего облакоподобного обиталища до людей (даже в полусотне метров от него у Филиппа появились болезненные ощущения в позвоночнике и крупных нервных узлах тела), и включил прожектор. Яркий клинок света вонзился в ручей, и тот резко снизил скорость течения, затем остановился совсем. Никита выключил прожектор, подождал и снова включил.

«Озадаченный» ручей попятился и вдруг... загорелся по-настоящему! Все вокруг озарилось дрожащим пугливым светом. В буром «дыму» прозвучали два глухих удара, вздрогнула почва, и люди увидели, как из тьмы на них сначала медленно, а потом все быстрее покатился бурый бесформенный вал. Голову Филиппа охватила усиливающаяся боль, по нервам словно стегнули горячим кнутом!

— Никита! — крикнул Томах, но Богданов не стал дожидаться новых сюрпризов и метнулся назад. Все трое, тяжело дыша, вывалились на матово-черную поверхность «колодца». В центре квадрата уютно светила габаритными огнями башня когга.

— Тишина и спокойствие, — отдышавшись, сказал Томах.

— Разведали, — в тон ему отозвался Филипп.

В рубке разделись, без единого слова позавтракали и принялись изучать вытянутые физиономии друг друга.

— Что дальше? — спросил наконец Богданов, уходя взглядом в себя; Филипп понял, что Никита взвешивает собственное решение.

— Мы слишком мало видели, — пробормотал он.

— Да, — согласился Томах, — понять что-либо трудно.

— Придется идти снова, — кивнул Богданов.

— Только уж выбирать направление на этот раз буду я, — поднял руку Станислав.

Они снова облачились в тяжелые противоядерные балахоны, известные в Даль-разведке под названием «панголины», и на всякий случай предварительно прощупали эфир в радиодиапазоне антенны шлюпа. Но эфир был пуст и тих, динамики лишь слабо потрескивали немногочисленными, прорвавшимися сквозь толщу атмосферы колодца быстрыми ионами.

— Я предлагаю нырнуть сюда. — Томах остановился возле темно-зеленой стены.

Богданов пожал плечами, и они почти одновременно шагнули в малахитовое строение перегородки, отделяющей колодец-тамбур от квадрата со своей жизнью. Десантники уже поняли особенность мозаичной планеты: каждый квадрат ее мозаики представлял, очевидно, ограниченную силовыми завесами область с резко отличающимися от соседних жизненными условиями.

Они оказались в котловине, придавленной низкими, несущимися с большой скоростью облаками. Котловина заросла черными шарами с густой щетиной колючек, в центре ее

обнаружилось не то озеро, не то болото с проплешинами тяжелой, похожей на ртуть жидкости, затянутое по краям ржаво-зеленой пленкой. Сила тяжести и в этом мире не соответствовала земной, хотя и была близка к ней.

В нескольких шагах от людей на берегу озера возвышался странный холм, покрытый чем-то вроде металлических плит. Филипп первым обошел его, оскальзываясь на зеленых буграх, скользких, как жидкое мыло, и с содроганием обнаружил, что холм — лежащий на боку зверь! Мертвый зверь, судя по гигантской многометровой ране в его боку.

В длину гороподобное страшилище достигало не менее пятидесяти метров и заканчивалось короткой шеей с жуткой головой, похожей больше на грибообразный, весь в перепонках, нарост. В полураскрытой пасти зверя, откуда еще шел синеватый дым, лежало нечто напоминавшее черное скользкое бревно, перекушенное почти пополам. Ног у мертвого чудовища, как и у «бревна», не было видно, и Филипп вспомнил маунта на Триасе: маунт был, конечно, в три раза крупнее этого гиганта, но и мертвый зверь впечатлял.

— Мать честная! — выдохнул Томах, не подходя близко. — Ну и велика же творческая потенция у природы!

— А ведь его убили недавно, — пробормотал Богданов, стоя у борозды в боку исполина, сочащейся сизым дымом. — Рана свежая.

— Похоже, в него всадили ракету, — сказал Филипп, падая на бок; удержаться на зеленых склонах, покрытых пастообразной, чрезвычайно скользкой массой, было нелегко. И вдруг у него возникло острое чувство тревоги.

— Слава, — позвал он, озирая окрестности, — чую опасность.

Но предупреждать никого не требовалось: и Богданов, и Томах уже насторожились, отзываясь на «звонок» тревоги, включенный подсознанием.

— Все сюда! — негромко проговорил руководитель группы, скрываясь за скопищем черных «ежей», как они окрестили растительные шары. Укрытие было ненадежным, но все же защищало от любопытных взглядов, появившись здесь другие существа. И существа появились — собратья погибшего исполина. Издавая гулкие шлепки, с треском вспарывая заросли «ежей», чудовища выползли из-за обрыва на склон котловины и заскользили вниз. Ног у них при движении не было видно, так что невозможно было понять, как они передвигаются.

Одно из чудовищ вдруг замедлило скольжение, и его безобразная голова повернулась в сторону спрятавшихся в сотне метров людей. В ту же секунду из болота с плеском вылетела громадная черная торпеда и вонзилась в бок гиганта. Грохот, короткое оранжевое пламя, из бока животного с шипением вырвалась струя синего дыма. «Ящер» молниеносным движением, какого от него трудно было ожидать, поймал «торпеду» раскрытой пастью. Каменно-металлический лязг, хруст, сдавленный вопль — и все стихло. Только из бока раненого продолжала со свистом хлестать струя дыма, на глазах меняя цвет с синего на бурый.

Трое из оставшихся бронированных великанов окружили раненого, остальные направились к мертвому, остановились и — Филипп не поверил глазам — склонили страшные свои головы у трупа! Через минуту к ним присоединились остальные трое вместе с раненым и также застыли неподалеку в недвусмысленном ритуале.

— Честь отдают, ей-Богу! — прошептал Томах.

Чудовища разом вздернули головы, покачивая наростами, осмотрели заросли колючих шаров. Одно из них долго и подозрительно глядело в сторону замерших разведчиков, в то время как его приятели что-то делали вокруг мертвого собрата. Когда они закончили возню, от трупа не осталось и следа. То ли они зарыли его, то ли сбросили в болото, то ли вылечили (Филипп пожалел, что не догадался подсчитать, сколько их было вначале). Потом всей группой неподвижно постояли около минуты на берегу, вглядываясь в воду и ворочая головами-локаторами, и один за другим поползли прочь, причем тот, что стоял на страже, всматриваясь в заросли, все время оглядывался. Они бы так и уползли, если бы не Томах, пробормотавший:

— Могу побиться об заклад, что... — Фразы он не закончил.

Оглядывающийся исполин метнул вдруг в их сторону стометровый огненный язык. Сильно зашипело, с треском вспыхнули «черные ежи», людей бросило силой удара на склон холма, однако реакция у всех была отменной, и генераторы поля защитили их от еще одного огненного удара.

Гигант, очевидно, не видя того, что предполагал увидеть, подозрительно поворачивал головой и с достоинством удалился за поджидавшими его товарищами.

Постояв с минуту и вслушиваясь в наступившую тишину, десантники наконец зашевелились.

— Что ты хотел сказать? — спросил Богданов. — Ты же хотел с кем-то биться об заклад.

— А-а... уж очень осмысленными выглядели их действия. Вот я и подумал: не разумны ли они?

— А сейчас так не думаешь?

Станислав нагнулся, растер в руке ком пепла, оставшийся от колючего черного шара.

— Не знаю.

— Кто же в них стрелял? — спросил Филипп. — Прямо из озера... как будто торпеду запустили из подводной лодки.

— Никто не стрелял. Эта черная «торпеда», что ударила в бок дракона, скорее всего тоже какое-то животное. Вспомните, точно такое же торчало из пасти погибшего.

— На драконов эти звери не похожи, — педантично отметил Богданов, — нет крыльев.

— Надо же их как-то называть. Впрочем, ты среди нас единственный, кто близко знаком с ксенобиологией, можешь классифицировать местную фауну сам.

— А ведь интересная ситуация. — Богданов выглянул из-за уцелевших «ежей»; с десяток их догорало малиновым пламенем на склоне котловины. — Мне тоже их действия показались целесообразными. А ну как в самом деле разум!

— Давайте посмотрим, куда они дели убитого, — предложил Филипп.

Но посмотреть им не дали. Потому что из свободных от зарослей окон в болоте полезли на берег знакомые черные «торпеды» толщиной с туловище человека и длиной около десятка метров. Издали они больше напоминали черных скользких червей, но вблизи — громадные столбы с тупыми концами. Ни глаз, ни рта, ни конечностей люди у них не заметили, и тем не менее «бревна» ползли, прямые, ровные, круглые, ни дать ни взять — телеграфные столбы в смоле!

Они выползли на берег, порыскали вокруг, потом собрались вместе и странным образом соединились в какую-то решетчатую конструкцию, нечто вроде скелета пирамиды.

Филипп едва сдержался, чтобы не выразить удивления вслух, но вовремя вспомнил реакцию «драконов» на их разговор. «Бревна» тоже могли воспринимать радиоволны.

«Скелет пирамиды» простоял минут пятнадцать — полчаса, а так как он и не думал распадаться, Богданов дал знак возвращаться. Знакомая алая окружность указала направление, и вскоре они стояли на черном полу колодца, обляпанные зеленым с ног до головы.

— Мыться, — со вздохом сказал Богданов. — Потом еще раз попытаем счастья.

— Зачем? — буркнул Томах.

— Затем, что я все еще не знаю причин, по которым нас забросили сюда. Может быть, ты уже разобрался?

— Но и в этих картинах нет намека на ответ. В одном квадрате дерутся, в другом... — Станислав замолчал и задумался.

Филипп насторожился, показалось, что он понял, почему их без предупреждения бросили на планету-мозаику, но мысль мелькнула и исчезла, оставив острое чувство сожаления и досады.

Переодеваться не стали, только очистили в коридорных фильтрах когга скафандры. Богданов заторопился, решив осмотреть оставшиеся квадраты за полчаса.

— Белый? — спросил он, выходя из корабля.

— Меня тянет в зеленый, — заколебался Томах. — Эта стена светлей, чем та, где мы только что побывали.

Никита кивнул, и десантники дружно шагнули в дымную стену, не ведая, какой сюрприз преподнесет им Его Величество Случай...

Глава 12 КРАСНАЯ КНИГА

Того, что они увидели, никто увидеть не ожидал. Они вышли из стены тамбура и оказались... на Земле!

Перед ними лежало поле неубранной ржи, а может быть, и пшеницы — Филипп слабо разбирался в культурных злаках полуторавековой давности, просто знал, что когда-то хлеб получали из зерна. Слева поле отгораживала полоса осеннего, будто объятая пожаром леса, а справа поле и в самом деле горело, и черно-бурые клубы дыма плыли над проселочной дорогой, догоняя странные приземистые машины в пятнах камуфляжа, с крестами на бортах.

Издалека на поле выливалась каша грохочущих, металлических звуков, в которой изредка бухали громкие раскаты, и Филипп догадался, что это перестрелка.

— К ракитнику! — резким, неприятным голосом скомандовал Богданов; они, пригибаясь, перебежали пригорок и спрятались в негустом кустарнике за поваленным недавно деревом.

В воздухе над ними раздался сверлящий уши звук, над полем тенью промелькнул знакомый по историческим хроникам силуэт военного самолета.

Перестрелка за лесом усиливалась, приближалась, приземистые машины с длинными дулами орудий остановились на пыльной дороге и развернули башни к лесу. Неподалеку от спрятавшихся зрителей остановился тупорылый грузовик, из кузова на поле посыпались люди в серо-зеленом обмундировании. Донеслись лающие звуки команды, люди бросились к лесу через рожь.

— Мне знаком их язык, — медленно проговорил Томах.

— Немецкий, — бросил Богданов. — Все, что мы видим, это Земля середины двадцатого века. Более точно — сороковые годы двадцатого, действие — вторая...

— Вторая мировая война!

Богданов прижался всем телом к земле.

— Для моих предков это была Великая Отечественная война. Да, сюрпризец что надо!

Он снова приподнялся на локтях, всматриваясь в чужие машины для уничтожения — танки. На Земле и в двадцать третьем веке существовали танки, но то были исследовательские машины, предназначенные для работы в экстремальных условиях, а тут кто-то решил напомнить людям о грозных предках этих машин. Зачем?..

Танки с крестами на бортах оглушительно замолотили воздух выстрелами. Возле них тоже запрыгали кусты разрывов — ответных выстрелов десантники не видели, но поняли, что по врагам открыла огонь артиллерия русских...

— Наши бьют, — буркнул Филипп, невольно причисляя себя к тем, кто защитил когда-то Землю от варварства фашизма. Никто его не поправил, не бросил шутку, память о том времени была священна, и мысль у всех была одинаковой.

Танки на дороге дрогнули, попятились. Одна машина вспыхнула, остальные, отстреливаясь, повернули к дуге леса, избегающего на цепь холмов километрах в пяти отсюда.

— Что будем делать? — спросил Станислав, когда с другой стороны показались русские танки и донеслось долгое «ура», от которого у десантников невольно сжались сердца. — По-моему, все понятно.

— Что тебе понятно?

— Ну, с этим вот. — Томах повел рукой, очерчивая круг. — Показана часть

человеческой истории, далеко не лучшая часть, прямо скажем. Единственное, что пока неясно, видеофильм этот вроде наших голографических видеопластов или материальное воплощение.

Филипп потрогал рукой голые ветки ракитника, попробовал пальцем упавший ствол дерева, ощущая его неподатливую твердость, хотел сказать, что предметы здесь не похожи на голографические призраки, но тут совсем рядом в нескольких шагах разорвался снаряд. Взрывной волной десантников швырнуло на дерево, и, пока они приходили в себя — скафандры выдержали, но сотрясение было приличным, — их заметили.

Филипп сначала не понял, что за толчки пересекли грудь, потом понял — пули! В них стреляли, причем стреляли с двух сторон: отступающие немцы и приближающиеся русские солдаты.

— Назад, к выходу! — приказал Богданов, первым включая защитное поле. Он встал, не обращая внимания на выстрелы — со стороны русских стрельба прекратилась, — сделал несколько шагов и словно споткнулся: пригорка, с которого они вступили в этот мир, не существовало. На его месте дымила воронка глубиной около двух метров, и алая окружность выхода в «тамбур» светилась точно над центром воронки. Допрыгнуть до нее в скафандрах даже при наличии генераторов поля они не могли.

— Надо было взять антигравы, — сказал Томах, оглядываясь. К ним приближались два квадратных танка, угрожающе покачивая орудийными стволами.

Филипп тоже оглянулся, чувствуя, как ему целятся в спину. Он представил, какими чудовищами выглядят они со стороны — широкие, горбатые, с конусовидными головами, на поясе ряд непонятных аппаратов, — и его охватило сложное ощущение ирреальности происходящего. Прошлое Земли ушло, отступило за гранит веков, но здесь оно почему-то возродилось и властно напомнило о себе, ранив душу и заставляя память судорожно рыться на полках забытых терминов в поисках нужных слов для объяснения ситуации. И снова Филиппу показалось, что знает он, зачем им все это показывают, и снова мысль «сорвалась с крючка», спряталась в глубинах ассоциаций, ненужных воспоминаний, да и время торопило.

— За мной! — негромко скомандовал Богданов и побежал в распадок, туда, где горела рожь. Через минуту они укрылись за пеленой огня и дыма, сопровождаемые редкой трескотней выстрелов. Атакующие цепи русских воинов прокатились дальше к лесу, «ура» смолкло, и наступила хрустящая тишина, нарушаемая только дальним рокотом уходящего боя.

— Хочешь отсидеться до ночи? — осведомился Томах, усаживаясь на почерневшую, в сажу и копоту, землю. — А если смены суток у них не предусмотрены?

Богданов подкинул в руке сплюснутую пулю и протянул ее Филиппу. Тот несколько минут разглядывал свинцовую лепешку, несшую в себе чью-то несостоявшуюся смерть.

— У кого это «у них»?

— У них. — Томах снова широко повел рукой. — У тех, кто все это создал. Не будете же вы утверждать, что мы на Земле.

— И люди тоже созданы? — не сдавался Филипп. — Может быть, все привезено с Земли.

— Что же, по-твоему, они здесь так два с половиной века и воюют без роздыху? С тех пор как их «привезли»?

— Ну-у... — Филипп пошевелил пальцами. — Время здесь необязательно должно идти с той же скоростью, что и на Земле. У нас прошло два столетия, а тут, скажем, два месяца. Вспомните, «зеркальные перевертыши», один из которых зашвырнул нас сюда, каким-то образом связаны с преобразованием времени.

— Нерационально, — тихо сказал Богданов. — Техническая мощь существ, создавших мозаику миров, велика, но и они не боги и наверняка более рациональны, особенно когда дело касается энергетических затрат. Уверен: «Земля военного времени» — не более чем объемный сенсорный видеофильм. Причем включается он только при наличии зрителей.

— Положим, это спорно, — возразил Томах. — Сверху мы видели, что квадраты не

пусты, а заняты ландшафтами, а если бы ты был прав, то и мозаики этой не надо: прилетают зрители — включается фильм.

— Ландшафты могут быть созданы навечно, — сказал Филипп. — А все остальное — фильм.

— Очень уж реален этот фильм. Пуля-то у тебя в руках настоящая, а? И стреляли в нас по-настоящему...

— Вы не учитываете, что зрителей может быть множество, и картина крутится постоянно: кто-то обязательно смотрит фильмы в каждый момент времени, поэтому и нет «голых» квадратов.

Помолчали.

Перестрелка за лесом стихла, только изредка доносились щелчки выстрелов, вполне безобидные из-за расстояния. Рожь у дороги сгорела, и дым поредел, открыв хмурое осеннее небо, начавшее слезиться редким дождем.

— Нет, вы только представьте! — воскликнул вдруг Станислав. — Планета разделена на тысячи квадратов, и в каждом своя жизнь!

— Причем не просто жизнь, — добавил задумчиво Богданов, — а скорее всего разумная. Все это не наводит на размышления?

Филипп вспомнил фиолетовую пустыню со сгоревшими «айсбергами», о разуме в человеческом понимании там ничто не напоминало, и вдруг поймал-таки упорно убегающую мысль. Тысячи миров на одной планете! Тысячи жизней! Но жизней неблагополучных, судя по событиям в трех наугад взятых квадратах! Кунсткамера, вот что это такое! Паноптикум особых ветвей развития жизни во всей Галактике! А то и в скоплении галактик! Но какой же мощью надо обладать, чтобы сделать такой «паноптикум»!

— Так что будем делать? — Деятельный Станислав вскочил и прошелся по сгоревшей стерне, поднимая облачка пепла. И в ту же секунду бросился ничком на землю. — Ложитесь! Тихо!

Десантники попадали рядом, толком не поняв, в чем дело, инстинктивно располагаясь спинами друг к другу, чтобы иметь круговой обзор.

Томах похлопал их по спинам, поднес руки к шлему, давая понять, что разговаривать нельзя, и показал в ту сторону, откуда они бежали полчаса назад. В это время ветер отнес последние ключья дыма в сторону, и Филипп увидел странную фигуру, состоящую из нескольких блестящих кубов, выползавшую из «пустоты» входа. Оттуда же, откуда попали в земной квадрат они сами.

Фигура, карикатурно напоминавшая робота, как их рисовали два столетия назад — голова — куб, руки — параллелепипеды, ноги и туловище — тоже кубы, — выползла совсем, голова ее качнулась два раза, налево и направо, словно существо осматривалось, потом неизвестный посетитель взвился в небо и скрылся из глаз.

Пролежав четверть часа и никого больше не дождавшись, десантники зашевелились, принимая более естественные позы.

— Кто это был? — спросил Филипп, отряхивая живот.

— А ты не догадался? — сказал Богданов. — Зритель, как и мы с вами. Я же говорил, их должно быть много, со всех концов Галактики. Удивляюсь, как мы не столкнулись с ним раньше.

— С ним?

— Не с ним, так с другим, а то и с целой делегацией... если мои догадки верны.

Богданов повертел в руках сплюсненную пулю и зашвырнул в поле.

— Пошли, нет смысла прятаться.

Он вошел в иссякающий струйками дым и быстро поднялся на холм. Товарищи потянулись следом. А у дороги, возле дымящегося подбитого танка наткнулись на лежащего ничком человека. Он был мертв, спину пересекала цепочка рваных кровавых дыр.

— Наш, — зачем-то сказал Томах, останавливаясь.

Филипп с трудом сглотнул, отвернулся и шагнул прочь.

— Нет уж, — встал на пути Станислав. — Смотри! Такого больше не увидишь! Непривычно? Жестоко? А ты думал, им было легче?! — Он мотнул головой в сторону сгоревшей ржи. — Не здесь — на Земле! Смотри, парень, и запоминай...

— Не надо, Слава, — оглянулся Богданов. — Он запомнит и без твоего напутствия. Не для того ли нас перенесли сюда и ткнули носом, чтобы мы вспомнили, какими были? Вернее, чтобы не забывали? Не для того ли нам напомнили последнюю из Великих войн, за гранью которой осталось Великое уничтожение цивилизации? Разве не чудо, что человечество сумело остановиться на лезвии суицида?

Несколько минут прошло в молчании, тяжелом, как физическая боль, потом Томах пробормотал:

— Керри как-то спросил: чем измеряется история человечества? Как это выразить кратко? Я отвечу, а тогда не мог: история человечества — это не история покорения Галактики, как считают многие, это прежде всего история покорения человеком самого себя.

Никто ему не возразил. Перед ними лежал мертвый. Русский солдат. Человек! И если оглядеться вокруг, на поле лежало еще много людей, своих и врагов, и какая была для Филиппа разница — фильм ему показывали или кусочек настоящей человеческой истории, он и к слову «смерть» не мог оставаться равнодушным...

У воронки, над которой при их приближении загорелась в воздухе алая окружность, Богданов остановился.

— Попробуем допрыгнуть? — с сомнением предложил Станислав.

— Нет, что-то мы упускаем из виду. Мир этот не бесконечен, как нам кажется, и мы это знаем, граница его здесь... — Никита прошел слева от воронки, фигура его странно заколебалась, и... он оказался развернутым на сто восемьдесят градусов!

— Так! Убедились, стена на месте. Эффект поворота — словно у «зеркального перевертыша», видимо, это все-таки дело рук Наблюдателя, используются одни и те же приемы. Может, мы просто не умеем пользоваться входом?

— Давайте прикажем ему... — Филипп не договорил. Светящаяся окружность погасла и возникла рядом с воронкой.

— Молодец! — хмыкнул Томах, обходя Филиппа.

— Но я еще ничего не...

— А ничего и не надо. Достаточно того, что ты подумал об этом. И здесь автоматика мыслеприказа, разве что почувствительнее нашей.

На знакомом черном полу «колодца» остановились, разглядывая когг.

— Тот, квадратный, вылез отсюда, — высказал общую мысль Томах.

— Ну и что? — Богданов обошел шлюп кругом. — Зритель он, вероятно, квалифицированный, не чета нам, что ему чужая машина? Посмотрел и помчался по своим делам. Может быть, он часто прилетает на спектакли.

Томах потрогал броню шлюпа.

— Куда теперь? Домой?

— А как? — спросил Филипп. — И куда?

Богданов хмыкнул.

— Вот именно. Мне кажется, у нас у каждого складывается свое мнение об увиденном. Не будем спешить с выводами, для полноты впечатлений можно было бы посмотреть еще одну картинку, у нас осталась в запасе белая стена, но у меня есть идея. Хотите — идите туда без меня, а я еще раз погляжу на земной ландшафт.

Он повернулся и нырнул в зеленую стену, за которой его ждал мир Земли.

Филипп повернулся к Томаху, но так как скафандры не позволяли видеть лиц друг друга, пришлось задавать вопрос вслух:

— Пойдем?

— Куда? — осведомился Станислав.

— За Никитой.

— Иди, а я лучше посещу белый квадрат, все какое-то разнообразие.

Они разошлись в разные стороны.

Ради любопытства Филипп вошел в знакомую зеленоватую стену в полусотне шагов от того места, куда вступил Богданов, но вышел рядом с ним: у субстанции защитных стен имелось свойство выводить гостей в одну точку выхода в квадрат. Он вышел и остановился.

Знакомого пейзажа со сгоревшим хлебным полем не было. С трех сторон их окружал лес. Вернее, джунгли: сочный, зеленый ад, делящийся на три уровня. Первый — тунговый кустарник, второй — фикус и пальмы, третий — диптерокарпусы и бамбук. Сразу за лесом начиналась выжженная пустыня, упиравшаяся на горизонте в угрюмые черные горы. Пустыня делилась надвое неширокой рекой, вода в которой была цвета кофе с радужными разводами.

Вдоль противоположного берега реки цепочкой брели усталые люди в пятнистых комбинезонах, в руках у каждого была автоматическая винтовка (название оружия Филипп вспомнил позже), на головах каски с пучками увядшей травы. Внезапно из-за кромки леса послышался нарастающий рокот, и люди у реки мгновенно попадали на землю. Над лесом показался вертолет с какими-то фермами по бокам и под днищем кабины. С одной из ферм сорвалась дымная молния, вонзилась в то место, где лежали люди, и тех накрыл смерч разрыва. Филипп невольно рванулся вперед, но рука Богданова остановила его.

— Спокойно, парень, спокойно. Это и в самом деле только фильм, сенсорный фильм.

Оставшиеся в живых на берегу открыли огонь по вертолету, но чем закончился поединок, Филипп не узнал.

— Пойдем, — сказал Богданов. — Я так и думал.

Они вернулись в тамбур.

В когге разделись, подсели к столу, который развернул Станислав, вернувшийся чуть раньше. Поужинали (обедали еще на Триасе).

— Стартуем? — Томах посмотрел на задумчивого Богданова. — На орбите разберемся, что делать дальше. Если наш хозяин забросил нас сюда не по нашей воле, он же должен и вернуть. Я, правда, мало что понял, каша в голове.

— Можем посетить еще пару квадратов. У них здесь, по идее, должна существовать какая-то автоматика посадки в разные зоны планеты. Вспомните, как нас сажали.

— Этот колодец может оказаться единственным переходным тамбуром, и, чтобы попасть в другой квадрат, надо пересечь ближайшие от колодца.

— Едва ли, чересчур громоздко и неэкономично, пришлось бы на пересечение квадратов тратить слишком много времени. Колодцев должно быть много.

— Ну а ты что увидел в белом квадрате? — осведомился Филипп у Томаха, насытившись.

— Почти ничего. Снег там идет — ни зги не видно! Снежинки — с ладонь величиной, а самое интересное — они живые! То есть падают и... ползут! А у вас что?

Филипп оглянулся на Никиту.

— Война там идет, по-моему. Одна из войн двадцатого века, но не Великая Отечественная, попозже...

— Вьетнам, — рассеянно отозвался Богданов. — Или Ливан, трудно разобраться. Впрочем, скорее всего все же Вьетнам.

Сев за пульт управления, он жестом приказал всем зарастить скафандры и поднял шлюп в воздух. Никто не препятствовал полету, не предупреждал об ответственности за самостоятельные действия.

Из колодца-тамбура вышли на высоте тридцати километров. Панорама мозаики выступила отчетливо, хотя с этой высоты поверхность планеты больше напоминала соты. Богданов повел когг над слоем облаков — единственным, что было общим для каждого квадрата и для планеты в целом.

— Зачем ты возвращался в земной квадрат? — спросил Томах.

— Убедиться кое в чем, — коротко ответил Богданов.

— Убедился?

— Вполне.

Пролетели над зеленым квадратом, заросшим вполне земным по виду лесом, потом над голубовато-фиолетовым, за которым шел совершенно серый, ровный и голый, как стол. Встречались квадраты белые, и черные, и красные, а над желтым Богданов даже остановил шлюп — в этом квадрате шла война, что было видно и без оптики: армии необычного вида машин методически уничтожали друг друга ракетами, режущими лучами и Бог знает чем еще.

В соседнем квадрате исчезал в синем ядерном огне город, а чуть поодаль от него черная, выжженная до блеска равнина раскололась на глазах багровыми трещинами, которые выплеснули ослепительные языки лавы...

— Да, — вздохнул Богданов, — все правильно. Это мозаика истории.

— А ты что думаешь? — повернулся Станислав к Филиппу.

— То же, что и Никита, — схитрил тот, застигнутый врасплох: свою идею он хотел приберечь под занавес. — Здесь собрана коллекция войн, разве не так? Ты мне как-то рассказывал, что в двадцатом веке существовала так называемая «Красная книга исчезающих видов животных и растений».

— Была такая книга, она и сейчас существует как любопытный документ потребительского отношения человека к природе на Земле. Ну и что?

— Мне кажется, вся эта планета — «Красная книга гибнущих цивилизаций нашей Галактики». Не просто исчезающих видов животных, а именно цивилизаций. Ведь мы с трудом излечились от болезни национализма, я имею в виду человечество, войны — только видимая сторона этой болезни. А здесь вот... — Филипп встретил взгляд Богданова и сбился с мысли.

— М-да... — пробормотал Томах, с любопытством рассматривая порозовевшее лицо товарища. — В тебе прорастает социолог. — Он повернулся к Никите. — Ты тоже так считаешь?

Богданов перестал оценивающе смотреть на Филиппа, отвел взгляд и сказал:

— Ты действительно молодец, Филипп Ромашин. Я пришел почти к такому же выводу, но ты дал лучшую формулировку. «Красная книга Галактики»!.. Перечень цивилизаций, нуждающихся в срочной охране генофонда, или, иными словами, состоящих на учете в какой-то высшей инстанции Галактики как неблагополучные формы жизни...

Они не успели сориентироваться в пространстве, что желал сделать Богданов. Внезапная темнота упала на когг, хлынула в тела людей и оборвала сознание. Невидимый хозяин «Красной книги» возвращал их назад, к людям. Он показал все, что хотел.

Филипп снова очнулся первым.

В рубке было темно, лишь на пульте горели два зеленых огонька да над люком светилась алая надпись: «Блокировка».

Экраны работали, в этом он убедился, приблизив кресло к пульту, но снаружи было темно. Ночь, что ли? Шлюп вроде бы стоит на твердом грунте, но где, на какой планете? Где тут прожекторы?

Филипп нашел сенсоры включения прожекторов, но те не сработали. Темнота, казалось, стала гуще. В чем дело? Что с прожекторами?

Филипп нашарил сенсор включения борт-координатора.

— Ускорение ноль, тяготение единица, воздух годен для дыхания, индекс безопасности АД-ноль, скафандры для выхода необязательны.

— Почему не работают прожекторы?

— Выработан электроресурс.

— Что там? — раздался за спиной голос Станислава.

— Мы остались без энергоресурса, — оглянулся Филипп. — Но, по-моему, мы на Земле. Сейчас посмотрю.

Он снял скафандр, открыл люк. Темнота и тишина.

— Снова ТФ-прыжок в неизвестность без подготовки, — продолжал Томах. — В стационарных метро ничего не чувствуешь, а тут прямо удар по организму... Куда-то нас теперь занесло? Неужто и впрямь на Землю?

— Включите свет, — попросил Богданов. — У нас в аптечке были тонизирующие иглы, не Бог весть какое средство, но от встрясок немного помогает.

Дальнейшего разговора Филипп не слышал. Спрыгнув из внешнего люка на землю с высоты двух метров, он не удержался на ногах, перекувырнулся через голову и угодил лицом во что-то колючее и знакомо пахнущее. Отодвинувшись, провалился рукой в какую-то яму, ощупал ее край и ползком сдал назад, потом встал на ноги и выпрямился. Глаза уже адаптировались к темноте: над ним повис фиолетово-черный небосвод с золотистым шарфом Млечного Пути, знакомые созвездия добродушно подмигивали с высоты, откуда-то налетел ветерок и принес терпкий запах зелени, сырого песка и смол: рядом с глыбой шлюпа шелестели крупными листьями деревья, знакомо крикнула птица, и Филипп улыбнулся: он был на Земле.

В рубке его встретило многоголосие эфира и вопросительный взгляд Богданова.

— Определился? Или включать связь?

— Скорее всего север Южной Америки. Хорошо виден Южный Крест, да и запахи специфичные — сельва.

Никита набрал шифр тревожного канала УАСС, выключив звучание каналов связи и сети радиовещания. Над пультом вспыхнула нить виома, развернулась в квадрат, обрела глубину, встрепенувшийся дежурный американского филиала, сделав сосредоточенный вид, произнес:

— Слушаю, сорок третий южный тропический.

— Дайте прямую связь с начальником отдела безопасности центрального бюро Керри Йосом.

Дежурный нахмурился.

— По времени у них сейчас поздний вечер... Что-то срочное?

Богданов кивнул.

— «Две девятки».

Дежурный молча соединился с Европой и исчез из виома. Через две минуты на его месте показалась недовольная физиономия Керри Йоса.

Встретив легкую усмешку Богданова, начальник отдела от неожиданности закрыл глаза и потряс головой. Убедившись, что видит своих работников наяву, хмыкнул.

— Вот это номер! Я сплю или вы уже вернулись? Где вы сейчас?

— В Америке, где-то у дельты Амазонки.

— Но я только что имел с вами беседу, вы собирались уходить с Триаса!

Десантники с «Искателя» переглянулись.

— Как давно?

Керри мигнул, он был озадачен.

— Разве вы не знаете сами? Ну и дела!.. Минут двадцать назад. А вы часом не разыгрываете старика?

— Не до розыгрышей. — Богданов посмотрел на Томаха, тот подтверждающе кивнул. — Нас вернули в ту же минуту, что и похитили, только не на Триас, а на Землю. Так, Слава?

— Причем с легкостью невероятной.

— Может быть, объясните, в чем дело?

— При встрече.

— Хорошо. Сами сумеете добраться или прислать транспорт?

— Ресурс шлюпа высосан, но мы доберемся. Придем в себя и доберемся.

— Тогда жду! Уфф! Час от часу не легче.

— Не забудь дать отбой на Триас, чтобы не начали авральный поиск. «Искатель» пусть продолжает работу по плану.

— Сделаю. — Керри выключил связь.

Через два часа рассвело.

Перед тем как улететь, Филипп на минуту выскочил из когга посмотреть, куда это он едва не свалился ночью.

Корабль стоял на ровной серой площадке, покрытой кое-где пучками метельчатой травы и сморщенными засохшими плодами величиной с кулак, напоминавшими каштаны Триаса. Пахло ванилью, прелью и почему-то ржавым железом. Площадка была окружена со всех сторон четырехъярусным лесом. В первом ярусе, высотой около трех метров, Филипп узнал фикус, петли лиан и папоротник, а над ними высились гигантские сейбы с мощными досковидными корнями, кое-где взломавшими серый материал площадки. Подойдя к глыбам взломанного покрытия, Филипп убедился, что это бетон.

Дыра, в которую он угодил рукой ночью, оказалась идеально круглым колодцем диаметром около четырех метров, уходившим вниз на неведомую глубину. Филипп представил, как он летит в колодец, и передернул плечами. Его ночной прыжок мог закончиться весьма плачевно.

Рядом со стволом сейбы он обнаружил в бетоне квадратное углубление и в нем выпуклый ржавый щит люка с выдавленной шестиугольной звездой в центре. Он безуспешно подергал ручку люка, прикинул возраст сооружения: лет двести, если не больше. Обошел когг кругом, недоумевая, кому на Земле двести лет назад понадобилось строить в центре сельвы площадку с колодцами, и столкнулся с Томахом.

— Мы его ждем, а он прогуливается, — осуждающе проговорил Станислав, оглядываясь. — Что ты здесь обнаружил?

Филипп молча показал колодец.

— Как ты думаешь, что это такое? Бетон... все заброшено. Надо, наверное, археологов вызвать, это в их компетенции.

— Зачем археологов? Я догадываюсь, что это такое. Сюда, скорее, надо вызывать ребят из «Аида». — Томах обошел площадку, заглядывая под корни сейб, подозвал Филиппа. — Видишь? Еще колодец. Это, вероятно, древняя ракетная база. Колодцы — пусковые установки. Некогда существовала стратегическая система ракетного нападения, основа получения власти и могущества монополий и одновременно вынужденная мера защиты. Учил в школе? Вот мы и наткнулись на одну из баз. Совпадение? Мало того, что нам показали «Красную книгу», так еще и перенесли в такое место, которое ярче других напоминает худшие страницы человеческой истории.

— Что вы там нашли? — спросил Богданов, когда они вернулись в рубку.

— Ракетную базу, — сказал Томах. — Стартовые колодцы пусты, оборудование демонтировано, но все же предупредить «Аид» не помешает, пусть проверят.

Через час, посадив посланный за ними куттер на стартодроме сорок третьей южноамериканской базы УАСС, путешественники отправились на метро в секториат управления, расположенный под Брянском, на берегу Десны.

Керри Йос ждал их в отделе; он так и не ложился спать. Вместе с ним в кабинете находились седовласый Норман Спенсер, вечно усмехающийся чему-то Генри Бассард, председатель СЭКОНа Морозов и Тектуманидзе, сухой, жилистый, седоусый, бросившийся их обнимать, как только все трое переступили порог.

— Рассказывайте, — коротко сказал Керри Йос после сдержанных восклицаний и приветствий.

Богданов на мгновение замялся, но Керри его понял.

— На «Искатель» я сообщил, он пошел к Шемали. Будет там послезавтра, потом пройдет вдоль погранпостов Ориона и вернется на Землю через «Темные облака».

Богданов достал кассеты с видеозаписью, которую сделал на планете-мозаике, и включил проектор.

Во время рассказа и демонстрации фильмов Филипп исподтишка наблюдал за реакцией слушателей. Керри Йос и Спенсер были задумчивы и спокойны, хотя по разным причинам.

Морозов иногда морщился, словно от зубной боли, но это была его обычная манера держаться. Бассард шевелил густыми бровями и вздыхал, и на лице его недоумение сменялось скептической усмешкой и неприветливой холодностью.

— Да, это весьма интересно! — сказал Керри, когда Богданов закончил, и повернулся к Филиппу: — Мысль, что и говорить, занятная. «Красная книга Галактики»!.. А может, не только одной нашей, а всего местного скопления галактик?

— Не увлекайся, — проворчал Морозов.

— Я анализирую, и только. По всем самым оптимистическим подсчетам, в нашей Галактике не более двухсот цивилизаций, а по рассказам «путешественников», на планете около девяти тысяч областей-клеток, и в каждой своя жизнь! Что ж это получается — в нашей родной Галактике около десяти тысяч цивилизаций!

— Не забывай, что твои «путешественники» видели только несколько «клеток», со своими сценариями, остальные могли быть пустыми, подготовленными для очередных хищных обитателей.

— Смею напомнить, — вмешался Бассард, — что все это не более чем предположение — я насчет «Красной книги». Может статься, что эта «книга» к цивилизациям не имеет никакого отношения.

— Тогда наше приключение не имеет смысла, — пожал плечами Томах. — Зачем кому-то понадобилось переносить шлюп с экипажем на эту планету? Показать разнообразие ландшафтов? Не слишком ли щедр Наблюдатель — уверен, что это его рук дело, — развлекая нас подобным образом?

— А почему вы связываете этот случай с Наблюдателем? Четких доказательств-то нет.

— Мы столкнулись с «зеркальными перевертышами», — не согласился Богданов. — Видели все трое, так что у нас сомнений нет.

— И все же на отсутствии сомнений не построишь ни теории, ни дальнейшего плана работ, ни доклада Совету.

— Но совпадения разительны. Налицо еще одно доказательство того, что космическая экспансия человечества кому-то очень не по душе. Вернее, не кому-то, а именно Наблюдателю.

Бассард поджал губы.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, нас придерживают. Но позвольте спросить, почему? С какой стати? И почему именно теперь, когда мы покончили с антагонизмом в планетарном масштабе, когда социальная ветвь эволюции почти достигла наконец вершины?

— Потому что мы, к сожалению, продолжаем экспорт равнодушия, — сказал Томах. — Только раньше, два века назад, мы «владели» им локально, в пределах Земли, а теперь экспортируем равнодушие в космос.

— Поясните, — попросил молчавший до сих пор Спенсер.

— Пожалуйста. Давно ли мы согласились с тем, что космос — не свалка отходов человеческой технологии?

Бассард нахмурился.

— Сказано сильно. Мы давно используем безотходную технологию.

— Ошибаетесь! В Солнечной системе — да, используем, потому что это наш дом, но безотходная технология с замкнутыми циклами водо-, воздухо- и энергоснабжения дорога и применяется нами далеко не на всех планетах колонизируемой зоны. Примеры? Шемали, История, гамма Суинберна...

— Но это же... — начал Морозов. — Простите, я вас перебил.

— Вы правильно поняли. Именно на этих планетах, где не все благополучно с чистотой исследований, с экоэтикой, и проявил себя Наблюдатель. «Зеркала», например, впервые обнаружены на Шемали, хотя есть сведения, что нечто подобное наблюдалось и на Земле, и в Системе. А нарушения экоэтики? Ведь случай с экспедицией Моммы вовсе не единичен! Давайте посмотрим на себя со стороны, какими мы выйдем в глазах Наблюдателя? А то и многих Наблюдателей. Что мы успели сделать великого за двести лет выхода в космос?

По-моему, самое великое — это успели кое-где исправить содеянные ошибки! Нет? Я читал дошедшие до нас произведения писателей-фантастов и футурологов прошлых веков. В одном из них говорилось, как Мироздание начинает бороться с нечеловечеством, чтобы сохранить себя, то есть Мироздание, таким, какое оно есть. Верх пессимизма! Мать рождает дитя в надежде, что оно станет заботиться о ней, любить, ценить и помогать. Мы, человечество, — дитя Мироздания, дитя Природы, почему же мы зачастую забываем о ней? Забываем до такой степени, что пробуждается обратная связь Природы, по выражению Филиппа, «глобальная совесть Вселенной», голос которой мы и слышим-то не всегда!

Но наконец заметили. «Зеркальные перевертыши» и все такое прочее. Дали формулировку — Наблюдатель. Да, возможно, это наш старший брат в семье Природы, так давайте же чаще оглядываться на уроки истории, лучше прогнозировать последствия своих действий, чтобы надежды Матери сбылись. Иначе снова когда-нибудь упремся в тупик загрязненной среды обитания. «Человек-разрушитель» — красиво звучит? А ведь именно так мы, наверное, выглядим в глазах Наблюдателя!

— Выбирал бы выражения... оратор, — поморщился Бассард. — С экспедицией Моммы надо еще разобраться, а то мы любим вешать ярлыки. Нарушил инструкцию — хищник! Усилил требовательность — эгоист!

Богданов и Йос переглянулись.

— В торжественной речи Станислава, конечно, многовато патетики, — сказал Морозов, подмигивая Томаху, — но во многом он прав. Итак, ваш вывод — нет повода для тревоги?

— Повода нет, и он есть, — подумав, сказал Керри Йос. — Уверен, извне человечеству ничто не грозит. Поэтому поводов для тревоги такого масштаба нет. Наблюдатель в очень деликатной форме — смерть Василия Богданова не в счет — предупредил нас о пагубности экспорта равнодушия, говоря словами Станислава, и тут повод для тревоги есть. Он в нас самих, в нашем отношении ко всему, к чему прикасается человеческая рука.

— Схоластика, — буркнул Бассард. — Психологические этюды. Может, нет никакого Наблюдателя, а все эти ваши «проявления его деятельности» не что иное, как непознанные явления неодушевленной природы, фантазия которой, в отличие от нашей, безгранична.

— Такая мысль уже высказывалась, — мрачно сказал Томах. — Мне лично больше нравится выдвинутая Ромашиним идея глобального галактического поля совести. Все, что мы, люди, делаем, — отражается и преломляется в космосе и возвращается к нам обратной связью в качестве тех самых «психологических этюдов», о которых вы так пренебрежительно отзываетесь, то есть в качестве напоминаний: нельзя быть равнодушным к последствиям своих действий, слишком часто мы обжигаемся на этом; нельзя быть равнодушным к красоте, ибо в результате мы теряем ценнейшие качества души; нельзя быть равнодушным к чужой боли, потому что в этом случае мы в конечном итоге становимся равнодушными к самим себе.

Бассард усмехнулся.

— Ты, Станислав, со своей «теорией равнодушия» становишься в управлении притчей во языцех.

— А знаете, Генри, — сказал Спенсер, усмехаясь в свою очередь, — я с вами не соглашусь.

Бассард промолчал, у него был свой метод доказательства правоты.

— Считаю, что вы действуете правильно, — продолжал Спенсер, не меняя позы. — Но до конца ли вы представляете всю важность открытия Наблюдателя? И те последствия, которые нас ожидают в результате неправильной оценки событий?

В комнату вместе с молчанием вполз зябкий туман тревоги. От стен повеяло холодом и неуютным ощущением скрытно присутствующего среди них Чужого, словно Наблюдатель знал о встрече и встроил свое «зеркало» в одну из стен.

— Может быть, стоит перестраховаться? Дать по всем секторам общий «Шторм», объявить поиск Наблюдателя?

— Экстренные меры для перестраховки не годятся, — покачал головой Морозов. —

Прямой угрозы человечеству нет, да и не верю я в то, что такое возможно. Не исключаю, но не верю. Генри может меня упрекнуть в ненаучности моей веры, — Морозов слабо улыбнулся, — но она тоже рождена из фактов. Несмотря ни на что, человечество существует и намерено существовать и впредь!

— Хорошо. — Спенсер встал. — Я тоже верю, в людей в первую очередь. Действуйте, как сочтете нужным, но информируйте меня обо всех новостях. — С этими словами он исчез: присутствовал руководитель УАСС визуально, как и Бассард, «испарившийся» следом.

— Я помню его выступление на контроль-отчете полгода назад, — сказал Томах. — Тогда он был против «Шторма».

— Он и сейчас против, потому что понимает — «Шторм» мало даст нам в сложившейся ситуации, — прищурился Богданов. — Эта форма тревоги хороша для предотвращения катастрофы планетарного масштаба и выше, но никто из ее разработчиков не рассчитывал на вмешательство разума, опередившего нас, по крайней мере, на тысячу лет.

— Глобальные проблемы надо решать на свежую голову, — сказал Керри Йос и тронул пальцем сенсор: кабинет принял вид кусочка амазонской гилеи, влажно-тропического леса. — Даю вам сутки отдыха. Завтра подключу ребят из отдела Шалвы и пограничников, они сделают машинный анализ вашего путешествия, а через пару дней вернется «Тиртханкар» и привезет сведения о «перевертышах» на планетах Суинберна. После этого будем пробиваться в Совет с нашими заключениями и рекомендациями. Да-а... — вдруг задумчиво протянул он. — Хотел бы я побывать на этой вашей «Красной книге»! Знать бы, где, у какой звезды вращается эта планета. Может быть, она расположена где-то рядом?

Филипп молча попрощался с Богдановым, торопившимся домой, и остался в зале метро вдвоем с Томахом.

— Ты в медцентр? — Станислав искоса посмотрел на товарища.

— Не знаю... — пробормотал Филипп. — Может быть. Боюсь я туда идти, Слава.

Томах едва заметно улыбнулся.

— Интересное признание. Боишься — не ходи.

Филипп хмуро посмотрел на него.

— Тебе легко говорить. А ты бы пошел?

— Я? — Глаза у Томаха похолодели. — Я не упустил бы своего шанса еще пять лет назад. Не обижайся, но это правда. Ну, пока?

— Я не обижаюсь. — Филипп опустил голову, потер лоб. — Подожди, еще вопрос, у Керри я постеснялся спрашивать. Мы согласились, что проникновение человека в дальний космос начинает притормаживать Наблюдатель, так? Но если он так силен и вездесущ, а мы так порочны и бездумны, почему же, образно говоря, он не «захлопнет дверь космоса» перед нашим носом?

Станислав с минуту размышлял, посматривая сквозь прозрачную стену станции метро на веселое око солнца в океане сини, потом мягко обнял Филиппа за плечи.

— Видимо, он надеется на нас. Понимаешь? Он верит, что мы сами справимся со своими слабостями, сами в состоянии управлять своей историей.

Филипп мастерски посадил пинасс на белый снежный пяточок между красной кирпичной стеной и шеренгой молодых лип и бесшумно выпрыгнул из кабины на снег, оставив зажженным желтый огонек — предупреждение, что такси занято.

Вечерело. Парк, расчерченный безлистыми деревьями, как рисунок тушью, был погружен в полутьму и тишину, и теперь стало видно, что он недостроен: птицы еще не успели его обжить.

Проваливаясь по колено в сыпучий снег, выпавший совсем недавно, вдыхая холодный, чистый до головокружения воздух, Филипп пробрался к стене, недоумевающе оглядел ее — кладка выглядела чересчур древней — и, опираясь на руку, перемахнул на другую сторону. Только теперь, попав сюда второй раз, он смог рассмотреть дом Ребровых. Выстроенный в

стиле древнекорейской пагоды, дом стоял перед ним молчаливый и темный, как и парк вокруг. Не надо было даже проверять, чтобы удостовериться — никого в нем сейчас нет.

Филипп приуныл, задумчиво прошелся по дорожке, очищенной от снега: автоматика дома исправно несла службу и в отсутствие хозяев.

Как и все специалисты с высоким коэффициентом социальной значимости, Май Ребров имел право на постройку отдельного дома в любом уголке земного шара. Не все из них пользовались своим правом, предпочитая селиться с друзьями в общественных домах, снабженных к тому же всеми чудесами современной бытовой техники, но Ребров, по мысли Филиппа, использовал свое право с лихвой.

— Так! — сказал инспектор сам себе, усаживаясь на ступеньки мансарды со стороны главного входа, не замечая укусов мороза: начало марта на Курилах — это еще зима, причем зима без всяких там легкомысленных солнечных дней и оттепелей, и вечером шестого марта две тысячи двести восемьдесят первого года мороз на Симушире стоял нешуточный — минус двадцать четыре по Цельсию.

«Где же они могут быть? — подумал Филипп, включая тепловой обдув воротника; уши сразу перестало щипать и на затылок пахнуло приятным теплом. — Аларики нет ни в медцентре, ни на Луне, в Институте видеопластики. Реброва нет ни в Москве, ни в спортцентре, ни дома. Запросить диспетчера управления? У них-то уж наверняка есть координаты Аларики, особенно если она дежурит. Но не хотелось бы терять преимуществ неожиданности. А может быть, она не ждет меня так рано?»

Перепрыгнув полутораметровую стенку уже без помощи рук, Филипп отыскал пинасс и рванул навстречу снежному заряду, спешно перебрасываемому метеопатрулем в океан.

Через час он добрался до метро Южно-Сахалинска, введенного в строй всего месяца назад, и перенесся в Москву. Еще через четверть часа он стоял перед дверью квартиры Ивара Гладышева, досадуя на себя, что не догадался позвонить ему раньше.

Ивар был дома, но собрался уходить: по московскому времени шел десятый час утра. Увидев Филиппа, он с удивлением и обрадованной полуулыбкой пожал ему руку и крикнул, разглядывая слипшиеся пальцы.

— Полегче, братец! Ты же мне чуть руку не раздавил! Проходи, что встал на пороге? Не узнаешь?

— Извини. — Филипп прошел в гостиную. — Какие новости, семьянин? Кстати, где Кира?

Гладышев сел на один из кубов пневмомебели, разбросанных по комнате в художественном беспорядке, с любопытством разглядывая инспектора, жестом пригласил его сесть тоже.

— Однако за то время, что мы не виделись, ты возмужал. Даже хочется встать в стойку «смирно», честное слово. Не оглядывайся, Кира в Рязани, с сыном. Отдыхает после родов.

— У тебя сын?! Поздравляю! Не знал. Сколько же ему?

— Два месяца. Вот фото.

Филипп подошел к столу, на котором стоял объемный снимок ревущего во всю глотку малыша.

— Богатырь!

— А ты думал! — Ивар выпятил грудь. — Бери пример с меня. А насчет новостей — у тебя их наверняка больше. Поделишься, надеюсь? А у нас... Солинд спрашивает о тебе изредка, интересуется. Зашел бы ты к нему как-нибудь или позвонил в крайнем случае.

Филипп промолчал, ощутив укол вины.

— Что еще? Из команды ушел Леон Хрусталеv. Говорят, он вообще бросил большой спорт, но точно не знаю. Кристо получил травму, проходит курс лечения. Скоро будем выступать в розыгрыше Приза Весны... Вот и все, пожалуй.

— А Ребров?

— Что Ребров?

— По-прежнему остается тренером сборной?

Гладышев как-то странно посмотрел на Филиппа.

— Разве ты не знаешь?

— Нет, — встревожился инспектор. — Что я должен знать? С ним что-то случилось?

— Ребров утвержден начальником первой межгалактической экспедиции.

Филипп от неожиданности лишился дара речи. Гладышев, оценив его состояние, засмеялся.

— Для тебя это неожиданность? Странно, что ты об этом не знаешь. Уже больше двух недель прошло с момента объявления состава экспедиции. Или ты удивляешься по другому поводу? Почему именно он?

— Н-нет... хотя, если честно...

— Тогда ты просто плохо знаешь Реброва. Он не только тренер сборной Земли по волейболу, но и еще выдающийся социолог, доктор истории и ксенопсихологии Института внеземных культур.

Сообщение было полнейшей неожиданностью для Филиппа. Ни Солинд, ни Томах, ни Аларика не говорили ему об этом.

Ивар встал.

— Останешься у нас? Извини, я на час-два отлучусь в цех приземельного ЗВЛ, у них что-то застопорилось с пуском новой линии, а я, как ты знаешь, наладчик-энергетик. Подождешь?

Филипп качнул головой.

— Вечером забегу, сейчас некогда.

— Ну, как знаешь. А то раздавили бы бутылочку шипучки. Кстати, если ты ищешь Аларика, — Гладышев хитро прищурился, — то она скорее всего в Центре подготовки экспедиций Даль-разведки.

— Спасибо, телепат.

— Не за что, влюбленный.

Они поднялись на крышу тридцатизэтажного дома, выстроенного в стиле «пшеничный колос», Ивар вызвал такси.

— Подброшу тебя к метро, а дальше доберешься сам.

Больше они не разговаривали. Филипп смотрел перед собой и видел лицо Аларики, то улыбающееся, то грустное, но чаще задумчивое, спокойное, и думать о чем-нибудь другом был просто не в состоянии. Ивар искоса посмотрел на него и увеличил скорость. К пятой станции метро, ближайшей в этом районе, они примчались через несколько минут, побив все рекорды скорости и вызвав легкий переполох у патруля общетранспортной инспекции.

Высадив Филиппа, Гладышев молча поднял над головой кулак, и пинасс улетел к далекой белой спице орбитального лифта, а Филипп с минуту стоял на месте, провожая его взглядом. Рядом приземлился синий куттер с эмблемой инспекции, но Филипп, целиком поглощенный мыслями о встрече с Аларикой, не обратил внимания на жесты патрульных, желавших познакомиться с личностью гонщика, и растворился в толпе у метро.

Вскоре он уже выходил из финиш-камеры метро в кратере Арнстарх на Луне, под поверхностью и на поверхности которого располагался Центр подготовки звездных экспедиций.

Разобраться непосвященному в расположении отделов и комиссий Центра было непросто. Прошло время, пока Филипп уяснил наконец, где находится комплекс служб, занятых подготовкой первой межгалактической экспедиции. И лишь еще через полчаса он добрался через путаницу коридоров, лифтов и транспортных линий к отделу снабжения экспедиции, который нес на данном этапе основную нагрузку и где должен был находиться Ребров, а с ним, по мысли Гладышева, и Аларика.

В широком стерильно-белом коридоре с десятками дверей и ниш бесшумно сновали люди в форме службы звездного флота. Они ловко лавировали в потоке таких же спешащих людей, появлялись из дверей и исчезали в проходах, и Филипп несколько растерялся, не ожидая столь интенсивного движения на глубине двухсот метров под поверхностью Луны.

Открыв наугад одну из дверей, снабженную обычной кнопочной защелкой, он оказался в темноте.

— Наконец-то, — раздался из темноты голос, — тебя только за смертью посылать. Принес? Вываливай.

— Извините, — пробормотал Филипп, выбираясь обратно.

Присмотрев в толпе симпатичное лицо, он снова извинился, преграждая незнакомцу путь.

— Простите, не скажете, где можно найти Мая Реброва?

— Реброва? — быстро переспросил встречный, оглядывая инспектора черными смородинами глаз. — Это сложно, знаете. Если у вас дело не спешное, обратитесь к любому из его заместителей.

Филипп отвернул лацкан куртки, показывая значок отдела безопасности управления. Энергичный незнакомец кивнул.

— Тогда другое дело. Вы найдете его в зале инженерного обеспечения. Прямо по коридору и направо в дверь с алой полосой.

Филипп кивнул и поспешил по указанному пути. У двери с красной полосой его задержали. Пришлось снова прибегнуть к запрещенному приему со значком. Однако его вежливо попросили объяснить причину, по которой он стремится пройти в зал и которая соответствовала бы «шкале обстоятельств», как туманно объяснил один из дежурных на входе.

Причина у Филиппа была веская, но было бы смешно пытаться доказать это незнакомым людям. «Вот влип! — подумал он с веселой злостью. — Автоматика у них, что ли, не работает? Дежурные на входе — люди! Анахронизм!..»

— Вы пройдите на пост управления залом, — с сочувствием подсказал пожилой дежурный, видя его колебания. — Ребров может находиться и там, а если нет — вам его вызовут.

Филипп молча двинулся к лифту.

Реброва на посту управления не оказалось, зато один из немисливо молодых диспетчеров — лет семнадцать, не больше! — подсказал ему, где найти Аларика:

— Реброва вы можете найти через видеопластиков, — сказал он, не поднимая головы от панели пульта. — Он сейчас занят интерьерами кораблей экспедиции, выбирает видеопласты для оформления внутренних помещений. Спуститесь на третий горизонт и спросите, где комната видеопластических композиций.

Филипп не дожидаясь новых пояснений: он не собирался искать Реброва, ему нужна была Аларика, художник-видеопластик по оформлению замкнутых пространств.

Перед дверью с зеленым кругом он остановился на секунду, задержал дыхание и шагнул вперед, будто нырнул в воду.

Он оказался в сыром осеннем лесу. Пахло прелью, горьковатой осиновой корой и увядшею травой. Под ногами зачавкало, словно Филипп и в самом деле стоял на лесной почве, мокрой от только что прошедшего дождя. Деревья стояли плотной стеной: замшелые сосны и ели, могучие березы, клены и осины с бархатной зеленоватой корой. Слева от тропинки сверкнули кустики ежевики, Филипп невольно протянул к ним руку, и подлесок осыпал его крупными каплями воды с ветвей и листьев. Не очень радостный пейзаж, подумал инспектор, или для психоразгрузки и такие нужны?

Из-за деревьев послышались приглушенные голоса:

— Уменьшить хотя бы наполовину, — мужской, хрипловатый.

— Тогда пропадет впечатление глубины, — женский.

— Пойдем на компромисс, — второй мужской, чуть тоньше.

— Не люблю компромиссов, Эд, — снова женский.

— Я не возражаю, — хриплый.

Женщина засмеялась. Аларика?..

— И все же надо уменьшить процентов на двадцать пять, — снова мужской тонкий.

— Что ж, попробуем.

Голоса смолкли, а Филипп почувствовал, что стало легче дышать, с толстого ковра опавшей листвы и сосновых иголок исчезла влага. Регулируют, догадался он. Однако идти напрямик или подкрасться незаметно? А вдруг это не она?

Инспектор тихо свернул с тропинки, раздвигая ветви осинника и рябины, пробрался к небольшой поляне, откуда раздавались голоса.

На поляне у трех небольших дисковых пультов возились двое мужчин в серых комбинезонах и Аларика в брюках и спортивной футболке. Они были заняты делом и по сторонам смотрели изредка, когда нужно было проверить результаты корректировки видеопласта, запрограммированного не только на воспроизведение голографических «призраков», но и на сенсорные эффекты.

— Оставим так, — предложил молодой небольшого роста мужчина с залысинами.

— Я проверю границы, не нравится мне остаточная вязкость среды, — сказал второй, высокий, черноволосый, с хрипловатым голосом. Он то и дело поглядывал на Аларику, и Филиппу это не очень понравилось.

— Я сама, — сказала женщина, разгибаясь. — А вы пока закрепите лес в развитии, от дождя до сухого солнечного дня. И смоделируйте фауну — птиц, пару белок, сохатого и так далее.

Она потянула за шнур, и диск пульта поплыл за ней в метре от земли.

Филипп подождал, пока она пройдет мимо и углубится в чашу, и беззвучно скользнул следом. «Охотник! — посмеиваясь над собой, подумал он. — Мальчишество это, уважаемый безопасник, любите вы эффекты». Однако от исполнения замысла отступить не стал и, когда Аларика выбралась к стене помещения и остановилась, наклонясь к пульта, прыгнул из-за дерева и подхватил ее на руки.

Аларика ахнула, попыталась высвободиться, потом увидела его лицо и судорожно ухватилась руками за шею.

— Филипп!.. Пусти, — сказала она через минуту, продолжая обнимать Филиппа и прижимаясь к нему всем телом.

Он молча покачал головой и снова потянулся к ее губам.

Аларика высвободилась из его рук, поправила волосы.

— Рика, — позвал он негромко, как называл очень давно в детстве. — Рика, я за тобой.

Рука Аларики дрогнула, она с испугом, как ему показалось, посмотрела на его значок, выглянувший из-под лацкана куртки. Филипп взял слабо сопротивлявшуюся женщину за руки, привлек к себе, и в этот момент в комнату вошел Май Ребров.

Покашляв, он обогнул кустарник и подошел к смущенному, злому, не знающему куда себя деть Филиппу.

— Рад тебя видеть, Ромашин. И, насколько берусь судить, не только я.

Аларика отняла руки и твердо взглянула на Реброва.

— Он не виноват, Май.

— Какое право я имею кого-то винить?

— Имеешь, но только меня. Я дала ему повод надеяться.

— И что же?

— Не знаю.

Филипп наконец сбросил оцепенение и вмешался в диалог.

— Извините, Май. Я знаю, что вы любили брата. Сергей был настоящим человеком... — Слова прозвучали беспомощно, и Филипп замолчал.

Ребров поднял на него тяжелый взгляд и несколько мгновений смотрел, будто обдумывал, что с ним делать.

— Дело не в том, что он мой брат. Но он любил ее! Понимаешь, юноша? И я люблю ее, и моя жена, и дети. А ты?

— Май! — сердито сказал Аларика.

Ребров лишь повел плечом.

Филипп выдержал его взгляд, потом повернулся к женщине.

— И я люблю ее... разве что понял это совсем недавно... Да свидания, Рика. Прощайте, Май.

Он повернулся уйти, но Ребров остановил его.

— погоди. Как ты понимаешь, я имею право требовать. Я улетаю, улетаю надолго, а ты остаешься. Что ты намерен делать?

— Май! — снова проговорила Аларика, искоса посмотрев на Филиппа.

— Что? Жить. Вместе с ней. Я хочу назвать ее своей женой.

— Это будет непросто.

— Знаю. Но это случится.

Каменное лицо Реброва дрогнуло, тень тоски промелькнула на нем, промелькнула так быстро, что Филипп усомнился, было ли это на самом деле.

— Что ж, удачи! В конце концов выбор всегда был уделом женщины, хотя я не уверен в правильности выбора Аларики. Я уже говорил это, когда она стала женой Сергея, говорю и еще раз.

— Май! — в третий раз сказала женщина.

— Но почему? — спросил угрюмый Филипп, хотя уже догадался, к чему клонит Ребров.

— Потому что ты уже не конструктор ТФ-аппаратуры и не спортсмен, ты — безопасник. И значит, основной твой дом — база погранслужбы, основное свободное время твое — время завтрака, и основное ваше с ней счастье — сомнительное счастье ожидания счастья, и для этого обоим нужно обладать неким достоинством — запасом терпения. За нее я спокоен.

— Я понял, — сказал Филипп.

— Иди, — сказала Аларика. — Иди же, я позвоню тебе...

Филипп поклонился и вышел, унося в душе два разных взгляда: умоляющий — Аларики и холодно-вопрошающий — Реброва.

Когда он вышел, Ребров прошелся по лесу, касаясь стволов рукой, и проговорил:

Причин не знаем.

Ясно лишь для нас —

Любовь проходит сквозь цензуру глаз.

Рассудочность не зажигает кровь.

Не вечно ль первый взгляд родит любовь.

— Кристофер Марлоу. Ты любишь его? Я имею в виду Филиппа.

Аларика выключила аппаратуру и зажмурилась, потому что ей внезапно захотелось плакать. Она вдруг бросилась к Реброву, уткнулась лицом в его грудь, борясь с рыданиями.

— Не знаю я ничего, не знаю... дайте мне время разобраться самой... Ты улетаешь, и никто, никто... не посоветует... и Сергей... и Сергей тоже...

— Ничего, ничего, — пробормотал Ребров, глядя ее вздрагивающие плечи. — Сергей бы тебя понял...

Из-за деревьев на них с молчаливым недоумением смотрели напарники Аларики.

Глава 13

АВСТРАЛИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Керри Йос выслушал диспетчера и посмотрел на часы:

— Через десять минут соедините, я закончу инструктаж.

— Земплан? — спросил Богданов.

— Земплан. — Керри нахмурился. — А ты почему знаешь?

— В твоё отсутствие звонил их инспектор. Наш отдел за январь — февраль превысил

какие-то там нормы расхода материальных ресурсов.

— Какие-то... Надо было соединить их с плановым бюро и сообщить в секториат. Впрочем, теперь я сам. Продолжим. Отделу вменили в обязанность обеспечение безопасности эксперимента «Галактическое просвечивание», в связи с чем я перераспределил обязанности. Богданов будет продолжать осуществлять мероприятия по Наблюдателю, в его распоряжении остается группа Микульского. Станислав с этого момента занимается только экспериментом, в его распоряжение поступает группа Ромашина. Текущая работа переходит к Щеголеву. Вопросы?

— По эксперименту. Кто ответственный за его проведение?

— Институт ТФ-связи и Академия астрофизики. Конкретное распределение обязанностей выясните в консультативном комитете СЭКОНа. Если вопросов больше нет, все свободны.

Керри Йос знаком показал Томаху остаться, подождал, пока руководители групп покинут кабинет, и сказал:

— Забыл тебя предупредить, Слава. Первым делом перепроверь расчеты по эксперименту. Эксперты просчитали его, но...

— Ученые утверждают, что эксперимент безопасен. Во всяком случае, место его проведения выведено достаточно далеко за пределы обитаемой зоны Системы.

— У Дикушина иная точка зрения. Нептун, как и Сатурн, — не лучшее место для эксперимента такого масштаба. У тебя есть свои ТФ-специалисты, тот же Ромашин... В общем, ты меня понял.

Томах кивнул.

— Перестраховаться в таком деле не помешает.

Керри задумчиво посмотрел поверх его головы, и у Станислава вдруг возникло ощущение неловкости, словно он сказал что-то невпопад...

Филипп вошел в кабинет и остановился у порога.

— Проходи, — сказал Томах, несколько удивленный его хмурой сдержанностью. — Чем-то расстроен?

— Нет, все в порядке. — Филипп прошел к столу и сел на диван.

— Ага. Как говорится: и на челе его высоком не отразилось ничего. Тогда слушай. С сегодняшнего дня твоя группа переходит в мое непосредственное подчинение. Начинаем вплотную заниматься экспериментом физиков «Галактическое просвечивание». Отсюда первое твое задание: проверь расчеты ТФ-взрыва, проведенные экспертами.

— Так я сам его считал, по заданию Травицкого.

— Вот как? Мне он ничего не говорил. Тогда это меняет дело.

— Если необходимо, покручу цифры еще раз. Вторичных эффектов я не рассчитывал, только глобальные характеристики.

— Договорились. Повидайся с Травицким, пусть поможет с аппаратурой. Кстати, он добился разрешения у ВКС на свой эксперимент, так сказать, тайм-фаговый мини-взрыв для проверки некоторых сообщений частного порядка, как он выразился. Мощность эксперимента невелика, всего шесть кларков, и проводить его разрешили на нашем полигоне в Австралии. Если хочешь, можешь поучаствовать не только как инспектор-безопасник, но и как ТФ-инженер. Но сначала проверка, потом небольшая инспекция по местам строительства новых ТФ-антенн, твоих, кстати, антенн, а дальше работа на полигоне.

— При чем тут мои антенны? Какое мы к ним имеем отношение?

— Самое прямое. Мы отвечаем за безопасность всего эксперимента, антенны же нужны для улавливания ТФ-эха от всех звезд и тяготеющих масс Галактики. При взрыве обычно образуется ударная волна, при ТФ-взрыве — ТФ-волна... — Томах посмотрел на лицо Филиппа и засмеялся. — Что я тебе объясняю, профессионалу? Короче, антенны поймают эхо взрыва, остальное — дело теоретиков, считать и анализировать, что получилось. Задание понятно?

— Так точно! — вскочил Филипп. — Когда прикажете начинать?

— Вчера, — не моргнув глазом, ответил Станислав.

Два дня Филипп потратил на проверку параметров намечающегося в эксперименте «Галактическое просвечивание» ТФ-взрыва. Подтвердились все выводы специалистов и первый собственный о том, что взрыв на Тритоне, спутнике Нептуна, где решили проводить эксперимент, никак не отразится на поселениях человечества в Солнечной системе. В пересчете на эквивалент старинного ядерного оружия он был равнозначен взрыву мощностью в шесть миллионов мегатонн, но так как его намеревались осуществить под поверхностью Тритона на глубине в тридцать километров — планетологи отыскиали вулканический канал такой глубины, — то никаких видимых разрушений рельефа на поверхности не должно было появиться: вся энергия взрыва уходила на ТФ-излучение, почти свободно пронизывающее вещество планет и звезд.

Филипп дважды проверил результат окончательного расчета, все сошлось, но у него остался на душе какой-то тяжелый осадок, словно он чего-то не учел или был недобросовестен в работе. Наверное, это был чисто психологический отзвук работы, уж очень много людей занималось расчетами и перепроверкой выводов, но что-то заставляло их еще и еще раз просчитывать варианты взрыва, его влияние на окружающую среду, и эта настойчивость порождала неуверенность и желание отыскать причины такой многократной перестраховки.

Доложив Станиславу о результатах анализа, Филипп отбыл на Меркурий, где строилась одна из приемных ТФ-антенн нового типа, рассчитанная по его формуле, «формуле Ромашина».

На Меркурии Филипп не задержался: антенна, километровая металлическая игла, была уже готова к работе, а у него не было желания разгуливать по раскаленным плоскогорьям, усеянным оспинами кратеров и шрамами трещин и разломов. К тому же это было не первое его посещение Меркурия, полгода назад он уже побывал здесь с Травицким, на испытании прототипа настоящей антенны, и подробности посещения еще не стерлись в памяти.

Следующая из шести антенн строилась на Плутоне.

Здесь дела шли похуже: был закончен только монтаж центрального вибратора, эталонные ТФ-генераторы еще ждали часа своей установки, не были готовы и лепестки-отражатели.

Филипп в вакуум-скафандре облазил существующие конструкции, с интересом осмотрел прозрачно-голубое озеро жидкого кислорода, необходимого для заполнения волноводов, и записал все желания и просьбы прораба стройки, не уверенный, что сможет выполнить их в полной мере.

Плутон его не поразил, несмотря на то, что спутник Плутона Харон был настолько близок к планете, что оторопь брала, когда он, занимая четверть небосклона, пухлой снежной глыбой нависал над ледяными равнинами Плутона. Сам же Плутон, форпост земной цивилизации на границе Солнечной системы, служил идеальным полигоном для разного рода астрономических и физических экспериментов. Несмотря на присутствие десяти тысяч работающих, планета казалась необитаемой — небольшой каменистый шар, укутанный в пятнистую шкуру снежно-ледяного покрова. Три стандартных городка астрономов, физиков и планетологов не могли, конечно, создать иллюзии его заселения.

Филипп было задумался над тем, что эксперимент с ТФ-взрывом могли бы проводить и здесь, раз уж Плутон самой природой предназначался для «громких» экспериментов, но молодые планетологи, «старожилы» Плутона, рассеяли его недоумение: оказывается, Плутон не был мертвой в геологическом смысле планетой, он имел раскаленное ядро, вязкую, но жидкую мантию, и взрыв мог породить в его оболочке колебания, которые смели бы все на его поверхности, полностью перестроив рельеф.

Единственное, что позволил себе Филипп, это полюбоваться восходом Харона и заходом Солнца — крупной голубоватой звезды, дробящей свои лучи на алмазные брызги отражений и преломлений во льдах Плутона.

Остальные три антенны строились в открытом пространстве: одна в поясе астероидов,

две другие над полюсами эклиптики Солнечной системы. Они были почти готовы и не вызывали беспокойства темпами монтажа.

Последним в своем инспекционном вояже Филипп посетил Тритон.

Этот естественный спутник Нептуна относится к самым крупным спутникам планет системы, наряду с Титаном, спутником Юпитера, земной Луной и Ганимедом Сатурна. Сила тяжести на его поверхности в три раза меньше земной, так что люди здесь передвигались своеобразной семенящей ходьбой; прыгать не рекомендовалось — было трудно сохранить равновесие. Несмотря на это, старожилы, в основном спортивная молодежь, часто прибегали к полубегу-полуполету, устраивая шутливые соревнования на скорость бега или точность приземления после прыжка.

Филипп пробыл на Тритоне два дня, но привыкнуть к своеобразию его ландшафтов не смог. Трижды он был свидетелем восхода Нептуна, и трижды это зрелище потрясло его фееричной красотой неожиданных сочетаний форм и красок облаков.

Нептун зарождался на горизонте мерцающим облаком, ничуть не похожим на диск или шар планеты. На серебряную гладь аммиачных озер ложились первые зеленые блики, и озера превращались в чаши необыкновенного прозрачного хрусталя. «Облако» продолжало расти, медленно и торжественно, пока не закрывало полнеба; свет от него усиливался, преобладали в нем зеленые и пепельно-палевые тона, тончайшие оттенки серого цвета, однако на пятнисто-полосатой громаде Нептуна можно было отыскать все цвета спектра, причем соседствующие друг с другом в самых произвольных сочетаниях. Но лишь тогда становилось понятным, что перед вами планета, исполинский газо-жидкостный шар, когда Нептун поворачивался к Тритону освещенной солнцем стороной. Тогда по передвижению облачных струй и спиралей становилось видимым его вращение. Особенно сильным впечатление грозной планетарной массы оказывалось в момент прохождения по диску Нептуна его небольшого спутника Нереиды...

Оторвавшись от созерцания пухлой дымящейся горы Нептуна, Филипп в сопровождении одного из работников постоянной исследовательской станции «Тритон-9» направился к ангару, вмещающему четыре пинасса, с десятком флейтов и куттер — весь машинный парк станции. Провожатым на этот раз была на удивление малообщительная девушка, физик-оптик станции. Разговаривала она мало, чем невольно заставляла Филиппа чувствовать себя обязанным ей за хлопоты.

До места строительства шахты для взрыва было около двухсот километров. Пинасс преодолел их за полчаса, и Филипп, поблагодарив девушку, тут же отослал ее обратно, сославшись на то, что дальше ему помогут строители. Провожатая не возражала, и вскоре ее оранжевая машина искрой вонзилась в распухшее тело Нептуна, напоминавшее зыбкую полосатую гору тумана, опрокинутую за горизонт. С высоты посадочной площадки, расположенной на плоской вершине одного из столообразных холмов, Филипп не смог оценить размеры стройки. Устье шахты было невелико, метров десяти в диаметре, и возле него сновали всего три машины, не то киб-укладчики, не то подъемно-транспортные механизмы, не то переработчики вещества. Правда, чуть поодаль от шахты стоял широкий конус грузового когга, из вспоротого брюха которого автоматы выгружали лиловые блины контейнеров, а рядом с ним — искристо-белый куб стандартного кварк-реактора, похожий на кусок сахара-рафинада.

Сойдя вниз и заглянув в жерло шахты, Филипп несколько призадумался, а когда, объяснив цель визита начальнику стройки, спустился на всю тридцатикилометровую глубину шахты и оказался в гигантском естественном зале, словно нарочно созданном природой для нужд человека, заполненном десятками сложных машин и устройств, возле которых работали сотни людей, еще раз убедился, что оценить масштабы какого-либо явления по внешним признакам нельзя.

— В настоящее время ведем монтаж импульсных трасс, силовую проводку, тянем цепи управления, — сказал начальник стройки, скафандр которого не позволял оценить его возраст. — Через два дня начнем установку опор инициатора. Думаю, закончим все работы

точно по графику. Если, конечно, снабжение не подкачает.

— Не подведет, — заверил Филипп. Ему вдруг захотелось самому участвовать в стройке, монтажником или механиком, в ладонях даже появилось ощущение прикосновения к шершавому металлу силовых конструкций, требующих в известной мере применения ручного труда, но такого задания у инспектора не было, и он только вздохнул, сожалея о потерянной свободе выбора. «Впрочем, — вспомнил он древнее изречение, — что такое свобода выбора, как не осознанная необходимость?»

Спустя несколько дней Филипп вернулся в управление и сообщил о ходе строительства Томаху и Керри Йосу, заодно передав все пожелания монтажников и строителей.

— И еще один момент, — сказал он, вспоминая свои ощущения. — Все исследовательские станции на Тритоне на время эксперимента придется эвакуировать. Волна сотрясения коры планеты в местах их расположения достигнет десяти-двенадцати баллов. Купола станции не приспособлены к таким встряскам.

— Эвакуируем, — кивнул Керри. — Нет проблем.

Филипп не стал уточнять границ возможностей отдела безопасности и, получив разрешение на участие в австралийском эксперименте, подготавливаемом группой специалистов Института ТФ-связи во главе с Травицким, покинул отдел.

Аларика все еще жила на Луне в центре подготовки экспедиции Реброва, до старта, назначенного на двадцатое мая, оставалось всего десять дней, и она была занята чуть ли не круглосуточно. Филиппу не удавалось добиться встречи с ней, и это обстоятельство, конечно, не способствовало улучшению его настроения. Странное предчувствие надвигающейся беды не покидало его ни днем, ни ночью, и он, не зная, откуда ждать этой беды, в чем она заключается, когда случится, был настолько невнимателен на работе, что удивил даже Станислава.

Двенадцатого мая Филипп прибыл на австралийский полигон УАСС вместе с Томахом и Керри Йосом.

Место для проведения малого ТФ-взрыва, или, как его называли физики, «эксперимента предупреждения», выбрали на окраине полигона, переходящего в пустыню Гибсона.

Филипп, выпрыгнув из куттера, с недоумением осмотрелся по сторонам. Видимо, здесь когда-то что-то взрывалось и горело: влево до горизонта уходила безотрадная коричневая плоскость спекшегося в корку песка. Справа на горизонте выросли пологие вздутые горы Макдональд. Площадку, где сел куттер, окружало несколько валов перепаханной, взломанной земли; углубления между валами были заполнены чем-то черным и рыхлым, как слежавшийся намокший пепел.

В отличие от стройки на Тритоне установку для ТФ-взрыва на Земле монтировали на поверхности полигона. Со стороны она выглядела внушительно: стометровой высоты рупор, расширяющийся в небо, укутанный в ажурную вязь вторичных конструкций.

Представителей отдела безопасности встречал Кирилл Травицкий, неторопливый и грустный, как всегда. У Филиппа шевельнулось в душе чувство вины, но Травицкий, пронизательный Травицкий, знавший его, как отец, не дал ему уйти в дебри самоанализа. Сдержанно поздоровавшись со всеми, он задержал руку Филиппа в своей, сказал:

— Ты, конечно, хочешь поработать на материале?

— Хочет, хочет. — Томах беспечно махнул рукой. — Мне он порядком надоел, забирайте его к себе.

— Спихиваете? — пошутил Травицкий с едва уловимым упреком, направленным неизвестно кому, и задумался. — Угловский работает на каскаде автоматики инициатора, возьми на себя контроль управления... если не утратил навыков.

Еще один маленький укол Филиппу-инженеру, но Филипп-безопасник принял его как должное. Кирилл Травицкий имел право быть недовольным его выбором, хотя выражал чувства в очень корректной форме.

Керри Йос и Томах остались с руководителем эксперимента, а Филипп, прежде чем

отправиться на определенный ему участок, для ознакомления обошел стройку кругом. Одет он был в универсальный рабочий костюм: голубовато-серую куртку и такие же брюки с автоматической регуляцией температуры, так чтобы не пришлось переодеваться.

Конструкторы, с которыми он проработал бок о бок шесть лет, приняли его без лишних расспросов, и, обрадованный их реакцией, Филипп с головой ушел в работу.

— Прежде всего такой вопрос, — сказал Керри Йос и в упор посмотрел на Травицкого. — Почему вы решили провести этот предупреждающий эксперимент?

Тот выдержал взгляд и попытался улыбнуться, но так как улыбаться он не умел, то Керри пожалел, что задал вопрос.

— Потому что я вдруг испугался, — сказал Травицкий. — Научно обоснованного ответа у меня нет, не надейтесь, есть только предчувствия, а это, сами знаете, из сферы психологического субъективизма, весьма далекого от всякой науки.

— Однако ВКС и СЭКОН вы убедили, — сказал Керри. — Как и Земплан. А им подавай аргументацию, а не предчувствия. Дело в том, что у меня тоже есть нехорошие предчувствия, и я хотел бы их развеять. Надеюсь, ваш опыт «малого» взрыва расставит точки над «i», и большой эксперимент на Тритоне пройдет успешно.

— Я тоже надеюсь, — вздохнул Травицкий.

— И все же странно, что Земплан пошел на расходы, связанные с этим дорогостоящим опытом. Насколько я знаю, есть более важные задачи, требующие больших затрат энергии и материалов. Ведь в научном плане ваш эксперимент не слишком информативен?

Травицкий поморгал.

— Я бы так не сказал. По сравнению с чем он не слишком информативен?

— Земплан пошел на расходы потому, что вмешался отдел дальнего координирующего прогноза ВКС, — вступил в разговор скучающий Томах. — Обнаружилось, что совпадают мнения двух разных организаций: УАСС в лице руководителя первого сектора Дикушина и СЭКОН в лице его председателя Морозова. Плюс мнение руководителя бюро Травицкого.

— Ага, — сказал Керри Йос. — Ну, если ВКС заинтересовался... Все равно непонятно. Что касается Владибора, то я знаю, чем он руководствовался, а какие соображения, кроме предчувствий, выдвинул Травицкий?

— Кирилл чересчур восприимчив к ТФ-эху, — сострил Томах. — Отсюда все его страхи.

Керри недовольно посмотрел на Станислава.

— С чего это ты веселишься? Шутки какие-то плоские...

— А может быть, я тоже... — туманно пояснил Томах.

— Видите ли, — начал Травицкий; на панели видеоселектора заработал виом, начальник стройки выслушал сообщение, кивнул и выключил связь. — Видите ли, человечество до недавнего времени было географически незрелой цивилизацией. С тех пор прошло определенное количество лет, мы полностью обжили Землю, и география перестала быть романтической наукой. Сейчас мы обживаем космос, Солнечная система теперь для нас все равно, что Земля для путешественника, скажем, двадцатого века. Но вот стало ли человечество космически зрелой цивилизацией?

Керри Йос искоса посмотрел на Станислава. Тот, казалось, тоже был удивлен преамбулой.

— Кирилл, друг мой, — сказал он, — ты стал длинно говорить.

— Длинно, — грустно согласился Травицкий. — Но короче не умею.

— Не перебивай, — негромко произнес Керри. — Продолжайте, Кирилл.

— Собственно, я уже все сказал. — Травицкий беспомощно посмотрел на неподвижного Йоса и пожал плечами.

— М-да... Если я вас понял правильно, вы говорите о способности человека совершать ошибки? Нет?

— Собственно... н-нет. Ошибки — это уже результат каких-то стремлений, понимаете? Я говорил о несоответствии, в первую очередь о несоответствии научных и психологических

стремлений человека философскому содержанию познавательного процесса, психологии и этике космического масштаба. Не об этом ли, кстати, предупреждает нас Наблюдатель? Такое отставание в двадцатом веке грозило гибелью цивилизации, а теперь?

— Страшно подумать! — фыркнул Томах. — Развалим весь космос!

Травицкий улыбнулся.

— Может быть.

— Вы и о Наблюдателе знаете? — пробормотал Керри Йос.

— Может, и в самом деле мысль можно выразить иначе, — через некоторое время сказал начальник конструкторского бюро. — Если говорить о несоответствии, то в двух словах можно сказать так: мы не всегда замечаем несоответствие своих желаний и возможностей.

— Мысль, честно говоря, не новая.

— А разве от этого она потеряла смысл?

— Хорошо, кажется, я вас понял, — вздохнул помрачневший Керри Йос. — Показывайте свое взрывчатое хозяйство.

— Чего ты меня будишь среди ночи? — сердито сказал Томах, протирая кулаками глаза. — Не мог подождать утра? Что стряслось?

Филипп молча протянул пуговку объемного фото.

Станислав сдавил пуговку пальцами, и сон его как рукой сняло.

— Где?!

— В блоке ограничителя, на крышке каркаса.

Томах еще раз взгляделся в мигающую в материале «звезду Ромашина», вернул фото.

— Ч-черт! Этого нам только не хватало!

— Не нравится мне это.

— Думаешь, мне нравится? Видишь, и Наблюдателю тоже... знать бы, что именно.

— Полагаешь, это он?

— Кто еще?

— Н-ну, пошутил кто-нибудь... Бассард, например. Что делать?

— Бассард шутить не способен. погоди, дай сообразить... Во-первых, сообщи Никите, ну и Керри, само собой. Во-вторых, обыщи всю аппаратуру, может, отыщется еще что-нибудь странное. Ну а потом решим, что делать дальше. Беги.

Филипп не совсем понял, что он должен искать, но переспрашивать не стал. Тревожное чувство приближающейся беды снова всколыхнуло душу, заставляя ум напрягаться в поисках причин тревоги. Он походил по комнате, ожидая, пока оденется Томах.

— Тебя еще что-то беспокоит? — спросил тот.

Филипп остановился на полушаге, очнулся.

— Извини, замечтался. До связи.

Томах удивленно смотрел ему вслед.

Спустя полчаса Филипп подлетел к стройке, выросшей на горизонте гроздью огней и световых конусов, рассеивающих ночной мрак на сотни метров вокруг. Негромкий, равномерный шум стройки разносился ночью довольно далеко, не прекращаясь ни на минуту. Строители торопились, и работы велись непрерывно, днем и ночью.

Отпустив машину, Филипп подвесной дорогой доехал до верхней строительной площадки, а оттуда пневмолифтом спустился на дно установки, где располагались основные узлы энергораспределителя и каскад автоматики.

Как и ожидалось, в помещении каскада ничего нового не обнаружилось, хотя Филипп обшарил буквально все углы и закоулки. Потрогав как ни в чем не бывало «поющую светом» «звезду» на крышке прибора — единственное доказательство присутствия здесь Наблюдателя (в чем Филипп сомневался, так как получалось, что Наблюдатель либо совсем потерял осторожность, либо стал вмешиваться во все события, что было явно несолидно с его стороны), — Филипп стал развивать свою идею о причинах появления мерцающих

«звезд», и в это время в гулком объеме конуса установки сквозь шум слышались громкие голоса. Он выглянул из помещения каскада автоматики и спросил пробежавшего мимо монтажника, в чем дело.

— Канавокопатели возле основного фундамента наткнулись на какой-то старый кабель, — крикнул парень на бегу.

Филипп поспешил выбраться наверх и через несколько минут подходил к группе людей, сгрудившихся у замерших роботов-диггеров.

— Разрешите? — сказал он негромко. Люди расступились. В канаве на глубине двух метров, выхваченные из тьмы прожекторами машин, уходили из стены в стену очищенные от земли два толстых кабеля в черной оплетке. Вид у них был совсем не старый, но Филипп понял, почему строители употребили слово «старый». Канавы были прорезаны в окаменевшем до твердости скалы грунте, а чтобы песок и пыль могли слежаться до такого состояния, должен был пройти не один десяток лет.

Филипп разогнулся и посмотрел на замолчавших строителей.

— Прошу вас ничего здесь не трогать. Диггеры убрать подальше, а вокруг этого места хорошо бы поставить ограждение.

— А кто вы такой? — не выдержал стоявший впереди остролицый некрасивый парень. — Сейчас придет координатор, он и будет распоряжаться.

Филипп спокойно пожал плечами.

— Я работник отдела безопасности УАСС. Пожалуйста, выполните мою просьбу, пока я вызову тревожную группу.

Еще раз оглядев безобидные с виду кабели, Филипп поспешил к пункту координации строительства и набрал телекс дежурного полигона:

— Я Ромашин, официал-девять отдела безопасности. Дайте вызов технической бригаде отдела и экспертам «Аида».

— Тревога степени А? — спросил невозмутимый дежурный.

— «Штормовое предупреждение».

— Координаты?

— Новая стройка на границе полигона. Нашли в земле кабель, возраст примерно сто — сто пятьдесят лет, но я могу и ошибаться.

— Принял. — Дежурный выключил связь.

Вскоре к месту находки подлетели десятиместный флейт с алой мигалкой «Аида» и куттер с группой экспертов безопасности. Из них высыпали молчаливые крепкие ребята и споро принялись устанавливать какие-то приборы, тянуть провода и антенны. Филипп был теперь им не нужен, да он и не навязывался в помощники. Узнав, что он инспектор отдела безопасности, старший тревожной группы попросил только обеспечить установку зоны внимания, что Филипп и сделал без особого энтузиазма. Захотелось вдруг спать, навалилась усталость, скорее всего от пережитой нервной нагрузки, и, потеряв интерес к событиям, Филипп ушел со стройки.

Наутро стало известно, что первые концы найденных кабелей тянутся на восемнадцать километров к горам Макдональд и заканчиваются в заплывшем песком бункере с аппаратом выдачи команды подрыва, а вторые уходят прямо под стройку на глубину в двадцать с лишним метров и подсоединены к подготовленному для испытаний взрывному ядерному устройству. Возраст кабелей, устройства и бункера оценили в двести шестьдесят лет, тем не менее они находились в рабочем состоянии и не потеряли своего зловещего предназначения.

— Очевидно, кто-то двести с лишним лет назад здесь тоже экспериментировал со взрывом, — сказал Томах, встретившись с Филиппом утром возле громады почти готовой установки.

— Странное совпадение, если не сказать больше. Странно уже то, что взрывное устройство оставили не законсервированным, а готовым к взрыву. Набирай код на командоаппарате и взрывай. Не найди мы кабели, могла бы произойти катастрофа. Что здесь было до полигона?

— Кажется, космодром. Но точно ли на этом самом месте, утверждать не берусь. Сюрприз, конечно, отменный. Ты докладывал Керри?

— Он только что отправился домой, в отдел.

— Удалось установить, кто принял решение разместить установку именно на этом месте?

Томах неопределенно повел плечом.

— Нет, и это весьма удивительно. Компьютер СЭКОНа, ведущий запись заседания рабочей комиссии, момент решения почему-то не записал, так что никто не знает, чья это идея. В связи с этим у Никиты появились важные соображения, он просил найти его до оперативки у Керри. Да вот он, кстати.

От стоянки малых машин-антигравов к ним шел Богданов в сопровождении вечно озабоченного Бруно Осинниго, помахал издали рукой.

— Однако Наблюдатель добрался сюда раньше нас, — сказал он со странной интонацией, пожимая друзьям руки.

— Что ты этим хочешь сказать? — прищурился Томах.

— Потом поймешь. Пошли посмотрим?

Томах посмотрел на часы.

— Времени у нас мало, но посмотреть надо.

Все четверо двинулись к подъемнику.

— Точно такой же, — сказал Богданов, погладив пальцами продолжавшую мигать «звезду Ромашина» в металле крышки прибора, когда они проникли в помещение каскада автоматики. — Где мы их только не встречали, а?

— Впервые на промежуточной ТФ-станции, — начал загибать пальцы Бруно и мельком посмотрел на Филиппа. — Но узнали об этом, кстати, в последнюю очередь. Потом на орбитальных станциях над Орилоухом, на Шемали, на Истории, на бортах разведкораблей, на Триасе.

— Непонятно, с чего вдруг Наблюдатель взял человечество под столь недвусмысленную опеку.

— Вероятно, потому, что мы долго раскачиваемся, — сказал Филипп. — «Звезда» скорее всего не что иное, как знак внимания, а не запрета. Запретить нам Наблюдатель ничего не может, а вот предупредить, обратить внимание компетентных органов может. Что и делает.

Томах посмотрел на Богданова.

— Мы его возможности испытали на себе, так что ты не прав насчет «не может запретить». Не хочет, так будет точнее. А цель его понятна, ты сам ее сформулировал недавно. Как только мы задумываем вмешаться в природу иных миров или провести эксперимент, способный повлечь за собой какие-то последствия космического масштаба... кстати, вот вам вектор вмешательства Наблюдателя — экоэтика космического, галактического масштаба! Правда, я назвал бы «звезду» не знаком внимания, а знаком предполагаемой беды. Для нашего времени даже один равнодушный взгляд может стать знаком беды, не то что «звезда».

— Наблюдатель вроде няньки? — хмыкнул Бруно. — Плохо верится. Мало нам СЭКОНа? Вообще сама идея глобального контроля над деятельностью человечества — фикция.

— Фикция? — обманчиво ласково переспросил Томах. — А факты, которые мы имеем, тоже фикция? Что бы ты сказал, если бы вечером, когда ты сел смотреть интересный фильм, стена твоей комнаты вдруг рухнула из-за действия соседа, который решил проложить кратчайший путь к другому твоему соседу? Через твою комнату. Чем мы отличаемся от этого чудака? Привести примеры?

— Пример ты уже привел, не совсем удачный, но образный, — сказал Богданов. — У меня вопрос иного плана: как он это делает? Я имею в виду «звезды».

Бруно пожал плечами.

— С точки зрения технологии такую «звезду» сделать нашими средствами невозможно. Я уже говорил, что в этой точке наблюдаются странные эффекты типа нарушений причинно-следственной связи на микроуровне.

— Как невозможно? — удивился Станислав. — Сфокусировал на поверхность слабенький лучик ТФ-эмиттера...

— И разнес эту поверхность вдребезги! Даже самый немошный ТФ-импульс разрушает любую броню разведкораблей, несмотря на подпитку каркаса силовым полем. Вы что, не изучали в школах ТФ-физику? Судя по всему, «звезды» — это следы каких-то обратимых во времени процессов, и проявляются они бесшумно и без каких-либо деформаций зоны в материале. А это уже уровень внутрикварковых процессов! Я, пожалуй, останусь здесь со своими орлами.

Богданов кивнул.

— Понадобись, я тебя найду.

Они выбрались в солнечный день, царивший вне гулкого помещения взрывной установки.

— Зачем ты нас искал? — спросил Томах, из-под козырька руки глядя на конус, имевший вполне законченный вид.

Богданов помолчал минуту.

— Вас не насторожило совпадение места установки ТФ-взрыва с местом предполагаемого двести шестьдесят лет назад ядерного взрыва?

Филипп и Станислав переглянулись.

— Мы говорили об этом. Случайность.

— Вы еще верите в подобные «случайности»? После того что произошло на орилоухских станциях? После смерти Василия? После «зеркал» и всего прочего?

— Ну и что? — Томах начал сердиться. — Не говори недомолвками, начальник.

— Пошли посидим, неудобно говорить на виду у всех.

Томах направился к антиграмм. Сели в кабину четырехместного пинасса.

Филипп был заинтригован необычным поведением Богданова, но не подал виду.

— Знаете, кто определил место строительства установки? — спросил Никита, глядя на друзей сквозь прищур век.

— И об этом мы успели поразмышлять. По-моему, определить это уже невозможно. Запись заседания СЭКОНа оказалась неполной.

— Ошибаетесь. То есть я хочу сказать, что запись действительно неполная, и тем не менее я нашел того, кто первым посоветовал выбрать окраину полигона, именно этот район.

Томах приподнял брови.

— Интересно. Ну и кто?

— Керри!

— Ты с ума сошел! — Станислав встретил взгляд Богданова и поежился. — Неужели ты хочешь сказать, что...

— Совершенно верно, — подтвердил Богданов вежливо. — Оказывается, человечество контактирует с высшим разумом уже сорок лет и не знает об этом!

Томах скептически pokrивил губы.

— Керри не сорок, а шестьдесят. Ты что же, веришь, что Керри Йос и есть Наблюдатель? Чушь! Извини.

— Именно такой реакции я от вас и ожидал. И все же прошу поразмыслить на досуге. Только не показывайте этого самому Керри, я не хочу, чтобы кого-нибудь из вас постигла участь Василия. Высаживайтесь, мне пора.

Томах и Филипп, одинаково ошеломленные словами Никиты, вылезли на землю. Пинасс захлопнул фонарь и взлетел. Проводив его глазами, инспекторы снова переглянулись, и холодок тревоги струйкой протек вдоль лопаток Филиппа. Словно очнувшись, он оглядел панораму строительства. Кругом было полно людей, веселых, уверенных, сильных, знающих, что они делают и что им предстоит сделать. Филипп глубоко

вздохнул: жизнь шла своим чередом, и природа не выглядела обиженной, несмотря на безрадостный ландшафт пустыни. Но тревога в душе осталась...

Точна такая же заноза тревоги сидела в душе Томаха, который знал, что Богданов никогда не бросает слов на ветер.

Старт первой межгалактической экспедиции, состоящей из двух космолетов «Витязь» и «Дерзкий», передавали по всемирному информвидению во все уголки Солнечной системы. Лишь немногие, в том числе Аларика и Филипп, видели его непосредственно в пространстве, хотя и через оптику, но без фотоэлектронных умножителей и передатчиков изображения.

Оба корабля неподвижно висели в двух тысячах километрах от поверхности Луны, в ее тени, озаряемые только пепельно-голубым светом полной Земли. Они не предназначались для посадок на планеты, в отличие от крейсеров УАСС, и форму имели даже отдаленно не напоминающую стремительные обводы первых ракетных кораблей: «Витязь» представлял собой четыре диска, насаженные на три трубы длиной около полутора километров, «Дерзкий» — три конуса на одной четырехугольной трубе.

Филипп и Аларика стояли на обзорной палубе монитора предстартовых операций, плавающего над Луной на той же высоте, что и уходящие космолеты. Из зала управления они ушли давно, как только закончился последний перед отлетом контроль систем обоих кораблей. Все слова были уже сказаны, прощальные речи произнесены, оставалось ждать времени старта.

До «Дерзкого» было без малого двести километров, и выглядел он на фоне звездных россыпей слабой искрой света, словно оправдывая название. Но оптический панорамный квадрат позволял видеть корабль во всех деталях, как и «Витязя», отошедшего от напарника на расстояние безопасности — сто километров.

Первым стартовал флагман экспедиции «Витязь». Май Ребров находился на его борту.

Космолет вдруг стал терять четкую форму, расплываться в сияющий голубой факел. В какой-то миг этот факел пронзили изнутри ослепительно белые тонкие лучики света, а когда факел погас, пространство оказалось пустым. «Витязь» начал первый прыжок в «струнном» режиме к Большому Магелланову Облаку, выглядевшему с расстояния в сорок шесть тысяч парсеков маленьким пятнышком света в созвездии Золотой Рыбы.

Старт «Дерзкого» для непосвященных ничем не отличался от старта его предшественника. Лишь Филипп, знавший, что в конструкции космолета были использованы новые ТФ-антенны, разработанные согласно формуле Ромашина, различал нюансы в стартах обоих кораблей, но это не заставило его ощутить сопричастность к большому событию. В настоящий момент его больше волновала близость Аларики и ее настроение, поэтому он думал преимущественно о том, как отвлечь ее от горьких дум. И придумал. Прямо с монитора, опустившись лифтом в Геоград и на метро добравшись до Москвы, он увлек ее на концерт современного нью-балета в Большом театре.

В десять вечера они медленно возвращались с концерта, отпустив такси за несколько кварталов-зон до жилой зоны Басова, где жил Филипп. Пешеходные дорожки, прорезанные в лесном массиве и соединяющие дома и зоны, были пусты; плоские квадраты светопанелей, подвешенные на пятиметровой высоте, усиливали свечение при их приближении и угасали позади.

Шли молча. Филипп держал Аларику за руку. Издалека изредка долетал чей-то смех, голоса, звон тормозящих антигравов. Аларика думала о чем-то своем, и Филипп не мешал ее мыслям. Она сама назвала киб-пилоту машины его адрес, и это было единственное, в чем он не сомневался.

— Вот и улетел Май, — сказала наконец Аларика, когда они прошли с полкилометра, вслушиваясь в шум листвы и скрипы каких-то ночных насекомых. Филипп невольно поднял голову, бросая взгляд на вызвездившее небо. На западе бесшумно вспыхивали зарницы и вонзались в зенит туманные шпаги орбитальных лифтов. Где-то далеко-далеко от Солнца посланцы человечества продолжали путь к цели, с каждым прыжком удаляясь от Земли на

десятки световых лет...

— Они уже прошли дельту Золотой Рыбы, — пробормотал Филипп и внимательно посмотрел на спутницу. Аларика отвернулась, но он успел заметить выступившие в ее глазах слезы.

— Они вернутся. — Филипп обнял ее за плечи, повернул к себе и осторожно вытер ладонью две мокрые дорожки на щеках. — Через пять лет они вернутся. Экспедиция защищена от всех существующих опасностей.

— Я знаю. — Аларика зябко поежилась, прижалась щекой к его ладони. — Пойдем быстрее, мне стало холодно.

Дома они уселись друг против друга и, заказав напитки, безмолвно подняли бокалы с золотистым шампанским. Отпили по глотку.

— За тех, кто в пути, — сказал Филипп.

— За нас с тобой, — ответила Аларика.

Выпив шампанское и попробовав коктейль, Филипп открыл стену-окно, выбрал программу в пенале музыкального «Орфея», и комнату заполнили нежные звуки виолы. Аларика смотрела на него, чуть прищурясь, и медленно потягивала тоник из бокала.

— Дождь, — тихо сказала она. — За окном дождь... Природа оплакивает кого-то. У меня такое чувство, будто случится что-то ужасное! Словно какой-то злой рок навис надо мной, преследует, не дает покоя... Не знаю, откуда взялась эта тревога, ты ли ее принес или кто-то другой?

Филипп молча подошел к ней, наклонился, тронул застежку пенелона на плече. Но женщина покачала головой, провела рукой по волосам, поцеловала в висок.

— Ты стал другим, Филипп, и... дорог мне... но не торопи меня. Я все еще не... — Она поискала слово. — Не уверена. Молчи, — остановила она попытку Филиппа заговорить, знакомым жестом прижав пальцы к его губам. — Я не уверена в себе, понимаешь? Не торопи события, так не хочется ошибаться...

Она встала.

— Потанцуем?

Наплывающая темнота — автомат пригасил светопанели — выбелила лицо Аларики, и глаза ее казались неестественно черными на этом нежном фоне. Филиппу вдруг показалось, что между ним и женщиной прошла призрачная фигура Сергея Реброва, но он только сжал губы и осторожно, словно боясь причинить боль, обнял Аларику.

Человек, помоги себе сам...

— Ничего мы там не нашли, — сказал Томах, отворачиваясь. — Никаких следов. Обыскали снизу доверху тридцатикилометровую шахту, все оборудование — «звезд Ромашина» нет. А почему ты уверен, что «звезды» обязательно должны быть?

Богданов со вздохом откинулся в кресле, разминая кисти рук.

— Потому что «звезда» появилась на установке в Австралии, которая отличается от установки на Тритоне только мощностью взрыва. Наблюдатель не мог не предупредить нас об опасности эксперимента на Тритоне, если дал предупреждение на Земле.

Томах подумал.

— Логично. И что же теперь? Обследовать весь Тритон? Наблюдатель, если он в Системе, от наших поисков, наверное, уже скончался от смеха. Ты все еще гретишь на Керри?

— А ты нет?

— Не знаю. Мне кажется, мы ошибаемся в оценке ситуации. Не знаю только, в какую сторону, лучшую или худшую. Если бы Наблюдатель хотел контактировать с нами, он давно сделал бы это. Видимо, в какой-то момент мы что-то где-то там задели в его области влияния или повели себя неэтично, с его точки зрения, вот он нас и предупредил... и исчез. И Керри к этому непричастен.

Богданов упрямо покачал головой.

— Тогда он не оставил бы «звезду» на установке в Австралии. Нет, он здесь, в Системе, и его что-то беспокоит.

— Что его может беспокоить, кроме предстоящего эксперимента? Но расчеты взрыва проверены и перепроверены не один раз. СЭКОН тоже заседал дважды и не нашел причин, по которым можно было бы запретить эксперимент.

— Я знаю. Меня это не успокоило.

— Меня тоже, — со вздохом признался Томах. Они невесело улыбнулись друг другу, собираясь расходиться. В отделе уже никого не было, кроме них двоих.

— И все же, почему ты так уверен, что Керри и есть Наблюдатель? Я долго ломал голову, пытаюсь оправдать твою уверенность. По-моему, его решение о проведении австралийского ТФ-взрыва — просто случайность.

Богданов перестал массировать кисти.

— Ты хорошо знаешь Керри?

— Достаточно, как мне кажется.

— Он способен удивляться?

Томах озадаченно посмотрел в глаза Никиты.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты был когда-нибудь свидетелем его удивления по какому-либо поводу?

— Ах, это... конечно, и не один раз.

— А появление «зеркальных перевертышей», исчезновение грузов и все события с Наблюдателем его не удивили.

Томах подождал несколько минут, пока Богданов ходил в приемную отдела и умывался.

— И только на этом основании ты заподозрил...

— Не только. А тот факт, что на установке на Тритоне не обнаружена «звезда», лишь подтвердил мое предположение. «Звезду» он мог не оставить по двум причинам: из боязни обнаружить себя или по причине безопасности Большого Взрыва.

— Но какова в таком случае его цель?

— Его цель — заставить СЭКОН действовать эффективнее, пристальнее «оглядываться вперед» на последствия действий человечества и думать не только о нуждах человеческой цивилизации, но и о сохранении среды ее обитания.

Томах невольно покачал головой.

— Эти песни о последствиях поются уже больше трех столетий. Я и сам их пою время от времени. Но если дела действительно обстоят таким образом, ты рискуешь, как Василий. Ты ведь становишься опасным для Наблюдателя своей информированностью. И он не остановится на предупреждении, он тебя уберет как свидетеля.

Никита потряс кистями, улыбнулся.

— Перетренировался вчера — побаливают. Убрать меня непросто, хотя и возможно. Но обещаю — буду осторожен. К тому же, если он умный Наблюдатель, а он, без сомнения, очень умный, то, добившись цели, не станет расшифровываться до конца.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Киб кабинета, повинуясь мысленной команде Богданова, притушил светопанели. Комнату заполнили сумерки. Вдруг в соседней комнате что-то легонько скрипнуло. Томах вздрогнул, не столько от неожиданного звука, сколько от реакции друга.

Никита замер, бесшумно вскочил, скользнул к двери, в его руке оказался «универсал».

В следующее мгновение дверь отворилась, и на пороге возник Керри Йос. Не обращая внимания на последовавшую немую сцену, он прошел в кабинет и сел лицом к обоим инспекторам.

Томах перевел взгляд с его спокойного лица на пистолет в руке Никиты, и ему стало жутко.

— Вы все слышали, — утвердительно сказал Богданов, переходя на «вы», продолжая

держат Керри на прицеле.

Начальник отдела кивнул.

— Случайно вы не выключили интерком.

— Значит, наше предположение...

— Вы даже не представляете, ребята, с кем играете в прятки. Подумайте трезво: будь я Наблюдателем, разве я разрешил бы вам сомневаться в себе, разве стал бы раскрываться? Вы бы просто умерли от вполне естественных причин, как Василий, вот и все. Слишком большие и важные материи затронуты в нашем осязательном контакте с Наблюдателем, чтобы он позволил себя раскрыть. А возможностей у него хватает, вы это знаете.

Богданов подумал и опустил пистолет. Керри Йос смотрел на него без улыбки, устало и задумчиво.

— Помните, у меня сгорел пульт? При вас буквально. После этого я обнаружил внутри «звезду Ромашина». Неужели вы поверили объяснению техника, что я «перепутал» силовой и слаботочный размеры? Это было предупреждение, ребята. А самое интересное, что тот молодой техник в штате управления не числится, я проверил. Такие вот пироги.

Томах откашлялся.

— Извини, Керри, мы... в общем, никто не сомневался.

— Неправда, — тихо и твердо сказал Богданов. — Я сомневался, вернее, не то слово — был уверен. Я и сейчас уверен, что вы — Наблюдатель.

Керри Йос продолжал смотреть на него, но взгляд его ушел в себя, словно он решал, что ему делать.

— Да оставь ты пистолет, — буркнул Станислав.

Богданов озабоченно посмотрел на «универсал», спрятал его в карман куртки, отошел от двери и сел рядом с Томахом.

Керри почесал шрамик на лбу, слабо улыбнулся.

— Ну и ситуация. Не хватало мне заботиться о вашей охране. Спасибо еще, что вы не сообщили о своих подозрениях в Совет безопасности. И что вы собираетесь делать со мной дальше?

— Ничего, — сказал Богданов, подумал, встал и вышел.

Керри посмотрел ему вслед и перевел взгляд на Томаха.

— Извини его, — хмуро сказал тот. — Не знаю, что на него наехало, обычно он сдержаннее.

— Я его понял. — Начальник отдела закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла. — Просто он не увидел другой возможности, прошел мимо, увлекшись цепью совпадений. Разгадка лежит на поверхности, Василий до нее докопался, работая с компьютером, — временные парадоксы. И «звезда Ромашина», и «зеркальные перевертыши», и ваше путешествие на «Красную книгу» связаны с эффектом обратимости времени, подумайте над этим на досуге.

Томах подождал немного, кивнул, сказал:

— Ну, я пойду?

Керри Йос не ответил.

Станислав еще немного подождал, на цыпочках вышел из кабинета и перевел дух только на крыше здания. Щеки горели, было стыдно и зябко одновременно, и было жаль Никиту за его необычную ошибку. «Впрочем, почему ошибку? — пришла вдруг здравая мысль. — А если он-таки прав? Керри-то не доказал обратного...»

Полюбовавшись безоблачным фиолетовым шатром неба, Томах вызвал по видео Филиппа:

— Ты уже дома?

— А где мне еще быть? — ответил бывший конструктор.

— Неважно выглядишь. У тебя все в порядке?

— У меня все, а вот ты явно не в своей тарелке. Получил нагоняй от Керри?

— Не в бровь, а в глаз, ясновидец ты наш. Мне просто не спится.

— Мне тоже. Сажу и зачем-то жду вызова, хотя вызова быть не должно, мы предусмотрели все, что могли предусмотреть. Ребята дежурят на полигоне, а я вот... жду.

— Честно говоря, у меня тоже на душе кошки скребут. Эксперимент завтра, в десять по московскому, а у меня мандраж, как перед схваткой на татами. Слушай, давай еще раз проверим все на полигоне, прощупаем своими руками.

— Для очистки совести? — иронически приподнял бровь Филипп. — А впрочем, спать все равно не придется. Встретимся через час на базе. Кстати, как дела у Никиты? Подтвердились его сомнения насчет... э-э?

— Нет, — коротко ответил Тома и выключил видео. Постояв еще несколько минут, опираясь руками на ограждение, опоясывающее площадку на крыше, и глядя на мерцание огней вокруг здания Центра, он решительно шагнул к лифту.

Травицкий закончил расчет, откинулся в кресле, глядя перед собой невидящими глазами, затем дрожащими от невероятной усталости руками снял эмкан и выключил вычислитель.

— И все же мы ошибаемся, — прошептал он, растирая лицо ладонями. — Я тоже ошибаюсь...

Прежде чем встать, он долго сидел перед пультом вычислителя и с брезгливой жалостью рассматривал свое отражение в зеркале. Перед ним сидел совсем старый, рыхлый человечек с синими от усталости и нервной перегрузки тенями под глазами и большими залысинами.

— Эк тебя! — пробормотал Травицкий с сочувствием к своему отражению. — Не хватает таким явиться на эксперимент!

Он встал, вспомнил об аптечке, достал две таблетки витмобилизатора, медленно прожевал и проглотил. Стало легче. Тогда он вызвал такси и покинул институт, высившийся на фоне лучистого сияния на горизонте темной неживой громадой.

Домой не полетел. Подумал и назвал адрес Кристины. Через сорок минут бесшумного скольжения над темным океаном парка с редкими огнями пинасс доставил его в третий округ Деснянска, к большому зданию, формой напоминавшему пшеничный колос. Отослав машину, Травицкий неизвестно зачем обошел его кругом, прошелся по речному откосу; снизу, от невидимой реки, доносился плеск волн и шуршание камыша. Травицкий поймал себя на желании оттянуть визит, рассердился и вызвал лифт, вознесший его на девятнадцатый этаж.

Дверь открыла Кристина, уютная, спокойная, одетая в домашний халат, не скрывающий ее несколько полноватых форм.

— Не поздно? — пробормотал он, стараясь улыбнуться.

Она поглядела на него, не узнавая, и по тому, как расширились ее глаза, он понял, что выглядит все так же скверно.

— Ты?! Проходи. — Кристина отступила в глубь прихожей.

— Извини, я только на минутку... — Он прошел за ней, спотыкаясь обо что-то мягкое, потом вернулся и снял обувь. Она обернулась, и Травицкий, остановившись, с жалкой улыбкой развел руками. — Понимаешь, Крис, мне плохо сейчас, вот я и пришел.

— Это я вижу, — усмехнулась она. — Проходи в зал, я уложу детей и приду.

Травицкий прошел в гостиную, потом вернулся снять куртку. Из детской доносились смех, звонкие голоса детей и ворчание Кристины.

«Ну да, дети, — подумал он почти спокойно, без обычной боли в сердце. — Живут с ней... Почему она не отдаст их в школу полного цикла? Разве можно уделять им все время? Брала бы на выходные или по вечерам, как все... странная привязанность... А может быть, вовсе не странная, а нормальная? Любовь матери?»

Он на цыпочках проскользнул в гостиную и сел в свое любимое кресло, принявшее его в объятия как старого друга.

«Три года прошло... я был здесь три года назад... и четыре, и семь, и одиннадцать, и

ничего не изменилось... кроме обстановки... и не изменится... Почему она не выходит замуж? Ей же всего сорок три... Впрочем, я ведь до сих пор не нашел пары... Странно, что я никогда об этом не задумывался, просто жил, и все. Может быть, она ждала моего слова? Нет, нет, — вспомнил он, — дети — вот главное, что удерживало меня... и ее. Дети не мои, это всегда казалось мне главным... хотя теперь кажется, что ошибался. Какая разница, чьи дети, если она мне нужна? Несмотря ни на что... Вероятно, я что-то упустил из виду. Когда? Три года назад? Одиннадцать, когда появились дети? Когда все еще можно было поправить?..»

Кристина с подносом в руках, на котором лежали бутерброды и дымился в бокалах голубоватый лунный кофе, вошла в комнату, освещенную рассеянным светом вечернего бра, остановилась. Травицкий спал. Голова его сползла на валик кресла, лицо было измученное, осунувшееся, с черными тенями под глазами, губы вздрагивали, словно он с кем-то разговаривал во сне и морщился при этом. И было ему плохо, так плохо, что хуже не бывает.

Кристина поставила поднос на столик, села рядом и тихо, почти неощутимо коснулась рукой его лба. Травицкий вздрогнул, брови его страдальчески изогнулись, но он не проснулся.

«Он же совсем один! — подумала она вдруг, ужаснувшись. — Он всегда плохо сходил с людьми, и все это время был один, а работа — не отдушина для сердца...»

— Бедный... — прошептала женщина, снова касаясь пальцами его лба. — Бедный мой...

Травицкий пошевелил губами и внятно прошептал ее имя.

Над коричневой пустыней было сумрачно, дул холодный ровный ветер. Метеотехники постарались, и сплошной облачный покров, обложивший небо с утра, к середине дня достиг такой толщины, что невольно душа ждала снегопада.

Филипп по видео проверил посты, расставленные вокруг ТФ-установки по радиусу в двадцать километров, доложил о готовности всех подконтрольных служб Томаху и остался стоять на открытой галерее, соединяющей бронированные конусы наблюдательных пунктов.

Отсюда до раструбов ТФ-установки, готовой к взрыву, было около двенадцати километров по прямой, и выглядела она неэффективным светящимся клинышком. Но не даром вокруг нее чуть ли не сплошной стеной расположились поглотители ударной волны, защитные башни и прочие грозные машины, начиненные киб-техникой и молектроникой, готовые вмешаться в ход событий при первых же признаках опасности для людей за границами охраняемой зоны. Все-таки мощность ТФ-взрыва, довольно скромная по масштабам современной эпохи, намного превышала мощность многих земных природных катаклизмов, и, вырвись эти адские силы из-под барьера защиты, они многое бы натворили на Австралийском материке.

Начал сеять мелкий холодный дождик. Филипп разочарованно покачал головой, посмотрел на часы — оставалось всего двадцать минут до пуска — и спустился в люк наблюдательного пункта, служившего одновременно и центром управления экспериментом.

В круглом зале с наклонными стенами, представлявшими собой контрольные виомы и экраны оптических усилителей, было тихо, у центрального пульта монитора управления стояли и сидели научные руководители эксперимента, в том числе выглядевший больным Травицкий, Керри Йос, Владибор Дикушин в своей неизменной белой паре и Генри Бассард.

Филипп не понял, почему Бассард, руководитель второго космического сектора, изъявил желание присутствовать в ходе эксперимента, но ничем не выдал своих чувств.

— Посты готовы, — доложил он, подходя к Йосу. — Дезактиваторы на исходных, тревожные группы в готовности «один».

— Один, — отозвался начальник отдела, пряча в глазах усмешку: Томах только что доложил ему об этом, причем теми же словами.

Филипп извинился и подошел к Травицкому.

— А, это ты, — сказал тот вместо приветствия. — Побудь здесь пока, я сейчас вернусь.

У меня к тебе есть разговор.

Начальник конструкторского бюро кивнул и быстро вышел из зала, оставив Филиппа в полном недоумении относительно своего замысла.

Кто-то включил видеосистемы, и слепые до сих пор окна дальновидения прозрели, показывая ТФ-установку во всех мыслимых ракурсах, в том числе и сверху, откуда на нее смотрели зависшие над пустыней видеозонды.

— Одного не пойму, — сказал Дикушин, превратив глаза в узкие щелочки. — Почему установки здесь и на Тритоне неоднотипны? Там под слоем материковой коры, здесь на поверхности земли...

— Потому что эксперименты преследуют разные цели, — живо отозвался один из ученых. — Эксперимент на Тритоне глобален, с его помощью мы «высветим» всю Галактику, а то, что взрывное устройство спрятано на тридцатикилометровой глубине, так это для устранения влияния каких бы то ни было факторов и незагрязнения Солнечной системы. Здесь же, в Австралии, ТФ-взрыв на шесть порядков слабее, поэтому «осветить» всю звездную систему Млечного Пути он не сможет, и мы решили энергию взрыва сфокусировать в узкий луч. Такая направленная ТФ-волна пронзит Галактику по радиусу через активное ядро, а мы попытаемся уловить эхо с помощью уже готовых антенн.

— Уяснил, спасибо, — кивнул Дикушин.

— Внимание! — гулко разнесся по залу голос координатора. — Три минуты до окончания инициации! Даю счет.

Из динамиков раздалось клацание метронома и голос автомата, считывающего секунды в обратном порядке. Над башнями силовой защиты загорелись угрожающие алые огни, над пустыней прокатился вой сирен, предупреждая людей о необходимости укрыться в убежищах.

Филипп, с нарастающей тревогой дожидаясь прихода Травицкого, вспомнил его последнюю фразу, и тревога переросла в панику. Выбравшись из толпы возбужденных специалистов, он незаметно включил рацию и тихо проговорил появившемуся над браслетом изображению заместителя:

— Келвин, проверь-ка быстренько, никто не появлялся в зоне без сигнала? И предупреди посты. Только быстро, аллюром!

— Жди, — кивнул заместитель.

Рядом с Филиппом вдруг очутился Томах.

— Что случилось?

— Травицкий... — Инспектор не договорил, пискнул сигнал вызова.

— В зоне пинасс! — доложил встревоженный Келвин. — Держит курс за линию перехвата, догнать его мы уже не успеваем. Никто не думал, что он...

— Эх, что же вы сами-то не догадались! — скрипнул зубами Филипп и крикнул на весь зал: — Остановите пуск!

— Остановите пуск! — эхом подхватил Томах. — Немедленно!

Но было уже поздно. Автомат досчитал секунды, реакция инициации ТФ-распада достигла критического сечения, и началась цепная реакция, которую уже нельзя было остановить ничем.

В двенадцати километрах от наблюдательных пунктов над угрюмой мокрой пустыней вспыхнул изумрудный огонь, клинком воткнулся в низкие тучи. Дрогнула земля. Чудовищный вихрь вывернул тысячетонные пласты песка и бросил во все стороны с громадной, непреодолимой силой! Сразу стало темно. Но через секунду наэлектризованные песчаные валы пронзила первая молния, а еще через секунду грохотало и сверкало отовсюду. Эта кипящая электрическая туча ударила в невидимую силовую стену, закрутилась волчками смерчей, прорвала тучи на десятки километров в стороны и вверх, обрушилась назад, снова с гулом ударилась в защитные барьеры...

Воздушные потоки, словно из исполинского дуршлага выдутые взрывной волной сквозь очищающие раковины поглотителей ударной волны, выстрелили за пределы

двадцатикилометровой зоны, мгновенно сдули с барханов корку такыра и накрыли наблюдательные конусы непроницаемой желто-коричневой пеленой...

Филипп вместе с работниками своей группы выскочил из зала, не обращая внимания на предостерегающие крики, но пробиться сквозь беснующуюся плотную песчаную мглу не смог. Лишь через полчаса, когда ветер несколько стих и мгла рассеялась, они добрались к машинам в капонире и вылетели на поиски неизвестного антигравинасса.

Травицкий лежал под разбитым корпусом пинасса в трех километрах от защитных устройств. Целыми у него остались только руки, прикипевшие к рукояти аварийного выброса.

Филипп с помощью товарищей вытащил его из-под обломков и безучастно смотрел, как суетятся врачи «скорой», примчавшиеся вслед за спасателями. С врачами прилетел Томах. Он посмотрел на тело Травицкого, опутанное проводами, на врачей, разворачивающих бесполезные свои аппараты, и дотронулся до плеча Филиппа:

— Пойдем, инспектор. Никто не виноват в том, что случилось. Предусмотреть такое мы не могли. Пойдем, ему уже не поможешь.

Филипп не шевельнулся. Станислав повздыхал, потоптался рядом и отошел к врачам.

— Плачь, плачь, — пробормотал он с тоской. — Кто не плакал — тот не жил!..

— Простите. — К Филиппу подошел старший из врачей. — Мы прибыли слишком поздно... тридцать семь минут... многочисленные кровоизлияния, три десятка переломов... Вот, возьмите. — Врач протянул ему какой-то небольшой плоский предмет. — Это нашли в его руке.

Филипп спрятал предмет в карман, встал и пошел прочь, в пустыню, не разбирая дороги.

Врач растерянно смотрел ему вслед.

— Эксперимент, в общем-то, удался, — подошел к Станиславу с мрачно-довольным видом Генри Бассард. — А ваша служба подвела, подвела. СЭЖОН теперь не слезет...

Томах посмотрел на него, багровея, и Бассард быстро отошел.

— Зачем его сюда понесло? — пробормотал Станислав, почувствовав за спиной дыхание Керри Йоса, успокоил дыхание.

— Спешил, — понял тот, глядя на тело Травицкого. — Значит, рассчитывал успеть.

— Куда успеть? Всем оборудованием комплекса можно было командовать из НП.

— Не всем. По моим сведениям, он установил в главном конусе взрывной установки дополнительную ТФ-антенну с блоком аппаратуры управления и резонатор. Как ты думаешь, что его задержало? Ведь он мог успеть туда и обратно, времени хватало.

— Я задаю себе тот же вопрос.

Они встретились глазами.

«Генри прав, — сказал взглядом Керри Йос, — подвела наша служба».

«Я знаю, — ответил этим же способом Томах. — Разберемся».

Станислав подождал, пока врачи заберут тело Травицкого, и сел на крыло своего флейта ждать Филиппа.

Природа наконец успокоилась, и сквозь редящие тучи проглянул настороженный лик солнца.

Глава 14

ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД

Зона взрыва была все еще обнесена цепью маркерных огней и предупреждающих надписей, но ионизация почвы уже снизилась до безопасного уровня, поэтому робота-сторожа сняли и Филипп мог пройти по зоне, не рискуя вызвать сиренный гнев автомата.

Снизившись, он спружинил на ноги и выключил пояс-антиграв.

Пустыня уже почти зализала нанесенную взрывом рану шершавым языком песков, но в

том месте, где стояла ТФ-установка, зияла стометровой глубины воронка, и на километр вокруг почва была покрыта слоем странного голубого праха, текучего, как вода.

Поднимая облачка голубоватой пыли, Филипп прошлепал к краю воронки, заглянул вниз. В глубине пропасти увязла густая тень, но все же благодаря низкому солнцу, лучи которого высвечивали противоположный край воронки, можно было разглядеть, что желтые стенки провала усеяны порами так густо, что напоминают полурастаявший в стакане чай кусок сахара. От ТФ-установки, конечно, не осталось и следа. Филипп представил, какие силы бушевали здесь месяц назад, чтобы, стиснутые фокусирующим полем, могли ударить в зенит, и ему на миг стало не по себе.

Присев на край воронки, он свесил ноги в пустоту и задумался над своими ощущениями, гонявшими его по Земле в поисках утраченного равновесия, в поисках неведомой истины. Кирилл Травицкий погиб, не успев сообщить, что он хотел доказать экспериментом. Почти все в управлении считали, что погиб он глупо, и только Томах, Филипп да Никита Богданов имели другое мнение, но и у них не было доказательств. Единственный известный факт состоял в том, что по заданию Травицкого строители смонтировали на дне установки сложную антенну, способную возбуждать ТФ-волну необычайной, сверхвысокой частоты, и ТФ-резонатор, но зачем они ему понадобились, не знал никто.

— Убежден, он хотел до эксперимента подключить резонатор с антенной к главной антенне установки, — сказал после трехдневных разбирательств трагического случая Томах на коротком совещании у директора УАСС. — В каскад управления была встроена, кроме всего прочего, еще и аппаратура синхронизации пуска.

— Но проверить это невозможно, — буркнул Спенсер, не глядя ни на кого. — Поэтому конкретный виновник его гибели — ваш отдел.

— Мы и не снимали с себя вины, — поморщился Керри Йос. — Но, к сожалению, Травицкий не оставил никаких записей, свидетельствующих о его намерениях, и что он хотел проверить — неизвестно.

— А я думаю, это не случайность, — проговорил Богданов, покосившись на Томаха. — Снова вмешался Наблюдатель.

— Наблюдатель не может быть равнодушным, — покачал головой Керри Йос. — В этом случае он действовал бы гораздо более жестко. Смерть Василия Богданова, конечно, связана с появлением Наблюдателя, но в смерти Травицкого гораздо больше загадочного и случайного. То же самое можно сказать и о совпадении точки взрыва с древним ядерным устройством. Кстати, не мешало бы просчитать все характеристики построенной по указанию Травицкого колебательной ТФ-системы. Вспомните, «зеркальные перевертыши» тоже использовали запредельные частоты. Зачем Кириллу понадобилось разрабатывать ТФ-контур с теми же параметрами?

— Не совсем с теми же, его антенна-резонатор способна излучать ТФ-поле на гиперчастотах, не изученных даже теорией.

— Вот и давайте привлечем теоретиков, пусть покумекают, на что рассчитан ТФ-луч с такими частотами.

— Что нам это даст?

— Не знаю. — Керри Йос поднял на Спенсера прозрачный взгляд. — Может быть, ничего. Глаза подчас бывают слепы, надо искать сердцем...

— Может быть, ничего, — пробормотал Филипп вслух, поднимаясь на ноги; солнце зашло, и в пустыне резко похолодало. Какая-то мысль родилась в мозгу, смутная, неопределенная, ускользающая...

— Характеристики ТФ-антенны.

Да, ученые провели расчеты ТФ-волны, которую могла излучать построенная по заказу Травицкого антенна, но выводы оказались такими необычными, что в них трудно было поверить: в зоне излучения должны были наблюдаться эффекты «сдвига» и даже «поворота» времени на макроуровне, и к чему это могло привести — никто предугадать, а тем более

рассчитать не мог. Теоретики в том числе. Они только начинали свои колдовские исследования.

«Что хотел проверить Кирилл? Новую конструкцию антенны? Ценой жизни? Ерунда! Он плохо рассчитал время в пути до установки, кто-то его задержал или отвлек, вот и не успел долететь. С другой стороны, кто мог его задержать? В зону его пустили без единого вопроса, все были уверены, что он через минуту вернется. Но цель, цель его полета?»

Филипп слепо побрел прочь от воронки, остановился, вернулся и устался в глубокую темноту ее дна.

Эксперимент в Австралии прошел удачно... если не считать гибели Травицкого, который так и не успел включить свой контур повышения ТФ-частот излучающей системы в общую систему и синхронизировать ее работу. ТФ-луч пронзил Галактику и ушел за ее пределы, приемные антенны поймали эхо отражений от сгущенной материи, черных дыр и квазаров, оказавшихся на пути луча, а ученые засели за циклы новых расчетов, с нетерпением ожидая Большого Взрыва на Тритоне.

Частота тайм-фага... нестандартная частота... Кирилл не оставил ни одной зацепки, никаких записей на этот счет... не оставил...

Филипп вдруг вспомнил, как один из врачей «скорой помощи» сунул ему в руку какой-то плоский предмет, коробочку. Что это было? И где этот предмет?

Он слепо пошарил себя по карманам, с досадой поморщился: костюм был другой. Старый, месячной давности, уже, наверное, в утилизаторе. Но не мог же он не проверить карманы, прежде чем опустить костюм в щель утилизатора?

Филипп включил антиграв и дал полную тягу. Фиолетово-синее небо с розовыми перьями облаков, еще освещенных упавшим за горизонт солнцем, распахнулось навстречу...

Дома он вытащил из стенного шкафа старую одежду и обнаружил в кармане куртки голубую плоскую коробочку. В ней дребезжал какой-то небольшой предмет — кристаллическая кассета домашнего видео.

У Филиппа вдруг задрожала рука с зажатым в ней кристаллом. Как же он мог забыть о коробке? Целый месяц в голове ералаш, полное отсутствие памяти!.. Он лихорадочно развернул видеопроектор в комнате и вложил молочно-белый стерженек кассеты в отверстие копира. В углу за клубился радужный туман, рассеялся, и взору явилось «продолжение» комнаты, созданное голографическим генератором видео. У пульта вычислителя сидел живой Кирилл Травицкий и разговаривал сам с собой.

Филипп сглотнул вязкую слюну и подался вперед, словно хотел поздороваться с учителем.

— Кирилл! — глухо выговорил он. — А все думали, почему не осталось записей...

— Итак, проблема не решается трансгрессивно, — сказал Травицкий, глядя куда-то в стену комнаты перед собой. — Может быть, она вообще не решается с позиций нашей современной физики. Ты разберись, Филипп, ты сможешь...

Филипп окаменел. Травицкий, мертвый Кирилл Травицкий обращался к нему, живому. Словно знал, что Филипп первым прочтет запись.

— Пойдем дальше. — Травицкий переменял позу, положил руку на пульт. — Эксперимент необходим, спору нет, но, боюсь, малая мощность взрыва даст качественно иные характеристики ТФ-поля. Во-первых, бедность спектра и, может быть, даже отсутствие гармоник, на которых работают метро и ТФ-станции Даль-связи. Во-вторых, следует еще раз вспомнить, что ТФ-поле не имеет ничего общего с материальным силовым полем, это свойство пространства, связанное с его топологией; образно выражаясь, это «судорога» пространства. И в-третьих... — Начальник бюро поднял глаза, и у Филиппа невольно сжалось сердце. — В-третьих, как оказалось, ТФ-теория органично связана с теорией времени — одна переходит в другую при увеличении частоты и мощности ТФ-поля. А ведь мы собираемся ни много ни мало сотрясти всю ТФ-метрику космоса! — Кирилл пожевал губами, обдумывая последнюю свою речь. — Короче, если я прав, мне не дадут провести эксперимент с новым колебательным контуром, потому что это чревато разрушением

ТФ-скелета мироздания. Если я прав, я погибну, если нет — тревоги напрасны, и отделу безопасности не стоит беспокоиться о судьбах человечества и Вселенной...

Изображение комнаты растаяло цветным туманом. Чуть слышно щелкнул замок копира, запись кончилась.

Несколько минут Филипп сидел неподвижно, глядя перед собой ничего не видящим взором. Кирилл Травицкий запрограммировал свою смерть! А поскольку он оказался прав, его убрали. Его убрали!.. Филипп достал кассету видеозаписи, оделся и покинул дом, не оглядываясь, как обычно.

В вычислительном центре управления он появился через час. Вечер уже властвовал над природой, примирив земное с небесным, и здание ВЦ было на две трети погружено во тьму.

В отделе эфанализа «ФА-Шторм», где когда-то работал Василий Богданов, горел свет, а на его бывшем месте работал незнакомый Филиппу грузный мужчина в ярко-голубом костюме, бросавшем вызов мягкому цветовому комфорту комнаты. Присутствие чужого неприятно поразило Филиппа, хотя мгновение спустя он признался себе, что глупо упрекать себя в том, что он незнаком с другими аналитиками.

Поздоровавшись, Филипп после некоторых колебаний прошел к терминалу Богданова и сел в спарринг-кресло. Мужчина снял с головы эмкан и с раздражением посмотрел на непрошеного гостя круглыми, немигающими, как у совы, глазами.

— Собственно, кто вы такой? — спросил он неожиданно высоким голосом. — Может быть, ошиблись дверью? Это «ФА-Шторм», молодой человек.

— Не ошибся, — пробормотал Филипп. — Очень прошу вас уступить канал Умника, это очень важно. Я Ромашин.

Незнакомец мигнул, на лице его появилось озабоченное выражение.

Филипп молча закрепил эмкан и перещелкнул задатчик терминала в положение «прямой контакт». Василий Богданов перед смертью сделал точно такое же переключение, пришла мысль, но Филипп отогнал ее.

Мужчина в голубом быстро собрался и через несколько минут привел сухого и длинного начальника сектора ФА, заменившего Богданова. Войдя в комнату, сухопарый подошел к Филиппу и тронул его за плечо. Филипп вопрошающе посмотрел на него снизу вверх.

— Самостоятельная работа с Умником запрещена, — сказал новый начальник сектора.

— У меня карт-бланш операции «Наблюдатель».

— В таком случае возражения снимаются, но предупредить об опасности режима «один на один» я обязан. Помощь нужна?

— Спасибо, понадобится — обращусь. — Филипп поправил эмкан. — Только прошу не отвлекать, мне необходима полная сосредоточенность.

— Ради Бога! Жора не в курсе, вы на него не обижайтесь.

Филипп мельком посмотрел на недовольно-недоуменную физиономию толстяка в голубом и включил режим «один на один», вспомнив свой удобный конструкторский комбайн. «Бывший, бывший свой! — подумал он с неприязнью к самому себе. — Довольно уже напоминать людям о причастности к институту, мешать им, наконец. Здесь, в секторе футур-анализа, да и в техническом секторе управления, не менее мощные вычислители, так что дорогу в Институт ТФ-связи пора забыть, тем более что там уже нет Кирилла. Ну, Умник, держись! Ты мне скажешь, что узнал Василий и отчего он умер!..»

Сначала Филипп прошелся по этапам расчета свойств антенны, которую соорудил в Австралии Травицкий. Это заняло полтора часа, несмотря на применение мыслерапида, и уйму энергии, так что пришлось прибегнуть к тонизирующим препаратам, хотя их применение во время работы запрещалось инструкцией медкомиссии СЭКОНа.

Результат оказался более поразительным, чем представлял Филипп, но ему не хватало данных, чтобы довести исследование до конца.

Прихлебывая тоник, Филипп полежал в кресле, наслаждаясь ощущением уходящей психологической усталости.

— Проблема не решается трансгрессивно, — повторил он слова Травицкого. — Или я прохожу мимо решения, не замечая его. Почти все характеристики антенного комплекса я рассчитал, эффекты перемены знака времени определил, но ничего страшного не обнаружил. Взрыв на Тритоне ничем не грозит ТФ-метрике, хотя и потряхнет ее хорошенько. С самим Тритоном ничего не случится, разве что пробежит восьмибалльная волна «тритонотрясения». Что еще?

Перемена знака в уравнении пространства-времени, вспомнил он снова. Кирилл упомянул об эффекте обратимости ТФ-поля в тангенциальное поле времени... что он хотел сказать? При чем здесь встряска ТФ-метрики всего мироздания?

Филипп отхлебнул глоток сока и поперхнулся. Он вдруг понял, что хотел сказать Травицкий своей смертью. Не хватало только одного звена в цепи гипотез и предположений, чтобы цепь стала прочной и вещественно осязаемой. И звено это было запрятано в колоссальной памяти Умника, вернее, «размазано» по всем его блокам эфемерным «пеплом» электронных облаков, следов работы Василия Богданова.

Торопясь, Филипп кое-как натянул эмкан, удивляясь, отчего он так неловок, потом увидел в руке бокал с соком, залпом допил и швырнул бокал в угол.

Дважды во время работы срабатывал автомат психонагрузки, и дважды Филипп выключал его, пока не заблокировал насмерть.

Во втором часу ночи он дрожащими руками снял эмкан и уставился перед собой слепым взглядом беспредельно уставшего человека. Проблема была решена. Точно так же сидел в этом кресле Василий Богданов, пришедший к такому же выводу, только с помощью фантазии и интуиции, разве что организм его оказался слабее, чем у Филиппа.

Инспектор просидел полчаса, не думая ни о чем, вслушиваясь в оглушительный гул крови в голове и пытаясь умирить сверлящую головную боль. Наконец сказались результаты йога-тренинга, боль слегка утихла, но все тело казалось ватным, хотелось лечь и закрыть глаза, пока истощенный нервной перегрузкой организм сам не приведет себя в порядок. Но вот сквозь утихающий гул кипящей крови в мозг пробились посторонние звуки. Филипп прислушался и понял, что это сигнал входного автомата. Кто-то просил разрешения войти.

Филипп удивился: в четвертом часу кто-то решил поработать? Кое-как встал, поморщился и открыл дверь. Перед ним стояла Аларика.

— Ты здесь? О Господи! — Женщина, всхлипнув, прижалась к нему, обняв за шею так, что стало трудно дышать.

— Задушишь, — глухо сказал Филипп. — Как ты меня нашла?

— Помог дежурный по управлению. Думала, что с тобой что-то случилось... вдруг заболело сердце... начала искать, спрашивать, звонить, пока Жора Тунгусов не признался, что ты у эфаналитиков, если еще не ушел... Я позвонила, но ты не отвечал, и я чуть не сошла с ума... Господи! Целый месяц ты не звонил, не приезжал, исчез куда-то, и я поняла — нуждаешься в помощи, но просить уже не...

— Не стал бы, — пробормотал Филипп и поцеловал ее в ухо. — Рика, мне было плохо, потому что погиб Травицкий.

— Я знаю, но ведь ты же не виноват.

— Может быть, и не виноват, но он дал мне такую мысль!..

В мозг вдруг выплеснулась волна тревоги: Тритон! Эксперимент опасен! Скорее в управление...

Он отстранил Аларiku и едва не упал от нахлынувшей слабости. Испуганная женщина помогла ему добраться до кресла, и он, ничего не объясняя, потянулся к пульту связи.

Несколько минут ушло на бесплодные вызовы Керри Йоса, потом Филипп вспомнил, что уже ночь, и легче всего позвонить диспетчеру отдела. Обругал себя, вызвал дежурного. Керри Йос вместе с Томахом должны были находиться в этот момент на Тритоне или в центре управления экспериментом, то есть на крейсере УАСС над Тритоном, и дозвониться к ним можно было только через трек — тревожный канал спасательной службы.

Вспыхнул глаз виома, развертывая световую нить в объем передачи, и вырезал «окно»

в диспетчерский пункт.

— Слушаю вас, — подняла голову над пультом диспетчер, строгая женщина с пристальными серыми глазами.

— Ага... — пробормотал Филипп, опомнился. — Извините. Я Ромашин, официал отдела безопасности. Мне необходимо срочно связаться с Керри Йосом или с любым из его заместителей, по косвенным данным, они сейчас не дома, а на Тритоне, где готовится эксперимент «Галактическое просвечивание».

— Ждите, — лаконично отозвалась женщина. В течение нескольких минут она дозванивалась до узла связи на Тритоне. Аларика в это время положила на затылок и лоб Филиппа прохладные ладони и наскоро провела сеанс биопереноса. Филиппу стало легче. Дежурная выслушала ответы абонентов и отрицательно покачала головой.

— На Тритоне никого нет, все руководители эксперимента находятся на борту крейсера «Святогор». Но Керри Йоса нет и среди них, час назад он покинул крейсер и улетел на Землю. Нет его и в управлении, связи с ним нет.

— То есть к-как улетел на Землю?! — Филипп ошеломленно смотрел на дежурную. — Зачем улетел?

Женщина-диспетчер сочувственно оглядела его растерянное лицо и протянула руку, собираясь выключить связь.

— Подождите, — взмолился инспектор. — Тогда дайте связь со Станиславом Томахом или Никитой Богдановым, они-то на крейсере.

Диспетчер, сказав кому-то: «Минуту, я занята», снова принялась искать названных безопасников. Но ни Томаха, ни Богданова на «Святогоре» также не оказалось.

«Ну конечно, — пронеслось в голове. — Проверяют готовность постов по всей Системе. Что же делать? Кому звонить? Морозову?»

Диспетчер, видимо, заинтересовавшись странным абонентом, медлила выключать виом.

— Может быть, вам дать канал с руководителем эксперимента на крейсере? — предложила она.

Филипп посмотрел на часы: до начала эксперимента оставалось немногим более двух часов.

— Попробуйте, — хрипло сказал он, откашлялся. — Хотя... н-нет, спасибо, лучше вызовите кого-нибудь из ответственных за безопасность от управления.

Через минуту переговоров — диспетчер проделала это профессионально: четко, быстро, без лишних слов — виом мигнул, изображение в нам сменилось. Вместо круглого помещения диспетчерского пункта перед Филиппом раскрылся треугольный командный зал крейсера «Святогор», заполненный группами специалистов всех рангов, несмотря на то что до начала эксперимента оставалось еще достаточно много времени.

Возле центрального пульта координатора команд стояла небольшая группа людей, среди которых Филипп узнал Дикушина и вездесущего Генри Бассарда в форме официала УАСС. Видимо, он здесь и был официальным представителем управления, отвечающим за безопасность по Системе в целом.

Бассард в ответ на вызов удивленно посмотрел на диспетчера центра и подошел ближе к видеокамере. Филиппу совсем не улыбалось докладывать о результатах своего бешеного ночного бдения кому бы то ни было из официальных лиц других секторов, а Бассарду в особенности, но делать было нечего, время уходило, выбора не было.

— У вас ко мне дело? — спросил Бассард, подчеркивая последнее слово.

— Ко всем ответственным, — мрачно сказал Филипп, — и к вам тоже. Дело в том, что я проделал новые расчеты ТФ-взрыва, с учетом некоторых сомнений... вернее, рекомендаций Кирилла Травицкого. Эксперимент проводить нельзя, он опасен, и опасен настолько, что...

— О чем вы?! — перебил его Бассард. — Расчеты взрыва сделаны давно, причем проверялись специалистами высокого класса, и ваш новый расчет на основе

«сомнений»... — Руководитель сектора с улыбкой пошевелил пальцами, подбирая выражение. — Согласитесь, несколько легкомысленно на такой основе поднимать вопрос — опасен или не опасен взрыв в «подвале» Тритона. Да и что может случиться? Тритон разнесет в пыль, что ли?

— Дело не в Тритоне...

— Что еще? Нептун? Солнечную систему? Не смешите меня.

— А вы не иронизируйте, — разозлился Филипп, чувствуя на затылке вздрагивающие пальчики Аларики. — Последствия взрыва более грандиозны, чем вы представляете, Наблюдатель не зря начал кампанию предупреждения задолго до взрыва.

— С этим вашим мифическим Наблюдателем еще далеко не все понятно. Кстати, а какое нам до него дело? С чего вы взяли, что он предупреждает нас именно об опасности эксперимента на Тритоне? Взрыв не опасен даже этой планете, а вы беспокоитесь за всю Галактику!

— В прежних расчетах взрыва не учтены фазовые переходы ТФ-поля в ветвящиеся поля времени...

— Простите, но это голая теория, а меня ждут. И поверьте, нами сделано все необходимое для безопасности Системы. — Бассард повернулся к Филиппу спиной и добавил через плечо с кривоватой улыбкой: — Вас, кажется, тоже ждут? Ночь как-никак.

Кровь бросилась Филиппу в лицо, но усилием воли он сдержал готовое вырваться проклятие. Очнулся от голоса диспетчера. Женщина смотрела на него из виома и что-то спрашивала.

— Что? — переспросил он, сожалея, что не рассказал все Дикушину. — Простите.

— Связь в ТФ-диапазоне прекращаю, — повторила диспетчер. — По Системе объявлено «штормовое предупреждение», приказано перейти на световую и радио. Прошу извинить.

Виом погас.

«Так! Интересно, что сказал бы я на месте Бассарда, обратиться ко мне кто-нибудь с подобным заявлением? Наверное, высмеял бы наглеца... Но что же все-таки делать? Звонить в управление нет смысла, в отделе никого. Может, действительно найти Морозова? Как-никак председатель СЭКОНа... или сразу выйти на Спенсера? Успею ли?»

Аларика стояла рядом, гладила затылок и виски, и это было до того приятно, что не хотелось ни думать, ни шевелиться.

С пульта вдруг прозвучал трехтональный сигнал общего внимания. Филипп машинально протянул руку и включил виом.

— Передаем объявление, — сказал диктор центрального информвидения. — В связи с проведением эксперимента на спутнике Нептуна Тритоне пассажирские линии метро не будут работать с четырех до шести по среднесолнечному времени. Повторяю...

«Керри подстраховывается, — подумал философски Филипп. — Если бы он знал, что нас ждет!.. Однако я теперь даже со Спенсером не успею связаться, особенно если он не на Земле!»

Инспектор включил часы видеобраслета: шел четвертый час ночи по московскому времени, иначе — четвертый час по среднесолнечному времени.

Что же делать?

— Надо лететь на Брянский полигон, — тихо подсказала Аларика, поняв все из переговоров Филиппа. — Только оттуда ты сможешь попасть на Тритон... если докажешь целесообразность вылета дежурного крейсера.

— Туда легче позвонить...

— Ты же слышал, ТФ-связь уже отключена, а радиосвязь неоперативна. Пойдем, до четырех мы еще успеем добраться до полигона на такси, а по пути что-нибудь придумаем насчет того, как попасть на «Святогор».

Она протянула руку. Филипп с усилием поднялся, заставляя работать вялые мышцы.

Идущий по коридору дежурный механик вычислительного центра с удивлением

посмотрел вслед бегущим: тоненькая, хрупкая на вид женщина буквально волокла здорового, спотыкающегося на каждом шагу мужчину...

На стоянке такси стояла всего одна машина, да и в ту садились двое парней и девушка.

— Подождите, — задыхаясь, сказал Филипп, ухватился за крыло флейта. — Пожалуйста, нам очень нужна машина... Разрешите взять... эту.

— Что за спешка, дорогой? — засмеялся один из парней, подсаживая девушку. — Позвони через ноль-ноль-два, и будет тебе машина.

— Мы не можем ждать... это очень важно! Прошу вас.

— Может быть, отдадим? — заколебалась девушка, тонко уловив в волнении инспектора неподдельную тревогу.

— Пусть берут, — коротко сказал второй, уступая сиденье.

— Спасибо, мужики! — хрипло поблагодарил Филипп, с трудом забираясь в кабину. — Может быть, вы спасаете сейчас все человечество.

Флейт вонзился в ночное небо. Филипп «с мясом» вырвал ограничитель скорости, и аппарат сразу перешел звуковой барьер.

В отделении Брянской общетранспортной инспекции диспетчер услышал сигнал контрольного спутника, схватился за голову и дал сигнал тревоги по воздушному коридору, в котором появился лихач.

Все закончилось бы хорошо, не смени Филипп горизонт, по привычке выбирая кратчайший путь к северной оконечности города, за которой располагался полигон УАСС. Именно в этот момент на пути заработал один из орбитальных лифтов Брянска, выключенных до этого времени на профилактические ремонтные работы. Филипп не заметил светящихся в воздухе предупреждающих знаков, а когда впереди вдруг вырос световой столб, было уже поздно — шел он на ручном управлении.

Шедший в полукилометре на перехват нарушителя патрульный автомат инспекции успел применить «красную завесу», но на таком расстоянии компенсирующее силовое поле только ослабило инерцию удара. Флейт вонзился в защитное поле канала лифта («Надо было идти на „джордже“!» — мелькнула мысль), хрустнул колпак кабины, разлетаясь прозрачными брызгами, вскрикнула Аларика, в кабину хлынула тьма.

В сознание Филипп пришел от боли и, еще не открыв глаз, вспомнил удар, фейерверк осколков фонаря кабины, крик Аларики и резко поднял голову. Он лежал на склоне холма, лицом вниз. Рядом, у неровной стены кустов, лежала Аларика, накрытая смятым сиденьем флейта. Поодаль что-то горело, и на мокрую траву и обломки машины, рассыпанные полосой, на тело Аларики ложились оранжевые блики от языков пламени. Вглядевшись, Филипп понял, что горит патрульный автомат, успевший перехватить разбитое такси и ценой своей гибели предотвратить смерть пассажиров.

Инспектор с усилием встал, скрючившись от боли в спине, подошел к женщине, сбросил с нее остатки сиденья, опустился рядом на колени.

— Рика, — позвал он глухо. — Ты слышишь меня, Рика?

Кто-то вдруг тронул его за плечо. Филипп поднял голову, сзади стоял Керри Йос.

— Отойди-ка, парень.

Филипп послушно встал, как во сне отодвинулся.

— Вы?! Здесь? Как вы тут... а я только что искал вас. Помогите ей... видите?

— Вижу. — Начальник отдела безопасности опустился на корточки возле женщины. — Зачем ты искал меня?

— Эксперимент на Тритоне... но Аларика!

— Сейчас здесь будет «скорая». Помогите-ка...

Вдвоем они положили женщину удобнее. Аларика чуть слышно застонала, и Филипп едва не закричал от радости: жива!

— Итак? Я слушаю тебя.

— Да, я искал вас, — шепотом сказал Филипп, сглатывая комок в горле. — Надо остановить эксперимент на Тритоне, он опасен.

— Ясней, пожалуйста, и покороче. — Керри выпрямился и вытер пальцы платком.

Филипп несколько мгновений боролся с собой: наступила реакция, и тело снова стало слабым и непослушным.

— ТФ-взрыв такой мощности, какая готовится, даст гармоники частот высших порядков вплоть до вакуум-барьера, — наконец выговорил он, не поднимаясь с колен. Потом поднял голову и с мольбой посмотрел на начальника отдела. — Где же «скорая», черт возьми?! Аларика будет жить?

— Травма серьезная, повреждена грудная клетка, сломаны руки, но жить будет. «Скорая» в двух минутах лета. Продолжайте.

Филипп подумал и сел, виновато улыбнувшись.

— Простите, я работал с Умником... в режиме «один на один» и перегрузил мозг, а тут еще это! Не заметил охранной зоны лифта! Простите... Что я говорил? Да... значит, взрыв на Тритоне возбуждет ТФ-поле на запредельных частотах, а это может послужить причиной цепной реакции фазового перехода пространства. Это полное разрушение континуума, понимаете?! Родится новый вакуум с новыми свойствами, существующая материя будет уничтожена, а вместе с ней и человечество, и... другие разумные существа! Все!

— Не преувеличиваешь? — Керри Йос остро, без тени усмешки глянул в глаза инспектора.

— К сожалению, нет.

— И ты до этого открытия дошел один?

— Нет, помог Травицкий, я нашел его записи... а до меня подобный финал взрыва просчитал Василий Богданов... вернее, он считал, конечно, не взрыв, а характеристики «зеркальных перевертышей» и сумел на минимуме фактов сделать правильный вывод.

— Я догадывался. — Керри помрачнел. — Я догадывался, но не хотел верить. Значит, в самом деле все упирается в обратимость времени?

— Не обратимость, а переход времени в иное качество. Кирилл близко подошел к решению, а в Австралии хотел проверить, так ли он понял предупреждение Наблюдателя.

— Он понял правильно, а я вот нет. Наблюдатель предупреждал об опасности некоторых видов знания...

— Нет, — тихо возразил Филипп, — об опасности незнания.

Керри Йос, помедлив, кивнул.

— Ты прав. Кажется, мы подошли к пределу, за которым наши действия могут привести к гибели Мироздания, несмотря на то что творятся они из лучших побуждений. — Начальник отдела поднес к глазам браслет видео. — Та-ак, до начала взрыва около часа, но эксперимент уже запущен. Ты сообщил о своих выводах на крейсер?

— Пытался, но... там Бассард, он не захотел меня понять.

Керри мгновение размышлял, потом повернул кольцо включения видео. Вспыхнул миниатюрный объем передачи — лицо главного диспетчера центра.

— «Шторм» по всем секторам УАСС! — сказал Керри Йос. — Выключить и заблокировать не только пассажирские и транспортные линии метро, но и линии ТФ-связи и контроля, кроме спецканала трека! Системам СПАС и ПОД на время эксперимента отключить от прослушивания ТФ-диапазон, сразу после эксперимента перейти на низшие регистры частот! Дежурным патрулям проверить станции метро, убрать обслуживающий персонал из аппаратных на линиях, соединяющих дальние звездные системы!

Диспетчер смотрел на Керри, открыв рот.

— Да вы что, Керри?! Отключив метро, мы минимум на месяц прервем сообщение по Системе! Чтобы запустить каналы, надо...

— Знаю. Поэтому и не блокирую станции звездных систем, а только внутрисолнечные метро. Кроме того, дайте аварийную проводку крейсера «Искатель» к Тритону. Время расчета траектории — четверть часа, время отработки вспомогательных служб — пять минут. Записал? — мягко произнес начальник отдела. — Действуй, Мартин!

— Я обязан доложить Морозову в СЭКОН и Спенсеру...

— Докладывай, но параллельно с включением тревоги. Минут через десять я свяжусь с ними сам.

Диспетчер мотнул головой, словно пробуждаясь ото сна, и отключился.

Керри Йос повернулся к Филиппу, все еще сидевшему на земле. Аларика слабо вздохнула, и оба одновременно посмотрели на нее.

— Тебе надо спешить, — тихо проговорил Керри. — Бери мой пинасс. С полигона тревожной линией ты еще успеешь добраться до австралийской базы, там возьмешь «Искатель»...

— Зачем? — поднял на него запавшие глаза Филипп. — Легче связаться с крейсером, вам поверят больше, чем мне.

— Поздно. Таймер уже сработал, и через час реакция ТФ-инициации достигнет, говоря словами специалистов, критического сечения. Остановить эксперимент можно, лишь уничтожив бланкет с активным веществом или генератор ТФ-возбуждения... не знаю как, об этом подумаешь сам. И только ты сразу сможешь определить на месте, что надо сделать. Остальным надо объяснять.

Керри достал из кармана куртки необычный значок золотистого цвета в форме закрывшего голову руками человечка, протянул Филиппу.

— Это сертификат официала УАСС по сигналу «Шторм», возьми. Предъявишь командиру «Искателя». Таких значков изготовлено всего три, и рассчитаны они на такой жестокий случай. Карт-бланш на спецрейс возьмешь в сейфе, в рубке крейсера, шифр замка на оборотной стороне значка. Надо успеть на Тритон и остановить взрыв. Делай что хочешь, но успе! И вернись живым!

Филипп взял значок, преодолевая себя, поднялся с земли, сморщился: блокада воли прошла, и ушиб спины давал о себе знать дергающейся занозой боли.

— Что? — встревожился начальник отдела.

— Спина... ушибся, кажется. Справлюсь.

Филипп шагнул к пинассу Керри, оглянулся на догорающий костер и остановился. Лицо его отразило душевную муку. Керри Йос понял.

— Не беспокойся за нее, сынок, «скорая» на подлете. Все будет хорошо. Удачи тебе! И всем нам тоже.

Филипп поцеловал Аларiku и побежал к машине, припадая на ногу, неловко придерживая локтем бок, кусая губы. Но по мере приближения к машине бег его становился все более свободным, движения целеустремленными, и в кабину он уже запрыгнул, как будто полный сил и ловкости.

Начальник отдела подождал, пока он улетит, подошел к Аларике. Женщина дышала с трудом, на губах ее при каждом вздохе пузырилась кровавая пена. Керри нахмурился, посмотрел на видео: с момента катастрофы прошло шесть минут, «скорая» запаздывала. Он нагнулся, поднес ладони рук к груди Аларики, застыл так, полузакрыв глаза. Потом перенес руки к ее голове и снова замер. Лицо Аларики заметно порозовело, разгладилось, кровь на губах исчезла. Она вздохнула с тихим стоном, повернула голову набок...

Керри Йос вытер со лба выступивший пот, разгладил посеревшее лицо ладонями, руки его дрожали. «Постарел, — подумал он как о чем-то само собой разумеющемся. — Раньше биоперенос я выдерживал легко...»

Над головой послышался короткий вой «скорой», вспыхнул свет, и рядом опустился бело-красный галион медслужбы. Из кабины выпрыгнули врачи «скорой помощи», двое мужчин и женщина. Керри помог им перенести Аларiku в саркофаг реаниматора, но лететь отказался. Галион умчался, но следом прилетели две машины инспекции, и начальнику отдела пришлось рассказывать, что случилось.

Через четверть часа он освободился наконец, пешком направился к белому столбу лифта в сотне метров через кусты орешника и мокрую, по пояс, траву. Мысленным взором он видел, как стартует с полигона крейсер УАСС «Искатель», беря курс на Нептун, как тысячи, десятки тысяч людей готовятся по первому зову броситься на помощь, и грустная

улыбка появилась на губах Керри Йоса.

«Тяжело тебе придется, парень, — подумал он. — Наблюдатель не оставит тебя в покое и когда-нибудь выйдет навстречу... когда я уже не смогу подстраховать тебя, как сегодня. Слишком много ты знаешь. Единственное, чего ты еще не понял, что Наблюдатель живет впереди, в будущем, только так можно объяснить все происшедшее с момента появления „зеркальных перевертышей“. Дай Бог, чтобы ты не ошибся, остался спортсменом и человеком...»

Керри Йос вдруг остановился.

Навстречу из-за кустов вышел молодой человек в костюме техника ремонтного сектора УАСС. Керри узнал в нем парня, который «ремонтничал» когда-то пульт в его кабинете.

— Доброе утро, — слегка поклонился он. — Кажется, пришла моя очередь? Богданов, Травицкий, теперь я...

«Техник» покачал головой.

— Все обстоит несколько иначе, чем вы думаете. Богданова мы не убивали, а Кирилл Травицкий... если бы он догадался вызвать нас — был бы жив.

— Почему же вы убили его?

— Мы не хотели убивать, хотели только остановить, но он рассчитал все слишком вплотную к порогу контроля. Он был прав, как прав и Филипп Ромашин: при возбуждении высших частот ТФ-поля возможен спонтанный фазовый переход вакуума и, как следствие, рождение новой Вселенной с уничтожением старой. Травицкий решил формулу Ромашина до границ ее полного применения и высчитал тот диапазон частот, на котором ТФ-метрика наиболее неустойчива. Один толчок и...

— Понятно. Кто вы?

— Если речь обо мне лично, то я интеллект-автомат — через несколько лет будут говорить: интелмат. Так вот я — интелмат с конечной целью, в мои функции входит и связь с вами. А если вы о тех, кто меня создал и послал...

— Наблюдатель.

— Наблюдателя как такового не существует, есть прошлое, настоящее и будущее, так вот мои хозяева и друзья — будущее. Вернее, существа, которых можно назвать вашими потомками. Вселенная родилась около двенадцати миллиардов лет назад и пока еще расширяется, через сто миллиардов лет она начнет сжиматься, придет фаза фиолетового смещения, а так как потомки за этот кажущийся гигантским промежутком времени не сумели найти способ уберечь Вселенную от гибели в черной дыре, они решили повернуть время вспять. То есть у них от конца эры расширения до начала снова остается сто с лишним миллиардов лет, и они надеются, что этого хватит для решения задачи сохранения Мироздания и себя самих.

Керри почесал лоб. Собеседник сочувственно кивнул.

— Сложно?

— Не вижу связи...

— Закончу. Итак, мы повернули во времени и пошли назад, но поскольку мы реализовали не прямо идущие обратные процессы типа «старые начинают молодеть», «звезды начинают не излучать, а поглощать энергию», то можем вмешиваться в дела прашуров, способных в неведении запросто перевернуть мир и уничтожить все — и прошлое, и настоящее, и будущее. И все мы хотим, чтобы Вселенная, в которой мы живем, уцелела. Как и другие вселенные с уникальными наборами свойств, позволивших родиться разумной жизни, наша Вселенная не менее уникальна, но ее так просто уничтожить!

Помолчали. Потом посланец будущего вполне натурально вздохнул.

— Я мог бы и не открываться вам, потому что верю — вы поняли все и без прямого контакта, но еще долго люди будут ошибаться, тяжело и больно, пока не научатся вовремя останавливать свое любопытство, порой жестокое и злое. Прощайте.

Молодой человек превратился в облачко света, потом в плоское «зеркало»: на Керри Йоса глянул из зеркала он сам. А затем его отражение вдруг подмигнуло ему и исчезло.

«Зеркало» свернулось в световую нить, ушло в зенит.

Керри Йос, прищурясь, посмотрел в ночное небо Земли.

«Прощайте, — сказал он мысленно. — Надеюсь, пути наши больше не пересекутся. Прошлое и будущее не должны пересекаться в местах, не предусмотренных природой, кроме точки настоящего, где одно вытекает из другого, остальное — схоластика. Может быть, мир устроен гораздо сложнее, и мои внуки и правнуки жили и умерли задолго до того, как родился я? Иначе откуда иногда всплывает ощущение, что все это уже было со мной в иные времена?»

— Да, это так, — раздался ниоткуда, из воздуха или прямо в голове, чей-то негромкий голос. — Время — не кольцо и не спираль, а тем более не прямая линия, время — гораздо более сложная фигура, и все живущие в нем соединены незримой цепью бытия. Цель жизни не есть человек, нет, цель жизни есть Вселенная. Вы поймете это и без особого контроля.

Голос уплыл из сознания, потерялся в шумах звездного ветра, да и не голос это был — тень будущего. Керри постоял еще немного и двинулся к шатру света, зорко глядя под ноги, думая о людях, своих предках и современниках, о тех, кто борется и живет в пространстве непокоя и нуждается только в одном виде контроля — контроля совести и доброты.